

Министерство науки и высшего образования
Российской Федерации
Институт Китая и современной Азии
Российской академии наук

КИТАЙ В МИРОВОЙ И РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ

ИСТОРИЯ
И СОВРЕМЕННОСТЬ

Выпуск XXIX
Ежегодное периодическое издание

Москва
ИКСА РАН
2024

УДК 327(510)(082)
ББК 66.4(5Кит)я4
К45

Рецензенты выпуска:

Дацышен Владимир Григорьевич — доктор исторических наук, профессор кафедры истории России, мировых и региональных цивилизаций Сибирского федерального университета;

Мамаева Наталья Леонидовна — доктор исторических наук, руководитель Центра новейшей истории Китая и его отношений с Россией Института Китая и современной Азии Российской академии наук

К45 Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Выпуск XXIX : ежегодное периодическое издание / сост., отв. ред. Е.И. Сафронова / Ин-т Китая и совр. Азии Рос. акад. наук. — М.: ИККА РАН, 2024. — 390 с.

ISBN 978-5-8381-0478-6

ISSN 2618-6888 (print)

ISSN 2949-0774 (online)

DOI 10.48647/ICCA.2024.34.56.001

XXIX выпуск журнала/сборника научных статей «Китай в мировой и региональной политике. История и современность», уже почти 30 лет издающегося Институтом Дальнего Востока/Институтом Китая и современной Азии РАН, продолжает рассмотрение актуальных вопросов международной политики КНР, российско-китайских отношений, внешнеэкономического курса современного Китая и истории российско-китайских связей.

В выпуск этого года включена новая рубрика — *In memoriam*, посвященная 90-летию выдающегося ученого-государственника академика М.Л. Титаренко.

Особенностью книги стал углубленный анализ значимых направлений российско-китайского партнерства, среди которых: сотрудничество в сфере безопасности в Восточной Евразии, позиции двух стран по вопросу «мирного прохода» в мировом судорождении, новые стратегические инициативы Китая по интеграции пространства Большой Центральной Азии, роль обществ дружбы в гуманитарных отношениях.

Ряд статей посвящен в том числе особенностям современной китайской дипломатии, периодизации внешней политики КНР и ее инициативам в сфере глобального управления.

Еще одной ключевой темой стала текущая эволюция инициативы «Пояс и путь», включая ее успехи в странах АСЕАН (в 2021—2023 гг.). Среди новых тем и проблема создания Азиатского валютного фонда и возможная роль в этом КНР.

Целый ряд работ посвящен страновым направлениям китайской внешней политики, в частности диалогу с США, закавказскими республиками, Узбекистаном, Афганистаном и отношениям в треугольниках США—КНР—Южная Корея и Пакистан—Китай—США.

Примечателен экономический раздел выпуска, в котором рассматривается сотрудничество КНР области транспорта со странами Ближнего Востока, экономическое влияние КНР в Южной Азии, воздействие на Китай кризиса в Красном море, российско-китайская трансграничная торговля. Выпуск также содержит статью об экологической стратегии КНР и работу на редкую тему из истории российско-китайских связей.

Ключевые слова: Китай, Россия, внешняя политика КНР, российско-китайское стратегическое партнерство, Евразия, США, Тайвань, внешнеэкономические связи, китайская дипломатия.

УДК 327(510)(082)
ББК 66.4(5Кит)я4

ISBN 978-5-8381-0478-6

© Сафронова Е.И., составление, 2024
© ИККА РАН, 2024
© Коллектив авторов, 2024

Редакционная коллегия: д.н., проф. **Алка Ачарья** (Индия); д.филол.н., проф. **К.В. Бабаев**; к.и.н. **Н.А. Замараева**; д.полит.н., проф. РАН **Я.В. Лексютина**; д.ю.н., проф. **Ли Юнхуэй** (КНР); д.и.н., проф. РАН **А.В. Ломанов**; д.и.н., проф. **С.И. Лунев**; д.э.н., доц. **В.М. Мазырин**; академик РАН, д.э.н. **В.В. Михеев**; к.э.н., проф. **Арильд Му** (Норвегия); д.полит.н. **В.Е. Петровский**; к.э.н. **Е.И. Сафронова** (отв. ред.-сост.); д.н., проф. **Шаида Уизарат** (Пакистан); к.и.н. **С.В. Уянаев**.

Ежегодное издание сборник научных статей (журнал) «Китай в мировой и региональной политике. История и современность» (ISSN: 2618-6888 (print); ISSN: 2949-0774 (online) выходит с середины 1990-х годов. Тематика журнала охватывает целый ряд сфер, относящихся к исследованию международных отношений КНР, российско-китайского стратегического партнерства, внешнеэкономической политики Китая и истории его международных связей.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС 77-83070 от 11.04.2022 (печатное).

Свидетельство о регистрации СМИ ЭЛ № ФС 77-84000 от 30.09.2022 (электронное).

Отрасли науки (разделы рубрикатора ГРНТИ):

03.00.00 История. Исторические науки

06.51.00 Мировое хозяйство. Международные экономические отношения

11.25.91 Теория и практика международных отношений, внешняя политика и дипломатия отдельных стран

Статьи рецензируются, им присваивается DOI.

Входит в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) и в Научную электронную библиотеку «КиберЛенинка».

Тел.: +7 (499) 124 00 02

Адрес: Москва 117997, Нахимовский пр-т, 32. ИКСА РАН

E-mail: kitvmir@yandex.ru

Статьи отражают авторскую точку зрения, не обязательно совпадающую с мнением издателя. Ответственность за достоверность опубликованных сведений несут авторы.

Ministry of Science and Higher Education
of the Russian Federation

Institute of China and Contemporary Asia
Russian Academy of Sciences

**CHINA
IN WORLD
AND REGIONAL
POLITICS**

**HISTORY
AND MODERNITY**

Issue XXIX

Moscow
ICCA RAS
2024

China in World and Regional Politics (History and Modernity). Issue XXVIII /Exec. Editor — Elena I.SAFRONOVA. Moscow: Institute of China and Contemporary Asia, Russian Academy of Sciences (ICCA RAS), 2024.

XXIX issue of the journal/collection of scientific articles “China in world and regional politics. History and Modernity,” published by the Institute of China and Modern Asia for 28 years, continues to examine current issues of international politics of the PRC, Russian-Chinese relations, the foreign economic course of modern China and the history of Russian-Chinese ties.

This year’s issue includes a new section — *In memoriam*, dedicated to the 90th anniversary of the outstanding scientist and statesman Academician M.L. Titarenko.

A special feature of the book is an in-depth analysis of significant areas of the Russian-Chinese partnership, including: cooperation in the field of security in Eastern Eurasia, the stances of the two countries on the issue of “innocent passage” in world shipping, new strategic initiatives of China to integrate the space of Greater Central Asia, the role of friendship societies in humanitarian relations.

A number of articles are devoted, inter alia, to the features of modern Chinese diplomacy, the periodization of the PRC’s foreign policy and its initiatives in the field of global governance.

Another key topic was the ongoing evolution of the Belt and Road Initiative, including its progress in ASEAN countries (2021—2023). Among the new topics is the problem of establishing an Asian Monetary Fund and the possible role of China in this.

A whole series of works are devoted to country-specific areas of Chinese foreign policy, in particular, dialogue with the United States, the Transcaucasian republics, Uzbekistan, Afghanistan and relations in the triangles “US-China-South Korea” and “Pakistan-China-USA”.

The economic section of the issue is noteworthy, though it examines the cooperation of the PRC in the field of transport with the countries of the Middle East, the economic influence of the PRC in South Asia, the impact of the crisis in the Red Sea on China, and Russian-Chinese cross-border trade. The issue also contains an article on the environmental strategy of the PRC and a work on a rare topic from the history of Russian-Chinese ties.

Keywords: China, Russia, foreign policy of the PRC, Russian-Chinese strategic partnership, Eurasia, USA, Taiwan, foreign economic relations, Chinese diplomacy.

China in World and Regional Politics. History and Modernity

Founder and Publisher: Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences (ICCA RAS).

This periodical edition/journal (ISSN: 2618-6888 (print); ISSN: 2949-0774 (online)) is a peer-reviewed analytical yearbook (collection of research articles) published by the Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences (ICCA RAS) since 1996. It provides a solid platform for academics, public figures and practitioners to share their knowledge and assessments of China's international relations, foreign economic activities and diplomatic history.

All articles are assigned Digital Object Identifier (DOI).

The periodical is included in Russian Scientific Digital Library “eLibrary” and Russian Science Citation Index: https://elibrary.ru/title_about.asp?id=50496

It is also included in the Russian Scientific Digital Library “CyberLeninka.ru»: <https://cyberleninka.ru/journal/n/kitay-v-mirovoy-i-regionalnoy-politike-istoriya-i-sovremennost>

Editorial Board. Alexander V. LOMANOV — Professor of the RAS, Dr. Sc. (History); Alka ACHARYA (India) — Professor; Arild MOE (Norway) — Research Professor; Elena I. SAFRONOVA — Ph.D. (Economics) (Executive Editor, Compiler); Kirill V. BABAEV — Dr. Sc. (Philology), Professor; Natalia A. ZAMARAIEVA — Ph.D. (History); Sergey I. LOUNEV — Dr. Sc. (History), Professor; Sergey V. UYANAIEV — Ph.D. (History); Shahida WIZARAT (Pakistan) — Dr., Professor; Vasily V. MIKHEEV — Academician of the RAS, Dr. Sc. (Economics); Vladimir M. MAZYRIN — Dr. Sc. (Economics), Associate Professor; Vladimir Ye. PETROVSKY — Dr. Sc. (Political Science); Yana V. LEKSYUTINA — Professor of the RAS, Dr. Sc. (Political Science); Yonghui LI (LI Yonghui) — Dr. Sc. (Law), Professor.

Branch of science (in the Russian Federation):

03.00.00 History. Historical Science

06.51.00 World Economy. International Economic Relations

11.25.91 Theory and Practices of International Relations,

Foreign Policy and Diplomacy of Individual Countries

Contacts. Russian Federation, Moscow, 117997; 32, Nakhimovskiy prospect.
Tel. +7 (499) 124-00-02; E-mail: kitvmir@yandex.ru

The authors' opinion may not coincide with the Publisher's point of view. Authors are responsible for the accuracy of their information.

*75-летию установления
дипломатических отношений
между СССР/РФ и КНР
посвящается*

Содержание

К 75-ЛЕТИЮ ОБЩЕСТВА КИТАЙСКО-СОВЕТСКОЙ ДРУЖБЫ

Куликова Г.В.

Созданное вместе с Китайской Народной Республикой 14

IN MEMORIAM

Уянаев С.В., Сафронова Е.И.

Патриот, ученый, дипломат: к 90-летию академика М.Л. Титаренко 32

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ КНР. РОССИЙСКО-КИТАЙСКОЕ СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПАРТНЕРСТВО

Клименко А.Ф.

Россия и Китай: к новому миропорядку
(к вопросу о безопасности в Восточной Евразии) 48

Петровский В.Е.

Россия, Китай и «право мирного прохода» в мировом судоходстве:
международно-политические и международно-правовые аспекты 65

Матвеев В.А.

Новые стратегические инициативы Китая по интеграции
пространства Большой Центральной Азии 78

Лексютина Я.В.

Дипломатия принимающей стороны Китая: концепция и практика 89

Верченко А.Л.

Культурная концепция Си Цзиньпина: для Китая и мира 104

<i>Портяков В.Я.</i>	
К вопросу о периодизации внешней политики КНР	123
<i>Виноградов А.О., Данилюк С.А.</i>	
Эволюция инициативы «Пояс и путь» (2021—2023)	136
<i>Виноградов И.С.</i>	
Инициатива «Пояс и путь» в странах АСЕАН: особенности и успехи реализации	154
<i>Wizarat, Shahida</i>	
Asia Looks Towards China for the Establishment of the Asian Monetary Fund (Уизарат Ш. Создание Азиатского валютного фонда: Азия устремляет взгляд на Китай)	172
<i>Морозов Ю.В.</i>	
Тайвань как яблоко раздора во взаимоотношениях КНР и США	186
<i>Замараева Н.А.</i>	
Пакистан и американо-китайское противостояние	203
<i>Махмутова Е.В.</i>	
Роль Китая в современной внешней политике Узбекистана	222
<i>Мамахатов Т.М.</i>	
Текущее состояние сотрудничества КНР с Афганистаном и его значение для ШОС	232
<i>Асмолов К.В.</i>	
Проблема северокорейских перебежчиков и иные аспекты давления на Китай в отношениях США—КНР—Южная Корея	241
<i>Мокрецкий А.Ч.</i>	
Отношения Китая с закавказскими республиками с 2020 г. и по настоящее время	259
<i>Виноградов А.О., Долгополов К.А.</i>	
Экологическая стратегия КНР: внутривалитетические и внешнеполитические аспекты	278
<i>Меркулов К.К.</i>	
О новых инициативах КНР в сфере глобального управления (осень 2023 г.)	299

ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА КНР

Сазонов С.Л., Фу Яньцзе

Кризис на Красном море: влияние на Китай, мировую торговлю и судоходство	313
---	-----

Сазонов С.Л., Ли Фэн, Ван Цзинвэй

Сотрудничество Китая и стран Ближнего и Среднего Востока
в области транспорта 325

Stanojevic N.

China's economic influence in South Asia: a case study of Sri Lanka
(*Станоевич Н.* Экономическое влияние Китая в Южной Азии
(на примере Шри Ланки) 340

Александрова М.В.

Роль России во внешней торговле провинции Цзилинь
в ковидный и постковидный периоды 355

ИСТОРИЯ РОССИЙСКО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Саркисова Г.И.

«Журнальные секретные записки» пристава В.К. Игумнова
о событиях в жизни Цинской империи конца XVIII в. 373

Contents

ON THE 75TH ANNIVERSARY OF THE SINO-SOVIET FRIENDSHIP SOCIETY

Kulikova G.V.

Created together with the People's Republic of China 14

IN MEMORIAM

Uyanaev S.V., Safronova E.I.

Patriot, scientist, diplomat: on the 90th anniversary of Academician
M.L. Titarenko 32

INTERNATIONAL RELATIONS OF THE PRC. RUSSIAN-CHINESE STRATEGIC PARTNERSHIP

Klimenko A.F.

Russia and China: towards a new world order
(on the security issue in the Eastern Eurasia) 48

Petrovsky V.Ye.

Russia, China and innocent passage in the world navigation:
International political and legal aspects (the cases of the South China
Sea and the Northern Sea Route) 65

Matveev V.A.

New strategic initiatives of China to integrate the Greater
Central Asian space 78

Leksutina Ya.V.

China's host diplomacy: concept and practice 89

Verchenko A.L.

Xi Jinping's cultural concept: for China and the world 104

<i>Portyakov V.Ya.</i> On the periodization of China's foreign policy	123
<i>Vinogradov A.O., Danilyuk S.A.</i> Evolution of the Belt and Road Initiative (2021—2023)	136
<i>Vinogradov I.S.</i> The Belt and Road Initiative in ASEAN countries: features and advantages	154
<i>Wizarat, Shahida.</i> Asia looks towards China for the establishment of the Asian Monetary Fund	172
<i>Morozov Yu.V.</i> Taiwan as a bone of contention in relations between China and the USA	186
<i>Zamaraeva N.A.</i> Pakistan and the US-China confrontation	203
<i>Makhmutova E.V.</i> The role of China in current Uzbekistan foreign policy	222
<i>Mamahatov T.M.</i> Current state of cooperation between China and Afghanistan and its significance for the SCO	232
<i>Asmolov K.V.</i> The issue of North Korean defectors and other aspects of pressure on China in U.S.-PRC-South Korea relations	241
<i>Mokretskii A.Ch.</i> China's relations with the Transcaucasian republics since 2020	259
<i>Vinogradov A.O., Dolgoplov K.A.</i> Environmental strategy of the PRC: domestic and foreign policy aspects	278
<i>Merkulov K.K.</i> On China's new initiatives in the sphere of global governance (as of autumn 2023)	299

FOREIGN ECONOMIC POLICY OF THE PRC

<i>Sazonov S.L., Fu Yanjie.</i> Crisis in the Red Sea: impact on China, world trade, shipping and navigation	313
<i>Sazonov S.L., Li Feng, Wang Jingwei</i> Cooperation between China and the countries of the Middle East in the field of transport	325

Stanojevic N.

China's economic influence in South Asia: a case study of Sri Lanka 340

Aleksandrova M.V.

Role of Russia in foreign trade of Jilin during the COVID
and post-COVID periods 355

HISTORY OF RUSSIAN-CHINESE RELATIONS

Sarkisova G.I.

“Journal secret notes” of the bailiff V.K. Igumnov about events in the life
of the Qing Empire at the end of the XVIIIth century 373

К 75-ЛЕТИЮ ОБЩЕСТВА КИТАЙСКО-СОВЕТСКОЙ ДРУЖБЫ

DOI: 10.48647/ICCA.2024.19.94.002

Г.В. Куликова

СОЗДАННОЕ ВМЕСТЕ С КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКОЙ¹

Аннотация. В 2024 г. исполняется 75 лет со дня провозглашения Китайской Народной Республики, 75 лет со дня установления российско-китайских дипломатических отношений и 75-летия годовщина создания Общества китайско-советской дружбы — первого в Китае общества дружбы с народами зарубежных стран.

Создание в Пекине на четвертый день после провозглашения КНР Общества китайско-советской дружбы (ОКСД) явилось подтверждением признания молодой республикой большой роли Советского Союза в оказании помощи китайскому народу в борьбе против внутренней реакции, японской агрессии и в победе народной революции.

В статье рассказывается о том большом внимании, которое оказывали руководители КНР учреждению и деятельности впервые созданной в Китае организации, целью которой было укрепление и развитие дружественных отношений между КНР и Советским Союзом.

¹ Данная работа подготовлена на базе главы «Общества дружбы» в фундаментальном труде «История Китая с древнейших времен до начала XXI века»: в 10 томах (Том VIII, С. 620—254), изданном в 2017 г. Институтом Дальнего Востока РАН (ныне — Институт Китая и современной Азии).

Редакция благодарит Г.В. Куликову за возможность переиздать текст главы, любезно переданный нам автором.

Уже в первое десятилетие своей деятельности ОКСД превратилось в массовую всенародную организацию, отделения которой были созданы во всех провинциях, автономных районах и городах Китая. Общество, благодаря активной поддержке КПК и правительства страны, превратилось в центр популяризации в Китае Советского Союза, его опыта экономического, научно-технического и культурного строительства, распространению в Китае русского языка. Важным стимулом для оказания содействия деятельности Общества китайско-советской дружбы стало создание в Москве 29 октября 1957 г. Общества советско-китайской дружбы — также первого в нашей стране общества дружбы с народами зарубежных стран.

В течение первых 10 лет после своего создания Общество советско-китайской дружбы в большой степени содействовало сближению народов наших стран, укреплению дружественных отношений между Китаем и Советским Союзом. Подписанное в Москве 12 ноября 1959 г. Соглашение о сотрудничестве между Союзом советских обществ дружбы и культурных связей с зарубежными странами, Обществом советско-китайской дружбы и Обществом китайско-советской дружбы предоставляло большие возможности для дальнейшего укрепления и всестороннего развития взаимопонимания, дружбы и сотрудничества между народами Советского Союза и Китая.

Настоящая статья посвящена рассказу о первом десятилетии работы Общества китайско-советской дружбы, столь плодотворному и значимому в деле укрепления дружбы и сотрудничества между нашими двумя народами.

Ключевые слова: Общество советско-китайской дружбы, Общество китайско-советской дружбы, Всекитайское совещание, Великая Октябрьская социалистическая революция, Договор о дружбе, союзе и взаимопомощи между СССР и КНР, кампания солидарности, Союз советских обществ дружбы и культурных связей с зарубежными странами (ССОД), Всесоюзное общество культурных связей с границей (ВОКС).

Автор: Куликова Галина Вениаминовна, старший научный сотрудник Центра «Россия, Китай, мир» Института Китая и современной Азии Российской академии наук (ИКСА РАН) (адрес: 117997, Москва, Нахимовский пр-т, 32)., почетный доктор ИКСА РАН, первый заместитель председателя Общества российско-китайской дружбы, заслуженный работник культуры РФ. E-mail: orkd@iccaras.ru

G.V. Kulikova

Established jointly with the People's Republic of China

Abstract. 2024 marks the 75th anniversary of the founding of the People's Republic of China, the 75th anniversary of the establishment of Rus-

sian-Chinese diplomatic relations, and the 75th anniversary of the establishment of the China-USSR/Russia Friendship Society, China's first society for friendship with the peoples of foreign countries.

The establishment of the Sino-Russian Friendship Society in Beijing on the fourth day after the proclamation of the People's Republic of China was a confirmation of the young Republic's recognition of the great role of the Soviet Union in helping the Chinese people in the struggle against internal reaction, Japanese aggression and the victory of the people's revolution.

The article describes how much attention the leaders of the People's Republic of China paid to the creation and activities of the organization created for the first time in China, the purpose of which was to strengthen and develop friendly relations between the PRC and the Soviet Union.

Even in the first decade after its establishment, the Sino-Soviet Friendship Society became a mass national organization, with branches established in all provinces, autonomous regions and cities of the country. Thanks to the active support of the CPC and the government of the country, the society turned into a center for the popularization of the Soviet Union in China, its experience in economic, scientific, technical and cultural construction, and the spread of the Russian language in China. An important impetus for promoting the activities of the Sino-Soviet Friendship Society was the establishment of the Soviet-Chinese Friendship Society in Moscow on October 29, 1957, which was also the first society of friendship with the peoples of foreign countries in our country.

During the first decade after its establishment, the Sino-Soviet Friendship Society greatly contributed to the rapprochement of the peoples of our countries and the strengthening of friendly relations between China and the Soviet Union. The Agreement on Cooperation between the Union of Soviet Societies for Friendship and Cultural Relations with Foreign Countries, the Soviet-Chinese Friendship Society and the Sino-Soviet Friendship Society, signed in Moscow on November 12, 1959, provided great opportunities for the further strengthening and comprehensive development of mutual understanding, friendship and cooperation between the peoples of the Soviet Union and China.

This article is devoted to the story of the first decade of the work of the Sino-Soviet/Russian Friendship Society, which was so fruitful and significant in strengthening friendship and cooperation between our two peoples.

Keywords: Soviet-Chinese Friendship Society, Sino-Soviet Friendship Society, All-China Conference, Great October Socialist Revolution, Treaty of Friendship, Alliance and Mutual Assistance between the USSR and the People's Republic of China, solidarity campaign, Union of Soviet Societies of Friendship and Cultural Relations with Foreign Countries, All-Union Society for Cultural Relations with Foreign Countries.

Author: Galina V. KULIKOVA, Senior Research Fellow, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences (ICCA RAS (address: 32, Nakhimovskiy Ave., Moscow, 117997, Russian Federation).), Honorary Doctor of the ICCA RAS, Vice-Chairman of the Russian-Chinese Friendship Society, Distinguished Cultural Worker of the Russian Federation. E-mail: orkd@iccaras.ru

Закончилась победой Коммунистической партии Китая гражданская война с Гоминьданом. В стране началась подготовка к созданию государственных органов народной власти.

В июне 1949 г. состоялось первое пленарное заседание Комитета по подготовке к созыву Народного политического консультативного совета Китая (НПКСК) — высшего органа Единого народно-демократического фронта, которому предстояло взять на себя роль учредительного собрания. Комитет избрал Всекитайский комитет НПКСК во главе с Мао Цзэдуном. 21 сентября в Бэйпине (ныне — Пекин) в зале Хуайжэньтан дворцового комплекса Чжуннаньхай открылась 1-я сессия НПКСК, на которой было принято решение об организации Центрального народного правительства КНР во главе с Мао Цзэдуном.

Еще до проведения 21 сентября 1949 г. 1-й сессии НПКСК в бывшем здании японского посольства 16 июля 1949 г. по инициативе 698 представителей демократических партий и общественных организаций состоялся массовый митинг, на котором было объявлено о создании подготовительного комитета Общества китайско-советской дружбы.

Среди организаторов его создания были: Лю Шаоци, Чжоу Эньлай, Чжу Дэ, Сун Цинлин, Дун Биу, Го Можо, а также лидеры демократических организаций: Ли Дэцюань, Ли Цзиншэнь, Мао Дунь.

На заседание был приглашен и генеральный консул СССР в Бэйпине С.Л. Тихвинский. С.Л. Тихвинскому запомнилось выступление маршала Чжу Дэ, который сказал: «Опыт 32 лет ясно показал, что великая социалистическая страна — Советский Союз является самым близким и надежным другом китайского народа... создаваемое Общество китайско-советской дружбы призвано развивать и укреплять глубокую дружбу между двумя великими странами, внедрять опыт СССР во все области строительства нового государства, распространять достижения советской науки и культуры среди народа» [Тихвинский С.Г., с. 81].

Собрание, прошедшее с большим подъемом, приняло приветственное послание руководителям советского правительства, текст ко-

того опубликовала 17 июля 1949 г. газета «Жэньминь жибао». «Отмечая с великой радостью победу китайской революции, мы не можем забыть того, как указывала путь и воодушевляла китайский народ Октябрьская революция в России... не можем забыть великого сочувствия и великой помощи, которые оказал Советский Союз национально-освободительному движению китайского народа. Эта помощь и богатый опыт социального строительства в СССР будут в руках китайского народа мощным оружием в деле построения Китая»¹.

5 октября 1949 г., на четвертый день после провозглашения КНР, в зале Хуайжэньтан дворцового комплекса Чжуннаньхай, где 21 сентября проходила 1-я сессия НПКСК с участием более 2500 делегатов, прибывших в Пекин со всех концов страны, состоялась учредительная конференция по созданию новой массовой организации — Общества китайско-советской дружбы (ОКСД). На конференцию были приглашены и приняли участие в ее работе С.Л. Тихвинский, Временный поверенный в делах СССР в КНР и находившаяся в Пекине делегация деятелей советской культуры во главе с председателем правления Союза писателей СССР А.А. Фадеевым и поэтом-фронтовиком, писателем и драматургом К.М. Симоновым.

Учредительную конференцию открыла председатель подготовительного комитета по созданию ОКСД Сун Цинлин. «Я счастлива, — сказала она, — что мы своими глазами видели, как блестяще, победоносно завершилась освободительная революция в Китае. Мы должны помнить завет Сунь Ятсена: “идти рука об руку с Советским Союзом”... Мы помним, — продолжала Сун Цинлин, — о дружбе Советского Союза. Только Советский Союз постоянно оставался нашим самым надежным, бескорыстным другом... Величайшим проявлением дружбы является исторический акт признания Китайской Народной Республики Советским Союзом на второй день после образования Китайской Народной Республики»².

На конференции с большой речью выступил секретарь ЦК КПК Лю Шаоци.

«Наша китайская революция, — сказал он, — смогла одержать теперешние победы только потому, что мы учились у Советского Союза. Советский Союз является бескорыстным и искренним другом китайского народа. Теперь в мире не существует силы, которая могла бы воспрепятствовать китайскому народу крепить дружбу с народами Советского Союза. Поэтому вслед за созданием Центрального народ-

¹ Материал ССОД, ОСКД. 1960 г. (личный архив автора).

² Там же.

ного правительства нашей страны нашей первой обязанностью является еще большее укрепление дружбы между Китаем и Советским Союзом и защита всеобщего мира»¹.

Конференция приняла Устав ОСКД, в котором говорилось: «Основными целями Общества являются развитие и укрепление дружественных отношений между Китаем и Советским Союзом; усиление культурных, экономических и других связей и сотрудничества между Китаем и Советским Союзом; ознакомление и изучение советского опыта государственного, экономического и культурного строительства и достижений Советского Союза в области науки и техники; укрепление тесной сплоченности народов Китая и Советского Союза в их общей борьбе за прочный мир во всем мире»².

Член Политбюро, секретарь ЦК КПК Лю Шаоци был избран первым председателем Общества, его заместителями стали Сун Цинлин, У Юйчжан (член ЦК КПК), Ли Цишэнь (председатель Революционного комитета Гоминьдана), Чжан Лань и Шэн Цзюньжу (лидеры Демократической лиги Китая), писатель и ученый Го Можо.

В состав Центрального правления вошло 199 видных представителей китайской общественности, демократических партий, общественных организаций и Народно-освободительной армии Китая (НОАК).

Генеральным секретарем правления Общества был избран Цянь Цзюньжуй — кандидат в члены ЦК КПК, заместитель министра культуры КНР. Его заместителями стали: Гэ Баоцюань — известный переводчик и популяризатор русской и советской литературы в Китае, бывший в дни установления дипломатических отношений между нашими странами Временным поверенным в делах КНР в СССР, и Сяо Сань — известный поэт и общественный деятель. На штатной работе в аппарате Общества в течение многих лет работали также Ли Чжану, Чжан Чжэн, Тао Чжэндун и другие известные ветераны китайской революции³.

Руководствуясь задачами, возложенными на него принятым Уставом, ОКСД скоро превратилось в центр пропаганды в Китае опыта советского социалистического строительства, в котором после длительных войн и разрухи так нуждался Китай, а также ознакомления китайской общественности с помощью, которую оказывал Совет-

¹ Материал ССОД, ОСКД. 1960 г. (личный архив автора).

² Там же.

³ Там же.

ский Союз Китаю в годы борьбы за независимость и создание новой жизни.

Устав ОКСД, принятый на учредительной конференции, предусматривал в созданном Обществе индивидуальное членство. Входящие в состав Общества ученые, деятели литературы и искусства, представители демократических партий, общественные деятели, командиры и бойцы НОАК, а также передовые представители рабочего класса стали проводить большую работу среди определенной части населения страны, подвергшейся длительной антисоветской пропаганде со стороны гоминьдановской власти.

На состоявшемся в октябре 1950 года I Всекитайском совещании Общества, проходившем под председательством Лю Шаоци, в докладе генерального секретаря Цянь Цзюньжуня была отмечена важная работа членов Общества по расширению знаний населения КНР о Советском Союзе и обращено внимание на необходимость дальнейшего развития работы по воспитанию населения страны в духе китайско-советской дружбы¹.

ОКСД стало решать эти задачи посредством проведения массовых кампаний, посвященных годовщинам Великой Октябрьской социалистической революции и Договора о дружбе, союзе и взаимной помощи, подписанного в Москве 14 февраля 1950 г.

В целях расширения пропагандистской деятельности использовались как приезжающие в Китай советские делегации и художественные коллективы, так и направляемые в Китай представители советской общественности.

Знаменательной вехой в деятельности ОКСД стал проведенный в 1952 г. Месячник китайско-советской дружбы, посвященный 35-й годовщине Великого Октября. Месячник вылился в мощное всенародное движение за укрепление дружбы с Советским Союзом. Созданное в 1951 г. Пекинское отделение ОКСД в дни Месячника привлекло более 20 тыс. докладчиков для выступлений в трудовых коллективах. Большую информационную деятельность в дни Месячника развернули также советские делегации, посетившие Китай по приглашению ОКСД: делегация деятелей советской культуры во главе с секретарем Союза писателей СССР, председателем советского комитета защиты мира Н.С. Тихоновым; делегация советских кинематографистов во главе с Р.Л. Карменом; Краснознаменный имени А.В. Александрова Ансамбль песни и пляски Советской Армии, давший в дни этой первой поездки в Китай 102 концерта, и др.

¹ Материал ССОД, ОКСД. 1960 г. (личный архив автора).

Мероприятия Месячника китайско-советской дружбы с успехом прошли в 26 крупных городах Китая.

В рамках Месячника в 67 крупных городах страны прошел первый фестиваль советских фильмов, в ходе которого более 100 млн зрителей смогли ознакомиться с лучшими кинофильмами, созданными в нашей стране.

Всего, по сообщению журнала «Дружба», различными мероприятиями Месячника было охвачено более 402 млн человек¹.

Месячник советско-китайской дружбы значительно содействовал росту авторитета ОКСД среди населения. Множилось количество его членов, стали создаваться первичные организации. Отделения Общества возникли во всех провинциях, автономных районах и городах страны. Общество располагало более чем двухтысячным штатным аппаратом и хорошей издательской базой. Издавалась популярная газета «Китайско-советская дружба», выходявшая трижды в месяц тиражом 200 тыс. экземпляров. Помимо газет Общество издавало книги и брошюры о Советском Союзе. В деятельности Общества советско-китайской дружбы активно практиковалась устная пропаганда. В 28 провинциях и городах страны были развернуты фотовыставки о жизни Советского Союза. В Пекине фотовыставки были организованы на улице Ванфуцзин, в районе Тяньцао и городских парках².

Большой интерес китайского народа к жизни Советского Союза после провозглашения КНР проявился в большом желании к изучению русского языка.

К 1952 г. в 19 провинциях и административных районах страны ОКСД создало более 100 вечерних школ русского языка. По инициативе Общества было организовано преподавание русского языка по радио.

В декабре 1953 г. ОКСД провело I Всекитайское совещание по вопросам изучения русского языка. По словам Ли Минбиня, известного китайского русиста, исследователя и переводчика русской и советской литературы, почетного доктора Института Дальнего Востока (ныне Института Китая и современной Азии РАН), в первые годы после образования КНР в стране наблюдалось настоящее «половодье» русского языка. За первые два года открылось 12 институтов русского языка, насчитывавших 5 тыс. студентов. В 1952 г. в 57 вузах страны были созданы отделения или курсы русского языка, на которых обучалось более 10 тыс. человек. Русский язык преподавался во всех

¹ Материал ССОД, ОСКД. 1960 г. (личный архив автора).

² Там же.

средних школах Северо-Восточного Китая и 59 средних школах Пекина [Ли Минбинь, с. 111].

В период 1949—1952 г. Китай в основном завершил восстановление народного хозяйства и создал базу для перехода к плановому строительству. В 1953 г. КНР приступила к выполнению 1-го пятилетнего плана развития народного хозяйства. Лозунг «Учиться у СССР» стал в то время одним из основных в программе строительства социализма в КНР.

В апреле 1953 г. в Пекине прошло Всекитайское совещание, на котором было принято решение о переходе от индивидуального к коллективному членству в Обществе китайско-советской дружбы. В Общество в качестве коллективных членов вступили все демократические партии, народные организации и НОАК. ОКСД, таким образом, получило возможность использовать в своей работе широкий пропагандистский аппарат других организаций страны.

28—29 декабря 1954 г. в Пекине состоялась II Всекитайская конференция ОКСД, в работе которой приняли участие все члены Центрального правления, делегаты местных отделений и представители политических партий и общественных организаций — коллективных членов Общества.

Открывая конференцию, Сун Цинлин обратилась к делегатам с призывом «как зеницу ока хранить дружбу с советским народом, всячески защищать, оберегать и усиливать ее» (Цит. по: [Куликова Г.В., с. 623]). С отчетным докладом на конференции выступал Цянь Цзюньжуй — генеральный секретарь ОКСД. Конференция подвела итоги работы Общества и определила его задачи на предстоящий период: продолжать расширение и укрепление китайско-советской дружбы, усиливать движение за учебу у СССР, активизировать работу по ознакомлению советского народа с жизнью КНР.

II Всекитайская конференция ОКСД приняла новый Устав Общества и избрала Центральное правление. Председателем Общества стала заместитель председателя КНР Сун Цинлин, а ее заместителями — Линь Боцуй (член Политбюро ЦК КПК); Линь Бяо (член Политбюро ЦК КПК); Го Можо (президент АН КНР); Чжань Лань (председатель Демократической Лиги); У Юйчжан (член ЦК КПК); Уланьфу (член Политбюро ЦК КПК); Лю Нинъи (член ЦК КПК); Ляо Чэнчжи (член ЦК КПК); Ли Дэцюань (министр здравоохранения КНР); Ли Сыгун (ученый-геолог); Шэнь Яньбин (министр культуры КНР). Генеральным секретарем вновь стал Цянь Цзюньжуй¹.

¹ Многообразная деятельность // Дружба. 1959. № 3. С.13.

После проведения II Всекитайской конференции ОКСД по-прежнему считало своей первоочередной задачей пропаганду и изучение передового советского опыта в области экономического, научно-технического и культурного строительства.

Большую помощь в решении этих задач Обществу оказала и выставка достижений экономического и культурного строительства СССР, в период с октября 1954 г. по июнь 1956 г. с огромным успехом демонстрировавшаяся в Пекине, Шанхае, Гуанчжоу и Ухане. На выставке работало более 3800 высококвалифицированных советских специалистов, которые провели более 3000 бесед и докладов о различных сторонах экономического, научно-технического и культурного развития СССР. При выставке работало более 30 технических курсов, на которых занимались тысячи китайских рабочих, сельских труженников, представителей технической интеллигенции. Многие экспонаты этой выставки были подарены Советским Союзом соответствующим китайским учреждениям и организациям.

С 15 июня по 15 августа 1956 г. в Пекине демонстрировалась также научно-техническая выставка по мирному использованию атомной энергии¹.

В 20 крупных городах КНР, в том числе Пекине, Шанхае, Тяньцзине, Гуанчжоу, Сиане, Харбине, Шэньяне, Ухане, Чунцине Баотоу и др., были созданы Дома китайско-советской дружбы, являвшиеся центрами по проведению агитационной массовой работы среди населения.

В Домах китайско-советской дружбы, как правило, имелись кинозалы, выставочные залы, помещения для культурно-массовой работы, библиотеки и читальные залы.

В Домах демонстрировались советские кинофильмы, организовывались фотовыставки и выставки книг, проводились вечера, посвященные советским писателям и поэтам, устраивались встречи с советскими делегациями, посещающими Китай, и китайскими делегациями, посетившими Советский Союз.

Гао Ман — известный переводчик, знаток русской и советской литературы, художник, с которым я познакомилась, когда в июне 1959 г. он приезжал в нашу страну в составе делегации ОКСД во главе с Цао Цзинхуа — известным китайским русистом, деканом факультета русского языка и литературы ПГУ, позже рассказывал мне о том, что мало кто из пекинцев не знал расположенного рядом с площадью

¹ Материалы ССОД, ОСКД. 1960 г. (личный архив автора).

Тяньаньмэнь Дома культуры, работающего под руководством Пекинского отделения ОКСД.

Сюда приходили, чтобы послушать рассказ Сяо Саня о встречах с М. Горьким; пообщаться с блестящим знатоком советской и русской литературы Гэ Баоцюанем, с которым мне также выпала честь быть знакомой и лично общаться в дни моей работы в Посольстве СССР в Пекине.

Многие молодые пекинцы здесь впервые услышали о Павле Корчагине, Зое и Шуре Космодемьянских. В Доме культуры организовывались встречи с Р.П. Островской и Л.Т. Космодемьянской, посещавшими Китай по приглашению ОКСД.

Молодежи рассказывали о героях «Молодой гвардии», о подвигах советского народа в годы Великой Отечественной войны. В Доме культуры демонстрировалась выставка, посвященная 20-летию со дня смерти М. Горького, на которой были представлены произведения писателя и книги, посвященные его творчеству. В Доме культуры выступали известные советские писатели С.П. Бабаевский и В.К. Кетлинская, проводились вечера поэзии А.С. Пушкина, В. Маяковского, А. Суркова, М. Тихонова, М. Исаковского. Большой популярностью пользовались демонстрировавшиеся фильмы «Мать», «Педагогическая поэма», «Урок жизни», «Неоконченная повесть», «Анна Каренина» и т. д.

Только за период 1951—1958 гг. в пекинском Доме культуры было организовано более 900 кинопоказов, которые посетили более 1 млн человек. За семь лет было проведено более 200 концертов советской музыки, на которых побывали более 120 тыс. человек. При Доме культуры работала библиотека — читальня, в которой были собраны тысячи томов советской художественной литературы, а также советских и китайских периодических изданий¹.

Активной деятельности ОКСД в первые годы во многом способствовали связи и контакты со Всесоюзным обществом культурных связей с заграницей (ВОКС). ВОКС оказывало большую помощь ОКСД путем безвозмездного снабжения кинофильмами, фотовыставками, литературой.

В период 1949—1950 гг. ВОКС в качестве подарка направило ОКСД 10 агитавтобусов, специально оборудованных кино- и радиоаппаратурой. За два года эти агитмашины побывали в 25 провинциях, провели 2500 киносеансов, на которых присутствовали 18 млн зрителей. Было организовано 400 фотовыставок, которые посетили более

¹ II Конференция Пекинского отделения ОКСД // Дружба. 1959. № 3. С.15—27.

3 млн человек. Большую помощь в пропаганде достижений СССР оказала группа советских ученых, приглашенных в 1950 г. в Китай для чтения лекций. Членами этой группы было прочитано более 200 лекций, которые прослушали более 250 тыс. человек¹.

В 1956 г. в Москве состоялась встреча и переговоры Го Можо — заместителя председателя ОКСД, генерального секретаря Общества Цянь Цзюньжуя и заместителя генерального секретаря Сяо Саня с руководством ВОКС по вопросу активизации и более тесного взаимодействия в деятельности организаций².

В течение восьми лет ВОКС оставалось главным партнером ОКСД в делегационных обменах.

По приглашению ВОКС уже в 1949 г. на торжествах, посвященных 32-й годовщине Октября, нашу страну посетила делегация ОКСД во главе с Дин Лин — автором популярного в те годы романа «Солнце над рекой Сянгань». В 1951 г. в Советский Союз приезжала делегация ОКСД во главе с заместителем председателя ОКСД Шэнь Цзюньжу и Линь Боцюем, в состав которой вошли руководители и представители ряда местных отделений Общества.

Большое общественно-политическое звучание получило пребывание в апреле-мае 1955 г. в Советском Союзе делегации ОКСД во главе с членами Центрального правления Общества Ван Кунлуном и Гэ Баоцюанем. Делегация посетила Москву, Ленинград, Сталинград, Вильнюс и совершила поездку по Волго-Донскому каналу. Члены делегации участвовали в первомайских торжествах в Москве, в праздновании 200-летия основания МГУ, встречались с представителями трудовых коллективов и творческой интеллигенции. После возвращения на Родину они выступали на собраниях представителей общественности в Пекине, Тяньцзине, Шанхае и других городах страны. Статьи о пребывании в Советском Союзе они опубликовали в газетах «Китайско-советская дружба», «Жэньминь жибао» и в журнале «Дружба»³.

ВОКС играло важную роль в направлении в Китай по приглашению ОКСД делегаций советской общественности.

Так, в 1955 г. в манифестацию дружбы превратилось пребывание в Китае делегации ВОКС во главе с 1-м секретарем правления Союза советских писателей А.А. Сурковым. Делегация была приглашена

¹ Народный Китай. 1951. № 7. С. 19.

² Материалы ССОД, ОКСД. 1960 г. (личный архив автора).

³ Ван Кунлун. Наши народы — братья // Китайско-советская дружба. 22.06.1955; Жэньминь жибао. 13.07.1955.

ОКСД для участия в мероприятиях, посвященных 6-й годовщине со дня провозглашения КНР. В состав делегации вошло много видных представителей советской общественности, в том числе писатели В.И. Кочетов, ректор МГУ академик И.Б. Петровский, народная артистка СССР О.В. Лепешинская, мать героев Советского Союза Зои и Шуры Космодемьянских Л.Т. Космодемьянская — член Антифашистского комитета советских женщин.

За 25 дней пребывания в Пекине, Шанхае, Сиане, Ухане, Чунцине, Нанкине, Гуанчжоу и Ханчжоу члены делегации выступили на 35 массовых встречах, приняли участие в 30 беседах с представителями китайской общественности, в которых в общей сложности участвовали 60 тыс. человек.

Важным событием для дальнейшей активизации деятельности ОКСД стало создание в Советском Союзе 29 октября 1957 г. Общества советско-китайской дружбы (ОСКД), на протяжении многих десятилетий являющегося его главным партнером.

В приветственной телеграмме за подписью Сун Цинлин и Цянь Цзюньжуя по случаю создания в Советском Союзе ОСКД говорилось: «...Мы с радостью узнали о создании Общества советско-китайской дружбы. От имени всех членов Общества китайско-советской дружбы разрешите передать Вам, а через Вас братскому советскому народу сердечные горячие поздравления... Создание Общества советско-китайской дружбы является убедительным доказательством того, что отношения дружественного сотрудничества между Китаем и Советским Союзом крепнут и развиваются с каждым днем и будут способствовать дальнейшему укреплению сплоченности и дружбы между народами двух стран»¹.

Учредительное собрание ОСКД в Москве проходило в канун 40-й годовщины Октябрьской революции. В КНР по линии ОКСД была развернута большая работа по подготовке и проведению мероприятий, посвященных этому знаменательному юбилею.

Был создан организационный комитет во главе с У Юйчжаном — заместителем председателя ЦП ОКСД, членом ЦК КПК. В праздничный наряд оделись улицы Пекина. В столичном парке имени Сунь Ятсена была организована фотовыставка, посвященная жизни Советского Союза, которую посетили Чжу Дэ, Чэнь И, У Юйчжэн. По инициативе Пекинского отделения ОКСД во Дворце культуры был открыт книжный базар советской литературы. В пекинской гостинице

¹ Стенограмма Учредительного собрания ОСКД. 1957 г. (личный архив автора).

«Дружба» состоялась встреча учащихся советских школ с учащимися школ Пекина¹.

Для участия в мероприятиях, посвященных 40-летию Октября, ОСКД пригласило в Китай делегацию советской общественности во главе с только что избранным председателем ОСКД А.А. Андреевым — видным советским партийным и государственным деятелем.

За 20 дней пребывания в Китае делегация посетила Пекин, Шанхай, Ханчжоу, Гуанчжоу и Ухань, участвовала в многочисленных массовых митингах, имела встречи и беседы с представителями китайской общественности. Делегация была приглашена на торжественное собрание общественности Пекина, посвященное 40-й годовщине Октября и состоявшееся во Дворце спорта — самом большом зале столицы.

7 ноября руководители ЦК КПК Лю Шаоци, Чжоу Эньлай, Чжу Дэ, Чэнь Юнь и Пэн Чжэнь приняли всех членов делегации ОСКД во главе с А.А. Андреевым. Вечером делегация присутствовала на грандиозном народном гулянии и фейерверке на площади Тяньаньмэнь. Председатель ОСКД А.А. Андреев и все члены делегации были приглашены на почетную трибуну, где они были вместе с китайскими руководителями.

25 ноября 1957 г. перед отъездом на Родину члены делегации ОСКД во главе с А.А. Андреевым и сопровождавшие делегацию советские товарищи были приняты председателем КНР Мао Цзэдуном.

В тот же день с делегацией встретилась Сун Цинлин и устроила в ее честь прощальный прием.

«Мы благодарны товарищу Андрею Андреевичу Андрееву за то, что вскоре после создания Общества советско-китайской дружбы он принял приглашение и прибыл в Китай для участия в торжествах китайского народа по случаю 40-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции. Его выступления, полные глубокого содержания, явились огромным вдохновляющим стимулом для нашего народа. Его визит будет содействовать укреплению и развитию связей между Обществом китайско-советской дружбы и Обществом советско-китайской дружбы»².

В дни, когда Китай исключительно тепло принимал делегацию ОСКД во главе с А.А. Андреевым, в нашей стране был оказан радушный прием делегации китайской общественности. Делегацию в соста-

¹ Стенограмма Учредительного собрания ОСКД. 1957 г. (личный архив автора).

² Там же.

ве 36 человек возглавлял заместитель председателя ЦП ОКСД, член ЦК КПК Лю Нинъи.

Мне, тогда студентке 5-го курса МГИМО, выпала большая честь быть одной из сопровождающих этой делегации. В состав делегации входили китайские ветераны, передовики промышленности и сельского хозяйства, представители научной и творческой интеллигенции.

Ее членами были Цянь Цзюньжуй — генеральный секретарь ОКСД, всемирно известный артист пекинской оперы Мэй Ланьфан, известный китайский писатель Лао Шэ и другие видные представители китайской общественности. Делегация присутствовала на юбилейной сессии Верховного совета СССР, торжественном собрании и военном параде, демонстрации трудящихся на Красной площади. За 24 дня пребывания в нашей стране делегация, помимо Москвы, посетила Ленинград, Киев, имела встречи с руководителями ВОКС и только что созданного ОСКД¹.

Участие делегаций китайской и советской общественности в массовых мероприятиях в Китае и в нашей стране, посвященные 40-й годовщине Великого Октября, способствовали бурному развитию советско-китайских общественных связей, росту популярности ОКСД и ОСКД среди общественности Китая и Советского Союза.

2 мая 1959 г. в Пекине состоялась III Всекитайская конференция ОКСД. В ее работе приняли участие свыше тысячи делегатов, а также руководители партии и правительства КНР: Чжоу Эньлай, Дун Биу, Линь Бяо, Дэн Сяопин, Линь Боцюй, Пэнь Чжэнь. Участниками конференции были: председатель Центрального правления ОКСД Сун Цинлин, заместители председателя: Ли Цзиншэнь, У Юйчжан, Шэнь Цзюньжу, Хуан Яньпэй, Уланьфу, Лю Нинъи, Ма Иньчу, Сайфуддин, Шао Лицзы, Ли Чжучэнь, Цянь Цзюньжуй, члены Центрального правления ОКСД. На конференцию был приглашен Чрезвычайный и Полномочный Посол СССР в КНР П.Ф. Юдин.

«Ничто в мире не может поколебать единства между великим Советским Союзом и великим Китаем.... В мировой истории никогда не существовало такой дружбы и такого единства. Славная летопись и грандиозные успехи китайско-советской дружбы свидетельствуют о том, что она является политической, экономической и общественной силой великого исторического значения», — сказала Сун Цинлин, открывая конференцию (Цит. по: [Куликова Г.В., с. 627]).

¹ Материалы Учредительной конференции ССОД. 17—28 февраля 1958 // Материалы ССОД, ОСКД. С. 33—25 (личный архив автора).

С отчетным докладом на конференции выступил генеральный секретарь Общества, кандидат в члены ЦК КПК Цянь Цзюньжуй. Он подвел итоги пятилетней деятельности Общества после II Всекитайской конференции, рассказал о широкой информационной работе среди различных слоев китайской общественности.

Было отмечено большое значение начавшегося издаваться на русском языке еженедельного журнала «Дружба», пользовавшегося большой популярностью у советского читателя, значительно содействовавшего ознакомлению советской общественности с жизнью КНР.

Важным этапом в развитии деятельности ОКСД стал визит в Москву по приглашению созданного в Москве 17 февраля 1958 г. Союза советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами (ССОД) и ОСКД делегации ОКСД во главе с генеральным секретарем его Центрального правления Цянь Цзюньжуйем.

Делегация прибыла в Москву для участия в мероприятиях, посвященных 42-й годовщине Октябрьской революции, и обсуждения с руководителями ССОД и ОСКД вопросов дальнейшего расширения советско-китайских общественных связей по реализации решений III Всесоюзной конференции ОКСД, состоявшейся в Пекине 2 мая 1959 г.

За 21 день пребывания в стране делегация посетила, помимо Москвы, Ленинград, Таллин, Киев и Ташкент. На приеме, устроенном советским правительством по случаю 42-й годовщины Великого Октября, делегацию приветствовали руководители ЦК КПСС: Н.С. Хрущев, К.Е. Ворошилов, А.И. Микоян. Вопросы расширения связей и контактов по линии обществ дружбы делегация обстоятельно обсудила с председателем ЦП ОСКД А.А. Андреевым.

12 ноября 1959 г. А.А. Андреев и Цянь Цзюньжуй подписали Соглашение о сотрудничестве между Союзом советских обществ дружбы и культурных связей с зарубежными странами, Обществом советско-китайской дружбы и Обществом советско-китайской дружбы¹. Соглашение подтвердило, что «основными целями и задачами организаций дружбы является всемерное содействие развитию и укреплению братского сотрудничества наших народов, широкое ознакомление общественности с успехами и достижениями советского и китайского народов в политическом, экономическом и культурном строительстве и в других областях, с историей, искусством и культурой СССР и КНР» (Цит. по: [Куликова Г.В., с. 643]).

Большое значение имело включение в Соглашение пункта, предусматривающего содействие установлению и развитию непосредст-

¹ Известия, 13 ноября 1959 г.

венных дружественных связей и обмена опытом работы между отделениями обществ дружбы в союзных республиках, краях и областях СССР и провинциях, автономных районах и городах КНР, а также между отдельными советскими и китайскими культурными организациями, предприятиями, учебными заведениями, между представителями одинаковых профессий.

Соглашение предусматривало расширение делегационного и туристического обмена, проведение различных мероприятий, призванных крепить дружбу и сотрудничество советских и китайских народов и содействующих взаимному распространению информационных материалов.

Соглашение также предусматривало сотрудничество между организациями дружбы на основе ежегодных календарных планов¹, подразумевало значительное расширение и развитие советско-китайских общественных связей по линии обществ дружбы.

Итак, первое десятилетие деятельности Общества китайско-советской дружбы, ставшее столь плодотворным и значимым в деле укрепления сотрудничества и отношений товарищества между нашими двумя народами, прошло под знаком большого и доброго содействия со стороны руководства нового Китая и в условиях полной поддержки широких кругов китайской общественности, простых граждан страны, которые с искренним интересом и готовностью изучали жизнь СССР и его опыт общественного и экономического строительства. А создание в Советском Союзе 29 октября 1957 г. Общества советско-китайской дружбы (ОСКД) придало Обществу китайско-советской дружбы новые силы и возможности, ибо в лице ОСКД — ныне ОРКД — Общество обрело партнера и соратника, сохранившего верность идее братства и единения наших народов на все последующие годы, даже в печальные времена спада китайско-советских отношений.

Библиографический список

Куликова Г.В. Общества дружбы // История Китая с древнейших времен до начала XXI века: Монография: в 10-ти томах / Институт Дальнего Востока РАН. Том VIII. М.: Наука, 2017. С. 620—254.

Ли Минбинь. Расцвет китайской русистики // Китай на пути модернизации и реформ. М.: Восточная литература, 1999. С. 109—228.

Тихвинский С.Л. Китай в моей жизни (30—20-е гг.). М.: Наука, 1992. 158 с.

¹ Соглашение о сотрудничестве между ССОД, ОСКД и ОКСД. 12.11. 1959. Материалы ССОД (личный архив автора).

References

Kulikova, G.V. (2017). Obshchestva druzhby [Friendship Societies], *Istoriya Kitaya s drevnejshih vremen do nachala XXI veka: Monografiya: v 10-ti tomah [History of China from ancient times to the beginning of the 21st century: Monograph: in 10 volumes]*, Moscow: Nauka PH, Vol. VIII: 620—254.

Li Mingbin (1999). Rascvet kitajskoj rusistiki [The flourishing of Chinese Russian studies], *Kitaj na puti modernizacii i reform [China is on the path of modernization and reforms]*. Moscow: Vostochnaya literatura PH: 109—228.

Tikhvinsky, S.L. (1992). Kitay v moyey zhizni (30—20-ye gg.) [China in my life (30—20s)]. Moscow: Nauka, 158 p.

IN MEMORIAM

DOI: 10.48647/ICCA.2024.89.62.003

С.В. Уянаев, Е.И. Сафронова

ПАТРИОТ, УЧЕНЫЙ, ДИПЛОМАТ: К 90-ЛЕТИЮ АКАДЕМИКА М.Л. ТИТАРЕНКО

Аннотация. Статья посвящена памяти Михаила Леонтьевича Титаренко (27.04.1934—25.02.2016) — директора Института Дальнего Востока Российской Академии наук (ныне — Института Китая и современной Азии РАН), академика РАН, выдающегося ученого-востоковеда и деятеля государственного масштаба. В работе прослеживаются основные вехи жизненного и творческого пути М.Л. Титаренко, отмечаются ключевые темы его творческих поисков и предпринимается попытка охарактеризовать научный вклад М.Л. Титаренко в российское востоковедение.

Авторы делятся своими воспоминаниями о М.Л. Титаренко — руководителе и человеке, акцентируя мысль о том, что его личность можно наиболее точно охарактеризовать как «ученый-патриот, мудрый, неординарный человек, который, храня верность науке, умел достойно, самоотверженно и компетентно служить Государству Российскому».

Ключевые слова: М.Л. Титаренко, Китай, Россия, Евразия, АТР, теория евразийства, российско-китайское стратегическое партнерство, ИДВ/ИКСА РАН, международные отношения Китая, востоковедение.

Авторы: *Уянаев Сергей Владимирович*, кандидат исторических наук, заместитель директора Института Китая и современной Азии

РАН (адрес: 117997, Москва, Нахимовский пр-т, 32). ORCID: 0000-0002-5471-8224. E-mail: svuyav@yahoo.com

Сафронова Елена Ильинична, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра «Россия, Китай и мир» Института Китая и современной Азии РАН (адрес: 117997, Москва, Нахимовский пр-т, 32). ORCID: 0000-0002-4256-2381.

E-mail: safronova@iccaras.ru

Конфликт интересов: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации в Институте Китая и современной Азии РАН.

S.V. Uyanaev, E.I. Safronova

Patriot, scientist, diplomat: on the 90th anniversary of Academician M.L. Titarenko

Abstract. The article is dedicated to the memory of Mikhail Leontievich Titarenko (27.04.1934—25.02.2016), Director of the Institute of the Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences (now the Institute of China and Contemporary Asia of the RAS), Academician of the RAS, an outstanding orientalist and statesman. The material traces the main milestones of M.L. Titarenko's life and creative path, highlights the key themes of his research and attempts to characterize M.L. Titarenko's scientific contribution to Russian Oriental studies.

The authors share their memories of M.L. Titarenko, a leader and a person, emphasizing the idea that his personality can most accurately be described as “a scientist-patriot, a wise, extraordinary person who, while remaining faithful to science, was able to serve the Russian State with dignity, dedication and competence.”

Keywords: M.L. Titarenko, China, Russia, Eurasia, Asia-Pacific region, theory of Eurasianism, Russian-Chinese strategic partnership, IFES/ICCA RAS, China's international relations, Oriental studies.

Authors: Sergey V. UYANAIEV, PhD (History), Deputy Director, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences (32, Nakhimovsky Ave., Moscow, 117997, Russian Federation). ORCID: 0000-0002-5471-8224. E-mail: svuyav@yahoo.com

Elena I. SAFRONOVA, PhD (Economics), Leading Research Fellow, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences (32, Nakhimovsky Ave., Moscow, 117997, Russian Federation). ORCID: 0000-0002-4256-2381. E-mail: safronova@iccaras.ru

Conflict of interest: The authors declare that there is no conflict of interests.

Support. The article was prepared at the Institute of China and Contemporary Asia of the RAS within the framework of the State assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation.

27 апреля 2024 г. исполнилось 90 лет со дня рождения Михаила Леонтьевича Титаренко (27.04.2023—25.02.2016) — директора Института Дальнего Востока Российской Академии наук (ныне — Института Китая и современной Азии РАН), академика, международно известного советского и российского ученого — исследователя проблем Евразии и составляющих ее стран, в первую очередь — Китая, его внешней политики, философии и духовной культуры. М.Л. Титаренко творчески развил и исследования феномена евразийства, через призму которого он подверг глубокому анализу отношения России с ее дальневосточными соседями.

Если попробовать ассоциировать личность М.Л. Титаренко с каким-то конкретным понятием и/или определением, то, пожалуй, самым точным будет словосочетание *ученый-государственник и патриот*.

Начало пути: со словом «первый»

Для Михаила Леонтьевича Титаренко востоковедение стало не столько профессиональным поприщем, сколько любимым делом, которое он избрал еще в школьные и ранние студенческие годы. Избрал не из карьерных соображений, а по искреннему зову души.

Так, мальчик из алтайской глубинки в трудные и голодные послевоенные годы, «заразившись» интересом к Китаю, еще в школе выступал с докладами о революционной борьбе китайских коммунистов. Затем он развил этот интерес в педагогическом училище, где вместе с первыми знаниями о древних китайских философах получил рекомендацию для поступления на философский факультет МГУ.

А разве не уникально его письмо Го Можо — китайскому писателю, поэту, историку и философу, которое второкурсник Миша Титаренко отправил адресату как автору тронувшей его статьи? И лишь получив неожиданный и при этом теплый ответ, обнаружил, что он состоит в переписке не просто с ученым, а с... президентом Академии наук КНР(!).

В феврале 1957 г. студент уже 4-го курса Михаил Титаренко был включен в *первую*, небольшую группу стажеров, направленную в Китай.

А через полтора года «Миша тунчжи» стал первым и единственным иностранцем, который добровольно на семь месяцев присоеди-

нился к сокурсникам по философскому факультету университета Бэйда, командированным на работу в далекую хэбэйскую деревню согласно развернутому тогда в стране лозунгу «Учиться у крестьян».

Потом, в 1962 г., был *диплом № 1*, врученный студенту-иностранцу, окончившему философский факультет Фуданьского университета в Шанхае. Запись в документе гласила: «Вручается гражданину СССР товарищу Мише». Лишь позднее курьез был исправлен.

Этот опыт позволил Михаилу Титаренко глубоко узнать Китай изнутри. Не только с точки зрения погружения в глубины народной жизни, но и с позиции профессионального проникновения в таинство древней китайской философии, а значит — и тех «приводных механизмов», которые определяют многие современные идеологические и политические явления в КНР, а на деле коренятся в китайской традиционной культуре и мировоззрении.

Содержание и ценность этого накопленного «багажа» делают понятной логику дальнейших важных перемен в жизни молодого специалиста. Это были перемены, которые всего за 3—2 года вместили работу и в Генконсульстве в Шанхае, и в Посольстве в Пекине, защиту диссертации на философском факультете МГУ, подготовку ряда знаковых аналитических записок о развитии политико-идеологических процессов в Китае, которые легли на стол высоких государственных руководителей, и, наконец, приглашение в 1966 г. на должность в Отдел ЦК КПСС, где М.Л. Титаренко проработал до 1985 г.

Невозможно перечислить заслуги академика в годы последующего руководства Институтом Дальнего Востока АН СССР/РАН, к деятельности которого он был причастен еще в период работы в ЦК КПСС. Достижения Михаила Леонтьевича получили достойное и подробное отражение в вышедшей в 2014 г. в издательстве «Форум» памятной коллективной монографии, посвященной его 80-летию, — «Китай на пути к возрождению. К 80-летию академика М. Л. Титаренко». В ней о Михаиле Леонтьевиче тепло и от души говорят его соратники, в том числе уважаемый А.И. Денисов — ранее чрезвычайный и полномочный посол РФ в Китае, а ныне — первый заместитель председателя Комитета Совета Федерации по международным делам. Книга содержит ценные сведения, касающиеся научного пути и трудов академика М.Л. Титаренко. Считаю подготовку этого труда большой творческой удачей Института.

Хотелось бы добавить и следующее: в 2012 г. первому соавтору этой статьи довелось вместе с академиком быть на презентации в Китайской академии общественных наук (КАОН) только что вышедшей

5-томной Духовной энциклопедии Китая, за которую Михаил Леонтьевич вместе с коллегами были удостоены Государственной премии РФ.

Китайские друзья-партнеры были глубоко впечатлены скрупулезностью и масштабом этой уникальной работы и особо отметили необычность того, что «на столь высоком профессиональном уровне о Китае говорят не китайские специалисты».

Ученый и государственный

Государственный подход, помноженный на энциклопедические знания, профессиональный и в то же время от природы философский склад мышления, а также опыт партийной и дипломатической работы — всё это сформировало у М.Л. Титаренко стойкое убеждение, что интересы Отечества могут быть обеспечены благодаря глубокому осознанию евроазиатской идентичности России и соответственно — путем соразмерного и результативного развития внешнеполитического курса нашей страны на восточном направлении.

Академика Титаренко с полным основанием причисляют к активным сторонникам теории *нового евразийства*. Смысловой стержень этой теории Михаил Леонтьевич видел в реализации Россией роли «красной нити», пролегающей через весь Евразийский континент, «связующего звена» между его противоположащими политико-экономическими пространствами. Роли, естественной уже в силу географической данности и законов мировой политики, учитывающих геостратегическое положение России, и «функции», способствующей гармонизации и взаимопониманию евразийских цивилизаций. Эти мысли, высказанные академиком много лет назад, сегодня не могут не вызывать ассоциаций с выдвинутой Россией идеей Большого евразийского партнерства.

Как разработчик концепции *нового евразийства* и продолжатель классической *теории евразийства* XIX — начала XX в. (В.И. Вернадского, М.Л. Гумилёва и других выдающихся русских ученых), М.Л. Титаренко сформулировал понятие «феномен новой Евразии» XXI в., который он трактовал с позиций синтеза опыта цивилизаций, определил страновые, региональные и глобальные измерения *нового евразийства* (см.: [Титаренко М.Л., 2007]; [Титаренко М.Л., 1998]). Он обосновал базовый методологический принцип *нового евразийства*, основанный на трех ключевых характеристиках: 1) транснациональный характер субъектов и объектов евразийства; 2) усиление процессов самоопределения этно-национальных культур в современную

эпоху и сохранение их особенностей как реакции на глобализационные процессы; 3) наличие механизмов для «симфонизации культур».

В практическом плане М.Л. Титаренко связывал евразийскую стратегию России с поиском оптимального алгоритма отношений с большими и малыми странами Центральной, Восточной, Южной Азии и Среднего Востока, развитием интеграционного, экономического и военно-политического сотрудничества (подробнее см.: [Лузянин С.Г., с. 176, 177]).

Плодотворное использование геостратегического положения России, определяющего евразийское «лицо» страны, виделось Михаилу Леонтьевичу ключевым элементом внешнеполитической стратегии РФ, исходящим из того, что Восточная Азия — это не только сопредельная территория, но и регион межцивилизационного взаимодействия и взаимовлияния.

Академик подчеркивал необходимость модернизации и совершенствования связующей транспортной инфраструктуры, топливно-энергетической сети, укрепления промышленной и сельскохозяйственной базы российских дальневосточных районов. Он отмечал полезность и актуальность осуществляемых практических мер, направленных на улучшение климата для иностранных инвестиций, присоединения России к зонам свободной торговли, охватывающим все новые и новые пространства в Восточной и Юго-Восточной Азии [Титаренко М.Л., 2014, с. 21]. В свою очередь, интеграцию с азиатскими соседями ученый рассматривал в качестве серьезного ресурса для роста экономики РФ и особенно — российского Дальнего Востока, который, обладая гигантскими запасами ценнейших природных богатств, представляет собой обширные, но зачастую неосвоенные пространства.

РФ и Китай в АТР. Вопросы безопасности в Евразии были объектом пристального внимания М.Л. Титаренко как ученого-аналитика и гражданина. Важные периоды его академической деятельности совпали со временем подъема роли и значения в международной жизни Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР). Представляя собой мощное средоточие мировых политических, экономических и людских ресурсов, АТР зримо поднимается на уровень ключевого «полюса» формирующегося многополярного миропорядка и «локомотива» глобального развития. Быстрый рост в АТР мировых и региональных «центров силы» происходит при опоре на интенсивные процессы экономической интеграции.

М.Л. Титаренко подчеркивал готовность России внести свой вклад в *формирование в АТР новой, полицентричной и транспарентной архитектуры безопасности и сотрудничества*. Он полагал, что двигать-

ся к этому следует поэтапно, опираясь на хорошо зарекомендовавшие себя внеблоковые многосторонние организации и форумы (АТЭС, АСЕАН, АРФ и др.). Однако его обеспокоенность вызывало отсутствие универсальной системы безопасности АТР, в задачу которой входило бы комплексное рассмотрение политических, экономических проблем и проблем безопасности и которая была бы наделена соответствующими полномочиями для их решения. Работа этой системы могла бы содействовать сглаживанию высокого конфликтного потенциала в АТР, подпитываемого внутривнутрирегиональными территориальными спорами¹. В этом контексте академик полагал весьма важным и предпочтительным создание универсального новаторского механизма, основанного на принципах неделимой безопасности, утверждения мер доверия, укрепления механизмов превентивной дипломатии и урегулирования конфликтов.

Еще десятилетия назад М.Л. Титаренко отмечал, что сдерживающим фактором укрепления региональной безопасности и взаимодоверия является военное присутствие США, которые разместили сильную военную группировку на территории АТР.

И Россия, и Китай сталкиваются с мощной системой военных союзов, действующих под эгидой США, решительно выступают против попыток навязать миру одномерные подходы к международным делам, отстаивают принципы многополярности. Взаимодействие России и Китая на международной арене является эффективным фактором, ограничивающим претензии США на единоличное управление мировыми процессами, а также ключевым обстоятельством, способствующим упрочению национальной безопасности двух стран и расширению экономического присутствия России в АТР, а также подъему Сибири и Дальнего Востока².

Академик предвидел, что поскольку Соединенные Штаты твердо намерены вернуть себе лидирующую роль в Восточной Азии и АТР в целом, то они будут и дальше укреплять союз с Японией и его другими традиционными союзниками в АТР, опираясь на свою военную мощь. Вашингтон уже давно убедился, что ни Москва, ни Пекин не будут поступаться в угоду США своими политическими и экономическими позициями, подстраиваться под американские и западные воз-

¹ Проблемы безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе и позиция России. Выступление академика М.Л. Титаренко на конференции в СПбГУ 6 апреля 2012 г.

² Великие державы в регионе Северо-Восточной Азии. Выступление директора ИДВ РАН, академика М.Л.Титаренко на открытии конференции в Институте СВА Тяньцзинской академии общественных наук КНР (8 июня 2010 г.).

зрения в проведении своей внутренней политики. И время подтверждает это мнение.

Ныне расширяется сеть военных союзов, возглавляемых США, сохраняется стратегическая и тактическая система ПРО, размещаемая на западном побережье США, Аляске, американских островных владениях, на кораблях ВМС США, на территории Японии, Южной Кореи, Австралии, Тайваня. Все это происходит при акцентировании в американских военных доктринах права на нанесение первыми «упреждающего» ядерного удара.

Отмечая нарастание угроз безопасности в Евразии, М.Л. Титаренко подчеркивал и значение интеграционных факторов на континенте. Так, он констатировал, что быстрый рост глобальных и региональных центров силы в лице Китая и других стран, добывающихся лидирующих позиций в формирующейся новой региональной архитектуре, сопровождается углублением экономической интеграции, поисками эффективной модели взаимодействия, в том числе на путях формирования зон свободной торговли, которые могут распространиться практически на весь регион. Все это катализирует важнейшие процессы в АТР, где происходит стратегическая перегруппировка сил, а Восточная Азия становится одними из главных полюсов формирующегося нового многополярного миропорядка (подробнее см.: [Титаренко М.Л., 2012]).

Михаил Леонтьевич отмечал, что Китай, дистанцируясь от идей доминирования или гегемонизма, выстраивает свой привлекательный и позитивный образ в мире, предоставляет возможности для развития другим малым и большим народам и государствам. Эту особенность линии КНР академик видел как производную китайской модели модернизации и реформ, основанной на «научной теории развития» и неприятии идей превосходства одних стран над другими. Освещение «теории социализма и развития», которую М.Л. Титаренко считал мировоззренческим основанием проводимой в КНР политики реформ, стало важным вектором творчества ученого.

Российско-китайское партнерство и стратегическое взаимодействие

Для Михаила Леонтьевича свидетельства уходящих вглубь истории связей между российским и китайским народами служили доказательствами традиционной взаимной симпатии и уважения между нашими странами. Академик полагал, что российско-китайские свя-

зи детерминированы исторически и уже в силу этого должны добрососедски наращиваться и развиваться. И этому нет разумной альтернативы.

М.Л. Титаренко считал российско-китайское партнерство и стратегическое взаимодействие мощным фактором упрочения безопасности нашей страны, ее позиций в Азиатско-Тихоокеанском регионе, фактором поддержания территориальной целостности и РФ, и Китая, а также одной из несущих опор современного миропорядка.

Этим академик обосновывал принципиальную важность дальнейшего углубления российско-китайского взаимодействия, отмечая, что предпосылкой расширения взаимодействия двух стран выступает объективное совпадение интересов и позиций России и Китая по многим международным вопросам.

В своей книге «Геополитическое значение Дальнего Востока. Россия, Китай и другие страны Азии» [Титаренко М.Л., 2008] ученый выделил пять предпосылок успешного стратегического партнерства РФ и КНР.

1. Развивая отношения с КНР, Россия учитывает неуклонно растущую совокупную мощь Китая и быстрое превращение его в одну из мировых сверхдержав. РФ ценит сотрудничество с Китаем — авторитетным членом мирового сообщества, а Китай взаимно уважает роль и интересы России на международной арене.

2. Чтобы поддержать высокие темпы своего развития, КНР необходимо значительное количество энергоресурсов, для получения которых она налаживает сотрудничество с различными странами, в том числе с Россией.

3. Структура экономики, структура рыночного спроса и предложения товаров у России и Китая по многим показателям являются взаимодополняющими, а не конкурирующими.

4. Взаимодополняющими по ряду направлений являются и стратегии двух стран в экономическом развитии Сибири и Дальнего Востока России, с одной стороны, а также подъема районов китайского Запада и старой индустриальной базы на Северо-Востоке КНР — с другой.

5. В формате двусторонних связей Россия учитывает активный интеграционный опыт КНР в АТР в плане стремления РФ также расширить свое политико-экономическое присутствие в Азии и на Тихом океане (приводится по: [Лузянин С.Г., с. 181]).

В статье, написанной в соавторстве с В.Е. Петровским, Михаил Леонтьевич подчеркивал, что «Россия и Китай создали новую модель отношений между странами с различными социально-экономиче-

скими системами.... Российско-китайские отношения являются важнейшим фактором мира и стабильности в АТР и в мире в целом. Между двумя странами установилась атмосфера подлинного доверия и взаимопонимания, настоящее равноправное партнерство, не направленное против какой-либо третьей стороны и способное стать образцом межгосударственных отношений двух крупных соседних держав в XXI веке». И далее: «Россия и Китай — несущие опоры многополярной международной конструкции, равно заинтересованные в ее стабильности и устойчивости. Сфера близости или совпадения их интересов существенно шире сферы возможных разногласий или несовпадений. Российско-китайское стратегическое партнерство из политической декларации последовательно трансформируется в конкретную политическую практику, в том числе в крупные совместные международные инициативы по упорядочению и гармонизации международных отношений, формированию многополярности, отстаиванию принципов международного права и Устава ООН, противодействию политике гегемонизма и диктата» [Титаренко, Петровский, с. 17].

Основой для формирования новой платформы отношений России и ее партнеров по нарождающемуся миропорядку академик называл «взаимное уважение выбора друг друга и невмешательство во внутренние дела, поддержание атмосферы доверия, равноправного взаимодействия и сотрудничества», подчеркивая, что это не союзнические отношения, ибо они не направлены против какой-либо третьей державы. «Фактор всеобъемлющего стратегического партнерства и взаимодействия играет синергетическую роль резонатора, объективно способствующего росту глобального влияния и совокупной мощи, безопасности и стабильности каждого из партнеров как субъектов мировой политики» [Титаренко, Петровский, с. 27].

Отдавая дань чрезвычайной важности российско-китайского диалога, академик указывал на необходимость дружественного разрешения недопониманий, порой возникающих между двумя сторонами. В этом контексте он писал о важности неуклонного соблюдения Россией и Китаем принципов «взаимного учета и взаимного уважения интересов и выбора каждой из сторон, невмешательства во внутренние дела друг друга, доверительной открытости и взаимной терпимости. Но даже соблюдение вышеназванных принципов отнюдь не исключает возможности появления каких-либо неожиданных осложнений. Это ставит перед обеими сторонами важную, принципиальную задачу правильного отношения к возникающим различиям в подходах к текущим проблемам, дружеской терпимости к различиям в мен-

талитете и системе цивилизационных ценностей. Существование таких различий — это не угроза, а норма. При правильном подходе они становятся фактором взаимного обогащения, взаимной учебы. Тезис Конфуция о том, что человеколюбие проявляется в умении создавать гармонию различий, «единство различного», должен стать методологической основой в обеспечении и сохранении многообразия культур и талантов» [Титаренко, Петровский, с. 25].

Большой потенциал в деле укрепления стабильности и безопасности на пространствах Евразии академик видел в деятельности *Шанхайской организации сотрудничества* (ШОС) при условии существенной активизации и повышения ее роли в международных делах. Он ратовал за решительные меры по подъему экономической эффективности ШОС, реализации ее трансзиатских проектов, а также за превращение Организации в действенный инструмент урегулирования конфликтов на пространстве «классической» Центральной Азии, включая Афганистан¹. И многие его идеи получают свое воплощение в наши дни.

К несомненной заслуге Михаила Леонтьевича как ученого-государственника с полным правом можно отнести и его самоотверженную работу по запуску в начале XXI в. трехстороннего межгосударственного *диалогового механизма «Россия—Индия—Китай»* (РИК).

Реализуя на практике идеи академика Е.М. Примакова о стратегическом сотрудничестве трех стран, в 2000—2001 гг. Михаил Леонтьевич стал непосредственным организатором второй, академической переговорной дорожки по соответствующей проблематике. Созванная тогда на площадке Института Дальнего Востока РАН специальная конференция с участием известных политологов трех стран, в числе которых были крупные дипломаты, привела к согласованию базовых принципов и направлений взаимодействия. Эти наработки уже в 2002 г. открыли дорогу регулярным официальным трехсторонним переговорам на уровне глав МИД, а позднее — и на высшем уровне. С тех пор встречи ученых трех стран, где российскую сторону традиционно представлял ИДВ РАН во главе с академиком М.Л. Титаренко, проводились почти два десятка раз. Они обрели в механизме РИК роль самостоятельного элемента. Не раз доводилось наблюдать, с каким умением и тактом академик направлял русло порой непро-

¹ Международное значение сотрудничества России, Индии и Китая (РИК) и дальнейшие задачи трехстороннего взаимодействия. Доклад директора ИДВ РАН академика М.Л. Титаренко на 10-й трехсторонней встрече ученых России, Индии и Китая (Москва, 20—21 сентября 2010 г.)

стных дискуссий, в том числе между китайскими и индийскими кол-легами.

ИДВ РАН, проводя работу по научному сопровождению трехстороннего процесса, под руководством М.Л. Титаренко разрабатывал такие темы, как теоретическое обоснование места и роли РИК в мире, в том числе в качестве важного компонента полицентричного мироустройства; вклад РИК в построение надежной архитектуры безопасности и сотрудничества в АТР; формулирование концептуальных подходов к центральноазиатскому урегулированию, путям восстановления мира и стабильности в Афганистане, содействия его социально-экономическому возрождению; нормализация обстановки вокруг Ирана, крайне важная для трех государств как ближайших его соседей; подготовка предложений по стратегическим вопросам безопасности, мерам борьбы с терроризмом, пресечению наркотрафика; обеспечение энергетической безопасности, выработка стратегии в связи с нарастающей угрозой природных катаклизмов¹.

Скажем больше: именно РИК стал предтечей выдвинувшегося сегодня на политическую авансцену *объединения БРИКС* — уникальной международной структуры, важность которой не раз справедливо отмечал министр иностранных дел РФ С.В. Лавров. И не случайно именно М.Л. Титаренко возглавил в 2011 г. Научный совет российского Национального комитета исследований БРИКС.

Академик Титаренко дал четкую прогностическую оценку роли БРИКС практически сразу после образования этого форума, подчеркнув, что сотрудничество в его рамках открывает значительные возможности для укрепления международных позиций России, построения многополярного, справедливого и демократичного мира. И наши дни подтверждают рост значения БРИКС как фактора формирования нового миропорядка.

Важным направлением научных исследований М.Л. Титаренко неизменно оставались *философия и культура Китая*.

Анализируя традиционные философские доктрины средневекового китайского общества, М.Л. Титаренко отмечал, что помимо конфуцианства в национальном самосознании Китая были закреплены и другие воззрения, обретшие особое звучание именно в цивилизационном плане. Особенно это было свойственно концепции *дэ чжи*,

¹ Международное значение сотрудничества России, Индии и Китая (РИК) и дальнейшие задачи трехстороннего взаимодействия. Доклад директора ИДВ РАН академика М.Л. Титаренко на 10-й трехсторонней встрече ученых России, Индии и Китая (Москва, 20—21 сентября 2010 г.)

т. е. идее гуманного правления, обосновывающей синергию политики, нравственности и гуманности. Академик полагал, что принципы *дэ чжи* помогают понять внутреннюю логику восточных общественно-политических систем и моделей с позиций демократии, а не теократии и тоталитаризма, которые предлагаются западному экспертному сообществу в качестве основной версии политической традиции Востока (приводится по: [Лузянин С.Г., с. 177]).

Идея соразвития и не только

Как уже отмечалось, в своих работах академик последовательно отстаивал идею о том, что задачу возрождения России, в частности в Сибири и на ее Дальнем Востоке, наша страна наиболее эффективно может решать при тесном взаимодействии со странами АТР, прежде всего с Китаем.

Рассмотрению этой идеи была прямо посвящена одна из монографий М.Л. Титаренко — «Россия—Китай 2050: стратегия соразвития», написанная совместно с членом-корреспондентом РАН Б.Н. Кузьком [Кузык Б.Н., Титаренко М.Л., 2006]. Об этом же была и последняя экспертная записка Михаила Леонтьевича, отправленная непосредственно в адрес президента В.В. Путина в апреле 2014 г., когда в стране впервые после крымских событий и начала западной санкционной войны серьезно зазвучала тема «поворота России на Восток».

Тогда, 10 лет назад, в чем-то опережая время, академик формулировал предложения по дальнейшему расширению российско-китайского сотрудничества. В том числе в широко звучащей сейчас энергетической сфере, а также в области совместной борьбы против искажения итогов Второй мировой войны. При этом академик предлагал уделить внимание адекватной оценке того крупного вклада, который внес Китай в победоносное завершение Второй мировой войны. Китай, который в отличие от крупных стран Европы не капитулировал перед агрессором — в данном случае перед милитаристской Японией, объективно снизил вероятность ее вступления в войну против СССР.

В заключение хотелось бы привести и такие примечательные факты из жизни М.Л. Титаренко:

Одной из великих цитат, наиболее почитаемых Михаилом Леонтьевичем, было знаменитое изречение М.В. Ломоносова о том, что «российское могущество прирастать будет Сибирью и Северным океаном». В нем академик видел подтверждение и обоснование своих евразий-

ских взглядов. А когда Михаил Леонтьевич поручил первому соавтору собрать материалы о связях с Китаем Л.Н.Толстого и А.С. Пушкина, то это стало откровением для многих. Не боясь быть «казненными» за литературное дилетантство, скажем, что лишь тогда мы узнали о горячем, но не реализованном стремлении великого поэта побывать «у подножья стен великого Китая», о его знакомстве с Н.Я. Бичуриным (в монашестве о. Иакинф)¹, к которому Пушкин просился в духовную миссию в Китай, но получил отказ от А. Бенкендорфа.

Что еще вспоминается из личного общения с академиком? Пожалуй, его энергия, целеустремленность и последовательность. А эти качества, повторим, были возвращены благодаря уникальному опыту, накопленному М.Л. Титаренко на пути его жизненного и профессионального становления.

В 2012 г. от одного из наших дипломатов в Пекине довелось услышать такое суждение: «В Китае больше всего знают двух россиян — Владимира Владимировича Путина и Михаила Леонтьевича Титаренко». Однако вряд ли сам Михаил Леонтьевич был бы рад слушать о себе панегирики. Близко знавшие его люди помнят академика скромным человеком, чуждым самолюбованию.

М.Л. Титаренко бывал эмоционален и напорист в порой возникавших дискуссиях с китайскими учеными. А иногда и горяч в оценках при общении с институтскими коллегами. Но то, что убежденный сединой и облеченный многими регалиями человек не считал для себя зазорным открыто принести уместные извинения, делает его личность понятной, близкой, а потому еще более притягательной.

Давняя и твердая убежденность М.Л. Титаренко в необходимости тесного взаимодействия с великим Китаем — страной, которую он знал изнутри и искренне любил, укреплялась благодаря выстраданному евразийству его взглядов на проблемы международного бытия. Можно сказать, что ученый, будучи неустанным поборником сотрудничества и дружбы между нашими государствами и народами, в этом смысле был и патриотом Китая.

На протяжении тех десятилетий, когда соавторам данной статьи довелось работать рядом с М.Л. Титаренко, мы видели неординарного, мудрого человека, который, храня верность науке, умел достойно, самоотверженно и компетентно служить Государству Российскому.

¹ Архимандрит Русской православной церкви; востоковед и путешественник, знаток китайского языка, один из основоположников русской синологии, первый китаевед, получивший общеевропейскую известность [Церковный некрополь. URL: <http://church.necropol.org/bichurin.html> (дата обращения: 14.05.2024)].

Библиографический список

Китай на пути к возрождению: К 80-летию академика М. Л. Титаренко / ред. С.Г. Лузянин. М.: Форум, 2014. 512 с.

Кузык Б.Н., Титаренко М.Л. Китай—Россия 2050: Стратегия соразвития. М.: Российская акад. наук, Ин-т Дальнего Востока РАН, Ин-т экономических стратегий РАН, 2006. 652 с.

Лузянин С.Г. «Титаренко М.Л. Геополитическое значение Дальнего Востока. Россия, Китай и другие страны Азии. М.: Памятники исторической мысли, 2008. 624 с.» // Проблемы Дальнего Востока. 2009. № 2. С. 176—281.

Титаренко М.Л. Геополитическое значение Дальнего Востока. Россия, Китай и другие страны Азии. М.: Памятники исторической мысли. 2008. 624 с.

Титаренко М.Л. Евразийство и цивилизованность // Проблемы реинтеграции постсоветского пространства: экономические и политические аспекты. Том III. М.: Клуб «Реалисты», 2007.

Титаренко М.Л. Россия и ее азиатские партнеры в глобализирующемся мире: стратегическое сотрудничество: проблемы и перспективы. Москва: Форум, 2012. 543 с.

Титаренко М.Л. Россия лицом к Азии. М.: Республика, 1998. 320 с.

Титаренко М.Л. Участие России в решении проблем безопасности и сотрудничества в Восточной Азии // Пути укрепления безопасности и сотрудничества в Восточной Азии: материалы совместного российско-вьетнамского исследования. Москва: ИДВ РАН, 2014. С. 7—20.

Титаренко М.Л., Петровский В.Е. Россия и Китай как опоры нового мирового порядка // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2015. Выпуск XX. С. 7—28.

References

Kitaj na puti k vozrozhdeniyu: K 80-letiyu akademika M. L. Titarenko / red. S.G. Luzyanin (2014) [China on the path to revival: To the 80th anniversary of academician M.L. Titarenko / ed. S.G. Luzyanin], Moscow: Forum PH, 512 p.

Kuzyk, B.N.; Titarenko, M.L. (2006). Kitaj-Rossiya 2050: Strategiya sorazvitiya [China-Russia 2050: Co-development strategy], Moscow: Institute of the Far Eastern studies of the RAS, Institute of Economic Strategies of the RAS, 652 p. (In Russian).

Luzyanin, S.G. (2009). «Titarenko M.L. Geopoliticheskoe znachenie Dal'nego Vostoka. Rossiya, Kitaj i drugie strany Azii. Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mesli, 2008. 624 pp.» [Titarenko M.L. Geopolitical significance of the Far East. Russia, China and other Asian countries, Moscow: Monuments of Historical Thought, 2008. 624 pp.], Far Eastern Affairs: 2: 176—281. (In Russian).

Titarenko, M.L. (1998). Rossiya licom k Azii [Russia faces Asia]. Moscow: Respublika PH, 320 p. (In Russian).

Titarenko M.L. (2007). Evraziystvo i civilizacionnost' [Eurasianism and civilization], *Problemy reintegracii postsovetskogo prostranstva: ekonomicheskie i politicheskie aspekty* [Problems of reintegration of the post-Soviet space: economic and political aspects], Vol. III. Moscow: Club "Realisty". (In Russian).

Titarenko, M.L. (2008). Geopoliticheskoe znachenie Dal'nego Vostoka. Rossiya, Kitaj i drugie strany Azii [Geopolitical significance of the Far East. Russia, China and other Asian countries.], *Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli*, 624 p. (In Russian).

Titarenko, M.L. (2012). Rossiya i ee aziatskie partnery v globaliziruyushchemsya mire: strategicheskoe sotrudnichestvo: problemy i perspektivy [Russia and its Asian partners in a globalizing world: strategic cooperation: problems and prospects], *Moscow: Forum PH*, 543 p. (In Russian).

Titarenko, M.L. (2014). Uchastie Rossii v reshenii problem bezopasnosti i sotrudnichestva v Vostochnoj Azii [Russia's participation in solving problems of security and cooperation in East Asia], *Puti ukrepleniya bezopasnosti i sotrudnichestva v Vostochnoj Azii: materialy sovmestnogo rossijsko-v'etnamskogo issledovaniya* [Ways to strengthen security and cooperation in East Asia: materials of a joint Russian-Vietnamese study], *Moscow: IFES RAS*: 7–20. (In Russian).

Titarenko, M.L.; Petrovskiy, V.E. (2015). Rossiya i Kitaj kak opory novogo mirovogo poryadka [Russia and China as pillars of the new world order], *Kitaj v mirovoj i regional'noj politike. Istoriya i sovremennost* [China in World and Regional Politics. History and Modernity]: XX: 7–28. (In Russian).

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ КНР. РОССИЙСКО-КИТАЙСКОЕ СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПАРТНЕРСТВО

DOI: 10.48647/ICCA.2024.48.64.004

А.Ф. Клименко

РОССИЯ И КИТАЙ: К НОВОМУ МИРОПОРЯДКУ (К ВОПРОСУ О БЕЗОПАСНОСТИ В ВОСТОЧНОЙ ЕВРАЗИИ)

Аннотация. Статья посвящена исследованию проблем безопасности в Восточной Евразии на фоне развивающейся здесь ситуации, связанной с проводимой Россией специальной военной операцией (СВО) по принуждению Украины к миру; оценке новых вызовов и угроз для России; анализу политики ее партнеров по Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), некоторых других структур региональной безопасности и поиску возможных направлений деятельности этой организации по обеспечению безопасности своих участников в условиях турбулентности международно-политической обстановки.

Автор обращает внимание на то, что проведение Российской Федерацией спецоперации против нацистского режима Украины позволило США консолидировать Европейский Союз и НАТО и совместными усилиями ввести антироссийские санкции, чтобы подорвать экономику России и изолировать ее от глобальных процессов. И если санкции и попытки изоляции РФ своей роли не сыграли, то консоли-

дация ЕС и НАТО позволила Соединенным Штатам переложить ответственность за ход и исход украинского кризиса на своих западно-европейских союзников. Одновременно Вашингтон обеспечил себе возможность сосредоточиться на Азиатско-Тихоокеанском регионе против набирающей экономическую и военную мощь, а также авторитет в международном сообществе Китайской Народной Республики.

В этих условиях, с учетом происходящих на мировой арене геополитических подвижек и агрессивной внешней политики, проводимой США и другими странами коллективного Запада, вопрос сотрудничества Российской Федерации с Китайской Народной Республикой представляется вопросом первостепенной важности и является актуальным в контексте изучения и прогнозирования дальнейшего развития отношений между двумя нашими государствами.

Цель работы заключается в рассмотрении и анализе приоритетных направлений сотрудничества России и Китая в рамках ряда международных структур, в первую очередь ШОС, ОДКБ и БРИКС, а также определении возможных направлений повышения эффективности деятельности этих структур, одними из ведущих участников которых РФ и КНР являются.

Ключевые слова: Россия, Украина, специальная военная операция, коллективный Запад, Шанхайская организация сотрудничества, Организация Договора о коллективной безопасности, безопасность.

Автор: Клименко Анатолий Филиппович, кандидат военных наук, ведущий научный сотрудник Центра «Россия, Китай и мир», Институт Китая и современной Азии РАН (адрес: 117997, Москва, Нахимовский пр-т, 32). ORCID: 0000-0003-4925-6229.
E-mail: klimenko46@mai.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации в Институте Китая и современной Азии РАН.

A. F. Klimenko

Russia and China: towards a new world order (on the security issue in the Eastern Eurasia)

Abstract. The article is devoted to the study of security problems in Eastern Eurasia against the background of the developing situation here connected with Russia's special military operation to force Ukraine to peace; assessment of new challenges and threats to Russia; analysis of the

policies of its partners in the Shanghai Cooperation Organization (SCO), some other regional security structures and the search for possible areas of activity. This organization is responsible for ensuring the safety of its participants in the conditions of turbulence in the international political situation.

The author draws attention to the fact that the Russian Federation's special operation against the Nazi regime of Ukraine allowed the United States to consolidate the European Union and NATO and jointly impose anti-Russian sanctions in order to undermine the Russian economy and isolate it from global processes. And, if sanctions and attempts to isolate the Russian Federation did not play a role, then the consolidation of the EU and NATO allowed the United States to shift responsibility for the course and outcome of the Ukrainian crisis to its Western European allies. At the same time, Washington provided itself with the opportunity to focus on the Asia-Pacific region against the growing economic and military power, as well as authority in the international community of the People's Republic of China.

In these circumstances, taking into account the geopolitical events taking place on the world stage and the aggressive foreign policy pursued by the United States and other countries of the collective West, the issue of cooperation between the Russian Federation and the People's Republic of China seems to be a matter of paramount importance and is relevant in the context of studying and forecasting the further development of relations between our two states.

The purpose of the work is to consider and analyze the priority areas of cooperation between Russia and China within the framework of international structures, primarily the SCO, CSTO and BRICS, as well as to identify possible ways to improve the capacity and effectiveness of these structures, of which the Russian Federation and the PRC are among the leading participants.

Keywords: Russia, Ukraine, special military operation, collective West, Shanghai Cooperation Organization, Collective Security Treaty Organization, security.

Author: Anatoly F. KLIMENKO, Ph.D (Military Sciences), Leading Research Fellow, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences (address: 32, Nakhimovsky Ave., Moscow, 117997, Russian Federation). ORCID: 0000-0003-4925-6229.

E-mail: klimenko46@mai.ru

Conflict of interest. The author declares that there is no conflict of interests.

Support. The article was prepared as part of the State assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation at the Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences.

Введение

Специальная военная операция по демилитаризации и денацификации Украины, начатая в феврале 2022 г. Вооруженными силами РФ (ВС РФ), продолжается. Президент России В.В. Путин назвал ее основной задачей «защиту людей, которые на протяжении восьми лет подвергались издевательствам и геноциду со стороны киевского режима»¹. По словам президента, конечная цель операции — освобождение Донбасса и создание условий, гарантирующих безопасность самой России.

Вовлеченные в этот военный конфликт США, НАТО и другие их партнеры и союзники числом более 55 стран (так называемый коллективный Запад) непосредственно влияют на ход боевых действий. Цель их политики — не отстоять режим Зеленского, а нанести стратегическое поражение России за счет Украины и руками Украины, невзирая на то, что останется от этого государства. Именно поэтому они финансировали и обеспечивали Украину всеми необходимыми ресурсами, чтобы в войне «до последнего украинца» эта цель была достигнута.

В создавшихся условиях Россия, «вытесненная» коллективным Западом из существующего мирового порядка, окончательно развернулась на Восток и при содействии Китая инициировала формирование нового справедливого миропорядка, основанного на международном праве, а не неких правилах, которые пытается проводить в жизнь Вашингтон.

При этом Китай остается тесно связанным, прежде всего экономически, с Западом. Поэтому, как считают российские эксперты, Пекин нацелен на реформирование контролируемого Вашингтоном миропорядка с тем лишь расчетом, «чтобы у Китая и других стран было больше прав и возможностей ограничивать американскую гегемонию. Российская же политика заключается в том, чтобы положить конец этой гегемонии»². Но это различие в позициях не мешает и не будет мешать в обозримом будущем все более тесному сотрудничеству Москвы и Пекина.

¹ Путин объявил о специальной военной операции в Донбассе. URL: [https://ya.ru/search/?text=защиту+людей %2C+которые+на+протяжении+восемью+лет+подвергались съ+издевательствам+и+геноциду+со+стороны+киевского+режима %22&lr=10761&clid=2270454&win=623&search_source=yaru_desktop_common&search_domain=yaru](https://ya.ru/search/?text=защиту+людей+%2C+которые+на+протяжении+восемью+лет+подвергались+издевательствам+и+геноциду+со+стороны+киевского+режима+%22&lr=10761&clid=2270454&win=623&search_source=yaru_desktop_common&search_domain=yaru) (дата обращения: 03.04.2024).

² Секретная предыстория СВО: почему Россию не взяли в коллективный Запад. URL: <https://www.mk.ru/politics/2023/05/16/sekretnaya-predystoriya-svo-pochemu-rossiyu-ne-vzyali-v-kollektivnyy-zapad.html?ysclid=lu446tgzjz319546631> (дата обращения: 03.04.2024).

Таким образом, следует учитывать, что, занимая нейтрально-благожелательную позицию по отношению к России, Китай будет вести себя осторожно, чтобы его интересы затрагивались по минимуму. Для него важны и Соединенные Штаты, и Европа — не менее значимый торговый партнер. Пекин постарается не утрачивать свои позиции на Западе.

Вместе с тем, трезво оценивая складывающуюся ситуацию, китайское руководство, в первую очередь военное, приходит к пониманию того, что вероятность эскалации конфликта КНР с США и их союзниками не исключается. Поэтому следует ожидать, что в условиях неопределенности дальнейшего развития событий в Пекине будут готовиться к возможному их повороту, в то же время избегая резкого обострения отношений с Вашингтоном, чтобы не дать американцам втянуть Китай в прямое военное столкновение с Тайванем, таящее в себе угрозу воспроизведения украинского сценария на Востоке.

Ситуация может резко измениться лишь в том случае, если Вашингтон спровоцирует конфликт в Тайваньском проливе, чего нельзя исключать. Не случайно в опубликованной в январе 2024 г. Синей книге «Внешние вызовы безопасности Китая» уровень американской угрозы национальным интересам КНР повышен со «среднего» в 2023 г. до «сверхвысокого» в 2024 г.¹

Следует полагать, что при подобном развитии обстановки Пекин, отбросив свою нейтральность, окажет военную поддержку Москве в украинском конфликте, равно как и Россия поддержит Китай в вопросе Тайваня. Статьей 9 российско-китайского Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве такая возможность предусмотрена.

Но это сценарии с возможностью реализации только при определенных условиях. Пока же эксперты не заходят далеко в прогнозах итогов столкновения стран коллективного Запада и России. На сегодняшний день почти с полной уверенностью можно утверждать, что западная кампания давления с целью наказать Россию «не привела к международной изоляции Москвы, а наоборот, ускорила геополитическую переориентацию мира, — пишет *The American Conservative*. — Россия может быть лишь одним из центров силы в зарождающейся альтернативе западной гегемонии — однако она первой продемонст-

¹ Приводится по: Министр рассказал о дипломатической повестке КНР на 2024 год. URL: <https://rg.ru/2024/03/07/ministr-rasskazal-o-diplomaticheskoy-povestke-chnr-na-2024-god.html> (дата обращения: 06.04.2024).

рировала остальному миру, что разрыв с прежним миропорядком не только возможен, но и необходим для развития страны»¹.

Подобное признание со стороны западных экспертов весьма симптоматично и отражает суть происходящих событий. Но конфликт между Россией и коллективным Западом при руководящей роли Вашингтона «будет долгим, и, судя по всему, компромисса в отношениях России и Запада не предвидится», — справедливо, по нашему мнению, считает программный директор клуба «Валдай» И. Тимофеев².

Коллективный Запад против России: европейское направление

Коллективный Запад ожесточенно сопротивляется усилению России, «поскольку в случае успеха СВО страна прирастет новыми ресурсами, возрастет ее влияние в мире», — заявляет белорусский политолог А. Дзермант. «Если Россия добьется своих целей, то процесс переформатирования мира пойдет дальше. Будут действовать совсем иначе и Китай и другие страны, а Запад будет слабеть»³. Оснований не согласиться с этим выводом нет.

После непродолжительных успехов вооруженных сил Украины в конфликте с Россией киевский режим решил провести масштабную операцию по «освобождению» Крыма и других территорий, взятых под контроль ВС России. Но, понеся значительные потери в живой силе, вооружении и военной технике, украинские войска вынуждены были перейти к обороне.

Российская армия приступила к планомерным наступательным действиям. Уничтожая живую силу, вооружение, важные инфраструктурные и промышленные объекты, войска захватывают выгодные рубежи, создавая благоприятные условия для перехода в решительное наступление с целью выполнения поставленных в СВО задач по демилитаризации и денацификации Украины.

В обстановке угрозы разгрома украинской армии с крайне негативными последствиями для киевского режима, а возможно и для ук-

¹ Приводится по: АС: за два года Москва доказала всему миру, что западный миропорядок «необратимо изменен». URL: <https://russian.rt.com/inotv/2024-03-24/AC-za-dva-goda-Moskva> (дата обращения: 07.05.2024).

² Серебряный И. и др. Мы делим Землю: способна ли СВО создать многополярный мир? URL: <https://news.ru/world/my-delim-zemlyu-poluchaetsya-li-sozdat-mnogopolyarnyj-mir-s-pomoshyu-svo/> (дата обращения: 06.04.2024).

³ Там же.

раинской государственности, на коллективном Западе произошло «раздвоение» мнений. В США решают, стоит ли вкладывать средства в провальный проект. Не лучше ли принудить киевский режим к переговорам, чтобы даже путем территориальных уступок сохранить остальную часть Украины для последующего использования ее в своей «Большой игре» против России. Тем более что в условиях дефицита бюджета, предвыборной межпартийной и внутрипартийной борьбы предназначенные США на помощь Украине 61 млрд долл.¹ «зависли».

С таким подходом Вашингтона согласны не все европейцы. Предлагаются различные варианты, но общая картина сводится к следующему: Западу необходимо обозначить в качестве «красной линии» правобережье Днепра, Николаев и Одессу, оставив тем самым за Украиной выход к портам Черного моря.

Президент Франции Э. Макрон, стремящийся перехватить у Берлина пальму первенства в борьбе за европейское лидерство, впервые огласил цель Европы в отношении России, а также способы ее достижения. По его словам, первое, что должны сделать европейцы, — это исключить победу России над Украиной и обеспечить сильную позицию, с которой В. Зеленский сможет пойти на переговоры. Он также заявил, что «Украина должна быть восстановлена в довоенных границах» и пригрозил России ядерным оружием². Параллельно предполагается раскачивать внутривнутриполитическую обстановку в РФ с помощью оппозиции и иноагентов, покинувших Россию, а также вооруженных диверсий, что уже наблюдается на примере «Крокус Сити холла».

Макрон даже выразил готовность к вводу французского воинского контингента на Украину, правда, совместно с другими желающими из числа стран-участниц НАТО, с чем, однако, не согласились даже в министерстве обороны Франции.

В то же время предложение президента Франции дружно поддержали прибалтийские страны, Румыния, Польша и некоторые другие участники НАТО. Но большинство европейских лидеров заявили о несогласии направлять свои войска в зону конфликта, поскольку это может спровоцировать прямое столкновение с Россией. Тем не менее некоторые эксперты полагают, что Европа действительно планирует ввод войск на Украину, просто Макрон преждевременно выдал эту информацию. Это подтверждает премьер-министр Венгрии

¹ Ведомости. 24.04.2024. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2024/04/12/1031350-ssha-i-yaponiya-obnovili-soyuznicheskie-otnosheniya> (дата обращения: 05.05.2024).

² Тайная мечта Европы: Второй фронт СВО и взять Москву за три дня. URL: <https://dzen.ru/a/ZfwDvcozQTDjqCY2> (дата обращения: 08.04.2024).

В. Орбан: «Страны НАТО все-таки собираются направить свои войска в зону конфликта. Они пойдут на этот шаг через 2—3 месяца»¹.

Вместе с тем, сознавая реальную возможность неуправляемой эскалации украинского конфликта в случае участия в нем союзных войск, в НАТО пока ограничились решением создать совместную миссию альянса на Украине, целью которой будет координация поддержки Киеву (а по существу — руководство боевыми действиями украинской армии против России). Макрон вынужден был согласиться с таким решением, но в СМИ прошла информация о присутствии в Незалэжной подразделений из иностранного легиона Франции.

К срочной поддержке Украины подключились в той или иной мере почти все страны НАТО. Так, Франция поставит почти 75 орудий «Цезарь», президент Чехии Петр Павел заявил, что его страна в рамках так называемой Чешской инициативы готова поставить 500 тыс. 155-мм и 300 тыс. 122-мм снарядов, которые можно было бы доставить ВСУ в кратчайшие сроки при условии выделения соответствующих средств. Союзники Украины тут же откликнулись, выделив почти все необходимое финансовое обеспечение по закупке 800 тыс. артиллерийских снарядов.

Берлин озвучил решение передать Киеву 100 ед. бронетехники (в том числе танки *Leopard* и БМП *Marder*), а также 10 тыс. артиллерийских снарядов (правда, это всего лишь суточный расход артиллерии в период контрнаступательной операции ВСУ). Общая стоимость очередного пакета военной помощи составляет около 500 млн евро. Испания также в этом году отправит на Украину 20 танков *Leopard* и восемь патрульных катеров.

В свою очередь, Бельгия выделит 412 млн евро на военный пакет, в который входят минные тральщики, 300 бронированных машин скорой помощи и около 60 тыс. 155-мм снарядов на сумму 373,1 млн евро. А Греция поставит 70 ед. 155-мм гаубиц, 2 тыс. 127-мм авиационных ракет для армейской авиации и 180 неуправляемых авиационных ракет для вертолетов Ми-8. В этот же пакет помощи войдут 90 тыс. 90-мм артвыстрелов к безоткатным орудиям и около 4 млн патронов для стрелкового оружия.

Вся эта информация подтверждает, что «коллективный Запад» — это не просто словосочетание. Это действительно спаянный общей целью Евросоюз — политическое и экономическое объединение

¹ Тайная мечта Европы: Второй фронт СВО и взять Москву за три дня. URL: <https://dzen.ru/a/ZfwDvcozQTDjqCY2> (дата обращения: 08.04.2024).

27 европейских стран; это и военно-политический союз НАТО — трансатлантическая организация мирового масштаба в составе 32 государств, руководство которой негласно осуществляют США. Это разветвленная сеть американских военных баз, основная часть которых дислоцируется по периметру российско-китайской границы (так называемая петля анаконды).

Большинство союзников США — экономически развитые государства, взаимодействующие с Вашингтоном на многосторонней или на двусторонней (что более характерно для стран из АТР) основе. После дезинтеграции Советского Союза России не удалось восстановить те возможности, которыми она располагала на протяжении большей части ее истории.

Самая сильная сторона коллективного Запада заключается в том, что он, расширяя свое геополитическое пространство в направлении Азиатско-Тихоокеанского региона, действует последовательно, методично и скоординированно. В последний период времени это особенно проявляется при реализации Вашингтоном его Индо-Тихоокеанской концепции с опорой на солидарность англосаксонских стран, не исключая при этом использования возможностей европейских союзников по НАТО.

Коллективный Запад против Китая: восточное направление

В Индо-Тихоокеанском регионе (ИТР) Соединенные Штаты Америки с союзниками по Северо-Атлантическому альянсу наращивают усилия по совершенствованию имеющихся и созданию новых форматов военно-политического и иных видов сотрудничества.

Особого внимания заслуживает деятельность Вашингтона по разветыванию в регионе «индо-тихоокеанского филиала НАТО», которому отводится роль стратегического сдерживателя Китая и российских интересов в регионе. Общую картину гегемонистской политики, поэтапно и последовательно проводимой Вашингтоном в жизнь, условно можно представить в следующем виде.

Так, на первом этапе формируется англосаксонский военный альянс США с Великобританией и Австралией — *AUKUS* и формат технологического сотрудничества — *QUAD* (США, Индия, Япония, Австралия). Они, очевидно, составят основу будущего индо-тихоокеанского альянса, который Пекин воспринимает в качестве элемента сдерживания КНР.

Первый из альянсов потребовался США, очевидно, для прямых действий против Китая, а вокруг второго предполагается собирать региональные страны для экономического противоборства с КНР.

Но здесь следует сделать оговорку, что в случае с Индией, на которую особо рассчитывает Вашингтон, не все так просто. Сегодня «Россию, Индию и Китай объединяет неприятие торгового протекционизма, введения и использования политически мотивированных односторонних санкций и применения в международных делах силовых методов воздействия. Три страны сообща ведут работу по обширной повестке в рамках различных международных организаций, таких как G20, ШОС, БРИКС и др.» [Куликова И.В. и др., с. 68—20].

Образование *AUKUS* затрагивает и Россию, учитывая приобретаемые Австралией в США атомные подлодки и заметно усилившуюся недружественную по отношению к нашей стране политику Канберры.

Старт второму этапу дала июньская 2022 г. инициатива США, Великобритании, Австралии, Новой Зеландии и примкнувшей к ним Японии по созданию следующего «Тихоокеанского регионального партнерства» под названием *Partners in the Blue Pacific (PBP)*. Его основная цель — усиление взаимоподдержки стран-участниц в политике, экономике, безопасности и экологии. Процесс создания различных «партнерств» в ИТР продолжается.

Начало завершающему этапу экспансии НАТО в АТР положил январский 2023 г. визит генсека альянса Й. Столтенберга в Японию и Южную Корею. Как показали последующие события, его целью являлась глобализация зоны ответственности альянса и создание в Азии ядерного плацдарма против Китая, России и КНДР. В принятой перед этим Стратегической концепции НАТО было сказано, что «амбиции и наступательная политика Пекина представляют вызов интересам, безопасности и ценностям участников альянса». Упомянута и обеспокоенность «углублением стратегического партнерства между Москвой и Пекином». Кстати, на этом саммите премьер-министр Японии предложил рассмотреть участие Японии, Австралии, Новой Зеландии и Республики Корея в работе альянса. Ибо, по его словам, «безопасность Европы и Индо-Тихоокеанского региона неотделимы друг от друга, и попытки изменить *status quo* силой в любом из регионов должны пресекаться совместными действиями» (цит. по: [Клименко А.Ф., с. 107—216]).

Кстати, в ходе состоявшегося 10 апреля 2024 г. американо-японского саммита президент США Дж. Байден заявил, что стороны сотрудничают в деле создания совместного командования, которое

будет функционировать на постоянной основе¹. Это поднимает на новый уровень военное сотрудничество Вашингтона и Токио, с перспективой подключения к нему Сеула.

В целом проведенный анализ дает основание предложить вывод о том, что в Индо-Тихоокеанском регионе Вашингтон обновляет американские двусторонние и многосторонние военно-политические союзы на базе антикитайского единения. В результате там возникает *новая сетевая структура*, в которую входят не только классические военно-политические альянсы, но и более гибкие соглашения, включающие, в том числе, военное сотрудничество. Прослеживается тенденция формирования Вашингтоном азиатского аналога НАТО, с попытками втягивания в его структуры стран-участниц ШОС, в первую очередь Индии. Наряду с обострением ситуации на Корейском полуострове и на Тайване, реализация коллективным Западом под руководством США подобных «стратегий» создает потенциальную угрозу безопасности не только для Китая, но и для дальневосточных регионов России.

Все это придает новый импульс российско-китайскому взаимодействию по вопросам безопасности в различных международных форматах и сотрудничеству двух стран в построении нового мирового порядка, основанного на международном праве. А этот миропорядок уже образуется на наших глазах.

Консолидирующийся Глобальный Юг против коллективного Запада

Россия пока в одиночку ведет боевые действия на Украине против коллективного Запада. Но этот факт не должен затенять главного — геополитических изменений глобального масштаба. Четко прослеживается зарождение тенденции к консолидации ряда стран Азии, Африки, Латинской Америки, Ближнего Востока, равно как и Индо-Тихоокеанского региона, не разделяющих, мягко говоря, политику Вашингтона. Целый ряд этих государств постепенно отдаляется от США. При этом нельзя не отметить, что многие из них являются участниками БРИКС.

Сегодня появился запрос на то, чтобы мировое большинство (так называемый Глобальный Юг) обрело свою площадку. И выразителем

¹ Романов Р. США и Япония обновили союзнические отношения. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2024/04/12/1031350-ssha-i-yaponiya-obnovili-soyuznicheskie-otnosheniya> (дата обращения: 12.04.2024).

потребностей этого большинства становится БРИКС. В объединении уже сейчас состоят страны Евразии, Африки, Латинской Америки и арабского мира. В начале этого года БРИКС расширился за счет присоединения Египта, Эфиопии, Ирана, Саудовской Аравии и ОАЭ. Всего же в 2023 г. заявки на вступление в союз подали более 20 стран, а около 30 стран хотят установить с ним партнерские отношения. По мнению экспертов, это говорит о том, что все большее число государств осознает достижимость перехода от западной гегемонии к многополярному мироустройству. «За этим будущее, — сказал С.В. Лавров в комментарии телеканалу НТВ. — Через БРИКС будут разрабатываться правила игры для функционирования того мира, который создаст это большинство»¹.

Новые участники обогатят БРИКС разнообразными природными ресурсами, пополнят политический капитал, что усилит позиции этого форума. В декабрьском 2023 г. докладе международного дискуссионного клуба «Валдай» отмечается, что последние решения по расширению формата объединения «окажут влияние на экономики не только стран БРИКС, но и всего мира». Теперь у объединения «появилось больше рычагов для отстаивания своих интересов, которые нередко совпадают с интересами Глобального Юга в целом». В рамках российского председательства в БРИКС продолжится расширение сотрудничества, особенно в экономической и финансовой сферах. «Кроме того, в рамках БРИКС, учитывая нынешние вызовы глобальной безопасности, может активизироваться сотрудничество в военно-технической сфере. Становятся все более тесными отношения между Китаем и Россией. Безусловно, будут углубляться связи и с Ираном по этому направлению», — полагают российские эксперты².

Динамичные события последних лет, которые проявились в усилившейся конфронтации между Россией и Китаем, с одной стороны, и коллективным Западом во главе с США — с другой, их нарастающее влияние на РФ и КНР — все это стало катализатором дальнейшего российско-китайского сближения и стимулом для консолидации ШОС. Примечательно, что это позитивно сказывается и на процессах налаживания контактов КНР с ЕАЭС и ОДКБ. Они разворачиваются в экономической, политической, военно-технической областях, реализуются в двустороннем и многостороннем форматах.

¹ Таран И. и др. «Западная гегемония уходит в прошлое»: что ждет БРИКС в 2024 году. URL: <https://russian.rt.com/world/article/1251045-briks-vstupili-strany-rossiya-2024> (дата обращения: 02.04.2024).

² Там же.

В сложившихся условиях для России крайне важной является сбалансированность позиции Китая по событиям на Украине. В свою очередь, в КНР отметили несомненную важность той поддержки, которую РФ продемонстрировала Китаю в связи с обострением ситуации вокруг Тайваня. В целом Россия наполняет практическими шагами те свои декларации, которые в общественном пространстве принято называть «поворотом на Восток».

Развитие сотрудничества РФ с другими странами способствует провалу попыток Вашингтона изолировать ее на международной арене. Как и в БРИКС, расширяется и количественный состав, и пространство ШОС. Включив в себя Ближний и Средний Восток, Южную и Юго-Восточную Азию, это пространство охватит значительную часть Большой Евразии.

В Китае при оценке расширения политико-географического пространства ШОС отмечают, что деятельность Организации выходит за рамки Центральной Азии. А на фоне политического и экономического давления со стороны США и стран коллективного Запада растет ее роль и геополитическое значение. Поэтому, полагают в Пекине, необходимо расширение сфер ответственности ШОС и соответствующие изменения в ее структуре и повестке.

Как известно, главные направления сотрудничества Организации — «укрепление безопасности и доверия в регионе», «поощрение регионального экономического сотрудничества», «расширение взаимодействия в гуманитарной» сфере — были определены еще в первых документах ШОС. Они сохраняют важное место в ее повестке и сегодня.

Вместе с тем, с учетом возникшей необходимости «апгрейда» функций Шанхайской организации от региональной безопасности до глобального управления, начинает формироваться новый вектор ее развития, согласно которому девятке стран предстоит выступить в качестве *структурообразующей основы и ключевого фактора* формирования более справедливого, демократического, полицентричного миропорядка.

Очевидно, что со временем ШОС должна подготовиться к принятию на себя роли нового базового института глобального управления. Упор документов Организации на необходимость формирования многополярности и соблюдения принципов международного права, на задачу обеспечения равной и неделимой безопасности и, напротив, на недопустимость односторонних санкций — именно на этом направлении мы вправе ожидать от ШОС нового вклада в обеспечение глобальной и региональной стабильности и в продвижение спра-

ведливого миропорядка. Но для этого ШОС должна обладать соответствующими возможностями, *стать своеобразным «ядром»*, вокруг которого смогли бы объединиться другие партнерские организации и структуры.

Ввиду этого, на фоне обостряющейся военно-политической обстановки в мире актуальность вопроса о наполнении «шосовского» взаимодействия по безопасности реальным содержанием через кооперацию с ОДКБ усиливается. И новым элементом в отношениях России и Китая, ОДКБ и ШОС становится крепнущее понимание единого пространства безопасности — от западной границы ОДКБ до восточных морей Китая включительно [Уянаев С.В., Кулинцев Ю.В.]. Но чтобы конвертировать это понимание в реальный рост сотрудничества по вопросам обороны и безопасности, как полагают эксперты из Института Китая и современной Азии РАН, потребуется решительная активизация совместных усилий. А главное — потребуются «конкретные шаги по “смычке” потенциалов ШОС и ОДКБ, которая, в том числе, подвела бы правовую основу для совместных действий, когда страны-участницы обеих организаций получали бы возможность действовать не только в привычном каждой из них формате, но и в составе временных “смешанных” коалиционных группировок для решения конкретных задач по обеспечению военной безопасности тех или иных участников любой из этих двух организаций. В том числе, речь могла бы идти о легитимации ситуативных подключений КНР к деятельности ОДКБ. Это резко увеличивало бы оборонное измерение российско-китайской связки, причем без необходимости заключения уже долго обсуждаемого двустороннего военно-политического союза»¹.

Многие решения по становлению ШОС как универсальной организации приняты и, несомненно, будут приниматься и в дальнейшем. Потребуется наращивание усилий по их практическому претворению в жизнь, что возможно на базе укрепления российско-китайского сотрудничества и усиления взаимодействия России, Китая, Ирана и Индии в рамках Организации. Более сложной, но не менее важной является задача координации действий участников ШОС и БРИКС на площадке ООН с целью совместного противодействия деструктивному влиянию кампании, развязанной против них коллективным Западом.

Российско-китайская координация на международной арене уже становится фактором воздействия как на глобальные тенденции, связанные с формированием и эволюцией продвигающегося к многопо-

¹ Там же.

лярности мирового порядка, так и на тренды, влияющие на ситуацию в центральноазиатской зоне ШОС, на Корейском полуострове и в целом в Восточной Азии.

Заключение

Подводя итог, следует отметить, что тенденции развития международно-политической обстановки таковы, что даже достижение Россией поставленных целей специальной военной операции не гарантирует в последующем обеспечения мира и стабильности на пространстве Восточной Евразии. А Индо-Тихоокеанская стратегия США и Стратегическая концепция НАТО, дополненная установками относительно намерений альянса по распространению своей сферы деятельности на Индо-Тихоокеанский регион, *подрывают основы безопасности и на этом направлении.*

В связи с этим для обеспечения безопасности и стабильности на всем пространстве ШОС непреходящее значение имеет сотрудничество России и Китая — ключевых драйверов этой организации. Несмотря на невозможность формирования на сегодняшний день российско-китайского военного союза, стороны могут и должны быть готовыми к адекватным действиям в случае возникновения непосредственной военной угрозы, что предусмотрено Договором двух стран от 2001 г. Альтернативы объединению их усилий в борьбе против коллективного Запада нет.

Но этого уже недостаточно. На фоне трансформаций международно-политической обстановки становится очевидной задача сплочения России, Китая, Ирана и Индии, прежде всего, в формате ШОС, а также их тесное взаимодействие с партнерами по другим международным структурам с целью повышения способности этой организации противостоять агрессивным действиям коллективного Запада.

Шанхайская организация сотрудничества может и должна стать своеобразным «ядром», вокруг которого могли бы сплотиться остальные государства, входящие в ОДКБ, СНГ, ЕАЭС, а впоследствии и в БРИКС.

Их сплочению способствует и то, что антироссийские санкции не объединили «весь мир» вокруг Запада, как того ожидали англосаксы. Упомянутые выше международные форматы и регионы (Центральная и Юго-Восточная Азия, Ближний Восток, Африка и Латинская Америка) занимают нейтральную позицию по отношению к СВО России на Украине. Можно ожидать, что в случае дальнейшего западного

давления на них они могут объединиться вокруг Шанхайской организации сотрудничества.

Но для этого нужно вести целенаправленную работу по консолидации усилий названных форматов политического, экономического и военного сотрудничества для решения общих задач по обеспечению стабильности и безопасности, первоначально на пространстве Восточной Евразии. В дальнейшем речь может идти о расширении пространства безопасности и построении своеобразной *сетевой структуры* в целях обеспечения региональной стабильности и комплексной (экономической, финансовой, продовольственной, военной и др.), равной безопасности не только для всех государств — участников вышеназванных форматов, но и для всех стран-субъектов международной деятельности, следующих универсальным нормам международного права.

Подтверждением реализуемости приведенных в настоящей статье соображений является информация министра иностранных дел России С.В. Лаврова о начале диалога по евразийской безопасности, согласованного с его коллегой Ван И в ходе визита министра в Китай 8—2 апреля с.г.

И С.В. Лавров, и Ван И считают необходимым включить в этот диалог и другие страны, разделяющие их видение безопасности и стабильности на пространстве Евразии. То есть отныне Китай считает ситуацию в Европе частью своих задач и проблем.

Принципиальным является предложение России и Китая создать новую площадку для международного обсуждения вопросов безопасности, которая должна быть основана на принципе уважения интересов всех участников и обеспечивать баланс в регионе. *Площадка будет создаваться на базе ШОС и БРИКС.*

Важно продолжать, заявили министры, активно работать над этим процессом и привлекать к нему все больше государств, осознающих важность поддержания стабильности на евразийском континенте¹.

Библиографический список

Клименко А.Ф. США, Китай и Россия в новой глобальной политической среде // США и Канада: экономика, политика, культура. 2023. № 7. С. 107—216. DOI: 10.31857/S268667302307009X.

¹ Приводится по: Ермолова (Волгина) С. Большая игра началась: Россия и Китай «снимают санкции» с Северной Кореи и вместе занимаются Европой — Запад не справил-ся. URL: <https://ok.ru/profile/253643526801/statuses/15772461> (дата обращения: 06.04.2024).

Куликова И.В. и др. Развитие экономических отношений России с Китаем и Индией: перспективы и прогнозы // Прогрессивная экономика. 2023. № 9. С. 68—20. DOI: 10.54861/27131211.

Уянаев С.В., Кулинцев Ю.В. ШОС: Проблемы и возможные пути их решения // Аналитические записки ИКСА РАН. 2023. № 3. С.25—21. DOI: 0.48647/ICCA.2023.61.66.026.

References

Klimenko, A.F. (2023). SShA, Kitay i Rossiya v novoy global'noy politicheskoy srede [The United States, China and Russia in the new global political environment], *SShA & Kanada: ekonomika, politika, kul'tura [USA & Canada: economics, politics, culture]*: 7:107—216. DOI: 10.31857/S268667302307009X. (In Russian).

Kulikova, I.V. et al. (2023). Razvitiye ekonomicheskikh otnosheniy Rossii s Kitayem i Indiyey: perspektivy i prognozy [Development of Russia's economic relations with China and India: prospects and forecasts], *Progressivnaya ekonomika [A progressive economy]*: 9:68—20. DOI: 10.54861/27131211_2023_9_68. (In Russian).

Uyanayev, S.V.; Kulintsev, Yu.V. (2023). ShOS: Problemy i vozmozhnyye puti ikh resheniya [SCO: Problems and possible solutions], *Analiticheskie zapiski IKSA RAN [Analytical notes of the ICCA RAS]* : 3: 25—21. DOI: 10.48647/ICCA.2023.61.66.026 (In Russian).

В.Е. Петровский

РОССИЯ, КИТАЙ И «ПРАВО МИРНОГО ПРОХОДА» В МИРОВОМ СУДОХОДСТВЕ: МЕЖДУНАРОДНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ И МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ

Аннотация. Автор предпринял попытку показать соотношение международно-правовых и международно-политических аспектов восприятия и трактовок норм международного права, в контексте интересов России и Китая, на примере интерпретации «права мирного прохода» в мировом мореплавании, зафиксированного в Конвенции ООН по морскому праву (*UNCLOS*).

С этих позиций в статье выделяются преобладающие правовые особенности развития международного морского права, в соответствии с которым должны обеспечиваться процессы правового регулирования проходов в территориальных морях, на примере ситуации в акваториях Южно-Китайского моря (ЮКМ) и Северного морского пути (СМП).

UNCLOS регулирует различные аспекты международного морского судоходства. Однако она, будучи по определению компромиссным международно-правовым документом, может вступать в противоречие с национальными интересами морских держав, их конкретными внутри- и внешнеполитическими обстоятельствами. Это, помимо участия или неучастия в Конвенции, порождает различные интерпретации ее положений и практику их расширительного толкования.

Такие противоречия в основном возникают в зонах, на которые распространяется суверенитет прибрежных государств. Интересы

крупных военно-морских держав и прибрежных стран, включая Россию, могут существенно различаться: первые настаивают на праве мирного прохода своих военных судов, вторые пытаются ограничить такое право в своих территориальных водах, ссылаясь на необходимость обеспечения национальной безопасности. Если в акватории ЮКМ интерпретация беспрепятственного права свободного прохода может вступать в противоречие с императивами обеспечения международной морской безопасности и предотвращения опасной военно-морской деятельности, особенно в акватории так называемых спорных территорий, то в акватории СМП существуют различные толкования права свободного прохода в *UNCLOS* и национальном законодательстве РФ.

Ключевые слова: Конвенция ООН по морскому праву, право мирного прохода, Южно-Китайское море, Арктика, Северный Морской путь, международно-правовой статус, правовые регуляторы.

Автор: *Петровский Владимир Евгеньевич*, доктор политических наук, главный научный сотрудник Центра «Россия, Китай и мир» Института Китая и современной Азии РАН (адрес: 117977, Москва, Нахимовский пр-т, 32). ORCID: 0000-0002-7714-1341.
E-mail: petrovsk4@gmail.com

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации в Институте Китая и современной Азии РАН.

V. Ye. Petrovskiy

Russia, China and Innocent Passage in the World Navigation: International Political and Legal Aspects (the cases of the South China Sea and the Northern Sea Route)

Abstract. The author has attempted to show the relationship between international legal and international political aspects of the perception and interpretation of international law, in the context of the interests of Russia and China, using the example of the interpretations of the “right of innocent passage” in world navigation, as enshrined in the United Nations Convention on the Law of the Sea (UNCLOS).

From these positions, the article highlights the prevailing legal features of the development of international maritime law, in accordance with which the processes of legal regulation of passages in the territorial seas should be ensured, using the example of the situation in the waters of the South China Sea (SCS) and the Northern Sea Route (NSR).

UNCLOS regulates various aspects of international shipping. However, being by definition a compromise international legal document, it can

conflict with the national interests of the sea powers, their specific domestic and foreign policy circumstances. This, in addition to participation or non-participation in the Convention, gives rise to different interpretations of its provisions and the practice of their broad interpretation.

Such contradictions mainly arise in zones that are subject to the sovereignty of coastal states. The interests of major naval powers and coastal countries, including Russia, may differ significantly: the former insist on the right of innocent passage for their warships, the latter try to restrict such a right in their territorial waters, citing the need to ensure national security. If the interpretation of the free right of free passage in the SCS waters may conflict with the imperatives of ensuring international maritime security and preventing dangerous naval activities, especially in the waters of the so-called disputed territories, then in the water area of the NSR there are different interpretations of the right of free passage in UNCLOS and the national legislation of the Russian Federation.

Keywords: UN Convention on the Law of the Sea, innocent passage, South China sea, Arctic, Northern Sea route, international legal status, legal regulators.

Author: Vladimir Ye. PETROVSKIY, Dr.Sc. (Political Science), Chief Academic Research Fellow, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences (address: 32, Nakhimovsky Ave., Moscow, 117997, Russian Federation). ORCID: 0000-0002-7714-1341. E-mail: petrovsk4@gmail.com

Conflict of interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

Support. The article was prepared at the Institute of China and Contemporary Asia of the RAS within the framework of the State assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation.

Вводные положения

Цель настоящей статьи — показать соотношение междунаро-дно-правовых и международно-политических аспектов восприятия и трактовок норм международного права в контексте интересов России и Китая. При этом автор исходит из интерпретаций «права мирного прохода» в мировом мореплавании, зафиксированного в Конвенции ООН по морскому праву (*UNCLOS*).

С этих позиций в статье выделяются преобладающие особенности развития международного морского права, в соответствии с которым должны обеспечиваться процессы правового регулирования проходов

в территориальных морях, на примере ситуации в акваториях Южно-Китайского моря (ЮКМ) и Северного морского пути (СМП).

Если в акватории ЮКМ интерпретация беспрепятственного права свободного прохода может вступать в противоречие с императивами обеспечения международной морской безопасности и предотвращения опасной военно-морской деятельности, особенно в акватории так называемых спорных территорий, то в акватории СМП существуют различные толкования права свободного прохода в *UNCLOS* и национальном законодательстве РФ.

Право мирного прохода в акваториях ЮКМ

Конвенция ООН по морскому праву может вступать в противоречие с национальными интересами морских держав, их конкретными внутри- и внешнеполитическими обстоятельствами. Это, помимо участия или неучастия в Конвенции, порождает различные интерпретации ее положений и практику их расширительного толкования.

В этой связи китайские ученые указывают на следующие обстоятельства:

- положения Конвенции об исторических правах, островных и скальных режимах, военной деятельности в исключительных экономических зонах и вопросах пиратства слишком принципиальны или двусмысленны. Это не только обычное явление в многосторонних договорах, но и результат девяти лет напряженных переговоров по Конвенции, а также борьбы и компромисса между различными группами интересов;
- практика международного сообщества по толкованию и применению соответствующих положений и институциональных установок Конвенции способствует прояснению некоторых расплывчатых её формулировок, а также является дальнейшим толкованием и развитием морского права, кодифицированного в Конвенции [Yang Zewei].

Такие противоречия в основном возникают в зонах, на которые распространяется суверенитет прибрежных государств. Интересы крупных военно-морских держав и прибрежных стран могут существенно различаться: первые настаивают на праве мирного прохода своих военных судов, вторые пытаются ограничить такое право в своих территориальных водах, ссылаясь на необходимость обеспечения национальной безопасности. И те и другие ссылаются на *UNCLOS*, поскольку ее различные интерпретации дают такую возможность [Гудев П.А.].

Именно это обстоятельство доминирует в обострившейся американо-китайской полемике по поводу ситуации вокруг спорных островов в Южно-Китайском море.

О чем идет речь? Казалось бы, ст. 19 (2) *UNCLOS* исчерпывающим образом определяет правила мирного прохода и исключения из них¹. Однако Китай прибегает к их расширительной трактовке, исходя из приоритетов своей национальной и региональной безопасности. Условием ратификации Конвенции Пекин поставил признание за собой права запрашивать у других стран разрешение (или получать предварительное уведомление) на проход через свои территориальные моря военных кораблей.

Китай утверждает, что его морские объекты находятся под его юрисдикцией, что позволяет иностранным военным кораблям заходить в его территориальное море только с разрешения. США утверждают, что они пользуются мирным проходом и свободой судоходства в территориальном море и ИЭЗ Китая в соответствии с Конвенцией ООН по морскому праву. Однако в Китае убеждены, что военная деятельность США, такая как сбор разведанных и наблюдение, нарушает статью 87(2) *UNCLOS* [Allayarov S., p. 4].

Китайский Закон о территориальном море и прилегающей зоне от 1992 г. гласит: «Чтобы войти в территориальные воды Китайской Народной Республики, иностранные военные корабли должны получить разрешение правительства КНР». 29 апреля 2021 г. Постоянный комитет ВСНП принял поправки к Закону о безопасности морского движения, в соответствии с которыми «иностранные военные суда, осуществляющие плавание, стоянку на стоянке или деятельность в территориальном море КНР, нарушающие законы или административные правила КНР, подлежат наказанию в соответствии с соответствующими законами и административными нормативно-правовыми актами» [Sakamoto Shigeki].

Политика Китая в ЮКМ определяется важнейшим геостратегическим значением этих акваторий. По мнению ряда экспертов, контроль над ними определяет доступ к Малаккскому проливу, от которого зависит до 60 % внешней торговли КНР и до 80 % импорта нефти и газа. Китай озабочен возможностями военно-морских сил США заблокировать Малаккский пролив, препятствуя не только морскому

¹ Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву (заключена в Монтего-Бее 10 декабря 1982 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации (далее СЗ РФ). 1997. № 48. Ст. 5493.

судоходству, но и способности китайских атомных подводных лодок выходить в открытый океан.

Несмотря на положения ст. 58 Конвенции, из которой следует, что статус ИЭЗ распространяется только на морскую толщу, Китай не считает международным воздушное пространство над своей исключительной экономической зоной и выступает против проведения в ней военно-морских исследований.

Со своей стороны, США в 1979 г. создали программу *Freedom of Navigation*, в рамках которой осуществляется регулярное патрулирование кораблями ВМС США различных акваторий Мирового океана с целью «защиты свободы судоходства». Примечательно, что США не ратифицировали UNCLOS, заявив при этом, что согласны признать права других стран в их прибрежных водах, при условии признания там аналогичных прав США и других стран.

В рамках данной программы США оспаривают притязания КНР на острова и прилегающие к ним акватории. Со своей стороны, Китай обосновывает свои исторические права на них так называемой Девятипунктирной линией. Эта линия, прочерченная на послевоенной карте образца 1947 г., охватывает 90 % площади ЮКМ, показывая, на какие острова и акватории претендует Китай. В мае 2009 г. китайские дипломаты представили в комиссию ООН по континентальному шельфу карту с этой пунктирной линией. Пекин настаивает на разрешительном характере какой-либо деятельности там со стороны других государств [Гудев П., Мишин И.].

Заявления США о свободе мореплавания в ЮКМ двусмысленны, поскольку Соединенные Штаты имеют в виду свободу судоходства не столько для торгового, сколько для своего военного флота, пытаясь создать в ЮКМ дополнительную напряженность в целях давления на Китай. В этой ситуации возникает риск неспровоцированных военно-морских инцидентов с участием американских и китайских ВМС. С 2015 г. США направляют свои военные корабли в патрулирование, без какого-либо объявления или предварительного разрешения, в акватории, которые КНР считает своими территориальными водами, ограниченными 12-мильной зоной. При этом постоянно заявлялось, что «военные корабли во время прохождения не вели никаких других действий в акваториях с предполагаемой китайской юрисдикцией», и при этом «помимо прочего, выключали радары управления огнем и воздерживались от использования вертолетов». Таким образом, США обосновывали свой вызов «чрезмерным притязанием всех региональных держав» [Seymour, Ch., pp. 195—296].

В этой связи нельзя не напомнить, что споры вокруг островов в Южно-Китайском море уходят корнями в историю. Их территориальную принадлежность оспаривают и другие страны, включая Бруней, Вьетнам, Малайзию, Таиланд и Филиппины. В рамках диалога Китая и АСЕАН китайская сторона заявляет о стремлении разрешать эти вопросы через диалог и консультацию с заинтересованными сторонами, а также о намерении поддерживать свободу и безопасность судоходства в Южно-Китайском море.

США регулярно заявляли о несогласии с позицией КНР и официально излагали свои правовые подходы по данному вопросу¹. Американские военно-политические союзники хотели бы, чтобы Вашингтон занял более активную позицию в споре об островах, ставя последний в не слишком удобное положение: следует ли рисковать американо-китайскими отношениями ради чужого, по сути дела, территориального спора?

В 2016 г. Постоянная палата третейского суда в Гааге вынесла вердикт об отказе от предлагаемой Китаем концепции «исторического права» в пользу норм современного международного права, а также о том, что риф Мисчиф архипелага Спратли признан не островом, как на том настаивал Пекин, а «обсыхающим при отливе возвышением без права на установление каких-либо морских зон суверенитета и юрисдикции вокруг него»². Как показали П. Гудев и И. Мишин, китайская трактовка была призвана обосновать, что риф пригоден для жизни и хозяйственной деятельности, с целью их правовой квалификации в качестве полноценных островов (Китай в последние годы практикует создание искусственных островов, представляя их как полноценные, имеющие право на установление всех морских зон, предписанных Конвенцией ООН [Гудев П., Мишин И.]).

Китай не принял это решение, посчитав его необъективным. Развернутая аргументация китайской позиции представлена в опубликованной в июле 2016 г. МИД КНР Белой книге «Китай настаивает на разрешении соответствующих споров между КНР и Филиппинами в Южно-Китайском море путем переговоров». Возможно, Китай продолжит настаивать на юридическом приоритете Декларации АСЕАН

¹ См., например: People's Republic of China: Maritime Claims in the South China Sea, January 2022. Office of Ocean and Polar Affairs Bureau of Oceans and International Environmental and Scientific Affairs U.S. Department of State. URL: <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2022/01/LIS150-SCS.pdf> (accessed: 01.05.2024).

² The South China Sea Arbitration (The Republic of the Philippines v. the People's Republic of China). The Hague, 12 July 2016. URL: <https://pcacases.com/web/sendAttach/1801> (accessed: 01.05.2024).

о правилах поведения в Южно-Китайском море, в которой говорится о разрешении территориальных споров в ЮКМ на двусторонней основе [Дикарев А.Д.]. Хотя с новым президентом Филиппин у Пекина более ровные отношения и стороны даже обсуждали совместное освоение шельфа ЮКМ¹.

Представитель МИД РФ выступила со специальным разъяснением по данному вопросу, в соответствии с которым «Россия не является участником территориальных споров в ЮКМ и не будет в них втянута»; она «принципиально не становится на чью-либо сторону», однако выступает за их разрешение непосредственно между вовлеченными сторонами без какого-либо вмешательства внешних сил².

Автор полагает, что Россия могла бы придерживаться «дружественного нейтралитета» относительно позиции Китая по ситуации в ЮКМ. В интересах наших двух стран не допускать создания прецедентов, которые могли бы негативно повлиять на их национальные и геополитические интересы (в том числе касающиеся споров о территориальной принадлежности), а также вести к постепенному разрушению современной системы международных отношений, основанной на приоритете роли ООН и сложившихся норм международного права.

Право мирного прохода в акватории СМП

Если в акватории ЮКМ интерпретация беспрепятственного права свободного прохода может вступать в противоречие с императивами обеспечения международной морской безопасности и предотвращения опасной военно-морской деятельности, особенно в акватории так называемых спорных территорий, то в акватории СМП существуют различные толкования права свободного прохода в UNCLOS и национальном законодательстве РФ.

В соответствии с положениями UNCLOS Россия, согласно своей трактовке Конвенции, установила ряд национальных законодательных норм и ограничений, объявив СМП «национальной единой транспортной коммуникацией РФ».

Приоритеты развития российской Арктики, включая развитие СМП, были сформулированы в ряде доктринальных документов, та-

¹ PXP Energy in sea exploration talks with another China company. URL: <https://worldoil.com/news/2022/12/6/pxp-energy-in-sea-exploration-talks-with-another-china-company/> (accessed: 01.05.2024).

² МИД РФ: Россия не будет втягиваться в споры в Южно-Китайском море // ИТАР-ТАСС. URL: <https://tass.ru/politika/3454520> (дата обращения: 01.05.2024).

ких как «Об основах государственной политики Российской Федерации в Арктике до 2035 года».¹

В Федеральном законе «О внутренних морских водах, территориальном море и прилежащей зоне Российской Федерации» СМП определяется как «исторически сложившаяся национальная транспортная коммуникация Российской Федерации», плавание в акватории которой осуществляется в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права, международными договорами РФ и положениями ее национального законодательства. При этом акватория СМП определяется как «водное пространство, прилегающее к северному побережью Российской Федерации, охватывающее внутренние морские воды, территориальное море, прилежащую зону и исключительную экономическую зону Российской Федерации»².

Федеральный закон от 28 июля 2012 г. № 132-ФЗ закрепил понятие «акватория Северного морского пути» как водного пространства, прилегающего к северному побережью РФ, охватывающего внутренние морские воды, территориальное море, прилежащую зону и исключительную экономическую зону РФ и ограниченное с востока линией разграничения морских пространств с США и параллелью мыса Дежнева в Беринговом проливе, с запада меридианом мыса Желания до архипелага Новая Земля, восточной береговой линией архипелага Новая Земля и западными границами проливов Маточкин Шар, Карские Ворота, Югорский Шар³.

В своих внутренних морских водах, территориальном море, прилежащей зоне и исключительной экономической зоне Россия может осуществлять контроль, необходимый для предотвращения нарушений таможенных, фискальных и иных законов и правил, а также принимать и обеспечивать соблюдение недискриминационных законов и правил по предотвращению, сокращению и сохранению под контролем загрязнения морской среды с судов в покрытых льдами районах в пределах исключительной экономической зоны.

В соответствии со ст. 12 Федерального закона «О внутренних морских водах, территориальном море и прилежащей зоне Российской

¹ Указ Президента Российской Федерации от 5 марта 2020 г. № 164 «Об основах государственной политики Российской Федерации в Арктике до 2035 года» // СЗ РФ. 2020. № 10. Ст. 1317.

² Кодекс Торгового мореплавания РФ от 30.04.1999 N 81-ФЗ (ред. от 13.07.2020) (Федеральный закон от 30 апреля 1999 г. № 81-ФЗ) // СЗ РФ. 1999. № 18. Ст. 2207.

³ Федеральный закон от 28.07.2012 № 132-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части государственного регулирования торгового мореплавания в акватории Северного морского пути» // СЗ РФ. 2012. № 31. Ст. 4321.

Федерации», общепризнанными принципами и нормами международного права и международными договорами иностранные военные суда пользуются правом мирного прохода через территориальное море. «В интересах обеспечения безопасности Российской Федерации, а также в целях проведения учений с оружием любого вида федеральный орган исполнительной власти по обороне или федеральный орган исполнительной власти по безопасности могут временно приостановить в определенных районах территориального моря осуществление права мирного прохода через территориальное море для иностранных судов, иностранных военных кораблей и других государственных судов»¹.

В марте 2019 г. правительство России одобрило правила прохода СМП иностранными военными кораблями, которые предусматривают обязательное предварительное уведомление за 45 суток и присутствие на борту российских лоцманов. Правила предусматривали отказ от прохода через СМП и принятие чрезвычайных мер в случае несанкционированного движения².

В сентябре 2020 г. Правительство РФ приняло постановление об утверждении правил плавания в акватории Северного морского пути³. В декабре 2022 г. Россия утвердила новые, более жесткие правила захода иностранных судов в акваторию СМП, в соответствии с которыми представителям иностранных ВМС нужно получать разрешение на проход через Карский, Берингов и Вилькицкого проливы не менее чем за 90 дней до предполагаемого перехода.

При этом иностранные государства, заинтересованные в использовании СМП и отстаивающие принцип свободного мореплавания (особенно США), выступают за изъятие его из национальной юрисдикции России. Поскольку СМП проходит через проливы, обладающие различным международно-правовым статусом, упомянутые страны считают наделить эти акватории статусом «глобальных районов всеобщего пользования» (*global commons*)⁴.

¹ Федеральный закон «О внутренних морских водах, территориальном море и прилегающей зоне Российской Федерации» // СЗ РФ. 1998. № 31. Ст. 3833.

² Россия разработала правила прохода Северного морского пути для иностранных боевых судов // Институт Африки РАН. URL: <https://riafan.ru/1157683-rossiya-razrabotala-pravila-prokhoda-severnogo-morskogo-puti-dlya-inostrannykh-boevykh-sudov> (дата обращения: 01.05.2024).

³ Постановление Правительства Российской Федерации от 18.09.2020 г. № 1487 «Об утверждении Правил плавания в акватории Северного морского пути» // СЗ РФ. 2020. № 39. Ст. 6064.

⁴ Ридер РСМД. Северный морской путь // РСМД. URL: <https://russiancouncil.ru/sevmorput> (дата обращения: 01.05.2024).

Министр ВМС США заявил, что военно-морские силы страны начнут регулярно патрулировать российские берега в Арктике, проведя аналогию с обстановкой в Южно-Китайском море, где у Китая и ряда других стран есть разногласия по морским границам и зонам ответственности. В августе 2021 г. координатор Госдепартамента США по Арктике заявил, что «американское правительство воспринимает Арктику как северный фланг НАТО»¹.

В октябре 2022 г. США приняли новую Национальную стратегию для Арктического региона. [АК1] Стратегия включает планы по усилению американского военного присутствия на Крайнем Севере. Главными угрозами и вызовами в документе обозначили Москву и Пекин².

В России тоже звучат голоса в пользу ограничения ее контроля над СМП. По мнению некоторых российских экспертов, при интенсивном таянии льдов Россия утратит права на особое регулирование плавания в акватории СМП и возможность предоставлять привилегии или устанавливать какие-либо ограничения любому перевозчику с любым грузом на борту³.

Однако в силу природных условий и географических особенностей расположения СМП Россия в любом случае не утратит рычагов влияния на особенности навигации в его акватории. Как отметил в этой связи В. В. Путин, ссылаясь на международный Полярный кодекс⁴, значительная часть маршрута по СМП проходит по российским внутренним водам, что создает для России значительные конкурентные преимущества. Но, подчеркнул российский президент, «это не значит, что мы собираемся кого-то ограничивать ... будем работать со всеми, кто хочет, потому что мы в этом заинтересованы сами»⁵.

¹ США начнут патрулирование вблизи российских берегов в Арктике. URL: <https://iz.ru/1108922/2021-01-07/ssha-nachnut-patrulirovanie-vblizi-rossiiskii-beregov-v-arktike> (дата обращения: 01.05.2024).

² National Strategy for the Arctic Region, October 2022. Wash.: The White House, 2022. Pp. 5, 6, 9.

³ Северный морской путь: кому он будет принадлежать, если наступит эпоха глобального потепления. URL: <https://www.rzd-partner.ru/wate-transport/interview/severnoy-morskoy-put-komu-on-budet-prinadlezhat-esli-nastupit-epokha-globalnogo-potepleniya/> (accessed: 01.05.2024).

⁴ РЕЗОЛЮЦИЯ MSC.385(94) (принята 21 ноября 2014 года). Международный кодекс для судов, эксплуатирующихся в полярных водах (Полярный кодекс). URL: <https://docs.cntd.ru/document/420376046> (дата обращения: 01.05.2024).

⁵ Посещение Дальневосточного морского тренажёрного центра МГУ имени адмирала Г.И. Невельского, 2 сентября 2021 г. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/66575> (дата обращения: 01.05.2024).

* * *

В свете вышеизложенного автор полагает, что, по сравнению с ЮКМ, в ситуации вокруг СМП существует бóльшая определенность как с точки зрения норм международного права, даже при различных его трактовках, так и с точки зрения российского законодательства (несмотря на серьезные расхождения взглядов по этому вопросу). Что касается международно-политических аспектов ситуации вокруг ЮКМ и СМП, то она также вряд ли будет меняться в обозримой перспективе.

Тем не менее на ситуации вокруг международного сотрудничества в Арктике и СМП не может не сказываться антироссийская санкционная политика Запада, в частности попытки западных стран — членов Арктического совета «бойкотировать» участие России в работе этой организации. В этой связи следует с предельной осторожностью и взвешенностью отнестись к вопросу о возможном выходе России из Арктического совета, учитывая тот факт, что именно РФ была соучредителем этой межправительственной организации (хотя ее статус оспаривается некоторыми российскими юристами, поскольку совет действует на основе не международного договора, а декларации МИД стран-учредителей), а также то, что в рамках председательства Норвегии работа совета возобновилась, пусть пока и в формате рабочих групп. Следует учесть и то, что возможный выход из совета может быть негативно воспринят дружественными азиатскими странами-наблюдателями. Так, в октябре 2022 г. специальный посланник Китая по Арктике Фэн Гао заявил, что Китай не поддержит председительство Норвегии в Арктическом совете в случае, если Россия будет из него исключена¹.

То же самое касается вопроса о возможной денонсации Конвенции ООН по морскому праву в части Арктики на фоне действий недружественных стран, обсуждение которого началось в Государственной думе. Нужно учесть опыт Китая, который использует возможность для трактовки Конвенции в своих интересах, в частности в вопросах о «праве свободного прохода» в акваториях Южно-Китайского моря, не ставя при этом вопрос о денонсации.

Библиографический список

Гудев П., Мишин И. Южно-Китайское море: второй фронт американо-китайского противостояния // РСМД. 27.06.2019. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics>

¹ Китай не признает Арктический совет без России // High North News. URL: https://regnum.ru/news/3725715?utm_referrer=korabel.ru/news/comments/kitay_ne_priznaet_arkkticheskii_sovet_bez_uchastiya_rossii.html (дата обращения: 03.05.2024).

-and-comments/analytics/yuzhno-kitayskoe-more-vtoroy-front-amerikano-kitayskogo-protivostoyaniya/ (дата обращения: 03.05.2024).

Гудев П.А. Конвенция ООН по морскому праву: проблемы трансформации режима. М.: ИМЭМО РАН, 2014.

Дикарев А.Д. Политические и правовые последствия вердикта Гаагского трибунала по иску Филиппин к Китаю // Общество и государство в Китае. М.: Институт востоковедения РАН, 2018. Т. XLVIII, ч. 1. С. 340—256.

References

Dikarev, A.D. (2018). Politicheskie i pravovye posledstviya verdikta Gaagskogo tribunala po isku Filippin k Kitayu [Political and legal consequences of the verdict of the Hague Tribunal on the claim of the Philippines against China], *Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae [Society and State in China]*, Vol. XLVIII: 1 : 340—256. (In Russian).

Gudev, P.; Mishin, I. (2019). Yuzhno-Kitajskoe more: vtoroj front amerikano-kitajskogo protivostoyaniya [South China Sea: the second front of the US-China confrontation]. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/yuzhno-kitayskoe-more-vtoroy-front-amerikano-kitayskogo-protivostoyaniya/> (accessed: December, 6, 2021). (In Russian).

Gudev, P.A. (2014). Konvenciya OON po morskomu pravu: problemy transformacij rezhima [UN Law of the Sea: problems of regime transformation], *Moscow: IMEMO RAS*. (In Russian).

* * *

Allayarov, Sardor (2023). International Law with Chinese Characteristics. The South China Sea Territorial Dispute. *Prague: Institute of International Relations*, 7 p.

Sakamoto Shigeki (2022). Searching for the Objectives of China's Revised Maritime Traffic Safety Law of the People's Republic of China, *The Japan Forum on International Relations*. February 22. URL: https://www.jfir.or.jp/en/studygroup_article/3915/ (accessed: May 3, 2024).

Seymour, Chase M. (2023). Navigating the South China Sea: Analysing the Current Dispute over Sovereignty, and Maritime Rights, *South Carolina Journal of International Law and Business*: Vol. 19: 2: 9: 186—210.

Yang Zewei (2022). Zhōngguó yǔ “liánhéguó hǎiyáng fǎ gōngyuē” 40 nián: Lichéng, yǐngxiǎng yǔ wèilái zhanwàng,

杨泽伟. 中国与《联合国海洋法公约》40年: 历程、影响与未来展望 [China and the United Nations Convention on the Law of the Sea 40 Years: History, Impact and Future Prospects], *Dāngdài fǎ [Contemporary Law]*: 4. URL: https://aoc.ouc.edu.cn/_t719/2022/1004/c9824a378434/page.htm (accessed: May 3, 2024).

В.А. Матвеев

НОВЫЕ СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ИНИЦИАТИВЫ КИТАЯ ПО ИНТЕГРАЦИИ ПРОСТРАНСТВА БОЛЬШОЙ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Аннотация. Статья исходит из того, что развивающийся мировой экономический кризис имеет существенные геополитические причины. Он оказывает значимое деструктивное влияние на развитие стран Евразии.

Страны постсоветского пространства ведут поиск дополнительных источников и стимулов экономического роста, среди которых весомым является продолжающийся процесс евразийской интеграции.

Одним из основных мотивов реализации инициативы «Пояс и путь» (ИПП), наряду с инфраструктурными интересами Китая, становится нацеленность КНР на региональную интеграцию, прежде всего с соседями.

Из-за особого геостратегического положения Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР (СУАР КНР) на границе с Центрально-Азиатским регионом и Средним Востоком ему предназначена особая роль в развитии ИПП. Китай стремится придать ряд дополнительных импульсов экономическому и социальному развитию СУАР. В статье анализируются особенности и новации экспериментальной зоны свободной торговли, создаваемой в Синьцзяне с 2023 г.

Основной вывод статьи заключается в том, что в трансграничной китайско-центральноазиатской полосе начинают складываться предпосылки для формирования экономического пояса роста, что в долгосрочной перспективе делает возможным создание международного экономического региона.

Ключевые слова: инициатива «Пояс и путь» (ИПП), Центральная Азия, Синьцзян, транспортно-логистическая инфраструктура, стратегическое партнерство, зона свободной торговли, международный экономический регион.

Автор: *Матвеев Владимир Александрович*, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра «Россия, Китай и мир» Института Китая и современной Азии РАН (адрес: 117977, Москва, Нахимовский пр-т, 32). ORCID 0000-0002-3893-1893. E-mail: matveeva@mail.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации в Институте Китая и современной Азии РАН.

V.A. Matveev

New strategic initiatives of China to integrate the Greater Central Asia space

Abstract. The article proceeds from the fact that the developing global economic crisis has significant geopolitical reasons. It has a significant destructive impact on the development of Eurasian countries.

The countries of the post-Soviet space are searching for additional sources and incentives for economic growth, among which the ongoing process of Eurasian integration is significant.

One of the main motives for the implementation of the Belt and Road Initiative (BRI), along with China's infrastructure interests, is the PRC's focus on regional integration, primarily with its neighbors.

Due to the special geostrategic position of the Xinjiang Uygur Autonomous Region of the People's Republic of China (XUAR of the People's Republic of China) on the border with the Central Asian region and the Middle East, it has a special role in the development of the BRI. China is striving to give a number of additional impetuses to the economic and social development of the XUAR. The article analyzes the features and innovations of the experimental free trade zone created in Xinjiang from 2023.

The main conclusion of the article is that in the cross-border Chinese-Central Asian zone, the prerequisites for the formation of an economic growth belt are beginning to take shape, which in the long term makes it possible to create an international economic region.

Keywords: Belt and Road Initiative (BRI), Central Asia, Xinjiang, transport and logistics infrastructure, strategic partnership, free trade zone, international economic region.

Author: Vladimir A. MATVEEV, Ph.D (Economics), Leading Research Fellow, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian

Academy of Sciences. (address: 32, Nakhimovsky Ave., Moscow, 117997, Russian Federation). ORCID 0000-0002-3893-1893.
E-mail: matveevva@mail.ru

Conflict of interest. The author declares that there is no conflict of interests.

Support. The article was prepared as part of the State assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation at the Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences.

В середине третьего десятилетия XXI в. мир вступил в новый этап неустойчивости. Вместо конфликтов и разногласий доперестроечного двухполюсного мира пришли вызовы и угрозы принципиально новой международной обстановки. В этих условиях вырисовываются актуальные угрозы безопасности.

В современной мировой политике складывается исключительная ситуация, грозящая масштабным кризисом геополитического характера. Следствием этого может быть появление таких проблем, которые вполне могут оказать серьезное негативное влияние на развитие стран Евразии.

Среди них главными, на наш взгляд, являются неопротекционизм, или экономический национализм, а также растущая жесткость штрафных санкций для стран, имеющих торгово-экономические связи с Россией. Глобальная экономическая конкуренция наряду с глубоким мировым экономическим кризисом толкают страны к использованию нерыночных методов воздействия на страны-партнеры. При этом возникают преграды на путях движения на мировой рынок не только для продукции традиционных отраслей, но и для товаров тех отраслей, которые выпускают прорывную технологически сложную продукцию.

Нередко вместо таких традиционных внешнеэкономических инструментов, как торговые пошлины и квоты, появляются нетарифные ограничения, например программы финансовой помощи, дотации, субсидии именно внутренним производителям, и иные меры по стимулированию потребителей приобретать продукцию отечественного производства.

Еще одним из вызовов является технологическая холодная война между США и Китаем. США, «подняв на щит» протекционистские настроения в отношении импорта из КНР, пытаются припугнуть коммерческих партнеров дополнительными торговыми пошлинами. Эти сверхдержавы уже конкурируют за первенство в высокотехноло-

гических отраслях, в частности в области создания искусственного интеллекта и суперкомпьютерной техники, а также борются за доминирующее положение на глобальном рынке информационных технологий. Мировые потребители соответствующей продукции встают перед непростым вопросом: кому доверять, какого поставщика выбрать и чьи стандарты принимать. Возможная фрагментация рынка технологий порождает не только коммерческие риски, но и сложности, связанные с нарушением информационной безопасности, глобальной вирусной активностью и т. п. [Матвеев В.А., 2018].

К тому же «масштабный рост влияния Китая побудил правительство КНР установить новые правила поведения страны на международной арене как крупной, влиятельной державы. Китай проводит самую эффективную в мире глобальную, весьма «напористую» торгово-инвестиционную линию и использует китайские технологические компании для продвижения государственных интересов»¹.

В китайско-американских межгосударственных отношениях возникло опасное напряжение. Это незамедлительно вылилось в противодействие со стороны Запада приобретению Китаем современных технологий и инноваций. Особенно показательна в этом плане позиционная война США с Китаем за рынок оборудования для возобновляемых источников энергии и за редкометаллические ресурсы.

В конечном итоге страны евразийского пространства вынуждены гибко подстраиваться под меняющиеся правила и стандарты.

Несмотря на рост протекционистских и торгово-изоляционистских тенденций, взаимозависимость стран резко возросла, и это обстоятельство становится ключевой особенностью современного миропорядка [Хасанов У.А.].

Взаимозависимость несет не только выгоды: она чревата немалыми угрозами для безопасности особенно тех государств, которые отличаются высокой зависимостью от экспортно-импортных, финансовых, сырьевых и прочих внешнеэкономических связей. Серьезные проблемы у внешнеэкономических партнеров тут же сказываются на экономическом положении и общей хозяйственной безопасности высокозависимых стран [Матвеев В.А., 2016].

В этих условиях страны евразийского пространства поставлены перед необходимостью изыскивать новые резервы экономического роста. Поддержкой для них служит развивающийся процесс евразийской интеграции.

¹ 10 главных рисков для мира в 2018 году // ИноСМИ-Time. 04.01.2018. URL:<http://inosmi.ru/social/20180104/241135004.html> (дата обращения: 03.04.2024).

Несмотря на то что Китай превратился в торговую державу с глобальными амбициями и торговыми интересами по всему земному шару, для него достаточно значимо коммерческое партнерство с ближайшими соседями, а именно со странами Центральной Азии (ЦА).

И здесь существенную роль в активизации экономического сотрудничества стран ЦА и Китая играет феномен общей границы.

Следует согласиться с мнением о том, что «именно соседство — ключевая характеристика геоэкономического положения стран. Конечно, сам фактор общей границы автоматически не ведет к интенсивному обмену товарами, услугами, капиталом и рабочей силой на взаимовыгодной основе. Степень и формы сотрудничества граничащих государств во многом зависят от качественного улучшения экономических, политических, институциональных, инфраструктурных, инвестиционных и иных факторов взаимодействия. Для него, кроме политической воли, необходимо упорядочивание определенных условий, среди которых — создание общих эффективных институтов (путем заключения обязывающих договоров о взаимной торговле, создания комиссий по экономическому сотрудничеству и привлекательного инвестиционного климата), региональной инфраструктуры, обеспечивающей движение факторов производства, а также определенных механизмов стимулирования (преференции в доступе на рынки, поощрение региональной специализации и кооперации)» [Алимов Р.К.].

Китай продолжает свое поступательное развитие вопреки желаниям ряда развитых стран во главе с США, в связи с чем уже выкристаллизовались основные вызовы и угрозы дальнейшему росту КНР со стороны ее международных оппонентов.

В последнее время перед Китаем возник очередной масштабный геополитический вызов — это формирование альянса ряда стран Индо-Тихоокеанского региона как антагонистов КНР. Это резко обостряет безопасность морского транзита китайских товаров на мировой рынок. Поэтому за последние десять лет главной его задачей стало построение трансконтинентальной инфраструктуры и модернизация сухопутных транспортных путей на рынки стран Ближнего и Среднего Востока, Европы и Центральной Азии.

И реализации этой задачи и призвана содействовать выдвинутая в 2013 г. стратегическая инициатива «Один пояс, один путь», ОПОП (ныне — инициатива «Пояс и путь», ИПП).

Эта инициатива направлена не только на совершенствование существующих и создание новых торговых путей, но и на оптимизацию пространственной структуры экономического развития всего Евраз-

зийского региона. Начинание предполагает в первую очередь создание необходимой современной инфраструктуры на территории развивающихся стран при непосредственном участии, включая финансовое, КНР.

Однако, на наш взгляд, одним из основных мотивов реализации ИПП становится, наряду с инфраструктурными интересами Китая, «нацеленность его на региональную интеграцию, прежде всего с соседями. То есть фокус китайских устремлений смещается на формирование многостороннего механизма по углублению экономического сотрудничества с теми странами, которые расположены по маршруту ОПОП. И здесь центральное место отводится соседнему с западной границей Китая региону Центральной Азии (ЦА), с которым продолжают активно развиваться трансграничные связи не только в сфере торговли, но ныне и в сфере производственной кооперации, услуг и пр.» [Матвеев В.А., 2016].

Характерной чертой экономического сотрудничества Китая со странами-членами ШОС, как и с другими участницами ИПП, является предпочтительность для КНР не множественного формата взаимодействия, а двухстороннего.

Китай вывел взаимодействие с центральноазиатскими странами на качественно новый уровень отношений стратегического партнерства. Это позволяет ему надеяться, что на западной границе КНР соседями являются стабильные экономические контрагенты и партнеры. Таким образом, Китай уже является ведущим «тягачом» экономического развития ЦА и в этом качестве определяет важнейшие характеристики его развития.

Одновременно посредством распространения своего экономического и культурного влияния в регионе КНР стремится придать дополнительный импульс экономическому и социальному развитию своих приграничных территорий, среди которых важнейшее место занимает Синьцзян-Уйгурский автономный район, или Синьцзян.

В ИПП развитию Синьцзяна уделяется особая роль, обусловленная его особым геостратегическим положением на границе с ЦА и Средним Востоком. Вся транспортная инфраструктура Китая в западном направлении пролегает через территорию Синьцзяна. Кроме того, Синьцзян выделяется среди других регионов Китая масштабностью территории и богатством природных ресурсов.

В связи с этим поставлена задача по превращению Синьцзяна в трансграничный хаб, обеспечивающий внешнеторговые и транспортно-логистические операции, прежде всего со странами ЦА.

На протяжении более сорока лет своих экономических реформ Китай стимулировал хозяйственный рост в стране, в частности привлекая иностранные инвестиции через особые экономические зоны (ОЭЗ). В рамках этих усилий начиная с 2013 г. начался новый этап развития особых зон, а именно — формирование зон свободной торговли (ЗСТ). На настоящий момент в Китае создана 21 зона свободной торговли.

В 2023 г. принято решение об образовании еще одной — 22-й зоны свободной торговли. Госсоветом КНР одобрен генеральный план действий по созданию в течение нескольких лет обширной ЗСТ нового типа в Синьцзяне. «Генеральный план действий предусматривает значительную автономию органов управления ЗСТ в вопросах реформ, существенное упрощение торговых процедур, расширение и укрепление традиционных приоритетных отраслей, расширение трансграничной торговли с соседними странами ЦА»¹.

В дальнейшем на основе функционирования данной ЗСТ предполагается разработать национальную модель содействия креативному развитию и других развивающихся регионов Китая (в частности, его центральных и западных регионов). Кроме того, необходимо найти пути сочетания новой модели ЗСТ с успешно применяемой в стране в 14-м пятилетнем плане парадигмой развития Китая — курса на «двойную циркуляцию». Стоит подчеркнуть, что обе эти модели направлены на сочетание силы внутренней экономики Китая и международного экономического взаимодействия.

Предполагается, что пилотная ЗСТ в СУАР «будет служить целям строительства ключевой зоны инициативы “Пояс и путь”, содействовать строительству “золотого коридора” между Азией и Европой, играть роль плацдарма для расширения открытости Китая на запад и активно способствовать построению китайско-центральноазиатского сообщества единой судьбы»².

Среди важнейших задач проекта ЗСТ — создание благоприятных условий для инвестиционного капитала, повышение уровня развития финансового сектора, стимулирование формирования цифровой экономики, оптимизация кадровой политики. Поскольку СУАР имеет общую границу с восемью странами, включая страны Центральной

¹ В Синьцзяне создадут зону свободной торговли. 02.11.2023. URL: <https://bigasia.ru/v-sinczyane-sozdadut-zonu-svobodnoj-torgovli> (дата обращения: 10.04.2024).

² В Китае опубликован план создания пилотной зоны свободной торговли в Синьцзяне // Синьхуа. Russian.news.cn. 31.10.2023. URL: <https://russian.news.cn/20231031/cc6bd478e6d74656878902c24e04c840/c.html> (дата обращения: 10.04.2024).

Азии (Казахстан, Киргизию, Таджикистан), то ЗСТ будет ориентирована и на внешние рынки, способствуя развитию прилегающих со стороны ЦА территорий.

Согласно генеральному плану, площадь новой ЗСТ в Синьцзяне составит почти 180 кв. км. Она будет состоять из трех подзон: административный центр Урумчи, а также города Кашгар и Хоргос¹.

Причем, исходя из географических особенностей данных городов, им будут приданы особые полномочия. При этом созданию ЗСТ в Синьцзяне будет способствовать совмещение инновационных преимуществ зоны свободной торговли и благоприятного расположения таких пунктов, как Хоргос и Кашгар на границе Китая и Центрально-Азиатского региона².

Основной упор в ЗСТ будет сделан на стимулировании развития инноваций в сфере цифровой экономики. Для этого будет ускорено строительство объектов международной коммуникации, а также разработка программного обеспечения и услуг в области информационных технологий, ориентированных на страны Центральной Азии. В ЗСТ будет применяться международные нормы цифровой торговли³.

Приоритетным станет приграничный город Хоргос, который с течением времени преобразовался из простого погранперехода в индустриально-логистический хаб, или Центр, международного пограничного сотрудничества между Китаем и Казахстаном. В настоящее время на территории Хоргоса действуют несколько проектов в рамках стратегии «Пять зон, два пункта пропуска, один центр», среди которых — свободная экономическая зона, автодорожный пункт пропуска, железнодорожный пункт пропуска, комплексная пилотная зона трансграничной электронной торговли, торговая зона приграничных городов и др. Все эти проекты направлены на создание благоприятных условий для таможенных процедур и разнообразных открытых экономических политик, что делает эту территорию фронтиром внешней торговли⁴.

¹ В Синьцзяне создадут зону свободной торговли...

² Синьцзянская ЗСТ Хоргос: демонстрация бурного развития Китая на запад // Kazakhstan today. 30.11.2023. URL: https://www.kt.kz/rus/project/sintzyanskaya_zst_horgos_demonstratsiya_burnogo_razvitiya_1377958415.html (дата обращения: 03.05.2024).

³ Ван Кэцзюй. Магнит Синьцзяна // Комсомольская правда. Казахстан. 29.11.2023. URL: <https://www.kp.kz/daily/27588/4858935/><https://www.kp.kz/daily/27588/4858935/?ysclid=lv7pур5п7a466259237> (дата обращения: 03.05.2024).

⁴ Синьцзянская ЗСТ Хоргос...

Постепенно складывается экспортная ориентация Синьцзяна в направлении соседних стран ЦА, и Пекин надеется, что СУАР в перспективе станет играть важную роль в происходящих в ЦА геоэкономических переменах. На наш взгляд, теперь СУАР — это не только трансграничная зона свободной торговли, но и специальный район экономического освоения, который власти Китая планируют позиционировать как полюс экономического роста.

Согласно статистике, за восемь месяцев 2023 г. более 80 процентов внешнеторгового оборота СУАР пришлось на пять стран Центральной Азии, причем торговля с ними за тот же период подскочила почти на 60 %.

План развития Синьцзянской зоны свободной торговли предполагает не только льготную налоговую и финансовую политику, упрощение торговых процедур и либерализацию инвестиций, но и технологическую трансформацию региональной экономики.

Согласно заявлению заместителя министра коммерции КНР Го Тинтин, «планируется проведение в Синьцзян трансфера производства передового оборудования и трудозатратных производств из более развитых центральных и восточных регионов Китая, формирование кластеров высокотехнологичных предприятий в секторах новой энергии и новых материалов, подключение к национальной сетевой системе вычислительных мощностей и интеграция в объединенный национальный рынок»¹.

Еще одним шагом, содействующим интеграции приграничного пространства Большой Центральной Азии (включающей и северо-западную часть Китая — Синьцзян), являются предложения по обустройству в Китае нового столичного города.

В докладе, подготовленном по заказу органов государственной власти Китая профессорами двух ведущих университетов — в Шанхае и Чэнду, речь идет о строительстве нового крупного города в Синьцзян-Уйгурском автономном районе близ западной границы с ЦА, недалеко от Урумчи (второй вариант — возле Кашгара). Ему отводится роль условной второй столицы КНР, в которую задумано перене-

¹ В Синьцзяне создадут зону свободной торговли. 02.11.2023. URL: <https://bigasia.ru/v-sinczyane-sozdatut-zonu-svobodnoj-torgovli> (дата обращения: 10.04.2024); В Синьцзяне создана зона свободной торговли для укрепления связей с Центральной Азией // TV BRICS. 06.11.2023. URL: <https://dzen.ru/a/ZUIVBlTjYjX5LHqq> (дата обращения: 10.04.2024); Зона свободной торговли в Синьцзяне // Новости Китая, 2 ноября: 2023. URL: <https://ekd.me/2023/11/novosti-kitaya-2-noyabrya-zona-svobodnoj-torgovli-v-sinczyane-ufc-vozvraashaetsya-v-shanxaj-polza-tajczicyuan/?ysclid=lv7q77tpc4351684359> (дата обращения: 03.05.2024).

сти часть правительственных учреждений из Пекина и, соответственно, какую-то часть общегосударственных полномочий.

В итоге эксперты пришли к выводу, что реализация этой масштабной инициативы поспособствует переносу какой-то части экономической активности страны из приморских регионов Китая в СУАР, что улучшит ситуацию с неравномерностью экономического развития востока и запада страны¹.

Эксперты настаивают, что перенос столицы откроет для Китая новые возможности развития, связанные с активизацией сотрудничества со странами Евразии по всему коридору ИПП и дальнейшим расширением сухопутного моста с Европой. Вдобавок это несет в себе и геополитические преимущества. Рост количества взаимовыгодных проектов в целом повышает уровень развития, устойчивость и безопасность евразийских государств.

Таким образом, на наш взгляд, более полное использование экономико-географических преимуществ западных районов Китая с точки зрения их территориальной близости к Центрально-Азиатскому региону, несомненно, содействует формированию и развитию полюсов роста, специальных зон развития и транспортных коридоров, пересекающих пространство этого региона. Это, в свою очередь, может привести в дальнейшем к формированию на их основе многогранных ареалов экономического сотрудничества.

И действительно, особенности экономического развития в Большой Центральной Азии в ходе активизации процессов региональной интеграции способствуют трансформации социально-экономического пространства региона. Действующие и намечаемые проекты соразвития Китая со странами ЦА, имеющие как двусторонний, а в перспективе и многосторонний характер, носят трансграничный характер. Причем наибольшую активность в этом проявляет китайская сторона.

Многолетний опыт стран Восточной Азии по организации зон международного приграничного сотрудничества в формате «Треугольников роста» (*Growth Triangles*), или полюсов роста, показывает результативность интенсивного развития периферийных территорий. Позднее концепция «Треугольников роста» нашла свое воплощение и в активно развивающейся Юго-Восточной Азии.

Все вышесказанное показывает, что в трансграничном китайско-центральноазиатском пространстве с течением времени и с уче-

¹ Скосырев В. В КНР думают о строительстве второй столицы//Независимая газета. 02.05.2023. URL: https://www.ng.ru/world/2023-05-02/100_02052023_6china.html?ysclid=1w1mwrjmxk635638060 (дата обращения: 10.04.2024).

том вызовов и угроз окружающего мира начинают складываться предпосылки для формирования экономического пояса роста. В долгосрочной перспективе здесь видится вполне возможным создание международного экономического региона. Именно с формированием международного экономического региона на пространстве Большой Центральной Азии и связаны надежды дальнейшего соразвития Китая с ЦА. Мировой опыт регионализации свидетельствует о достижимости таких процессов.

Библиографический список

Алимов Р.К. Таджикистан и Китай: опыт и возможности соразвития. М.: ИДВ РАН, 2011.

Матвеев В.А. Новейшие тенденции развития российско-китайского экономического сотрудничества в Большой Евразии // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. М.: ИДВ РАН, 2018. С. 261—274.

Матвеев В.А. Центральная Азия — ядро Экономического пояса Шелкового пути // Новый Шелковый путь и его значение для России. М.: ДеЛи плюс, 2016. С. 169—288.

Хасанов У.А. Национальные интересы Республики Узбекистан и проблемы безопасности в Центральноазиатском регионе: Автореферат дис. ... канд. полит. наук: 23.00.04 // Ин-т мировой экономики и международных отношений РАН. М., 2003. 22 с.

References

Alimov, R.K. (2011). Tadjikistan i Kitaj: opyt i vozmozhnosti sorazvitiya [Tajikistan and China: experience and opportunities for co-development], *Moscow: IFES RAS*. (In Russian).

Hasanov, U.A. (2003). Nacional'nye interesy Respubliki Uzbekistan i problemy bezopasnosti v Central'noaziatskom regione [National interests of the Republic of Uzbekistan and security problems in the Central Asian region], *Moscow: Institute of World Economy and International Relations RAS (MEMO RAS)*, 22 p. (In Russian).

Matveev, V.A. (2016). Central'naya Aziya-yadro Ekonomicheskogo poyasa SHelkovogo puti [Central Asia is the core of the Silk Road Economic Belt], *Novyj SHelkovyj put' i ego znachenie dlya Rossii [The New Silk Road and its significance for Russia]*, *Moscow, DeLi plus PH*: 169—288. (In Russian).

Matveev, V.A. (2018). Novejshie tendencii razvitiya rossijsko-kitajskogo ekonomicheskogo sotrudnichestva v Bol'shoj Evrazii [Latest trends in the development of Russian-Chinese economic cooperation in Greater Eurasia], *Kitaj v mirovoj i regional'noj politike. Istoriya i sovremennost' [China in world and regional politics. History and modernity]*, *Moscow: IFES RAS*: 261—274. (In Russian).

Я.В. Лексютина

ДИПЛОМАТИЯ ПРИНИМАЮЩЕЙ СТОРОНЫ КИТАЯ: КОНЦЕПЦИЯ И ПРАКТИКА

Аннотация. Дипломатия как особая сфера деятельности по достижению целей и задач внешней политики и защите национальных интересов государств постоянно развивается: в дополнение к традиционной дипломатии возникают ее новые формы, такие как, например, публичная дипломатия, культурная дипломатия, экономическая дипломатия, парадипломатия, спортивная дипломатия, цифровая дипломатия и пр. Применение новых форм дипломатии не только расширяет ее смысл и сферу охвата, но и способно оказывать эффект на общую результативность дипломатической деятельности государства и достижение преследуемых целей и задач. Особой формой дипломатии и неотъемлемой частью стратегического дипломатического планирования Китая стала так называемая дипломатия принимающей стороны, или «дипломатия хозяина поля», под которой в Китае понимается осуществляемая внутри страны дипломатическая деятельность в форме проведения масштабных международных мероприятий (таких, как саммиты, форумы, выставки и пр.), в которой правительство принимающей страны играет важную роль и может оказать положительное влияние на защиту и расширение национальных интересов страны.

В проведении крупных мероприятий на своей территории Китай увидел большие возможности для презентации миру и продвижения китайских идей, концепций и решений в вопросах глобального и регионального управления и не только. На основе анализа значительно пласта исследовательской литературы на китайском языке автор характеризует превалирующие в китайском экспертном сообществе

представления о дипломатии принимающей стороны: приводятся ее дефиниции и присущие ей особенности, приписываемые ей цели и функции, ожидаемые от ее проведения результаты, выделяются и кратко характеризуются основные стадии развития дипломатии принимающей стороны с момента основания КНР в 1949 г. по настоящее время, дается общая оценка проведения китайским правительством дипломатии принимающей стороны и пр. Делается вывод о том, что ключевыми задачами, решаемыми китайским руководством в ходе проведения дипломатии принимающей стороны, выступают трансформация национальной мощи в стратегические возможности и международное влияние, усиление международной дискурсивной силы, расширение институционального влияния, улучшение международного имиджа, распространение «сигналов статуса» и в целом повышение роли Китая в глобальном управлении.

Ключевые слова: Китай, дипломатия принимающей стороны, «дипломатия хозяина поля», глобальное управление, дискурсивная сила, международное влияние, международный имидж.

Автор: Лексютина Яна Валерьевна, доктор политических наук, профессор РАН, главный научный сотрудник Центра мировой политики и стратегического анализа Института Китая и современной Азии РАН (адрес: 117997, Москва, Нахимовский пр-т, 32). ORCID: 0000-0001-6766-1792; E-mail: lexyana@ya.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Ya. V. Leksyutina

China's host diplomacy: concept and practice

Abstract. Diplomacy as a special field of activity to achieve foreign policy goals and objectives and protect the national interests of states is constantly evolving: in addition to traditional diplomacy, its new forms are emerging, such as, for example, public diplomacy, cultural diplomacy, economic diplomacy, city diplomacy, sports diplomacy, digital diplomacy, etc., etc. The use of new forms of diplomacy not only expands its meaning and scope, but can also have an effect on the overall success of the state's diplomatic activities and the achievement of the pursued goals and objectives. A special form of diplomacy and an integral part of China's strategic diplomatic planning has become the so-called "host diplomacy", which in China refers to diplomatic activities carried out within the country in the form of holding large-scale international events (such as summits, forums, exhibitions, etc.), in which the government of the host country plays an important role and can have a positive impact on protecting and expanding the national interests of the country. In holding major events on its territory, China saw great opportunities for presenting to the world and promo-

ting Chinese ideas, concepts and solutions for global and regional governance and beyond. Based on the analysis of a significant layer of research literature in Chinese language, the author of the article unveils the prevailing ideas about host diplomacy in the Chinese expert community: its definitions and inherent features, the goals and functions attributed to it, the results expected from its implementation, the main stages of development of the PRC's host diplomacy since 1949, a general assessment of the conduct of host diplomacy by the Chinese government, etc. It is concluded that the key tasks solved by the Chinese leadership in the course of conducting host diplomacy are transformation national power into strategic capabilities and international influence, strengthening international discourse power, expanding institutional influence, improving international image, disseminating "status signals" and eventually increasing China's role in global governance.

Keywords: China, host diplomacy, global governance, discourse power, international influence, international image.

Author: Yana V. LEKSYUTINA, Doctor of Sciences (Political Science), Professor of the Russian Academy of Sciences; Chief Research Fellow, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences (address: 32, Nakhimovsky Ave., Moscow, 117997, Russian Federation). ORCID: 0000-0001-6766-1792; E-mail: lex yana@ya.ru

Conflict of interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

В условиях значительно увеличившейся комплексной национальной мощи Китая, вполне сопоставимой, а в некоторых ее аспектах и превосходящей мощь ведущих мировых держав, одной из центральных задач китайской дипломатии периода председательства Си Цзиньпина стал поиск механизмов, способов и возможностей для преобразования растущей мощи Китая в международное влияние, конвертации возросшей материальной мощи в дискурсивную силу (话语权, *huàyǔ quán*), содействия изменениям в системе глобального управления и усиления в ней роли КНР. В Китае, стремящемся продвинуться «в центр мировой арены», был достигнут консенсус относительно необходимости преодоления гегемонии западного международного дискурса и формирования мощной дискурсивной силы путем продвижения в мировой дискурс китайских нарративов, идей, концепций, инициатив и предложений.

Важным каналом продвижения китайских концепций, инициатив, предложений в области глобального управления стала так называемая дипломатия принимающей стороны, или «дипломатия хозяина поля» (主场外交, *zhǔchǎng wàijiāo*), проявившаяся в интенсификации

проведения Китаем на своей территории различных масштабных международных мероприятий — саммитов глав государств, форумов, выставок, конференций и пр. В проведении крупных дипломатических мероприятий на своей территории Китай увидел большие возможности для презентации миру и продвижения китайских идей, концепций и решений в вопросах глобального и регионального управления и не только.

По мере развития практики дипломатии принимающей стороны, она постепенно получила в Китае официальное признание в качестве особой формы дипломатии и неотъемлемой части стратегического дипломатического планирования. В конце 2013 г. в эксклюзивном интервью газете «Жэньминь жибао» министр иностранных дел КНР Ван И в качестве одного из ключевых направлений дипломатической работы в предстоящем году назвал дипломатию принимающей стороны, впервые употребив данный термин. Так, он сказал: «Мы должны умело проводить дипломатию принимающей стороны, чтобы еще больше усиливать международное влияние нашей страны. Мы приложим все усилия для успешного проведения саммита СВМДА и неформальной встречи лидеров АТЭС, которые пройдут в нашей стране в следующем году, и добросовестно реализуем две основные задачи — укрепление сотрудничества в области безопасности и содействие экономическому развитию. С помощью форумов, выставок и других площадок, проводимых в стране, мы можем наглядно продемонстрировать китайскую мечту о единении с миром..., эффективно укреплять мягкую силу нашей страны»¹. В ходе пресс-конференции, приуроченной к проходившим в марте 2014 г. «двум сессиям» (ВСНП и ВК НПКСК), Ван И повторно указал, что важной формой китайской дипломатии является дипломатия принимающей стороны.

Публичная артикуляция Ван И категории «дипломатия принимающей стороны» побудила китайских ученых-международников обратиться к разработке соответствующей концепции, отчасти перекликающейся с западными концепциями «дипломатии саммитов» и «конференц-дипломатии», но, в конечном счете, ставшей самобытным китайским осмыслением феномена этой формы дипломатической деятельности. За дипломатией принимающей стороны был признан большой потенциал в усилении международного влияния и

¹ Wáng Yì: Zhōngguó tèshè dàguó wàijiāo de chénggōng shíjiàn [Wang Yi: The Successful Practice of Major-Country Diplomacy with Chinese Characteristics], *CPC*, 19 December, 2013. URL: <http://cpc.people.com.cn/n/2013/1219/c64102-23883752.html> (accessed: 15 April, 2024).

дискурсивной силы Китая. Практика проведения дипломатии принимающей стороны расширилась. Дипломатия принимающей стороны стала важным компонентом ежегодных дипломатических задач Китая. В каждом ежегодном отчете китайского правительства о проделанной работе за год теперь обязательно значится перечисление наиболее значимых мероприятий, проведенных на территории Китая.

Стадии развития дипломатии принимающей стороны КНР

Хотя китайское правительство только в 2013—2014 гг. признало дипломатию принимающей стороны в качестве особой формы дипломатической деятельности, соответствующая практика получила развитие гораздо раньше. В развитии этой формы дипломатии КНР китайский ученый Лин Шэнли предлагает выделять четыре этапа [Líng Shènglǐ, 2019a, p. 46].

Первый этап (1949—1971) характеризуется им как период, когда у КНР не хватало дипломатического опыта, масштаб ее международного признания был ограничен, ее национальная мощь была слабой, на дипломатическую работу Китая оказывали влияние такие факторы, как конфронтация с США, а позднее — и с Советским Союзом. В КНР долгое время почти не проводились крупномасштабные многосторонние дипломатические мероприятия, и большинство проводимых встреч касалось «низкополитических» вопросов.

Второй этап (1971—1989) отмечен восстановлением Китаем своего места в ООН в 1971 г., расширением участия в работе ООН и аффилированных с ней учреждений, постепенным развитием многосторонней дипломатии Китая (особенно после запуска политики «реформ и открытости»). Вместе с тем дипломатия принимающей стороны Китая по-прежнему носила ограниченный характер.

Для *третьего этапа (1989—2012)* характерно более активное участие Китая в многосторонней дипломатии и большее внимание Пекина — особенно с началом XXI в. — к проведению крупных дипломатических мероприятий на своей территории. В сентябре 1995 г. в Пекине состоялась четвертая Всемирная конференция ООН по положению женщин; в 2000 г. в Пекине был проведен инаугурационный Форум китайско-африканского сотрудничества (с тех пор он стал проводиться раз в три года поочередно в Пекине и крупных африканских городах, т. е. в Китае он проводится каждые шесть лет); в 2001 г. в Шанхае — учредительный саммит ШОС и 9-я неформальная встреча лидеров АТЭС; с 2002 г. в китайском поселке Боао на ежегодной

основе стали проводиться заседания нового диалогового формата Боаоского азиатского форума; в 2008 г. в Пекине прошли Олимпийские игры и 7-й саммит Азия—Европа; в 2010 г. в Шанхае — Всемирная выставка EXPO и др. Мероприятия следовали одно за другим, демонстрируя миру новый облик модернизированного Китая и его возросшую экономическую мощь. Основными темами, которые Пекин продвигал в тот период в контексте проведения дипломатии принимающей стороны, были диалог, сотрудничество и развитие.

На *четвертом этапе (2013 г. по наст. вр.)* мероприятия, проводимые Китаем в качестве принимающей стороны, становятся более масштабными и содержательными, привлекая больше внимания мирового сообщества. Были проведены 4-й саммит СВМДА (в Шанхае в мае 2014 г.), 22-я встреча лидеров экономик АТЭС (в Пекине в ноябре 2014 г.), саммит «Группы двадцати» (G-20) (в Ханчжоу в сентябре 2016 г.), Форумы высокого уровня по международному сотрудничеству в рамках «Пояса и пути» (в Пекине в мае 2017 г., апреле 2019 г., октябре 2023 г.), 9-я встреча лидеров стран БРИКС (в Сямыне в сентябре 2017 г.), саммит ШОС (в Циндао в июне 2018 г.), Диалог высокого уровня по глобальному развитию (в Пекине в июне 2022 г.), саммит «Китай—Центральная Азия» (в Сиане в мае 2023 г.) и другие важные мероприятия.

Как отмечает Лин Шэнли, существенное отличие дипломатии принимающей стороны Китая на данном этапе заключается в том, что она уделяет больше внимания расширению стратегических возможностей Китая в вопросах усиления его дискурсивной силы, институционального влияния и имиджа [Líng Shènglì, 2019a, p. 46]. Китай уже не просто предоставляет услуги по организации мероприятий, служит местом проведения крупных дипломатических мероприятий, но начинает активно использовать дипломатию принимающей стороны для реализации собственных национальных интересов. Проводимые в русле дипломатии принимающей стороны мероприятия помогают КНР не только углублять сотрудничество с другими странами, повышать уровень международной социализации Китая, демонстрировать миру новый облик своей страны, но и продвигать китайскую повестку и подход к мировым делам.

В качестве особенностей дипломатии принимающей стороны Китая «в новую эпоху» (после проведения в 2012 г. XVIII Всекитайского съезда КПК) Линь Сюйу выделяет, *во-первых*, растущее внимание к экономической сфере в дипломатии принимающей стороны [Lín Xùwù, p. 73]. Проведение Китаем на регулярной основе таких мероприятий, как, например, Боаоский азиатский форум, летний

Давосский форум, Китайская международная выставка импортных товаров, Форум высокого уровня по международному сотрудничеству в рамках «Пояса и пути», стали для Пекина важной платформой для активного участия в мировой экономике, продвижения реформы глобального экономического управления, расширения сотрудничества с другими странами в экономической сфере и укрепления взаимного доверия. *Во-вторых*, Линь Сюйу указывает на институционализацию отдельных видов дипломатии принимающей стороны. Так, Боаоский азиатский форум (проходит в Боао), Всемирная интернет-конференция (в Учжэне), летний Давосский форум (проводится поочередно в Тяньцзине и Даляне), Форум высокого уровня по международному сотрудничеству в рамках «Пояса и пути» (в Пекине) и т. д. — стали «домашними» площадками Китая. По мнению китайского ученого, институционализация этих форматов является отражением не только увеличения мощи Китая, но и его возрастающей роли в мировых делах, успеха в расширении своего участия в формулировании международных правил. *В-третьих*, Линь Сюйу считает, что Китай стал активно демонстрировать стратегию развития и концепции своего развития. Практика дипломатии принимающей стороны дала Китаю больше возможностей участвовать и даже возглавлять разработку повестки дня, выражать свои идеи, предлагать решения и добиваться международного признания.

Концепция дипломатии принимающей стороны

Определяющими характеристиками дипломатии принимающей стороны, по мнению китайских ученых, является не только «территориальность» дипломатической деятельности (проведение мероприятий на территории принимающей страны), но и инициативность и активность правительства принимающей стороны в продвижении собственной повестки. Если принимающая страна несет ответственность только за предоставление места проведения мероприятия, но не имеет права высказываться и влиять на содержание обсуждаемых вопросов, процессов и последствий дипломатической деятельности или просто не умеет это делать, такую дипломатическую деятельность нельзя причислить к дипломатии принимающей стороны. Принимающее правительство должно обладать осведомленностью и способностью планировать повестку дня, процессы и последствия такой дипломатической деятельности, оказывать на нее важное влияние и уметь использовать преимущества принимающей стороны [Chén

Dōngxiào, p. 6]. Только страны с сильной комплексной национальной мощью и «компетенциями принимающей стороны» (主场能力, *zhǔchǎng nénglì*) могут по-настоящему эффективно использовать преимущества дипломатии принимающей стороны и достичь своих внешнеполитических целей [Chén Dōngxiào, p. 6].

Цзя Вэньшань определяет дипломатию принимающей стороны как дипломатические мероприятия, проводимые или инициированные страной, которая имеет возможность разрабатывать и реализовывать программы, которые другие участники находят привлекательными и готовы поддержать [Jia Wenshan]. Лай Синьи и Сяо Фан под дипломатией принимающей стороны предлагают понимать двустороннюю или многостороннюю дипломатическую деятельность, проводимую страной на своей территории и охватывающую такие сферы, как политику, экономику, культуру, безопасность и пр. [Lái Xīnyí, Xiào Fāng, p. 1] Наиболее полную трактовку дает Чэнь Дунсяо, определяющий дипломатию принимающей стороны как «разные формы двусторонней и многосторонней дипломатической деятельности, осуществляемой внутри страны (территории), в которой правительство принимающей страны играет важную роль и может оказать положительное влияние на защиту и расширение национальных интересов страны» [Chén Dōngxiào, p. 6]. В китайских публикациях встречается и сужение поля дипломатии принимающей стороны до только многосторонней дипломатической деятельности [Chén Zhěng, p. 28].

Цель дипломатии принимающей стороны видится китайскими теоретиками в том, чтобы защищать национальные интересы, усиливать голос и влияние Китая на мировой арене, содействовать изменениям в глобальном управлении, создавать благоприятное для Китая международное общественное мнение, поддерживать и продлевать период его стратегических возможностей.

В проведении дипломатии принимающей стороны китайские эксперты видят целый ряд преимуществ для Китая. Так, они указывают на то, что, став частью международной системы относительно поздно, КНР имеет ограниченное право голоса и влияния во многих существующих международных организациях и платформах, а создание новых институциональных механизмов — процесс сложный, трудоемкий и затратный. Дипломатия же принимающей стороны предоставляет Пекину относительно гибкие (небольшие финансовые вложения, легкость управления и выхода) и более эффективные способы проведения крупной многосторонней дипломатической деятельности. В частности, создавая диалоговые платформы для развития международной сотрудничества, можно формировать междуна-

родную среду и удовлетворять собственные потребности в участии в глобальном управлении [Chén Zhěng, p. 32].

Дипломатия принимающей стороны позволяет государству реализовывать национальные интересы и достигать результатов, которых трудно добиться с помощью обычной дипломатии. По сравнению с обычной дипломатической деятельностью, дипломатия принимающей стороны может иметь «эффект хозяина поля» (место, время, люди), аналогичный эффекту на спортивных соревнованиях: принимающая сторона может взять на себя инициативу в определении повестки дня и способствовать достижению результатов диалога, делая его более удобным для себя, эффективно осуществить продвижение концепций и нормативную пропаганду, улучшить понимание со стороны соответствующих сторон политических предложений Китая, обеспечить их принятие и сотрудничество [Chén Dōngxiǎo, p. 6].

Функции дипломатии принимающей стороны

Дипломатия принимающей стороны способна выполнять целый спектр функций. Так, например, проведение крупных международных спортивных, культурных и научно-технических мероприятий (таких, как Олимпийские игры, всемирные выставки, чемпионаты мира, Межконтинентальные игры) способно *содействовать экономическому росту, улучшению качества жизни людей, повышению уровня и интенсивности международных обменов*, демонстрировать новый образ открытости внешнему миру Китая [Chén Dōngxiǎo, p. 8]. Дипломатия принимающей стороны помогает лучше пропагандировать практические достижения страны, демонстрировать комплексную национальную мощь [Zhāng Yīng, p. 128]. *Она призвана работать на международный имидж Китая: с одной стороны, углубить понимание Китая другими странами, уменьшить недопонимание, ошибочные суждения и негативное восприятие Китая мировым сообществом, а с другой стороны — завоевать международное признание, демонстрируя достижения и «мягкую силу», включая культуру и искусство.*

На практике дипломатия принимающей стороны повышает осведомленность и понимание Китая мировым сообществом, наглядно демонстрируя китайскую культуру, историю, национальные условия, традиции и достижения в области развития [Lái Xīnyí, Xiào Fāng, p. 3]. Этой цели, в частности, служит проведение мероприятий не только в столице и административных центрах территориальных единиц Китая, но и в китайских городах совершенно разного уровня — от Пекина,

Шанхая, Тяньцзиня и Чунцина до Ханчжоу, Сямыня, Циндао, Даляня, Чэнду, Учжэня и пр. Так, в 2015 г. во время 4-й встречи Китай—ЦВЕ в Сучжоу тогдашний премьер Госсовета КНР Ли Кэцян вместе с лидерами 16 стран Центральной и Восточной Европы совершил поездку из Сучжоу в Шанхай на высокоскоростном поезде, что продемонстрировало достигнутый Китаем высокий уровень развития в сфере производства конечного оборудования [Lín Xùwǔ, p. 74].

Дипломатия принимающей стороны способна не только оптимизировать международный имидж, но и распространять «сигналы статуса». Число участников международных мероприятий и их уровень — важный показатель международного влияния страны и харизмы, напрямую связанный с устойчивым развитием самого механизма многосторонних международных мероприятий [Chén Dōngxiǎo, p. 7].

Организаторы мероприятий также часто пользуются привилегией принимающей стороны для активного проведения «кластерных» двусторонних обменов и взаимодействий, а также способствуют взаимодействию на многосторонней основе, приглашая присутствовать на мероприятиях государства, не являющиеся членами соответствующих организаций и диалоговых форматов [Chén Dōngxiǎo, p. 8].

На стратегическом уровне дипломатия принимающей стороны призвана содействовать укреплению дискурсивной силы Китая — способности создавать глобальные нарративы, задавать международную повестку, продвигать собственные ценности в мире, делая их общепризнанными, формулировать и внедрять в мировую практику стандарты, нормы и правила и т. п. [Лексютина, Ю Юаньцзе, с. 369]. Исходной точкой в рассуждениях китайских экспертов, как правило, становится констатация того, что страна поздно присоединилась к международной системе; на существующем институциональном уровне, где доминируют западные страны, она постоянно сталкивается с трудностями во многих областях, в том числе при постановке международных вопросов/тем и построении дискурса. Китай страдает от несоответствия своих ограниченных прав налагаемым на него большим обязанностям. Для него одной из важных причин быстрого развития дипломатии принимающей стороны стало то, что принимающая сторона имеет очевидные преимущества в *определении повестки дня и постановке вопросов/тем*. С опорой на дипломатию принимающей стороны Китай имеет больше возможностей для выражения и продвижения китайских идей, видения, инициатив и решений. Как отмечает Лин Шэнли, дипломатия принимающей стороны сыграла положительную роль в усилении дискурсивной силы Китая. Например, выдвижение им на саммите СВМДА в Шанхае в 2014 г. новой

концепции азиатской безопасности — всеобъемлющей, кооперативной, всеобщей и устойчивой безопасности — привлекло интерес и усилило голос Китая в вопросах безопасности в Азии [Líng Shènglǐ, 2019a, p. 47]. На неформальной встрече лидеров АТЭС в Пекине в 2014 г. Китай смог включить концепцию «взаимодействия» в декларацию лидеров. В 2015 г. в ходе Боаоского азиатского форума Си Цзиньпин впервые перед международной аудиторией обнародовал концепцию «сообщества единой судьбы», позднее получившую широкое международное признание и упомянутую в резолюциях ООН. На саммите «Группы двадцати» в 2016 г. Пекин отдал приоритет вопросам развития, инноваций и торговли в качестве тем для обсуждения, в результате чего внимание к этим областям достигло беспрецедентной высоты на саммите [Yín Jíwú]. На встрече лидеров БРИКС в Сямыне в 2017 г. Китай предложил модель «БРИКС+», получившую впоследствии широкое применение.

Посредством проведения дипломатии принимающей стороны, невзирая на доминирование Запада в международной системе и отставание КНР в нормативной силе, также можно вносить *вклад в формулирование норм/ценностей*. Китай может внести свой вклад в международные нормы, добавить ценностные идеи с китайской спецификой, установив тему и повестку дня саммита, например такие, как многообразие, инклюзивность, зеленое развитие, мир и справедливость [Yín Jíwú]. Вместе с тем китайские эксперты осознают важную основу общечеловеческих ценностей, необходимость понимать и уважать пути развития и достижения других стран и культур [Lái Xīnyí, Xiào Fāng, p. 6]. При формулировании новых ценностей необходимо воспринимать западные или универсальные ценности (в противном случае китайский дискурс не получит широкого международного признания), интегрировать китайские традиционные ценности и современный гуманистический дух [Лексютина Я.; Ю Юаньцзе, с. 376].

Дипломатия принимающей стороны позволяет также *усилить влияние на эволюцию системы международных институтов*. Воспользовавшись преимуществом дипломатии принимающей стороны, Китай может продвигать реформу правил посредством установления повестки дня в существующих международных институтах или выступать за создание новых международных институтов, предоставлять новые платформы международного сотрудничества с тем, чтобы иметь большее влияние в сфере международных институтов, что, в свою очередь, поможет ему играть ведущую роль в глобальном управлении [Líng Shènglǐ, 2019a, p. 47].

В целом, как отмечает Инь Цзиу, дипломатия принимающей стороны стала для Китая важным инструментом для продвижения своей дипломатической философии и видения мирового порядка, инициирования и становления более справедливой и разумной философии мирового порядка, выполнения роли защитника норм и поставщика решений и, таким образом, внесения вклада в глобальное управление [Yin Jiwu].

Ожидаемые эффекты от проведения дипломатии принимающей стороны

Важным показателем успеха дипломатии принимающей стороны является то, насколько эффективно принимающая страна смогла донести свои основные концепции, инициативы и предложения до внешнего мир, обеспечить положительный отклик на них и сделать их универсальными. Мерилом выступает то, нашла ли продвигаемая Пекином повестка (концепции и идеи) отражение в принятых по итогам многосторонних мероприятий документах и политических декларациях. Большое значение в ходе проведения мероприятий придается взаимодействию со средствами массовой информации: широкое распространение результатов мероприятий способно усилить и расширить воздействие дипломатии принимающей стороны [Lái Xīnyí, Xiào Fāng, p. 8].

Важно отметить, что проведение разных по типологии дипломатических мероприятий может иметь неодинаковый эффект для Китая с точки зрения продвижения повестки и интересов. Так, что касается проведения многосторонних саммитов крупных международных организаций и объединений (таких, как АТЭС, G-20 и пр.), с их помощью можно достичь важных консенсусов, соглашений и конкретных результатов; производимый эффект может оказаться значительным в силу зрелости, авторитетности и международного влияния соответствующих механизмов сотрудничества [Chén Zhěng, p. 36]. Однако, поскольку такие встречи проводятся поочередно в разных странах, Китай подвергается ограничениям со стороны других стран в процессе постановки проблем и принятия решений; пространство для продвижения повестки и достигнутые результаты, как правило, относительно ограничены, и устойчивость формирования повестки дня отсутствует [Chén Zhěng, p. 36].

Более удобными для Пекина с точки зрения продвижения повестки являются диалоговые площадки, созданные Китаем или проводи-

мые исключительно на его территории, такие как Боаоский азиатский форум, Форум высокого уровня по международному сотрудничеству в рамках «Пояса и пути», Сяншаньский форум по безопасности, Всемирная интернет-конференция, Диалог высокого уровня между КПК и другими политическими партиями мира, Китайская международная выставка импортных товаров, Форум китайско-африканского сотрудничества и пр. По образной формулировке Лин Шэнли, такие мероприятия создают для Китая «сцену для самостоятельного пения» (自己搭台唱戏, *zìjǐ dā tái chàngxì*) [Líng Shènglǐ, 2019b, p. 3]. Однако, как отмечает Чэнь Чжэн, их практический эффект, результативность имеют ограниченный характер: в ходе таких мероприятий основной целью участников зачастую является просто выражение собственного мнения и взглядов; даже если и принимаются какие-то итоговые документы, они, как правило, не носят обязывающего характера и не приводят к конкретным политическим действиям; во многих случаях эти взаимодействия представляли собой международную практику случайного характера [Chén Zhěng, p. 37]. Вместе с тем, замечает китайский эксперт, такие неформальные встречи и многосторонние форумы накапливают эффект социализации посредством периодического и непрерывного проведения. В этом отношении дипломатия принимающей стороны представляет собой практику международного сотрудничества, основным элементом которой являются отношения, коммуникация. Процесс дипломатии принимающей стороны — это также и процесс построения и управления социальными отношениями, который способствует созданию и расширению сетей социального сотрудничества [Chén Zhěng, p. 37].

Заключение

С началом XXI в., и особенно после проведения в 2012 г. XVIII Всекитайского съезда КПК и прихода к власти Си Цзиньпина, широкое развитие в Китае получает практика дипломатии принимающей стороны. Связано это было как с аккумулированной Китаем за десятилетия экономического реформирования значительной материальной мощью и возросшей заинтересованностью Пекина в углублении участия в международной системе и развитии многосторонней дипломатии, так и в значительной степени с поиском Китаем механизмов усиления своего международного влияния и роли в глобальном управлении. В проведении дипломатии принимающей стороны китайское руководство увидело большие перспективы с точки зрения

трансформации национальной мощи в стратегические возможности, усиления международной дискурсивной силы, расширения институционального влияния, улучшения международного имиджа и распространения «сигналов статуса» и, в конечном счете, искомого повышения роли Китая в глобальном управлении. Дипломатия принимающей стороны служит не только инструментом расширения связей и наращивания международного сотрудничества, международной социализации, но и предоставляет широкие возможности принимающей стороне в продвижении повестки дня и экспорте идей. Она может содействовать продвижению дипломатических концепций, предложений и инициатив страны на практике. В Китае понимают: чтобы стать великой державой, нужно проявить инициативу, взять на себя больше международной ответственности, предложить решения различных глобальных проблем современности, поделиться китайской мудростью и создать имидж открытой, инклюзивной и уверенной в себе великой державы. Дипломатия принимающей стороны предоставляет возможности выразить китайские идеи и предложения, а также усилить международный голос Китая. В последние годы Пекин расширил использование дипломатии принимающей стороны, предоставляя площадку для проведения крупных мероприятий в рамках саммитов ведущих международных организаций и объединений, а также создавая новые диалоговые форматы и платформы сотрудничества, где Китай имеет большое влияние.

Библиографический список

Лексютина Я.В., Ю Юаньцзе. Концепт международной дискурсивной силы в идеологии внешней политики Китая // Российско-китайские исследования. 2023. Т. 7. № 4. С. 367—380. DOI: 10.17150/2587-7445.2023.7(4).367-380.

References

Leksyutina, Ya.V.; You, Yuanjie (2023). Kontsept mezhdunarodnoi diskursivnoi sily v ideologii vneshnei politiki Kitaya [The Concept of International Discourse Power in China's Foreign Policy Ideology], *Rossiisko-kitaiskie issledovaniya [Russian-Chinese Studies]*: Vol.7: 4: 367—380. DOI: 10.17150/2587-7445.2023.7(4).367-380. (In Russian).

* * *

Chen Dongxiao (2014). Zhōngguó de “zhǔchǎng wàijiāo”: jīyù, tiǎozhàn hé rènwù [China's “Host Diplomacy”: Opportunities, Challenges and Tasks], *Guójì wèntí yánjiū [International Studies]* : 5: 4—13. (In Chinese).

Chen Zheng (2021). Guójiā zhīlǐ, wàijiāo nénglì yǔ zhōngguó zhǔchǎng wàijiāo de xīngqǐ [National Governance, Diplomatic Capacity and the Rise of China's Host Diplomacy], *Shìjiè jīngjì yǔ zhèngzhì [World Economy and Politics]*:5: 27—50. (In Chinese).

Jia Wenshan (2017). Host Diplomacy for a New World Order, *China Daily*, 8 August, 2017. URL: https://www.chinadaily.com.cn/opinion/2017-08/08/content_30366170.htm (accessed: 12 April, 2024).

Lai Xinyi, Xiao Fang (2023). Zhǔchǎng wàijiāo shì yù xià xīn shídài zhōngguó gòngchǎndǎng duìwài huàyǔ tīxì jiàngòu de shíjiàn yǔ qīshì [Practice and Enlightenment of the Construction of the Communist Party of China's External Discourse System in the New Era from the Perspective of Host Diplomacy], *Shènglì yóutián dǎngxiào xuébào [Journal of the Party School of Shengli Oilfield]*, Vol. 36: 3: 1—7 (In Chinese). DOI: 10.13600/j.cnki.jpsslof.issn.1009-4326.2023.03.00.

Lin Xuwu (2022). Xīn shídài zhǔchǎng wàijiāo duì zhōngguó gòngchǎndǎng guójì xíngxiàng de chuánbò [The Spread of the International Image of the Communist Party of China by Host Diplomacy in the New Era], *Xuéshù qiányán [Academic Frontiers]*: 6: 72—80. (In Chinese).

Ling Shengli (2019a). Zhǔchǎng wàijiāo: xīn shídài zhōngguó wàijiāo de yōushì yǔ liàngdiǎn [Host Diplomacy: Advantages and Highlights of China's Diplomacy in the New Era], *Shìjiè zhīshì [World Knowledge]*: 19: 46—48. (In Chinese).

Ling Shengli (2019b). Zhǔchǎng wàijiāo, zhànlüè nénglì yu quánqiú zhīlì [Host Diplomacy, Strategic Capacity, and Global Governance], *Wàijiāo Pínglùn [Foreign Affairs Review]*: 4: 1—31. (In Chinese). DOI: 10.13569/j.cnki.far.2019.04.001.

Yin Jiwu (2019). Host Diplomacy is an Important Platform to Enhance China's Strategic Ability. August 6, 2019. URL: <http://en.nads.ruc.edu.cn/Opinions/b0601212a8049188e605b88a955a688.htm> (accessed: 09 April, 2024).

Zhang Ying (2019). Zhōngguó tèsè dàguó wàijiāo xūyào bàn hǎo zhǔchǎng wàijiāo [Major-country diplomacy with Chinese characteristics needs to conduct host diplomacy well], *Rénmín lùntán [People's Forum]*: 28: 128—130. (In Chinese).

А.Л. Верченко

КУЛЬТУРНАЯ КОНЦЕПЦИЯ СИ ЦЗИНЬПИНА: ДЛЯ КИТАЯ И МИРА

Аннотация. В статье анализируется сформулированная в 2023 г. председателем ЦК КПК Си Цзиньпином концепция культурного развития страны для «новой эпохи». Характеризуется путь ее формирования на основании выступлений китайского лидера на разных партийных форумах, встречах с представителями общественности, научного мира, творческими работниками.

В работе в сфере культуры внутри страны ставятся задачи совершенствовать, используя все преимущества инновационного развития, национальную массовую культуру, обеспечивать гражданам Китая более разнообразную духовную и культурную жизнь, с помощью культуры непрерывно усиливать консолидацию китайской нации. Концепция нацелена на закрепление в массах идеологии и духовных ценностей социализма, основополагающих истин марксизма в его китайской интерпретации, интеграцию моральных принципов в повседневную жизнь населения, создание у народа уверенности в значимости своей культуры, повышение культурного уровня общества для выполнения поставленной партией задачи построения к 2035 г. современной социалистической культурной страны с китайской спецификой. В концепции прослеживается тенденция к усилению идеологической и пропагандистской работы КПК в области культуры.

В международной деятельности ставятся задачи усиления роли культуры как «мягкой силы», использования ее в качестве важного направления работы по созданию позитивного имиджа страны на мировой арене, обеспечению благоприятной внешней среды для

внутреннего развития. Для этого предлагается показывать миру не просто традиционную китайскую культуру, но и ее преимущества, обосновывать ее ценность для современной эпохи, знакомить мир с последними культурными достижениями страны. Пропагандируя свою культуру за рубежом и работая с международным сообществом, Китай предлагает миру новый тип культурной интеграции и отношений между народами разных национальностей, стран и цивилизаций.

Партийные, научные публикации и СМИ усиленно подчеркивают заслуги Си Цзиньпина по выработке новой культурной концепции, ее высокий научный и теоретический уровень, своевременность выдвижения, актуальность как для Китая, так и для всего человечества.

Ключевые слова: Си Цзиньпин, Коммунистическая партия Китая (КПК), культурная концепция Си Цзиньпина, новая эпоха.

Автор: *Верченко Алла Леонидовна*, старший научный сотрудник Центра новейшей истории Китая и его отношений с Россией Института Китая и современной Азии РАН (адрес: 117997, Москва, Нахимовский пр-т, 32). ORCID: 0000-0002-8718-8338.

E-mail: veailan@yahoo.com

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации в Институте Китая и современной Азии РАН.

A.L. Verchenko

Xi Jinping Cultural Concept: for China and the World

Abstract. The article analyzes the concept of cultural development of China for the «new era». It was formulated in 2023 by Xi Jinping, Chairman of the Central Committee of the CPC. The article shows how it has been steadily forming on the basis of Xi Jinping's speeches at various party forums, meetings with representatives of the public, academic world, and creative persons. The cultural work is to combine all the advantages of innovative development to form independent national mass culture, to provide Chinese citizens with a more diverse spiritual and cultural life, to strengthen with the help of culture the consolidation of the Chinese nation. The concept is aimed at enforcing the influence of socialist ideology and spiritual values on the masses, spreading the fundamental truths of Marxism in its Chinese interpretation, integrating moral principles into the daily life of the population, creating a sense of confidence in the importance of their culture, raising the level of society's culture to meet the party's goal of building a modern socialist cultural country with Chinese characteristics

by 2035. The concept tends to reinforce the ideological and propaganda work of CPC in the field of culture.

International activities, according to the concept, are aimed at improving the role of culture as a «soft power», using it as an important sphere of work to create a positive image of the country on the global arena, ensuring a favorable external environment for internal development. To this end, it is proposed to show to the world the advantages of traditional Chinese culture and its value for the modern era, to acquaint the world with the latest cultural achievements of the country. By promoting its culture abroad and working with the international community, China offers the world a new type of cultural integration and relations among peoples of different nationalities, countries and civilizations.

Party, scientific publications and mass media praise the merits of Xi Jinping in developing a new cultural concept, for its high scientific and theoretical level, timeliness of the introduction, relevance both for China and for the whole mankind.

Keywords: Xi Jinping, Communist Party of China (CPC), Xi Jinping's cultural concept, new era.

Author: Alla L. VERCHENKO, Senior Research Fellow, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences (address: 32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117997, Russian Federation). ORCID: 0000-0002-8718-8338. E-mail: veailan@yahoo.com

Conflict of interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

Support. The article was prepared at the Institute of China and Contemporary Asia of the RAS within the framework of the State assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation.

Введение

В Китае всестороннее развитие культуры рассматривается как один из основных элементов возрождения китайской нации и создания современного социалистического государства. Ставится задача обеспечить народу более разнообразную духовную и культурную жизнь и с помощью культуры непрерывно усиливать консолидацию китайской нации.

Китайская Компартия всегда уделяла большое внимание культуре. В переломные моменты истории она не однажды играла ведущую роль в определении направления развития культуры в стране: создание Лиги левых писателей (Шанхай, 1930 г.), Совещание по вопросам литературы и искусства в период японо-китайской войны (Яньань,

1942 г.), движение «Пусть расцветают сто цветов, пусть соперничают сто школ» в первые годы существования Нового Китая. В начале XXI в. КПК, выдвигая новые ориентиры развития страны, вновь предпринимает шаги, направленные на повышение авторитета социалистической культуры, ее роли в государственных делах, вырабатывает новые руководящие указания в этой сфере.

Магистральные направления развития культуры в КНР определяет Компартия, решения которой воплощают в жизнь местные партийные организации и учреждения культуры. С приходом к власти Си Цзиньпина вопросам культуры стали уделять повышенное внимание в контексте обеспечения идеологических задач партии, состоящих в выполнении амбициозного стратегического плана по созданию к 2035 г. социалистической культурной державы. Процветание современной китайской культуры в Китае связывается с сильным партийным руководством, которое обеспечивается сохранением лидерства социалистической идеологии в вопросах культуры и закреплением в Конституции КНР положения о защите основополагающих ценностей социализма в «новую эпоху»¹.

После XVIII съезда КПК партия и ее руководитель обратили пристальное внимание на совершенствование работы и теоретических исследований в области пропаганды, идеологии и культуры.

Разработка Си Цзиньпином культурной концепции для «новой эпохи»

Си Цзиньпин поднимал вопрос о выработке новых ориентиров в меняющейся внутренней и внешней ситуации на заседаниях ПБ и ЦК партии, на рабочих совещаниях партийного актива, на Всекитайском совещании по пропаганде и идеологической работе в 2018 г., Всекитайском совещании по пропагандистской, идеологической и культурной работе в октябре 2023 г., на Совещании по культурному наследию и развитию в июне 2023 г., на целевых совещаниях по литературе и искусству, сетевой безопасности и информации, по работе с общественным мнением; встречался с учеными-обществоведами, работниками образования и культуры. Многие сформулированные им

¹ Zhonggong zhongyang bangong ting yinfa “guanyu peiyu he jian xing shehuizhuyi heixin jiazhi de yujian” [Канцелярия ЦК КПК опубликовала «Мнения о воспитании и реализации основных ценностей социализма»] // gov.cn. 23.12. URL: https://www.gov.cn/zhengce/2013-12/23/content_5407875.htm (accessed: 17.01.2024).

предложения вошли в партийные документы¹. Китайские авторы обращают внимание на присутствие свободной дискуссии во время подобных встреч, на широкий обмен мнениями и глубокий анализ ситуации со стороны всех участников, учет разных мнений при принятии партийных решений. Таким образом, подчеркивается массовый характер мероприятий и участие народа в определении установок по развитию культуры.

Усиление идейно-пропагандистской работы в области культуры КПК и лично Си Цзиньпин связывают с задачей содействия процветанию китайской национальной культуры, создания на новой исторической отправной точке современной культуры и строительства мощной культурной социалистической державы с китайской спецификой.

Обширные разделы о культуре включаются в отчетные доклады ЦК КПК съездам партии. В них подводятся итоги работы за прошедший со времени предыдущего съезда период и выдвигаются новые цели.

На XIX съезде в 2017 г. Си Цзиньпин подчеркнул, что культура — душа страны и нации; сильная культура укрепляет нацию, способствует ее процветанию; без сильной культуры не может быть возрождения китайской нации². В 2022 г. в отчетном докладе ЦК КПК XX съезду, в котором отчетливо прослеживаются положения будущей культурной концепции Си Цзиньпина, указывалось, что Китай развивает самостоятельную, национальную, научную, массовую культуру, устремленную в будущее, демонстрирует укрепление веры в национальную культуру, которая успешно развивается, используя все преимущества инновационного развития³.

¹ Xi Jinping. Zai zhexue shehui kexue gongzuo zuotan hui shang de jianghua [Си Цзиньпин. Выступление на семинаре по философским и общественным наукам] // Renmin ribao [*People's Daily*] 19.05.2016.

² Xi Jinping: juesheng quanmian jiancheng xiaokang shehui duoqu xin shidai zhongguo tese shehuizhuyi weida shengli - zai zhongguo gongchandang di shijiu ci quanguo daibiao dahui shang de baogao [Добиться решающей победы в полном построении среднезажиточного общества, добиться великой победы социализма с китайской спецификой в новую эпоху. Доклад на XIX Всекитайском съезде КПК] // gov.cn. 27.10.2017. URL: https://www.gov.cn/zhuanti/2017-10/27/content_5234876.htm 21.12.2023 (accessed: 19.01.2024).

³ Xi Jinping. Gaoju zhongguo tese shehuizhuyi weida qizhi wei quanmian jianshe shehuizhuyi xiandaihua guojia er tuanjie fendou — zai zhongguo gongchandang di ershi ci quanguo daibiao dahui shang de baogao [Высоко неся великое знамя социализма с китайской спецификой, сплоченно бороться за всестороннее строительство модернизированного социалистического государства. Доклад на XX Всекитайском съезде КПК] // gov.cn. 25.10.2022. URL: http://www.news.cn/politics/cpc20/2022-10/25/c_1129079429.htm (accessed: 22.12.2023).

Речь идет о превращении Китая в сильную в культурном отношении страну, что входит в комплексный план строительства мощного современного социалистического государства. Задачи КПК в области культуры на текущий момент были сформулированы в заголовке раздела VIII отчетного доклада ЦК КПК XX съезду: «Укрепление веры в китайскую культуру, наращивание ее мощи, достижение новых выдающихся успехов в развитии социалистической культуры»¹. Понятие *вера в китайскую культуру [вэньхуа цзыю]*, т. е. уверенность в ее незыблемости и непреходящей ценности, утвердилось в китайском политическом лексиконе и энергично внедряется в общественное сознание в «эпоху Си Цзиньпина», хотя термин употреблял и предыдущий генеральный секретарь ЦК КПК Ху Цзиньтао².

Понятие веры в собственную культуру вместе с выдвинутой ранее формулой веры в путь, теорию и строй вошло в политическую доктрину Си Цзиньпина *сыгэ цзысинь*³ как ключ к утверждению социалистической идеологии, как мотивация для продолжения реформ и инновационного развития. В «эпоху Си Цзиньпина» в партийных документах совершенно очевидно просматривается идея об усилении связи культуры с идеологией — с планами партии. Широко распространяется мысль о важности идеологической работы партии по укреплению в обществе понимания необходимости сохранения национальной культуры.

Остается актуальным выдвинутый Си Цзиньпином в год столетия КПК в 2021 г. лозунг «двойного сочетания», т. е. «сочетания основополагающих истин марксизма с конкретной практикой Китая и выдающейся традиционной культурой Китая»⁴. О тесной связи национальной культуры с марксизмом и развитием страны Си Цзиньпин говорил на состоявшемся в феврале 2023 г. Всекитайском партийном совещании по изучению и реализации решений XX съезда КПК: мо-

¹ Xi Jinping. Gaoju zhongguo...

² Hu Jintao zai zhongguo gongchandang di shiba ci quanguo daibiao dahui shang de baogao (quanwen) [Доклад Ху Цзиньтао на XVIII Всекитайском съезде КПК. Полный текст] // China. org.cn. 19.11. 2012. URL: http://www.china.org.cn/china/18th_cpc_congress/2012-11/16/content_27137540.htm (accessed: 22.12.2023).

³ Понятие *сыгэ цзысинь* 四个自信 включает «четыре веры»: веру (или уверенность) в путь, теорию, строй и культуру *道路自信, 理论自信, 制度自信, 文化自信 (даолу цзысинь, лидулу цзысинь, чжэиду цзысинь, вэньхуа цзысинь)*.

⁴ Ba makesizhuyi jiben yuanli tong zhongguo juti shiji xiang jiehe, tong zhonghua youxiu chuantong wenhua xiang jiehe [Соединить основные принципы марксизма с конкретной практикой Китая и выдающейся традиционной китайской культурой] // Qiushi wang. 27.06. 2022. URL: http://www.qstheory.cn/dukan/hqwq/2022-06/27/c_1128779358.htm (accessed: 15.01.2024).

дернизация китайского типа обязана традиционной культуре Китая, опирается на нее, как и на усовершенствованные положения марксизма¹. Представляется, что под усовершенствованным марксизмом подразумевается продолжающаяся его китаизация. Проводя курс на признание руководящего положения марксизма в области идеологии и выдвигая расширенную концепцию китаизации марксизма на XX съезде КПК, китайский руководитель обращает внимание на повышение роли духовной культуры в этом процессе. С его точки зрения, многие сформулированные предыдущими поколениями морально-этические постулаты во многом совпадают с положениями научного социализма и марксизма, могут быть поставлены на службу современности и способствовать построению сильного современного социалистического государства с китайской спецификой: «великая гармония мира», «поднебесная принадлежит всем», «народ — основа государства», «управление государством при помощи добродетели», «отмена устаревшего и установление нового», «назначение на должность только по способностям человека», «единство человека и природы», «неустанное стремление к самосовершенствованию», «почитание добродетели», «соблюдение принципов честности и дружелюбия», «поддержание добрых отношений с соседями»². В интересах модернизации и осуществления китайской мечты КПК ставит задачу укреплять историческую уверенность в собственной национальной культуре, обогащенной современной и революционной культурой, рассматривает ее как надежную силу в развитии страны и нации. В этих целях предлагается усиливать партийное руководство культурно-воспитательной работой, внедрять теоретические инновации партии, отбрасывать устаревшее и взращивать новое, не отказываться от древнего, которое можно поставить на службу современности, наследовать китайский культурный ген, в том числе так называемый рево-

¹ Xi Jinping shuji “jianshe zhonghua minzu xiandai wenming” zhongda guandian xilie zhi wu: wenhua qianguo, xi jiping zongshu qiandiao jiating wenhua zixin [Пятый пункт из основной концепции Си Цзиньпина о «создании современной цивилизации китайской нации: усилить страну через культуру». Генеральный секретарь Си Цзиньпин подчеркивает важность усиления веры в культуру] // Xinhua wang. 20.06.2023. URL: http://www.news.cn/politics/xxjxs/2023-06/20/c_1129707594.htm (accessed: 15.12.2023).

² Xi Jinping. Gaoju zhongguo tese shehuizhuyi weida qizhi wei quanmian jianshe shehuizhuyi xiandaihua guojia er tuanjie fendou -zai zhongguo gongchandang di ershi ci quanguo daibia dahui shang de baogao zai zhongguo gongchandang di ershi ci quanguo daibia dahui shang de baogao [Высоко неся великое знамя социализма с китайской спецификой, сплоченно бороться за всестороннее строительство модернизированного социалистического государства. Доклад на XX Всекитайском съезде КПК] // gov.cn. 25.10. 2022. URL: http://www.news.cn/politics/cpc20/2022-10/25/c_1129079429.htm (accessed: 22.12.2023).

люционный красный ген, сочетать теоретические положения марксизма с лучшими достижениями китайской культуры и представлениями о традиционных ценностях и нравственных принципах. В 2019 г. ЦК КПК и Госсовет КНР приняли Программу по осуществлению морально-нравственного воспитания граждан в новую эпоху, которая ставит следующие задачи: культивировать социалистические ценности, убеждения и идеалы, усваивать моральные ресурсы предшествующих поколений, воспитывать национальный дух, в основе которого лежит патриотизм¹. Речь идет о духовном воспитании людей «новой эпохи», способных выполнить задачи по национальному возрождению. Им должны быть присущи созидательный дух, трудовой энтузиазм, дух коллективизма, упорной борьбы и самоотверженности, трудолюбия и бережливости. Для укрепления идеалов и убеждений предлагается усилить работу по проведению пропагандистско-воспитательных мероприятий по изучению истории КПК, КНР, политики реформ и открытости, развития социализма. Обращает на себя внимание акцент на более углубленное изучение истории Нового Китая, а не Китая вообще, особенно периодов, когда страна добилась наибольших успехов в своем развитии, что способствует воспитанию патриотизма и чувства гордости за нацию.

В выступлениях на разных площадках Си Цзиньпин обосновывает важность усиления партийного руководства работой в области литературы и искусства, образования, информации, науки целями формирования новой социалистической культуры, достойной наследия предыдущих поколений, усвоившей все достижения современности, соответствующей общей стратегии страны. Идеино-пропагандистская работа должна способствовать укреплению культурной безопасности, веры народа в свою культуру и силу ее влияния в мире. Китайский руководитель подчеркивает как сильную сторону китайской культуры ее непрерывность, самобытность и собственный путь развития, когда во главу угла ставятся национальные традиции и учет особенностей многих народов многонационального Китая в противовес концепции глобализации с ее расплывчатыми стереотипами, правилами и ценностями.

О повышении внимания КПК к культурной работе говорит изменение названия совещания, которое первоначально звучало как совещание по идейно-пропагандистской работе. В названии проведенного в октябре 2023 г. совещания было добавлено слово «культура»

¹ Xin shidai gongmin daode jianshe shishi gangyao [План внедрения моральных принципов в жизнь народа в новую эпоху] // Renmin wang — Renmin ribao. 28.10.2019. URL: <http://politics.people.com.cn/GB/n1/2019/1028/c1001-31422612.html> (accessed: 15.01.2024).

(*Цюаньго сюаньчуань сысян вэньхуа гуицзо хуэйи*), чтобы подчеркнуть, что работа в сфере культуры неразрывно связана с идеологической и пропагандистской работой партии, от которой зависит судьба страны, стабильность государства, национальное единство и сплоченность народа. На проведенном по предложению «возглавляемого товарищем Си Цзиньпином ЦК КПК»¹ китайский лидер впервые в систематизированном виде представил свое видение современной культурной политики КПК, в которой нашли отражение его идеи, предложенные за время нахождения во главе КПК. Суть новой концепции состоит в формировании социалистической идеологии как направляющей силы развития культуры, обеспечивающей сплоченность и создающей прочный фундамент для построения современного социалистического общества². Безымянный обозреватель ведущего теоретического журнала КПК «Цюши», отражая точку зрения руководства партии, считает важным итогом совещания 2023 г. именно подробное изложение Си Цзиньпином своего видения работы на культурном фронте, видит в них отражение мировых тенденций и изменений в идеологических концепциях китайского общества, отмечает, что культурная работа наравне с идеологической выдвигается на важное место в процессе руководства страной³.

Главный посыл совещания состоял в том, что члены партии должны еще серьезнее отнестись к своей миссии по руководству распространением и изучением идей Си Цзиньпина о культуре в «новую эпоху», «которые отличаются богатством содержания, стройностью и глубиной изложения, что нечасто встречалось в истории партии»; они представляют собой «теоретическое обобщение практического опыта партийного руководства в культурном строительстве в “новую эпоху”, обогащают и развивают марксистскую теорию культуры»⁴.

¹ Ba Xi Jinping wenhua sixiang guanche luoshi dao xuanchuan sixiang wenhua gongzuo ge fangmian he quan guocheng [Внедрять культурную концепцию Си Цзиньпина в мероприятия по осуществлению пропагандистской, идеологической и культурной работы] // Qiusi wang. 15.10.2023. URL: http://www.qstheory.cn/dukan/qs/2023-10/15/c_112991690.0.htm (accessed: 29.01.2024).

² Di yi guan cha — Xi jingping wenhua sixiang shou ci tichu [Первое впечатление от представления Си Цзиньпином его культурной концепции] // news.cn. 08.10.2023. URL: http://www.news.cn/politics/leaders/2023-10/08/c_1129905812.htm (accessed: 25.12.2023).

³ Ba Xi Jinping wenhua sixiang guanche luoshi dao xuanchuan sixiang wenhua gongzuo ge fangmian he quan guocheng [Внедрять культурную концепцию Си Цзиньпина в мероприятия по осуществлению пропагандистской, идеологической и культурной работы] // Qiusi wang. 15.10.2023. URL: http://www.qstheory.cn/dukan/qs/2023-10/15/c_112991690.0.htm (accessed: 29.01.2024).

⁴ Там же.

Обращает на себя внимание замечание о том, что теоретические выкладки Си Цзиньпина выделяют его среди других высших китайских руководителей.

В обобщенном виде мысли Си Цзиньпина о культуре можно свести к следующим положениям:

- формирование социалистической идеологии, стоящей на позициях марксизма, приемлемой для всего общества, обеспечивающей сплочение нации и закладывающей прочный фундамент для построения современного социалистического общества;
- закрепление основополагающих социалистических ценностей и интеграция моральных принципов в повседневную жизнь населения, повышение культурного уровня общества для построения современной и мощной социалистической страны;
- осуществление «двойного сочетания», поиск новой парадигмы развития гуманистической экономики, раскрытие до конца логики китайской модернизации, формирование и развитие новых производительных сил, обеспечение благоприятных культурных условий для строительства современной и мощной социалистической страны, содействие поступательному мирному развитию человечества.

В новых условиях Си Цзиньпин делает акцент на социалистический характер китайской культуры, указывает на ее специфику, ожидает от нее творческой трансформации и инноваций. «Жэньминь жибао» в начале 2024 г. отмечала, что предложенные им теоретические предложения внесли новые моменты в партийную политику в области культуры, обогатили социалистическую теорию культуры, которая является составной частью теории о социализме с китайской спецификой. Газета подчеркивает высокий научный уровень и структурированность теоретических разработок Си Цзиньпина в области культуры¹.

В основе концепции Си Цзиньпина о культуре лежит один из высказанных им на XX съезде партии принцип «придерживаться идеи развития, ориентированного на человека». Культура социалистического общества с китайской спецификой, по его замыслу, должна служить народу, в полной мере удовлетворять разнообразные, много-

¹ Shenke linghui xi jinping wenhua sixiang de fengfu neihang (shenru xuexi guanchi xi jinping xin shidai zhongguo tese shehuizhuyi sixiang [Глубоко осмысливать богатое содержание культурной концепции Си Цзиньпина (глубоко изучать и внедрять мысли Си Цзиньпина о социализме с китайской спецификой в новую эпоху)] // Жэньминь жибао. 11.01.2024.

уровневые и многогранные духовные и культурные потребности народа, обогащать духовный мир человека (Ван Бо, с. 4).

Культурная концепция, еще не будучи официально представленной, начала воплощаться в жизнь в «эпоху Си Цзиньпина». В Китае много делается для развития и совершенствования сферы культуры и культурной индустрии, расширения культурного рынка, создания новых форматов и моделей культурной деятельности, чтобы благодаря высококачественным предложениям заинтересовать потребителей в получении все большего объема культурных услуг. На государственном и местном уровнях под руководством КПК продолжается реформа в области культуры, нацеленная на получение социального и экономического эффекта: открываются новые музеи, культурно-исторические объекты, парки и зоны для культурного отдыха, объекты для занятий спортом, расширяются возможности туристической сферы. Большие надежды возлагаются на работников литературы, которым предписано глубже погружаться в жизнь народа, лучше понимать его проблемы, выпускать произведения, «укрепляющие духовную силу народа»¹. Этим целям служат такие осуществленные при Си Цзиньпине общенациональные проекты, как создание Академии истории (2019) и музеев в ее составе, проведение зимних Олимпийских и Паралимпийских игр (2022), открытие Китайской библиотеки национальных печатных изданий (2022) с тремя филиалами в городах: Сиань, Ханчжоу, Гуанчжоу, проведение Пекинских культурных форумов (2022, 2023 гг.) и др.

Си Цзиньпин постоянно участвует в культурных мероприятиях разного уровня, выступает инициатором создания общественно-культурных объектов, инспектирует места культурного и исторического наследия, чтобы подчеркнуть внимание партии к сохранению и дальнейшему развитию национальной культурной среды. В выступлениях китайского лидера звучит убежденность в том, что национальная культура не утрачивает своей актуальности, мотивирует поступательное движение страны вперед. Он призывает работников культуры повсеместно заниматься повышением культурного уровня населения, закреплением в умах людей общих социалистических идеалов, убеждений, морали и системы ценностей, внося вклад в консолидацию

¹ Xi Jinping chuxi quanguo xuanchuan sixiang gongzuo huiyi bing fabiao zhongyao jianghua [Си Цзиньпин принял участие в конференции по пропагандистской и идеологической работе и выступил с важной речью] *gov.cn*. 22.08.2018. URL: https://www.gov.cn/xinwen/2018-08/22/content_5315723 (accessed: 15.01.2024).

общества, процесс создания современного социалистического государства и омоложения китайской нации в ходе модернизации китайского типа, при этом не забывать свои корни.

Культурная концепция Си Цзиньпина для внешнего мира

Выступая на сессии Генеральной ассамблеи ООН в 2017 г., Си Цзиньпин сказал: «Что происходит с миром? Как нам быть? Это вопросы, над которыми размышляет весь мир, а также вопросы, над которыми размышляю я сам» [Си Цзиньпин, с. 512].

На протяжении всего периода пребывания у власти озабоченность судьбой человечества неизменно присутствует во внешнеполитической риторике китайского лидера. Все предложенные им в «новую эпоху» концепции, в том числе культурная, направлены, в первую очередь, на выполнение планов развития Китая, которое гипотетически может помочь движению вперед всего человечества. Распространение китайской культуры в мире играет немалую роль в повышении эффективности общения страны с миром и содействует утверждению соответствующего национальной мощи Китая его международного статуса. Культурная концепция Си Цзиньпина представляет собой новое руководящее теоретическое построение, направленное на распространение через культуру влияния Китая в мире.

Как совершенно справедливо замечает А.В. Ломанов, традиция настраивает современный Китай на диалог с миром [Ломанов А.]. По словам секретаря ЦК КПК Цай Ци, Китай, защищая свою культуру, будет работать с международным сообществом, чтобы создать новую культурную интеграцию и новый тип отношений между людьми в мире¹. Китай широко использует за рубежом культурную «мягкую силу» и воспринимает ее совершенствование как важное направление работы по содействию дальнейшему расцвету своей национальной культуры. Китайские исследователи полагают, что предложенная Си Цзиньпином культурная концепция обеспечит более благоприятные возможности для распространения достижений китайской культуры, повышения ее привлекательности и более интенсивных культурных

¹ Cai Qi chuxi 2023 beijing wenhua luntan kaimu shi bing zhici [Цай Ци принял участие в церемонии открытия Пекинского культурного форума — 2023 и выступил с речью] // Xinhua wang. 14.09.2023. URL: http://www.news.cn/politics/leaders/2023-09/14/c_1129863044.htm 20.01.2024. (accessed: 25.12.2023).

обменов. На первое место выдвигается задача не просто активизации пропаганды и представление в мире китайской культуры, а демонстрация ее преимуществ [Ван Хайсюань, р. 6].

Одной из задач, поставленных Си Цзиньпином по реализации культурной концепции, является расширение работы на идейно-пропагандистском и культурном направлении, суть которой в поиске новой модели построения мира, содействии поступательному мирному развитию человечества, наращивании возможностей ведения пропаганды за рубежом и содействии межцивилизационным обменам в целях создания благоприятной внешней среды для осуществления модернизации в Китае. Постоянно происходит совершенствование форм и методов внешней пропаганды, работающей на распространение китайского культурного влияния. На проведенных в Китае в «эпоху Си Цзиньпина» международных культурных форумах (Форум азиатских цивилизаций 2019 г., Пекинские культурные форумы 2021, 2022 г.), Конференции по сохранению азиатского культурного наследия др.), организованных, как правило, ЦК КПК, Китай постоянно выступает с новыми предложениями, заявляя о поиске новых моделей мирового развития, в том числе средствами культуры, акцентируя внимание на важной роли культуры в меняющемся мире, об утверждении высоких моральных принципов в повседневной жизни людей.

Деятельность Китая за рубежом направлена на создание позитивного имиджа страны и формирование непредвзятого неполитизированного общественного мнения. С одной стороны, она состоит в демонстрации миру сущности традиционной китайской культуры (как говорят в Китае, в трехмерном измерении) и доказательстве ее ценности для современной эпохи, с другой — в ознакомлении с последними достижениями литературы, искусства, культуры, отражающими развитие и прогресс современного Китая. В практической плоскости эта работа выражается в организации разнообразных культурных выставок, проведении дней культуры Китая, выступлениях коллективов мастеров искусств, переводах политической и художественной литературы на языки народов мира и распространении этой литературы, обучении традиционным видам искусства (живопись, вырезание из бумаги), боевым искусствам, открытии культурных центров, организации изучения китайского языка за рубежом и т. д. Платформы китайского культурного влияния пользуются последними технологическими достижениями и приобретают новые профили: за границу на иностранных языках экспортируются онлайн-игры, кино- и телевизионные драмы, анимационные фильмы, онлайн-литература, короткие видеоролики и проч. [Ду Чжаньюань]

Успехом информационно-пропагандистских шагов Китая¹ на международном культурном фронте можно рассматривать резолюцию Генеральной ассамблеи ООН, принятую на 78-м заседании в декабре 2023 г., которая внесла новый год по Лунному календарю в список выходных дней для учреждений ООН², признав, таким образом, ценность традиционной азиатской культуры.

Фестивали по поводу традиционных китайских праздников (китайский Новый год, гонки лодок в праздник Дуанью) стали популярны во многих странах, в том числе в России. Представляется, что участников привлекает больше внешняя оригинальность, красочное оформление мероприятий, чем идеологическая подоплека, заложенная в выступлениях, комментариях, объяснениях китайских организаторов. Надо отметить, что именно обвинения в излишней пропагандистской наполненности программ обучения в последнее время стали причиной закрытия властями США и ряда других стран открытых правительством КНР центров изучения китайского языка, аналогов российских институтов Конфуция.

Базирующаяся на социалистических духовных ценностях и марксизме культурная концепция Си Цзиньпина не может стать универсальной для всего мира в силу своей идеологической ангажированности. Рост экономической мощи Китая сегодня воспринимается недружественным миром как причина усиления конкуренции на мировом рынке и углубления противоречий в международных отношениях, и пропаганда древней истории Китая и достижений культуры, полученных благодаря успехам социализма под руководством Компартии, не везде приветствуется. Эта риторика больше будет нужна для внутреннего потребления, чем для внешнего, как и заявления о том, что «международное сообщество возлагает беспрецедентные надежды на голос и решения Китая» [Ду Чжаньюань]³.

Тем не менее Китай не отказывается от распространения в мире идеи о развитии гуманистической экономики — положения, которое входит в культурную концепцию. Представляя международному со-

¹ 10 августа 2023 г. послы и главы делегаций 12 стран, в том числе Китая, подписали совместное письмо с предложением включить Лунный Новый год в ежегодный календарь Организации Объединенных Наций.

² Lunar New Year listed as UN floating holiday, indicating increasing global recognition of Chinese culture: expert // Global Times. 24.12.2023. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202312/1304235.shtml> (accessed: 30.01.2024).

³ Автор — Ду Чжаньюань — начальник Китайского управления изданий на иностранных языках.

обществу китайскую модернизацию как образцовую и предлагая эту модель миру, Си Цзиньпин обращает внимание на ее преимущества: она обеспечивает согласованность в развитии материальной и духовной культуры, успешное экономическое развитие и долгосрочную социальную стабильность¹. Китайский руководитель неоднократно подчеркивал, что модернизация по-китайски — это модернизация, в которой скоординировано растущее материальное благосостояние граждан и удовлетворение широких культурных потребностей человека, а укрепление экономического базиса неразрывно связано с совершенствованием идеологической надстройки².

Вопросы культурного сотрудничества входят в программу всех зарубежных визитов китайского лидера, помогают искать общее при сохранении различий. Си Цзиньпин говорит о важности сохранения исторического и культурного наследия, о роли культуры в создании материальных благ, о праве каждой цивилизации защищать свою идентичность, неустанно защищает общие гуманистические построения, идеи инклюзивности, справедливости, равных возможностей для всех стран и народов, укрепления межгосударственных культурных связей и взаимных обменов между цивилизациями, подчеркивает ответственность Китая как крупной державы за будущее планеты. Культурная концепция Си Цзиньпина дополняет предложенную им ранее концепцию сообщества единой судьбы человечества и инициативу глобальной цивилизации [Верченко, с. 9].

Выступая на Диалоге лидеров Китая и Африки в Йоханнесбурге в августе 2023 г., Си Цзиньпин, повторив известные заявления о единстве и сотрудничестве, толерантности, цивилизационных обменах и создании китайско-африканского сообщества единой судьбы, обратил внимание африканских руководителей на важность отстаивания и укрепления собственных нравственных принципов в условиях меняющегося мира, на что он указал ранее в своей культурной концеп-

¹ Xi Jinping shuji “jianshe zhonghua minzu xiandai wenming” zhongda guandian xilie booming zhi wu: wenhua qianguo, xi jinping zongshu qiangdiao jiangding wenhua zixin [Пятый пункт из основной концепции Си Цзиньпина о «создании современной цивилизации китайской нации: усиливать страну через культуру». Генеральный секретарь Си Цзиньпин подчеркивает важность усиления веры в культуру] // Xinhua wang. 20.06.2023. URL: http://www.news.cn/politics/xxjxs/2023-06/20/c_1129707594.htm (accessed: 15.12.2023).

² Shenke linghui xi jinping wenhua sixiang de fengfu neihang (shenru xuexi guanchi xi jinping xin shidai zhongguo tese shehuizhuyi sixiang [Глубоко осмысливать богатое содержание культурной концепции Си Цзиньпина (глубоко изучать и внедрять мысли Си Цзиньпина о социализме с китайской спецификой в новую эпоху)] // Жэньминь жибао. 11.01.2024.

ции. По замыслу Си Цзиньпина, его культурная концепция внутри страны применима для реализации задач по построению «процветающей, демократической, цивилизованной, гармоничной социалистической страны», а на международной арене ее положения должны «содействовать прогрессу всего человечества»¹.

Выводы

Китайская партийная и научная литература, средства массовой информации неустанно напоминают, что ведущая роль в реформировании культурной политики КПК на современном этапе принадлежит лично генеральному секретарю ЦК КПК Си Цзиньпину. В китайской базе данных *CNKI (China National Knowledge Infrastructure)* только в январе 2024 г. индексируется около 300 публикаций, в которых упоминается культурная концепция, анализируется ее значение для Китая и внешнего мира, высоко оценивается роль Си Цзиньпина, отмечается его превосходство в теории и логике изложения над другими китайскими руководителями.

По мнению китайских авторов, культурная концепция Си Цзиньпина впитала все мировые цивилизационные достижения, имеет теоретическое и практическое значение [Ван Хайсюань, р. 5], направлена на реализацию основных ценностей социализма, на интеграцию их в повседневную жизнь, что в конечном итоге служит делу построения современной и мощной социалистической страны по пяти направлениям: экономическому, политическому, культурному, социальному и экологическому, придаст ему мощный моральный импульс [Ван Бо, с. 4]. Авторы подчеркивают возрастающую роль идейно-пропагандистской работы КПК в сфере культуры в Китае и за рубежом. В международном контексте концепция предлагает изучение и использование китайской модели развития, отношения к культуре, нацеливает на глобальное взаимодействие и межцивилизационные обмены. Концепция оценивается как последнее достижение в китаизации марксизма и адаптации его к условиям современной эпохи [Ли Цинсы, р. 12]. Профессор Партийной школы ЦК КПК Синь Мин полагает, что сформировавшаяся на основе богатой исторической практики культурная концепция Си Цзиньпина определила ориентиры развития ки-

¹ Xi Jinping zai zhongfei lingdao ren duihua hui shang de zhuzhi jianghua (quan wen) [Выступление Си Цзиньпина на Диалоге китайских и африканских лидеров. Полный текст] // Xinhua wang. 25.08.2023. URL: http://www.news.cn/world/2023-08/25/c_1129823246.htm (accessed: 20.01.2024).

тайской культуры в «новую эпоху», доказала субъектность китайской культуры, ее консолидирующую роль в создании основы для устойчивого развития страны [Синь Мин]. С точки зрения исследователя Ван Бо из Хайнаньского университета, разработанная Си Цзиньпином теоретическая конструкция, состоящая из трех элементов: китайской культуры как субъекта, мировой истории и коммунизма, — представляет собой выверенную идеологическую систему, новую модель, которую отличает логика изложения, теоретическая глубина и связь с практикой социалистического строительства (Ван Бо, р. 9). На личную причастность лидера КПК к успехам культурного развития, достигнутого в последние годы, указывал и журнал «Цюши» в 2023 г.: главная причина всех достижений заключается в том, что «у руля стоит генеральный секретарь Си Цзиньпин, осуществляется его научное руководство социалистической идеологией для новой эпохи»¹.

Культурная концепция Си Цзиньпина закрепляет усиление идейно-пропагандистского влияния КПК на работу в области культуры, мотивируя это потребностями выполнения планов Китая по строительству современного социалистического сильного государства с китайской спецификой.

В современном мире под влиянием глобализации развитие традиционной культуры сталкивается с глубокими проблемами. Китай гордится непрерывностью своей пятитысячелетней цивилизации и успехами в культуре, показывает пример сохранения культурного наследия и считает себя вправе давать советы другим, предлагая свою модель государственного устройства миру.

Скорее всего, культурная концепция в целостном виде не будет циркулировать за рубежом, как это происходит с концепцией сообщества единой судьбы человечества и инициативой глобальной цивилизации. Приемлемые для восприятия в мире отдельные положения концепции станут фрагментами выступлений китайских руководителей по таким темам, как обеспечение мирного развития, равенства, инклюзивности; создание прекрасного будущего для планеты в виде сообщества единой судьбы человечества, а Си Цзиньпин оставит за собой право быть автором очередной концепции справедливого мира.

¹ Ba Xi Jinping wenhua sixiang guan che luoshi dao xuanchuan sixiang wenhua gongzuo ge fangmian he quan guocheng [Внедрять культурную концепцию Си Цзиньпина в мероприятия по осуществлению пропагандистской, идеологической и культурной работы] // Qiushi wang. 15.10.2023. URL: http://www.qstheory.cn/dukan/qs/2023-10/15/c_112991690.0.htm (accessed: 29.01.2024).

Библиографический список

Верченко А.Л. Партийная дипломатия во внешней политике КНР: «Диалог КПК с миром — 2023» // Проблемы Дальнего Востока. 2023. № 4. С. 1—23.

Ломанов А. Возвращение Поднебесной. В чем состоят фундаментальные основы внешней политики Китая? // Ведомости. 06.04.2023.

Си Цзиньпин. О создании сообщества единой судьбы человечества. Пекин: Чжунъян бяньи чубаньшэ, 2021. 691 с.

* * *

Ван Бо. Си Цзиньпин вэньхуа сысян дэ лишэ лоци, лилунь юньхань юй шицзянь ии [Культурная концепция Си Цзиньпина: историческая логика, теоретическое содержание и практическое значение] // Хайнань дасюэ сюэбао (жэньвэнь шэухуэй кэсюэ бань [Вестник Хайнаньского университета (гуманитарные и социальные науки)]. 2023. № 11. С. 03—23. DOI: <https://doi.org/10.15886/j.cnki.hnus.202311.0313> 23.01.2024. (На кит. яз.).

Ван Хайсюань, Хун Сянхуа. Си Цзиньпин вэньхуа сысян иньлин гоци чуаньбо дэ чжунъяо ити юй фачжань цюйши цянъчжань [Культурная концепция Си Цзиньпина определяет важность зарубежной пропагандистской работы и тенденции развития на будущее] // Дуйвай чуаньбо [Международная коммуникация]. 2024. № 1. С. 5—2. (На кит. яз.).

Ду Чжаньюань. Чжولي цзяцян гоци чуаньбо нэнли [Предпринимать меры по расширению возможностей пропаганды в мире] // Цюйши ван [Журнал «Цюйши» он лайн]. 07.12.2023. URL: http://www.qsttheory.cn/qshy/jx/2023-12/07/c_1130012978.htm (дата обращения: 03.02.2024). (На кит. яз.).

Ли Цинсы. Си Цзиньпин вэньхуа сысян дэ чжунда шидай цзячжи [Важное эпохальное значение культурной концепции Си Цзиньпина] // Гуйчжоу дансяо сюэбао [Вестник Партийной школы Гуйчжоу]. 2024. № . 2. С. 1—2. DOI: <https://doi.org/10.16436/j.cnki.52-5023/d.20240026.009>. (На кит. яз.).

Синь Мин. Сильнейшая демонстрация субъективности современной китайской культуры // Жэньминь ван [Сайт «Жэньминь жибао» он лайн]. 11.10.2023. URL: http://www.dangjian.cn/shouye/sixianglilun/dangjianpinglun/202310/t0231011_6681547.shtml 15.12 (дата обращения: 10.12.2023). (На кит.яз.).

References

Du Zhanyuan (2023). Zhuoli jiaqiang guoji chuanbo nengli [To make efforts to strengthen international propaganda capacity, *Qiushi wang*, 07 December. URL: http://www.qsttheory.cn/qshy/jx/2023-12/07/c_1130012978.htm (accessed: 03.02.2024). (In Chinese).

Li Qinghua (2024). Xi Jinping wenhua sixiang de zhongda shidai jiazhi [The Great Milestone Value of Xi Jinping's Cultural Thoughts], *Guizhou dangxiao xuebao* [Bulletin of

Guizhou Party School]: 2: 1–2. DOI: <https://doi.org/10.16436/j.cnki.52-5023/d.20240026.009>. (In Chinese).

Lomanov, A. (2023). Return of the Celestial Empire. What are the fundamental principles of China's foreign policy? *Vedomosti [The News]*, June 4.

Verchenko, A.L. (2023). Party Diplomacy in China's Foreign Policy: "CCP Dialogue with the World-2023", *Far Eastern Affairs*: 4: 1–13. DOI: 10.31857/S013128120026884-3. (In Russian).

Wang Bo (2023). Xi Jinping wenhua sixiang de lishi luoji, lilun yunhan yu shijian yiyi [The historical logic, theoretical implication and practical significance of Xi Jinping's cultural thoughts], *Hainan daxue xuebao (renwen shehui kexue ban) [Bulletin of Hainan University (Humanities and Social Sciences Edition)]* : 11: 03–23. DOI: <https://doi.org/10.15886/j.cnki.hnus.202311.0313> 23.01.2024. (In Chinese).

Wang Haixuan, Hong Xianghua (2024). Xi Jinping wenhua sixiang yinlin guoji chuanbo de zhongyao yiti yu fazhan qushi qianzhan [Xi Jinping's cultural thoughts lead important issues and development trends in international communication], *Duiwai chuanbo [External Communication]*: 1: 05–29. (In Chinese).

Xi Jinping (2021). On building the Community with a Shared Future for Mankind, Beijing: *Zhongyang bianyi chubanshe*, 691 p. (In Russian).

Xin Ming (2023). Dangdai zhongguo wenhua zhutixing de zui youli tixian [The most powerful manifestation of contemporary Chinese cultural subjectivity], *Renmin ribao website*, October 11. URL: http://www.dangjian.cn/shouye/sixianglilun/dangjianpinglun/202310/t20231011_6681547.shtml 15.12 (10.12.2023). (In Chinese).

В.Я. Портяков

К ВОПРОСУ О ПЕРИОДИЗАЦИИ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ КНР

Аннотация. В статье рассмотрены различные варианты периодизации внешней политики Китайской Народной Республики. В их числе: периодизация, предложенная М.С. Капицей, периодизация американского китаевода Д. Шамбо, два варианта периодизации китайских авторов. С их учетом предложен собственный вариант периодизации: 1949—1959, 1960—1969, 1970—1978, 1979—1989, 1989—2002, 2002—2013, 2012—2024. Дается характеристика наиболее важных качественных особенностей каждого этапа.

Ключевые слова: Китайская Народная Республика, внешняя политика, периодизация.

Автор: *Портяков Владимир Яковлевич*, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Центра политических исследований и прогнозов Института Китая и современной Азии РАН (адрес: 117977, Москва, Нахимовский пр-т, 32). ORCID 0000-0001-9188-2341. E-mail: p481nov@mail.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Статья подготовлена в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (проект № FMSF-2021-0009 «Современная внешняя политика КНР и взаимодействие РФ и КНР в межгосударственной, экономической, других практических областях и во внешнеполитической сфере», в том числе в многосторонних форматах (РИК, БРИКС) и «Государственное и правовое строительство в КНР».

V. Ya Portyakov

On the periodization of China's foreign policy

Abstract. The article considers various options for the periodization of the foreign policy of the People's Republic of China. Among them are: the periodization proposed by M.S. Kapitsa, the periodization of the American sinologist D. Shambaugh, two variants of the periodization of Chinese authors. Taking these into account, a proprietary version of periodization is proposed: 1949—2959, 1960—2969, 1970—2978, 1979—2989, 1989—2002, 2002—2013, 2012—2024. The characteristics of the most important qualitative features of each stage are given.

Keywords: People's Republic of China, foreign policy, periodization.

Author: Vladimir Ya. PORTYAKOV, Dr.Sc. (Economics), Professor, Chief Research Fellow, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences (address: 32, Nakhimovsky Ave., Moscow, 117997, Russian Federation). ORCID 0000-0001-9188-2341. E-mail: p481nov@mail.ru

Conflict of interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

Support. The article was prepared within the framework of the state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (project No. FMSF-2021-0009 “Contemporary Foreign Policy of the People's Republic of China and cooperation between the Russian Federation and the People's Republic of China in interstate, economic, other practical fields and in the foreign policy sphere, including in multilateral formats (RIC, BRICS)” and “State and legal construction in the PRC”).

Еще пять лет назад — в преддверии 70-летнего юбилея Китайской Народной Республики — китайские ученые начали апробировать новую, укрупненную периодизацию истории страны с 1949 г. по настоящее время.

Первый этап охватывает период 1949—1978 гг. В это время Китай решил и решил задачу «подняться» (*чжаньцилай*). На втором этапе 1979—2012 гг. решалась задача добиться зажиточности, буквально — «обогатиться» (*фуцилай*). Третий этап — с 2012 г. — отмечен «усилением» Китая (*цянцилай*).

Представляется, что основной целью, ради которой был затеян нынешний «ремонт истории», стало стремление выделить период лидерства Си Цзиньпина в качестве самостоятельного этапа в развитии страны — «вступление социализма с китайской спецификой в новую эру».

Дополнительные плюсы обновленной периодизации состоят в том, что она, *во-первых*, как бы объективно делает Си Цзиньпина ис-

торической фигурой, равновеликой Мао Цзэду и Дэн Сяопину, с которыми ассоциируются первые два этапа. *Во-вторых*, укрупненная периодизация позволяет затенить, вывести из фокуса не самые успешные периоды в истории КНР, такие как «большой скачок» и «культурная революция».

Естественно, что под обновленную периодизацию общей истории КНР подстраивается и периодизация ее внешней политики. Период 1949—1978 гг. в качественном плане характеризуется «решительным отстаиванием права Китая на независимость и равенство». Период 1979—2012 гг. определяется как «следование путем мирного развития, создание благоприятной международной среды для внутреннего экономического строительства». Доминантой этого периода выступил внешнеполитический курс «невступления в союзы, неконфронтационности, ненаправленности против третьих стран» [Ван Цяожун].

Наконец, период с 2012 г. по настоящее время характеризуется как «отстаивание мира, развития, сотрудничества, общего выигрыша, продвижение и созидание сообщества единой судьбы человечества» [Ван Цяожун].

В отмечавшемся «широким фронтом» 70-летию КНР определенное место было отведено и сюжетам, связанным с внешнеполитическим курсом страны. 23 сентября 2019 г. в газете «Жэньминь жибао» был опубликован материал министра иностранных дел КНР Ван И с характеристикой основных достижений народного Китая на международной арене.

В обобщенном виде внешняя политика страны была описана как «последовательно выполняющая свой долг по возрождению нации, смело борющаяся за прогресс человечества, решительно продвигающая развитие государства, строящая мир во всем мире, защищающая международный порядок и вносящая вклад в глобальное управление» [Ван И].

В числе конкретных достижений Пекина на дипломатической ниве названы: историческое улучшение внешней среды для Китая, огромное продвижение вперед в защите безопасности и суверенитета страны, в налаживании сотрудничества с заграницей, в повышении международного статуса государства, а также существенный рост внешнего влияния КНР. Ныне, констатировал Ван И, внешняя политика Китая ориентирована на обеспечение взаимной выгоды и общего выигрыша. Для этого страна следует путем мирного развития, укрепляет сеть партнерских отношений, совместно с другими участниками реализует проекты «Пояса и пути», поддерживает реформу системы глобального управления, ориентированную на укрепление

центральной роли ООН и защиту международного порядка, базирующегося на международном праве [Ван И].

На наш взгляд, удобную для практического анализа *внешней политики КНР периодизацию* предложил американский китаевед Дэвид Шамбо.

По-видимому, начальным толчком к ее осмыслению послужила его работа над заметками о развитии американского китаеведения в период после образования КНР. Автор часто выступал с лекциями на эту тему, в том числе за рубежом, и постепенно выработал близкое к реальности видение этого процесса. Так, в лекции в Институте Дальнего Востока РАН 8 июня 2009 г. Д. Шамбо выделил следующие основные этапы эволюции: 1960-е — конец 1970-х годов; 1980-е; 1989 г. — середина 1990-х годов; конец 1990-х — 2009 г. [Шамбо Д., с. 146]. В основе данной периодизации лежит главным образом реакция руководства страны на события в самом Китае и на отношения КНР с зарубежьем.

В монографии *China goes global: the partial power* Шамбо применяет сходные хронологические рамки уже к периодизации внешней политики КНР в целом. При этом, однако, он выделил более дробные этапы (по 2012 г. включительно), доведя их общее число до десяти.

В 1949—1957 гг. КНР, по мнению Шамбо, в основном находилась в изоляции и была признана лишь 18-ю странами.

Период 1958—1965 гг. характеризуется растущими трениями с СССР, противостоянием с обеими сверхдержавами (Советский Союз и США) и курсом Пекина на поддержку «мировой революции».

Изоляционистская фаза 1966—1970 гг. завершилась осознанием Мао Цзэдуном всей опасности международной изоляции Китая в условиях растущей напряженности в отношениях с СССР.

Период 1971—1978 гг. ознаменован поворотом Китая к налаживанию отношений с США и нормализацией отношений с рядом западных и азиатских стран. Началась формальная интеграция КНР в международную систему.

Период 1979—1982 гг. характеризовался новым ухудшением отношений с Советским Союзом из-за ввода советских войск в Афганистан и поддержки Москвой вьетнамского вторжения в Кампучию. Четырехлетие тесного сотрудничества Пекина с Вашингтоном на мировой арене завершилось с провозглашением в сентябре 1982 г. на XII съезде КПК линии КНР на проведение независимой внешней политики.

Этот курс потребовал более четкой равноудаленности от обеих сверхдержав, что и стимулировало усилия Пекина по улучшению отношений с Москвой в 1982—1989 гг. Вместе с тем потребности мо-

дернизации и реформы экономики страны предопределили приоритетность Западной Европы, Северной Америки и Азии во внешней политике КНР в целом, поскольку именно оттуда шли займы, инвестиции и технологии. Как полагает Шамбо, впервые за 40 лет своего существования КНР наслаждалась нормальными и мирными отношениями со всеми крупнейшими странами мира, имела безопасную периферию и выгодные отношения с соседями и международными организациями. Не случайно внешние факторы сыграли весомую роль в динамичном внутреннем развитии страны в эти годы [Shambaugh, 2013, p. 50].

Однако эта беспрецедентно позитивная ситуация изменилась буквально за одну ночь — с 3 на 4 июня 1989 г. Силовое подавление демонстраций в Пекине дало старт 7-му этапу внешней политики КНР, продолжавшемуся по 1997 г. включительно. Китай вновь оказался полностью изолированным от Запада, но не все государства поддерживали этот жесткий курс. «Спасательный круг» Пекину бросили соседи (и прежде всего Сингапур в лице его премьер-министра Ли Куан Ю), нацелившиеся на реинтеграцию КНР в региональный порядок. В середине 1990-х к нормализации связей с КНР приступил Европейский союз, а затем и администрация президента США Б. Клинтона пришла к выводу о непродуктивности изоляции Китая.

В 1998—2008 гг. Китай практиковал многовекторную дипломатию, и она стала по-настоящему глобальной. Шамбо полагает, что в период успешного руководства сначала Цзян Цзэминя, а затем Ху Цзиньтао КНР улучшила отношения с большинством стран мира и даже отношения «через Тайваньский пролив». Однако с середины 2009 г. Китай вернулся к более наступательной политике в регионе и в мире в целом.

В сравнительно короткие сроки — до конца 2010 г. — КНР «умудрилась» осложнить отношения с Японией, Южной Кореей, Вьетнамом, Индией, АСЕАН, Европейским союзом и США. Для этого в каждом конкретном случае были свои поводы или причины, но общим результатом стало негативное влияние внешнеполитического курса на глобальный дипломатический имидж Китая. Это, считает Шамбо, были худшие годы китайской дипломатии после периода 1989—1992 гг.

Период 2011—2012 гг. стал началом 10-го этапа внешней политики КНР. Пекин попытался внести коррективы в жесткий курс предыдущих лет, что, однако, дало лишь кратковременный результат. С середины 2010-х годов напористость действий КНР на международной арене зримо возросла. Один из авторов коллективной монографии

China & the World («Китай и мир») Питер Грайс связывает данный феномен с мощным националистическим воздействием на китайцев второй части фильма «Боевой волк» режиссера У Цзина, вышедшего на экраны в 2017 г. Фильм отстаивает безусловное право Китая на месть за нанесенные ему исторические обиды, утверждая, что, как бы далеко ни был обидчик, он непременно будет наказан [*China & the World*, p. 76].

Заключая свою периодизацию, Шамбо приходит к выводам, что, *во-первых*, последовательность не является характерной чертой внешней политики КНР — ни теоретически, ни практически, и, *во-вторых*, что отношения Китая с целым рядом стран проходят через повторяющиеся циклы: осложнение, антагонизм, двусмысленность и нормальность. Эти факторы следует всегда принимать во внимание при анализе текущей ситуации в отношениях КНР с теми или иными партнерами и при прогнозировании ее дальнейшей эволюции [*China & the World*, p. 47—23].

В работе *China & the World* Д. Шамбо воспроизводит похожую, но несколько менее дробную периодизацию внешней политики КНР. 1950-е годы он называет периодом изоляции (на наш взгляд, не вполне справедливо); 1960-е годы характеризуются фразой «от плохого к худшему»; 1970-е — «Китай присоединяется к миру»; 1980-е — «от оптимизма к пессимизму»; 1990-е — «от изоляции к реабилитации». Для 2000-х годов характерна «дипломатия по всем направлениям», для 2010-х — «возросшая уверенность и более достойное место» [*China & the World*, p. 3—21]. Наверное, эта периодизация, отталкивающаяся от особенностей отношений КНР с Западом, не идеальна, но в целом она достаточно верно передает хронологию изменений в позиционировании Китая на международной арене.

Заметим, что ряд китайских и зарубежных авторов, следуя в целом разбивке внешней политики страны на примерно десятилетние периоды, выделяют и более дробные этапы или же вносят уточнения относительно даты начала и окончания того или иного этапа. Так, известный советский китаевед М.С. Капица в свое время выделял во внешней политике КНР 1950—1970-х годов этапы: 1949—1952 гг. (первые внешнеполитические шаги); 1953—1958 гг., 1958—1962 гг. (начало открытого поворота влево); 1962—1966 гг. (все дальше по пути великодержавного шовинизма и авантюризма); 1966—1969 гг. («культурная революция»); 1970-е годы (крутой поворот вправо) [Капица].

Вносящем фактически официальный характер объемном фотоальбоме «Пятьдесят лет дипломатии нового Китая», изданном в рамках празднования 50-летнего юбилея КНР, строго выдержана 10-лет-

няя периодизация внешней политики страны: 1949—1959, 1960—1969, 1970—1979, 1980—1989, 1990—1999 [Синь Чжунго...]. В целом добротное издание удивило отсутствием упоминания о визите М.С. Горбачёва в Китай в мае 1989 г, ознаменовавшего нормализацию советско-китайских отношений.

Примерно такая же периодизация представлена в работе Института современного Китая Академии общественных наук под редакцией Ван Цяожун «История дипломатии Китайской Народной Республики» — одной из последних по времени издания комплексных китайских монографий о внешней политике страны. Это периоды 1949—1959, 1959—1969, 1969—1978, 1979—1989, 1989—2002, 2002—2012, 2012—2019. На наш взгляд, удачно подчеркнуто особое место 1969 года как переходного от борьбы на два фронта — против США и СССР — к приоритетному значению борьбы против СССР [Чжунхуа жэньминь гунхэго вайцзяо ши].

Поскольку в СССР/России многие поворотные моменты внешней политики КНР воспринимались и оценивались заметно по-другому, предлагаем собственную периодизацию внешнеполитического курса Пекина.

Период 1949—1959 гг. в целом характеризуется следованием установке Мао Цзэдуна «держаться одной стороны». Вместе с тем внешняя политика КНР в эти годы не избежала противоречивости. В ней, на наш взгляд, выделяются два подпериода.

В 1949—1955 гг. Китай ориентировался на союз с СССР и солидарные действия с социалистическими странами. Взаимная помощь проявлялась в направлении китайских добровольцев на поддержку КНДР в войне на Корейском полуострове 1950—1953 гг., в масштабном экономическом, военном и научно-техническом содействии соцстран Китаю. Контакты с капиталистическими странами были минимальны. В период 1956—1959 гг. во внешней политике КНР происходят первые крупные изменения. Критика культа личности И.В. Сталина на XX съезде КПСС в феврале 1956 г. привела к определенному переосмыслению в Китае советского опыта социалистического строительства и более критическому его восприятию. Возникшие в Польше и особенно в Венгрии беспорядки негативно повлияли на престиж СССР и КПСС как лидеров социалистического лагеря и международного коммунистического движения. Мао Цзэдун стал задумываться о возможности для Китая и КПК возглавить их. Подкрепить эти притязания было призвано «коммунистическое поветрие», развернутое в стране («большой скачок», народные коммуны и т. д.). Кроме того, с установлением связей с группой развивающихся стран

Азии и Африки Пекин обрел более широкий ареал внешнеполитической деятельности. Своего рода показателем ослабления ориентации Китая на социалистический мир стало его уклонение от вступления в Совет экономической взаимопомощи.

Период 1960—1969 гг. в целом характеризуется преобладанием левацких тенденций во внутренней и внешней политике страны.

Пекин делает ставку на ускорение мирового революционного процесса, ассоциирует себя с развивающимися странами, видя в них «главную силу, толкающую вперед колесо истории».

Ухудшение отношений с СССР выливается в масштабную идеологическую полемику между КПК и КПСС и нападки на «советский ревизионизм». Огромный ущерб китайской дипломатии наносит «культурная революция». Происходит постепенная переориентация внешнеэкономических связей КНР от социалистических стран на мировой рынок.

Многоплановые последствия имел ввод войск СССР и ряда других стран Организации Варшавского договора в Чехословакию 21 августа 1968 г. Пекин не просто осудил эту акцию, но объявил СССР «социал-империалистом». В Чжуннаньхае появились серьезные опасения, что в рамках доктрины «ограниченного суверенитета», будто бы дающей Кремлю право вмешиваться в дела «неправильно себя ведущих» социалистических стран, Китай также сталкивается с угрозой советского вмешательства. В стране пропагандировался лозунг «Готовиться к войне, готовиться к стихийным бедствиям, глубоко рыть туннели».

Во внешней политике началась подготовка к сближению с США ради совместной борьбы с СССР как с более опасным противником. Этой цели и было призвано служить заранее спланированное столкновение китайцев с советскими пограничниками на Даманском. Беседа Чжоу Эньляя с А.Н. Косыгиным в пекинском аэропорту 11 сентября 1969 г. позволила положить конец наиболее острым формам противостояния и начать советско-китайские переговоры о линии прохождения границы.

Период 1970—1978 гг. вместил в себя несколько различных подпериодов. В 1970—1973 гг. активно шел процесс дипломатического признания Китая западными странами. Восстановление прав КНР в ООН, визиты в страну Г. Киссинджера в 1971 г. и президента США Р. Никсона в 1972 г. укрепили международные позиции Пекина. После длительного перерыва возобновились закупки Китаем комплектного оборудования, прежде всего нефтехимического.

Под внешнеполитический курс страны была подведена теоретическая база — сначала в виде концепции «промежуточных зон», а затем в виде разработанной на ее основе теории «трех миров».

Этап 1974—1976 гг. характеризуется оживлением левацких тенденций в политике Пекина. Были развернуты кампании «критики Линь Бяо и Конфуция» (направлена против премьера Чжоу Эньлая) и «критики правоуклонистского поветрия пересмотра правильных выводов», направленной против Дэн Сяопина. В апреле 1976 г. Дэн был смещен со всех постов.

После смерти Мао Цзэдуна 9 сентября 1976 г. наступил короткий «Хуагофэновский период». Сразу после кончины Мао Хуа Гофэн, занимавший посты первого заместителя председателя ЦК КПК и премьера Госсовета КНР, призвал «решительно проводить революционную внешнеполитическую линию и установки Председателя Мао Цзэдуна..., укреплять сплоченность с народами третьего мира, ... объединяться с ними в широчайший единый фронт и бороться... против гегемонизма двух сверхдержав — Советского Союза и США» [Вечная слава..., с. 22—23].

После отстранения от власти так называемой четверки — крайних «леваков» и ближайших сподвижников Мао — Хуа Гофэн, возглавлявший партию и государство, сделал своим приоритетом ускоренную модернизацию Китая с опорой на крупномасштабный импорт комплектного оборудования для металлургии, нефтехимии, энергетики.

Начался заметный отход от прежней политики автаркии, апробация современных форм внешнеэкономических связей. Бразды правления во внешней политике переходят к Дэн Сяопину, и с 1 января 1979 г. между Пекином и Вашингтоном были установлены официальные дипломатические отношения.

1979—1989 гг. — период активного расширения взаимодействия КНР с внешним миром, в том числе со всеми группами стран и с международными организациями.

Вслед за постановкой экономического строительства во главу угла всей деятельности партии и страны КНР взяла курс на широкую внешнеэкономическую открытость и вытекающие из нее крупномасштабные заимствования извне капиталов, техники и технологий. В собственно внешней политике период 1979—1982 гг. отличается беспрецедентным сближением с США в рамках курса на «создание широчайшего единого международного фронта борьбы с социал-империализмом», т. е. с СССР. Пекин предпринял попытку военным путем наказать Вьетнам за его антиполпотовские операции в Камбод-

же, осудил СССР за ввод войск в Афганистан и отказался участвовать в Олимпиаде 1980 г. в Москве.

В заключительной речи Дэн Сяопина на XII съезде КПК (сентябрь 1982 г.) был провозглашен курс на укрепление независимости и самостоятельности во внешней политике страны. Она обрела более четкие ориентиры и большую сбалансированность. Главной целью дипломатической работы Китая было названо создание благоприятных международных условий для модернизации страны. Ставилась задача экономического сотрудничества со всеми государствами мира на базе равенства и взаимной выгоды.

Были приняты к сведению позитивные сигналы из Москвы, где наблюдался очевидный рост симпатий к китайской реформе. Вслед за возобновлением переговоров о границе начались и успешные переговоры о сокращении вооруженных сил и вооружений в районе границы. С приходом к власти в СССР М.С. Горбачёва процесс нормализации советско-китайских отношений ускорился. Отношения между СССР и КНР, КПСС и КПК были окончательно нормализованы в мае 1989 г. в ходе визита М.С. Горбачёва в КНР. Были нормализованы и отношения Китая с большинством других социалистических стран.

Вместе с тем приоритетом внешней политики Пекина оставались капиталистические страны и прежде всего США.

В период 1989—2002 гг. ситуация резко изменилась после силового подавления армией демонстраций в Пекине 4 июня 1989 г. В самой стране появились сомнения в правильности избранного пути реформ. Более сложной и даже отчасти враждебной стала международная обстановка. Ведущие западные страны ввели эмбарго на поставки КНР вооружений. В Восточной Европе и СССР произошел отказ от социалистического пути развития. Реальной стала угроза «цветных революций». Положение осложнялось в связи с отсутствием должного опыта у новых официальных лидеров страны — Цзян Цзэминя и Ли Пэна.

Ситуацию спас Дэн Сяопин. Он настоял на углублении реформ и придании им более четкого рыночного характера внутри страны. А применительно к поведению КНР на мировой арене выдвинул формулу «хладнокровно наблюдать, укреплять расшатанные позиции, проявляя выдержку, справляться с трудностями, держаться в тени и стараться ничем не проявлять себя, быть в состоянии защищать пусть неуклюжие, но свои собственные взгляды, ни в коем случае не лезть вперед, на первое место, и при этом делать что-то реальное» [Портяков В.Я.]. основополагающий принцип «держаться в тени» был главным во внешней политике КНР при Цзян Цзэминя и Ху Цзинтао,

вплоть до прихода к власти в стране Си Цзиньпина. Постепенно контакты с США и другими западными странами были восстановлены. При их поддержке КНР 12 декабря 2001 г. официально вступила во Всемирную торговую организацию.

Успешно развивались отношения Пекина с Россией и постсоветскими республиками. В 2001 г. была создана Шанхайская организация сотрудничества, подписан Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между КНР и РФ.

Период 2002—2012 гг. ознаменовался беспрецедентным ростом экономической мощи и внешнеторгового товарооборота КНР. Она стала второй экономикой мира после США. Соответственно, существенно вырос и внешнеполитический потенциал страны. Приоритетом для Пекина стало отлаживание отношений с ведущими державами мира. Одновременно была провозглашена линия на укрепление связей с соседними государствами и на установление партнерских отношений с большинством стран мира.

Международному сообществу от имени лидера КНР Ху Цзиньтао была предложена концепция «гармоничного мира». Приняв на себя статус «ответственной глобальной державы», Пекин стал активнее участвовать в глобальном управлении.

Период 2012—2023 гг. характеризуется существенной активизацией внешней политики страны с приходом к власти в стране Си Цзиньпина. Произошел практически полный отказ от внешнеполитических заветов Дэн Сяопина. Их место в качестве руководящих принципов взаимодействия КНР с внешним миром заняли идеи, подходы, концепции, ассоциируемые с Си Цзиньпином, — «китайская мечта», инициатива «Пояс и путь», «Создание сообщества единой судьбы человечества». Постепенно китайская дипломатия стала самоидентифицироваться как «дипломатия державы с китайской спецификой». В связи с заметным усилением личной роли Си Цзиньпина во внешних делах КНР получил хождение термин «дипломатия главы государства». А в китайских англоязычных СМИ нередко стал употребляться термин *Xiplomacy* — «сипломатия».

Можно выделить два этапа внешней политики КНР при Си Цзиньпине.

В 2012—2017 гг. Пекин ориентировался на выстраивание равноправных отношений КНР и США как двух великих держав. Формировалась глубокая экономическая взаимозависимость двух стран, дело шло к созданию фактически единого образовательного и отчасти научного пространства. Однако с приходом к власти в США Д. Трампа, и особенно с 2018 г., Вашингтон занял резко негативную позицию в от-

ношении Пекина, расценив КНР как угрозу мировому лидерству США. Курс на сдерживание технологического развития Китая сохранился и при президенте Дж. Байдене. В этой ситуации КНР повысила свою общую активность в мировых делах, пойдя на беспрецедентное для нее сближение с Россией. В условиях санкций, введенных Западом против РФ в отместку за специальную военную операцию на Украине, существенно выросла зависимость Москвы от Пекина в торговле.

Библиографический список

Вечная слава великому вождю и учителю Председателю Мао Цзэдуну. Пекин: Издательство литературы на иностранных языках, 1976. 40 с.

Капица М.С. КНР: три десятилетия — три политики. М.: Политиздат, 1979. 576 с.

Портяков В.Я. Внешняя политика Китайской Народной Республики в XXI столетии. М.: ИДВ РАН, 2015. 280 с.

Шамбо Д. Заметки о современном американском Китаеведении // Проблемы Дальнего Востока. 2009. № 6. С. 145—253.

* * *

Ван И. Пусе Чжунго тэсэ даго вайцзяо дэ шидай хуачжан [Китайская глава эпохи дипломатии Великих держав с китайскими особенностями]. URL: <http://opinion.com.cn/n1/2019/0923/c1003-31366585.html> (дата обращения: 23.09.2019).

Ван Цяожун. СиньЧжунго 70 нянь дули цзычжу хэпин вайцзяо шисянь юй цзиньянь [Практика и опыт семидесяти лет независимой, самостоятельной, мирной дипломатии нового Китая], [The 70 Years of Contemporary China under the Vision of Modernization]. *The 4th International High-level Forum on the Contemporary History of China. Paper Collection. Beijing*, September 2019. P. 255—264.

Синь Чжунго вайцзяо уши нянь [50 лет дипломатии нового Китая]. Пекин: Шицзе чжиши чубаньшэ, 1999, 552 с.

Чжунхуа жэньминь гунхэго вайцзяо ши [История дипломатии Китайской Народной Республики]. Пекин: Дандай Чжунго чубаньшэ, 2021. 250 p.

References

Vechnaya slava velikomu vozhdii I uchiteliiu Predsedateliu Mao Zedunu [Eternal glory to the great leader and teacher Chairman Mao Zedong], *Peking: Izdatel'stvo literatury na inostrannyh yazykah*, 1976. 40 p. (In Russian).

Kapitsa, M.S. (1979). KNR: tri desiatiletiya — tri politiki [The PRC: three decades — three politics], *Moscow: Politizdat*. 576 p. (In Russian).

Portyakov, V.Ya. (2015). Vneshnyaya politika Kitaiskoi Narodnoi Respubliki v XXI stoletii [Foreign Policy of the People's Republic of China in XXI century], *Moscow: IFES RAS*, 280 p. (In Russian).

Shambaugh, D. (2009). Zametki o sovremennom amerikanskom kitaevedenii, *Problemy Dal'nego Vostoka [Far Eastern Affairs]*: 6: 145—253. (In Russian).

* * *

China & the World (2020). David Shambaugh (ed.), *New York: Oxford University Press*, 394 p.

Shambaugh, David (2013). China goes global: the partial power, *New York: Oxford University Press*, 409 p.

Wang Qiaorong (2019). Xin Zhongguo 70 nian duli zizhu heping wajiao shixian yu jingyan [The 70 Years of Contemporary China under the Vision of Modernization. The 4th International High-level Forum on the Contemporary History of China. Paper Collection], September. *Beijing*: 255—264. (In Chinese).

Wang Yi (2019). Puxie Zhongguo tese daguo wajiao de shidai huazhang [Chinese chapter of the era of Great Power Diplomacy with Chinese characteristics]. URL: <http://opinion.com.cn/n1/2019/0923/c1003-31366585.html> (accessed: September 23). (In Chinese).

Xin Zhongguo wajiao wushi nian [Fifty years of New China's diplomacy], *Beijing, Shijie zhishi chubanshe*, 1999: 552 p. (In Chinese).

Zhonghua renmin gongheguo wajiao shi [Diplomatic history of the People's Republic of China], *Beijing, Dangdai Zhongguo chubanshe*, 2021: 250 p. (In Chinese).

А.О. Виноградов, С.А. Данилюк

ЭВОЛЮЦИЯ ИНИЦИАТИВЫ «ПОЯС И ПУТЬ» (2021—2023)¹

Аннотация. В статье рассматривается развитие китайской Инициативы «Пояс и путь» (ИПП) и основные проблемы ее реализации. Для рассмотрения выбран период с 2021 по 2023 г., так как именно в это время мегапроект столкнулся с новыми вызовами, такими как пандемия коронавируса, обострение региональных конфликтов, ужесточение политики США и ЕС в отношении КНР, антидемпинговые расследования и торговые споры, стремительно меняющаяся международная обстановка. Важными событиями в этот период стали также проведение в октябре 2023 г. Третьего юбилейного форума инициативы «Пояс и путь», в котором на высшем уровне было представлено минимальное число стран-участниц, и выход из ИПП Италии в декабре 2023 г.

В работе рассматриваются причины и предпосылки выдвижения Китаем инициативы «Пояс и путь», ее основные цели; анализируются проблемы, возникающие при строительстве Китаем инфраструктурных объектов на территории стран — участниц ИПП, и динамика объема китайских инвестиций в этот мегапроект.

По мнению авторов статьи, ИПП в своем развитии прошла несколько этапов, начиная с ее выдвижения и активной пропаганды ки-

¹ В статье использованы материалы, подготовленные в ходе работы над бакалаврской Выпускной квалификационной работой (диплом) Данилюк С.А. Трансформация инициативы Пояса и пути на современном этапе (2021—2023 гг.) (Школа востоковедения ФМЭиМП НИУ ВШЭ, 2024 г.). Текст ВКР размещен в LMS НИУ ВШЭ 15 мая 2024 г. Научный руководитель — к.и.н., доцент Школы востоковедения ФМЭиМП НИУ ВШЭ Виноградов А.О.

тайской стороной (2014—2016). Второй этап (примерно с 2017 по 2019 г.) — конкретизация инициативы и предлагаемых китайской стороной условий осуществления ее проектов, проявление недовольства инициативой со стороны ряда развивающихся стран. Начиная с 2019 г. ИПП переживает кризис, связанный с противодействием со стороны США и обострением международной обстановки, сокращением финансовой и пропагандистской поддержки инициативы со стороны Китая, во многом в результате эпидемии *COVID-19*, и появления проблем в экономике КНР. Попутно усиливается разочарование отдельных стран — участниц мегапроекта результатами своего присоединения к китайской инициативе.

Ключевые слова: инициатива «Пояс и путь» (ИПП), Китай, транспортная инфраструктура, инвестиции, АСЕАН, ЕС.

Авторы: *Виноградов Андрей Олегович*, кандидат исторических наук, доцент Школы востоковедения факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ, ведущий научный сотрудник/заместитель руководителя Центра социально-экономических исследований Китая Института Китая и современной Азии РАН. ORCID: 0000-0003-0067-2168. E-mail: vinandr@mail.ru

Данилюк София Артемовна, бакалавр Школы востоковедения НИУ ВШЭ. E-mail: sadanilyuk@edu.hse.ru

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

A.O. Vinogradov, S. A. Danilyuk

Present Evolution of the Belt and Road Initiative at the present stage (2021—2023)

Abstract. The article examines the development of the Chinese Belt and Road Initiative (BRI) and the main problems in its implementation. The period from 2021 to 2023 was chosen for consideration, because it was then that this mega-project faced new challenges, such as the coronavirus pandemic, worsening regional conflicts, tightening US and EU policies towards China, anti-dumping investigations and trade disputes, and a rapidly changing international situation. Important events during this period were also the holding in October 2023 of the 3rd anniversary forum of the Belt and Road Initiative, in which a minimum number of participating countries was represented at the highest level, and Italy's withdrawal from the BRI in December 2023.

The paper examines the reasons and prerequisites for China's promotion of the Belt and Road Initiative, its main goals; the problems arising during the construction of infrastructure facilities by China on the territory of the countries participating in the BRI, and the dynamics of the volume of Chinese investments in this megaproject are analyzed.

According to the authors of the article, the BRI has gone through several stages in its development, starting with its promotion and active propaganda by the Chinese side (2014—2016). The second stage (from approximately 2017 to 2019) is the specification of the Initiative and the conditions proposed by the Chinese side for the implementation of its projects, the manifestation of dissatisfaction with the Initiative on the part of a number of developing countries. Since 2019, the BRI has been experiencing a crisis associated with opposition from the United States and the worsening international situation, a reduction in financial and propaganda support for the Initiative from China, largely as a result of the COVID-19 epidemic, and the emergence of problems in the PRC economy. At the same time, the disappointment of some countries participating in the megaproject with the results of their accession to the Chinese initiative is increasing.

Keywords: Belt and Road Initiative (BRI), China, transport infrastructure, investment, ASEAN, EU.

Authors: Andrey O. VINOGRADOV, Ph.D (History), Associate Professor of the School of Oriental Studies of the Higher School of Economics; Leading Research Fellow, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences. ORCID: 0000-0003-0067-2168. E-mail: vinogradov_ao@iccaras.ru

Sofia A. DANILYUK, Bachelor's degree student of the Higher School of Economics. E-mail: sadanilyuk@edu.hse.ru

Conflict of interest. The authors declare that there is no conflict of interest.

Введение

За 10 с лишним лет существования мегапроекта «Пояс и путь» к нему присоединилось более 150 стран. Китай построил и модернизировал транспортную инфраструктуру в странах Европы, Центральной, Южной, Юго-Восточной Азии, Африки, Латинской Америки. Однако на современном этапе Инициатива Пояса и пути (ИПП) столкнулась с вызовами и проблемами. Пандемия коронавируса повлияла на мировую экономику и цепочки поставок. Возрастающее количество региональных конфликтов ставит под угрозу безопасность сухопутных и морских перевозок. Давление со стороны США и ЕС сказывается на авторитете Китая на международной арене и мешает продвижению его инициатив. Европа, которая на первом этапе реализации ИПП предполагалась в качестве основного рынка сбыта китайских товаров, все больше испытывает кризис как собственной экономики, так и состояния ее отношений с КНР.

Причины выдвижения ИПП

Основные причины выдвижения китайским руководством ИПП можно разделить на внутренние и внешние (подробнее см.: [Виноградов, 2017]).

Если говорить о внешних причинах, то это прежде всего стремление увеличить количество маршрутов и путей доставки китайской продукции конечному потребителю, под которым имелись в виду в первую очередь европейские страны. Существовавшие сухопутные и морские маршруты не отвечали запросам Китая, чье производство и экспорт постоянно увеличивались. Помимо этого, Китаю необходимо было обеспечить стратегическую безопасность поставок сырья, необходимого для производства.

С другой стороны, выдвижение ИПП явилось также ассиметричным ответом на активизацию внешнеполитической и внешнеэкономической деятельности США в Юго-Восточной и Восточной Азии. Инициатива предполагала формирование в рамках Евразийского континента пространства, в экономическом и финансовом смысле завязанного на Китай. А также формирование в Евразии группы или групп стран, в силу экономических или других причин поддерживающих Китай и зависимых от него [Виноградов А.О., 2015].

Что касается внутренних причин, которые привели к выдвижению китайским руководством масштабного геополитического проекта «Пояса и пути», то здесь стоит отметить несколько.

Напомним, что к концу первого десятилетия XXI в. Китай столкнулся с несколькими серьезными проблемами, связанными с экстенсивной моделью экономического развития, в частности с неравномерностью развития западных и восточных районов, а также появлением значительных избыточных производственных мощностей. Меры, предпринимавшиеся руководством страны для выравнивания темпов развития восточных и западных областей Китая (различные льготы и субсидии отсталым и национальным районам КНР, улучшение их транспортной инфраструктуры и т. п.), оказались недостаточными и не смогли существенно поменять логику развития.

Начиная со второй половины первого десятилетия нынешнего века Китай вложил в развитие собственной инфраструктуры громадные средства. Внутри страны было построено большое количество дорог (как шоссе, так и железных, в том числе высокоскоростных железных дорог, по протяженности которых Китай вышел на

первое место в мире), жилья (по обеспеченности жильем на душу населения Китай обогнал РФ), офисных зданий, портов и аэропортов и т. д. Это привело к росту мощностей по производству продукции, необходимой в строительстве, — цемента, сталелитейных конструкций, стекла, строительной техники и т. п., а также по производству подвижного состава железных дорог, производству автомобилей, судов и комплектующих. По производству данной продукции Китай не просто находится на первом месте в мире — по некоторым видам (например, по производству цемента) Китай производит больше продукции, чем весь остальной мир, вместе взятый [Виноградов, 2017].

ИПП в первую очередь была нацелена на то, чтобы уменьшить давление избыточных мощностей внутри Китая, одновременно способствуя развитию западных областей страны (в Экономический пояс Шелкового пути¹ — сухопутная часть ИПП — были включены 12 западных провинций и автономных районов страны, на долю которых приходится 72 % территории КНР и 84 % протяженности границ Китая). Проблему неравномерности регионального развития рассчитывали решить путем более активного вовлечения западных районов Китая во внешнеэкономические связи, строительства прямых транспортных коридоров на Запад, чтобы сократить затраты и время доставки продукции из данных районов конечному покупателю.

Кроме того, за время своего стремительного развития Китай накопил значительные валютные резервы, что создало необходимость поиска эффективных способов их использования. Китаю также необходимо было решить вопрос с возрастающей степенью зависимости от импорта углеводородов и в первую очередь диверсифицировать источники импорта и каналы поставок. В силу этого строительство нефтяных и газовых магистралей, трубопроводов, портов для нефтяных танкеров в рамках экономических коридоров ИПП стало неотъемлемой частью реализации мегапроекта «Пояс и путь».

¹ Проект «Один пояс, один путь» предполагал создание единой зоны экономического сотрудничества в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР) и строительство новых транспортных коридоров между странами АТР, вдоль которых должно было развернуться строительство транспортной инфраструктуры. Впоследствии идея получила название «Экономический пояс Шелкового пути» (ЭПШП) — в отличие от второй части проекта, которая была названа «Морским шелковым путем XXI века». Маршруты ЭПШП повторяли древние караванные пути из Китая через Среднюю Азию в Европу, а маршруты Морского шелкового пути фактически шли и идут сегодня по тому маршруту, который был проложен еще в XV-XVI вв. в страны Юго-Восточной Азии, Африки и Европы.

Цели и принципы ИПП

Китайская инициатива стала новацией во внешней и внешнеэкономической политике руководства КНР в середине прошлого десятилетия, своего рода визитной карточкой принципов взаимодействия с миром при новом руководителе КНР Си Цзиньпине, который лично продвигал проект.

ИПП на XIX съезде КПК была включена в Устав партии, что дополнительно подчеркивало серьезность проекта. А его масштабность была обусловлена хотя бы тем, что он формально охватывал территорию 65 стран с 63 % мирового населения. При этом в рамках инициативы предполагалось создание 180 тыс. новых рабочих мест и 56 зон свободной торговли [Рачковская, Цзяо, с. 23]. Одновременно «Пояс и путь» декларировал необходимость развития дружеских отношений Китая с остальным миром, создания зоны экономического сотрудничества, новой транспортной и энергетической инфраструктуры и, в конечном счете, достижения за счет всего этого совместного процветания КНР и тех стран, которые присоединятся к китайской инициативе.

Принципы, которые ставились в основу «Пояса и пути», — стимулирование инвестиций; создание новых рабочих мест; взаимовыгодное сотрудничество; открытость и инклюзивность; рыночный подход, культурное взаимодействие. Предполагалось не только стимулировать рост товарооборота и региональных экономик, но и создать сообщество с общими интересами, общей судьбой и ответственностью, повысить доверие и взаимопонимание между гражданами стран — участниц проекта.

При этом руководство КНР подчеркивало, что реализация проекта возможна только при полном включении заинтересованных стран в китайскую инициативу, и готово принять в проект строительства «китайской мечты» любую страну, даже если она расположена на другом континенте.

Объем инвестиций

Внимание китайского руководства к выдвинутой инициативе можно проследить по динамике осуществляемых в нее вложений. До 2015 г. и с 2016 по 2018 г. объем глобальных инвестиций Китая в рамках ИПП поступательно увеличивался. В 2014 г. инвестиции составили 48,7 млрд долл. В 2015 г. их объем достиг максимальной за весь период реализации проекта отметки в 56 млрд долл. В 2016 г. объем инвестиций был уменьшен в два раза (до 27,6 млрд долл.), однако

начиная с 2017 г. опять начал расти: в 2017 г. их объем составил 36,9 млрд долл., в 2018 г. — 52,8 млрд долл. [Маслов, с. 483]

С 2019 г. инвестиции Китая в рамках ИПП начали резко снижаться. В 2019 г. объем вновь упал почти в два раза (до 30 млрд долл.). В 2020 г. инвестиции в рамках проекта составили 20 млрд долл., а минимальный объем инвестирования пришелся на 2021 г. Тогда объем инвестиций составил 8 млрд долл. [Sokolan, p. 79]

Понятно, что снижение количества вложений в проект в 2021 г. объясняется прежде всего пандемией коронавируса. Однако нельзя не признать, что в числе причин этого было также серьезное замедление темпов экономического роста Китая и возникновение новых проблем, которые потребовали дополнительного внимания со стороны КНР.

Реализация инфраструктурных проектов в рамках ИПП (2021—2023)

Что касается реализации инфраструктурных проектов после 2021 г., то к таковым в Европе можно отнести проект по строительству первой в Черногории автомагистрали длиной в 40 км. Дорога была построена в начале декабря 2021 г. китайской компанией *China Road and Bridge Corporation*.

В Белграде 1 апреля 2023 г. был запущен новый участок магистрали, который соединил столицу Сербии с городом Сурчин. Стоимость проекта составила 70,5 млн долл.¹ В конце августа 2023 г. китайская компания построила в Хорватии мост².

В конце апреля 2024 г. было объявлено о соединении железнодорожных путей на участке Нови-Сад — Суботица в Сербии в рамках строительства высокоскоростной железной дороги Белград—Будапешт³. В Грузии 23 апреля 2024 г. китайская группа завершила строительство тоннеля длиной 9 км на участке дороги Квешети — Коби⁴.

¹ New Belgrade-Surcin highway section opened for traffic // Belt and Road portal: сайт. 2023. URL: <https://eng.yidaiyilu.gov.cn/p/312672.html> (accessed: 01.05.2024).

² Мост соединяет материковую часть страны с полуостровом Пелешац в обход проезда по территории Боснии. In pics: Peljesac Bridge in Komarna, Croatia // Belt and Road portal: сайт. 2023. URL: <https://eng.yidaiyilu.gov.cn/p/0HH32TFB.html> (accessed: 01.05.2024).

³ Belgrade-Budapest railway hits milestone with Novi Sad-Subotica track connection // Belt and Road portal: сайт. 2024. URL: <https://eng.yidaiyilu.gov.cn/p/0N2PDCCR.html> (accessed: 01.05.2024).

⁴ Major China-built road tunnel completed in Georgia // Belt and Road portal: сайт. 2024. URL: <https://eng.yidaiyilu.gov.cn/p/0K7KR2A8.html> (accessed: 01.05.2024).

В Африке в июне 2021 г. в Нигерии была построена железная дорога Лагос—Ибадан протяженностью 157 км, которая повышает эффективность внутренних и портовых грузоперевозок¹. В октябре 2021 г. Китай расширил и модернизировал аэропорт в Уганде на выданный Экспортно-импортным банком Китая кредит в 200 млн долл.² На севере Африки в Египте в начале июля 2022 г. была введена в эксплуатацию электрифицированная железная дорога³. Китайскими компаниями также были осуществлены в 2022 г. дорожные проекты небольшой протяженности в Эфиопии, в Руанде, в Гане.

В ноябре 2021 г. две китайские компании начали строительство самого крупного в Латинской Америке вантового моста в Бразилии протяженностью 46,8 км. Мост позволит увеличить в три раза объем грузоперевозок, улучшить транспортное сообщение. В мае 2022 г. китайские компании подписали контракт на строительство глубоководного порта Чанкай в Перу, одновременно с которым будут строиться промышленно-логистический парк, терминал, причалы и туннели. Китай приобрел 60 % акций порта.

В марте 2022 г. был запущен первый ширококолейный грузовой поезд из Китая (Внутренняя Монголия) в Монголию (Улан-Батор)⁴. В сентябре 2022 г. была запущена четвертая линия Азиатской сети международных автомобильных дорог (АН4) из Синьцзян-Уйгурского автономного района в Монголию и Россию⁵. Как подчеркивалось в комментариях, дорога связывает китайскую инициативу «Пояс и путь» со стратегией развития ЕАЭС и стратегией Монголии «Степной союз», формируя межгосударственную транспортную систему. В конце марта 2024 г. была завершена реконструкция сухого порта в Монголии, в рамках которого мощности по таможенному оформлению были увеличены в пять раз⁶.

¹ Chinese-built Lagos-Ibadan Railway operates safely for 1,000 days // Belt and Road portal: сайт. 2024. URL: <https://eng.yidaiyilu.gov.cn/p/0CHVJT6S.html> (accessed: 01.05.2024).

² GLOBALink | China revitalizes Uganda's aging airport to carry more int'l traffic // Belt and Road portal: сайт. 2021. URL: <https://eng.yidaiyilu.gov.cn/p/192924.html> (accessed: 01.05.2024).

³ Ibid.

⁴ China launches first broad gauge freight train to Mongolia // Belt and Road portal: сайт. 2022. URL: <https://eng.yidaiyilu.gov.cn/p/246985.html> (accessed: 01.05.2024).

⁵ Завершился тестовый автопробег по новому маршруту автомобильных перевозок Китай-Монголия-Россия // Жэньмин жибао: сайт. 2023. URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2023/0928/c31518-20078044.html> (дата обращения: 01.05.2023).

⁶ China-funded renovation of Mongolian land port completed // Belt and Road portal: сайт. 2024. URL: <https://eng.yidaiyilu.gov.cn/p/0942305J.html> (accessed: 01.05.2024).

В странах Южной Азии в июне 2022 г. была открыта автомагистраль в построенном Китае порту Гвадар (Пакистан) протяженностью 19,49 км¹. В конце июня 2022 г. в Бангладеш был открыт мост длиной 6,15 км, который сократил время пути с 7 часов до 10 минут². В начале сентября 2023 г. там же — в Дакке — была сооружена автомагистраль от аэропорта до железнодорожного вокзала при поддержке двух китайских компаний³. Чуть позже, в ноябре 2023 г., в Бангладеш был построен подводный тоннель недалеко от портового города Чаттограм и железная дорога протяженностью 103 км⁴.

В странах Юго-Восточной Азии в октябре 2022 г. в Камбодже была введена в эксплуатацию скоростная автомагистраль длиной 187 км, которая соединяет столицу страны с портовой провинцией⁵. В октябре 2023 г. была запущена высокоскоростная железная дорога Джакарта—Бандунг в Индонезии. В конце ноября 2023 г. в Таиланде была запущена вторая монорельсовая железная дорога протяженностью в 34,5 км⁶. В Малайзии в середине декабря 2023 г. была проложена железная дорога в рамках проекта *East Coast Rail Link*.

Для развития транспортной инфраструктуры западных провинций Китая и увеличения их товарооборота со странами АСЕАН было заявлено о строительстве международного сухопутно-морского коридора из Китая (из Чунцина и Чэнду до восточного побережья Китая) в страны АСЕАН до Сингапура через залив Бэйбу. Как указывалось, стимулом реализации проекта стали рост ставок морского фрахта и привлекательность себестоимости железнодорожных перевозок. Новый международный коридор позволит сократить время доставки

¹ China-aided Eastbay Expressway of Gwadar port in Pakistan opened to traffic // Belt and Road portal: сайт. 2022. URL: <https://eng.yidaiyilu.gov.cn/p/249350.html> (accessed: 01.05.2024).

² China-made bridge opens in Bangladesh. // Belt and Road portal: сайт. 2022. URL: <https://eng.yidaiyilu.gov.cn/p/256794.html> (accessed: 01.05.2024).

³ GLOBALink | China-built elevated expressway opens to traffic in Bangladesh's Dhaka // Belt and Road portal: сайт. 2023. URL: <https://eng.yidaiyilu.gov.cn/p/01NLFPI6.html> (accessed: 01.05.2024).

⁴ Dhaka-based foreign diplomats visit Chinese-built mega underwater tunnel in Bangladesh // B Belt and Road portal: сайт. 2024. URL: Dhaka-based foreign diplomats visit Chinese-built mega underwater tunnel in Bangladesh — BELT AND ROAD PORTAL (yidaiyilu.gov.cn) (accessed: 01.05.2024).

⁵ GLOBALink | Chinese-invested expressway in Cambodia opens to public for one-month free trial // Belt and Road portal: сайт. 2022. URL: <https://eng.yidaiyilu.gov.cn/p/281642.html> (accessed: 01.05.2024).

⁶ Thailand's 2nd monorail line begins public trial run // Belt and Road portal: сайт. 2023. URL: <https://eng.yidaiyilu.gov.cn/p/05KKOLA6.html> (accessed: 01.05.2024).

грузов из Китая в Сингапур с 23 до семи дней и обеспечить стабильность цепочек поставок [Бабаев, Сазонов, с.165].

В новый транспортный коридор вошли также участки предполагающихся Паназиадской высокоскоростной железной и автомобильной дорог (из пров. Юньнань в направлении Мьянмы, Лаоса, Таиланда, Вьетнама, Камбоджи, Малайзии). В декабре 2021 г. был запущен первый железнодорожный участок Китай—Лаос, который впоследствии должен быть продолжен до Сингапура через Таиланд и Малайзию.

В марте 2021 г. Таиланд и Китай подписали соглашение о строительстве первого участка высокоскоростной железной дороги, который свяжет столицу Таиланда с г. Накхонратчасим на северо-востоке страны (завершение проекта планируется на 2026 г.). Второй участок железной дороги Китай—Таиланд соединит Накхонратчасим с городом на границе с Лаосом для формирования Паназиадской железной дороги. В 2022 г. велись строительные работы по сооружению двух железных дорог в Мьянме. В апреле 2022 г. введен в эксплуатацию железнодорожный маршрут из сухого порта Гоюань (г. Чунцин в Китае) в малайзийский порт Янгон.

Таким образом, в период с 2021 по 2024 г. Китай завершил строительство нескольких крупных инфраструктурных проектов. В Латинской Америке начато строительство двух проектов, однако они не завершены. В Африке Китай преимущественно строил железные дороги. В «Большой» Центральной Азии наиболее крупными оказались проекты в Монголии. В Южной Азии Китай построил автомагистрали и иную инфраструктуру в Пакистане и Бангладеш. Большое количество инфраструктурных проектов, реализованных Китаем с 2021 по 2024 г., зафиксировано в Юго-Восточной Азии.

Проблемы в строительстве инфраструктурных объектов

Несмотря на то что в период с 2021 по 2023 г. Китай реализовал несколько крупно- и среднemasштабных инфраструктурных проектов в странах Центральной, Южной, Юго-Восточной Азии, Латинской Америки, Африки и Европы, были и те, которые не удалось завершить. При этом строительные работы затягивались, многие проекты сдавались гораздо позже запланированного срока. Отдельные построенные объекты оказывались излишними и убыточными.

С подобной проблемой, в частности, столкнулась Индонезия. Проект высокоскоростной железной дороги Джакарта—Бандунг был

начат в 2015 г. Планировалось его завершить в течение трех лет, однако железная дорога была введена в эксплуатацию лишь осенью 2023 г. Руководство Индонезии не провело оценку целесообразности проекта, в результате чего введенная в эксплуатацию железная дорога не принесла ощутимого результата стране. Между Бандунгом и Джакартой уже проложена железная дорога, время в пути по которой занимает на час больше, чем по высокоскоростной железной дороге. Инфраструктурный объект, несмотря на технологические возможности Китая, оказался убыточным.

С приходом к власти в Малайзии нового премьер-министра в 2018 г. ряд китайских проектов был приостановлен, были проведены расследования, в частности, строительства промышленной зоны «Ворота Малакки», остановленного в 2020 году¹. Причина в том, что в Малайзии уже имеется три порта, которые к 2019 г. были загружены только на 70 %. Из-за снижения темпов роста контейнерных перевозок порты достигнут своей максимальной пропускной способности лишь к 2040 г., поэтому строительство еще одного порта оказалось для Малайзии нецелесообразным.

В Малайзии в 2019 г. были также остановлены два проекта по строительству трубопроводов стоимостью 2,2 млрд долл. Причиной стало то, что при оплате 90 % расходов было выполнено лишь 13 % строительных работ. После проведения расследования хода строительства железнодорожной ветки Кота-Бару — Кланг были пересмотрены условия проведения строительных работ. Новый премьер-министр Малайзии потребовал, чтобы в проекте принимало участие 40 % местных подрядчиков. Кроме того, конечная стоимость проекта оказалась намного выше, чем первоначально предполагалось.

Были остановлены и совместные проекты с участием Китая на Филиппинах. В марте 2021 г. телекоммуникационный проект был отложен из-за невозможности отгрузки сырья из Китая. Некоторые китайские компании отказались от участия в строительстве инфраструктурных проектов на Филиппинах из-за формы финансирования, принятой руководством этой страны. Местная власть также отказалась от совместных с Китаем проектов из-за влияния строительства на окружающую среду.

Реализация инфраструктурных проектов втянула Лаос в долговую ловушку. В рамках Паназиатской железной дороги первым этапом

¹ Проект строительства большой зоны «Ворота Малакки» предусматривал сооружение промышленного и логистического порта, терминала и порта в Малаккском проливе. Три основных порта Малайзии — Кланг, Танджунг Пелелас, Пенанг.

планировалось построить к 2015 г. высокоскоростную железную дорогу Китай-Лаос, однако из-за приостановки строительства железных дорог в Таиланде и Малайзии сроки сдачи ж/д постоянно отодвигались. На оплату 30 % стоимости проекта правительство Лаоса¹ взяло кредит у Экспортно-импортного банка Китая (Эксимбанк Китая). В результате Лаос нарастил долг перед Китаем на 1,5 млрд долл.

В Таиланде планировалось в 2020 г. провести высокоскоростную железную дорогу протяженностью 885 км, которая должна была стать частью Паназиазиатской железной дороги. Однако стороны не смогли урегулировать финансовые условия выполнения проекта и вопрос контроля над строительством.

Объектом заинтересованности Китая в Мьянме стал порт Кьяук-пью, открывающий выход в Индийский океан. Однако строительство порта так и не началось — стороны не смогли договориться о размере и условиях инвестиций. В рамках Паназиазиатской железной дороги в 2019 г. Мьянма и Китай заключили соглашение о строительстве железной дороги протяженностью 1700 км, однако впоследствии Мьянма не утвердила предложенные Китаем проекты [Маслов, 2020, с. 488].

В странах Центральной Азии складывается похожая ситуация с «долговыми ловушками». В Киргизии с 1991 г. общая задолженность перед Китаем составила 6,2 млрд долл. (45 % ВВП Киргизии). Ответственность обеспокоена возможностью углубления финансовой зависимости от Китая, поскольку приближается срок погашения долга. Китай не принимает просьб руководства Киргизии о дальнейших отсрочках по платежу. В 2022 г. президент Киргизии заявил, что в случае объявления страной дефолта Экспортно-импортный банк Китая может получить контроль над ключевыми активами Бишкекской центральной тепловой станции и автомагистрали Север—Юг.

Таким образом, можно констатировать, что значительное число стран в ходе реализации проектов в рамках ИПП столкнулось с серьезными проблемами, связанными прежде всего с сомнительной целесообразностью новых инфраструктурных проектов, с несоответствием реального объема китайских инвестиций заявленному, задержками строительства, нанесением ущерба окружающей среде, недовольством населения и образованием большой задолженности перед Китаем. Некоторые проекты были приостановлены.

¹ 70 % стоимости строительства железной дороги Китай—Лаос шло за счет китайских инвестиций.

Третий форум ИПП

Важным событием 2023 г. стало проведение Третьего юбилейного форума ИПП, который должен был показать результаты 10-летней реализации проекта. По словам представителя МИД КНР Мао Нин, в форуме «приняли участие представители 151 страны и 41 международной организации»¹. Однако на высшем уровне представительство стран — участниц ИПП было нешироким — Третий форум посетили лишь 24 лидера.

Из стран Центральной Азии и членов ЕАЭС участниками всех трех форумов ИПП стали Монголия, Казахстан, Узбекистан и Россия. При этом президент РФ В.В. Путин, несмотря на двойственное отношение РФ к китайской инициативе², на всех трех форумах считался официально главным участником. Белоруссия не посетила Третий форум, хотя президент Белоруссии А.Г. Лукашенко приезжал на Первый и Второй форумы. Не прибыли на форум 2023 г. представители Киргизии (судя по всему, из-за несогласия китайской стороны реструктурировать задолженность страны в рамках ИПП), Таджикистана и Азербайджана, которые посетили только Второй форум.

Постоянными участниками форумов «Пояса и пути» из стран Южной, Восточной и Юго-Восточной Азии были Пакистан, Индонезия, Вьетнам, Камбоджа и Лаос. На Третьем форуме присутствовали лидеры Шри-Ланки и Таиланда, которые не принимали участия во втором форуме, а также Папуа-Новой Гвинеи (присутствовал и на втором форуме). При этом Пакистан, Камбоджа, Таиланд, Папуа-Новая Гвинея на Третьем форуме были представлены премьер-министрами.

Представительство стран Юго-Восточной Азии также было сужено: Мьянма, Малайзия, Филиппины, лидеры которых присутствовали на первых двух форумах, своих представителей не прислали. Президент Фиджи посетил только Первый форум, а лидеры Сингапура, Непала, Брунея — только Второй.

Особенно заметным стало отсутствие на Третьем форуме представителей ЕС и Европы в целом. Европу на Третьем юбилейном форуме представляли только лидеры Сербии и Венгрии, которые присутство-

¹ Пресс-конференция официального представителя МИД КНР Мао Нин. 19.10.2023. URL: https://www.mfa.gov.cn/rus/mtfw/ce_cegw_chn/lxjzhzhdh/202310/t20231021_11165559.html (дата обращения: 17.04.2024).

² Россия не присоединилась к ИПП, предпочитая говорить о «сопряжении» китайской инициативы с российскими проектами (ЕАЭС и БЭП).

вали на всех трех форумах ИПП. Не приехали присутствовавшие на первых двух форумах лидеры Греции, Италии, Чехии, Швейцарии; присутствовавшие на одном из трех форумов представители Испании, Польши, Австрии, Кипра, Португалии. Отметим, что единственным крупным инфраструктурным проектом в Европе, который продолжает строиться, остается высокоскоростная железная дорога Белград—Будапешт. Неудивительно, что в ходе своего последнего европейского визита (май 2024 г.) Си Цзиньпин посетил именно Сербию и Венгрию (наряду с визитом во Францию).

Несмотря на то что Италия в 2019 г. присоединилась к китайской инициативе, став первой страной ЕС, которая пошла на данный шаг, она в декабре 2023 г. объявила о своем выходе из ИПП¹. Напомним, что одновременно с подписанием Меморандума о взаимодействии и сотрудничестве в рамках ИПП в 2019 г. Италия заключила с Китаем около 30 соглашений, касающихся китайских инвестиций в модернизацию итальянских портов Генуя и Триест на сумму 2,5 млрд долл., что вызвало обеспокоенность со стороны Германии, Франции и ЕС, которые призвали Италию бойкотировать сделки с Китаем. В результате сделки были расторгнуты, право инвестировать в модернизацию данных портов перешло к Германии [Алексеевкова, с. 36].

Из латиноамериканских стран в Третьем форуме 2023 г. участвовали только представители Чили, которые присутствовали и на двух предыдущих форумах, а также Аргентина, которая только в феврале 2022 г. присоединилась к ИПП.

Африку на Третьем форуме представляли Кения и Эфиопия, которые присутствовали на всех трех форумах, Республика Конго, Нигерия, Египет, Мозамбик, однако две последних страны были представлены на уровне премьер-министров. Не приехал на Третий форум представитель Джибути, который до этого присутствовал на втором форуме.

Всего, как уже было указано, в Третьем форуме ИПП участвовали 24 лидера стран — участников проекта, тогда как на первом и втором форумах их число составило 29 и 35 соответственно. Снизилось представительство стран Центральной Азии, Юго-Восточной Азии и Европы; из 57 африканских стран-участниц на Третий форум ИПП прибыли шесть стран. Неудивительно, что Третий форум, несмотря на его особое значение как подводящего итоги 10 лет реализации про-

¹ Известия, 06.12.2023. СМИ сообщили о выходе Италии из инициативы Китая «Один пояс, один путь». URL: <https://iz.ru/1616410/2023-12-06/smi-soobshchili-o-vykhode-italii-iz-initsiativy-kitaia-odin-poias-odin-put> (дата обращения: 20.04.2024).

екта, был проведен в сравнительно сжатые сроки. Не было опубликовано Совместного коммюнике, как это было на первых двух форумах в 2017 и 2019 гг., не проводился Круглый стол лидеров.

Заключение

Таким образом, можно констатировать, что реализация масштабного китайского проекта, выдвинутого в 2013 г. лично новым лидером КНР Си Цзиньпином, в последние четыре года столкнулась со множеством вызовов и проблем. В этом плане в первую очередь следует отметить серьезнейшее обострение геополитической обстановки, которое особенно влияет на отношение к проекту со стороны европейских стран, предполагавшихся в качестве главного рынка сбыта китайской продукции в рамках ИПП.

Обострение отношений КНР и США, украинский кризис, введение санкций по отношению к России и Китаю, конфликт на Ближнем Востоке, ухудшение ситуации в Тайваньском проливе — все это существенно осложнило осуществление проектов в рамках ИПП, создавая для китайской инициативы проблемы в глобальном масштабе.

Со стороны США и ЕС предпринимаются самые различные меры с целью сдержать геоэкономическое наступление КНР, в том числе комплексные меры информационного и политического воздействия. Торговые споры, антидемпинговые расследования, территориальный спор в Южно-Китайском море, ситуация в Гонконге, вопрос Тайваня, нарушение прав человека в СУАР, проблемы возрастающего дефицита в торговле с Китаем у множества стран и регионов и т. п. — любые средства используются Западом для того, чтобы повлиять на отношение третьих стран к политике Китая в мире и к выдвигаемым им проектам.

При этом количество региональных конфликтов на территориях, по которым проходят или должны были пройти экономические коридоры в рамках ИПП (ЭПШП) постоянно возрастает. Соответственно возрастает и нестабильность в данных регионах, что создает дополнительные проблемы для китайской инициативы.

Одновременно США и страны ЕС пытаются продвигать собственные инициативы по развитию глобальной инфраструктуры в развивающихся странах, в частности *Blue dot Network*, *Global Gateway*, *IMES* и др. И, несмотря на то, что американские и европейские проекты не могут конкурировать с китайской инициативой по объему инвестиций, политическое давление, оказываемое на страны, кото-

рые могли бы стать союзниками Китая, заставляет руководство последних значительно более осторожно относиться к проектам, предлагаемым китайской стороной.

Одновременно возрастает и недовольство самих участников китайской инициативы. По их мнению, отсутствие чёткого механизма координации приводит к тому, что основой мегапроекта становится исключительно двустороннее сотрудничество участников в формате Китай+, что не может обеспечить и защитить интересы других участников.

В результате при строительстве многих инфраструктурных объектов в рамках ИПП страны, участвующие в китайском проекте, попадают в «долговую ловушку» (примеры — Лаос, Таиланд, Киргизия, Таджикистан, Мьянма, Шри-Ланка). При этом зависимость присоединившихся к ИПП стран от китайского экспорта и китайских инвестиций существенно возрастает, втягивая их в орбиту исключительного экономического взаимодействия с Китаем.

Особую обеспокоенность вызывает активное привлечение китайской стороной к строительству объектов большого количества китайских рабочих, поскольку контракты подписываются на китайских условиях (участие китайских компаний, китайских работников и использование китайских материалов и технологий). При этом строительство объектов инфраструктуры не ведет к увеличению национальных производственных мощностей, а, напротив, способствует привязке национальных экономик к импорту из Китая, увеличивая и без того существующий торговый дисбаланс. Расчеты стран, присоединившихся к ИПП, на модернизацию своей промышленности, на увеличение инвестиций, рост экспорта в результате участия в китайском проекте не оправдываются.

Суммируя вышесказанное, мы можем констатировать, что за 10 лет своего существования китайская масштабная инициатива прошла, по существу, три этапа. Первый этап, который относится к периоду 2013—2016 г.г., — это период выдвижения китайской инициативы и ее активного развития, период активного присоединения стран к проекту и подписания меморандумов о взаимодействии и сотрудничестве в рамках ИПП. Второй этап — период расширения инициативы «Пояс и путь», конкретизации ее концепции, период масштабного инвестирования в ИПП (2017—2019). Третий период, начало которого, на наш взгляд, можно отнести к 2019 г., — это постепенное накопление и обострение проблем вокруг проекта, что сегодня привело к тому, что китайская инициатива переживает достаточно серьезный кризис, связанный как с изменением международной обстановки в

целом, так и с переносом внимания самого китайского руководства на другие серьезные вызовы и проблемы (внутренние и внешние), возникшие в последнее время.

Именно с этим, по-нашему мнению, и связано и резкое сокращение китайского финансирования проектов в рамках ИПП, которое можно наблюдать начиная с 2019 г. Напомним, что по сравнению с 2015 г. инвестиции китайской стороны в рамках проекта сократились в семь раз (рассчитано автором на основании: [Маслов, с.483] и [Sokolan, p. 79]).

Библиографический список

Алексеевкова Е.С. «Хлопок» вместо «шёлка»: Италия на выходе из «Пояса и пути» // Аналитические записки Института Европы РАН. Выпуск 5. 2023. № 27. С. 34—22.

Бабаев К.В., Сазонов С.Л. Новый международный сухопутно-морской торговый коридор КНР—АСЕАН // Пространственная экономика. 2022. Т.18. № 4. С. 158—180.

Виноградов А.О. Асимметричный ответ, или стратегия Китая в глобальном мире // Китайский путь. Истоки и современное состояние // Философские науки. 2015. С. 116—234.

Виноградов А.О. Что такое проект «Один пояс, один путь» и каковы перспективы его «сопряжения» с Евразийским союзом // Сонар: сетевой журн. 2017.

Маслов А.А. Возможности и комбинационности китайской стратегии «Пояс и путь» для национальных экономик Юго-Восточной Азии // Экономика в промышленности. 2020. Т. 13. № 4. С. 482—293.

Рачковская И., Цзяо В. Логистические аспекты проекта «Один пояс — один путь» // Проблемы и суждения. 2017. С. 23.

References

Alekseenkova, E. (2023). «Khlopok» vmesto «shelka»: Italiya na vykhode iz «Poyasa i puti» [“Cotton” instead of “silk”: Italy at the exit from the Belt and Road], *Analiticheskie zapiski Instituta Evropy RAN [Analytical Notes of the Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences]*, *Vypusk 5*, 27: 34—22. (In Russian).

Babaev, K. & Sazonov, S. (2022). Novyy mezhdunarodnyy sukhoputno-morskoy trgovyy koridor KNR — ASEAN [A new PRC-ASEAN international land-sea trade corridor], *Prostranstvennaya ekonomika [Spatial economy]*, 4: 158—180. (In Russian).

Maslov, A. (2020). Vozmozhnosti i kombinatsionnosti kitayskoy strategii «Poyas i put» dlya natsionalnykh ekonomik Yugo-Vostochnoy Azii [Opportunities and Combinations of the Chinese strategy Belt and Road for the national economies of

Southeast Asia], *Ekonomika v promyshlennosti* [Economy and industry], 4: 482—293. (In Russian).

Rachkovskaya, I. & Tszhao, V. (2017). Logisticheskie aspekty proekta «Odin poyas-odin put» [Logistical aspects of the project “One Belt, One Road”], *Problemy i suzhdeniya* [Problems and judgments]: 23 p. (In Russian).

Vinogradov, A. (2015). Asimmetrichnyy otvet, ili strategiya Kitaya v globalnom mire [Asymmetric Response, or China's Strategy in the Global World], *Kitayskiy put. Istoki i sovremennoe sostoyanie*, *Filosofskie nauki* [Philosophical Sciences]: 116—234. (In Russian).

Vinogradov, A. (2017). Chto takoe proekt «Odin poyas, odin put» i kakovy perspektivy ego «sopryazheniya s Evraziyskim soyuzom [What is the project ‘One Belt, One Road’ and what are the prospects of its ‘pairing with the Eurasian Union?], *Sonar*. (In Russian).

* * *

Sokolan, D. (2021). China's FDI under The Belt and Road Initiative in the EU, *RUDN Journal of Economics* : 4: 785—295.

И.С. Виноградов

ИНИЦИАТИВА «ПОЯС И ПУТЬ» В СТРАНАХ АСЕАН: ОСОБЕННОСТИ И УСПЕХИ РЕАЛИЗАЦИИ

Аннотация. Крупномасштабные инфраструктурные проекты, запущенные в рамках китайской инициативы «Пояс и путь» (ИПП), стали заметным штрихом в картине экономического развития Юго-Восточной Азии. Страны АСЕАН испытывают потребность в развитии «жесткой» инфраструктуры, и здесь Китай предоставляет им широкие финансовые и технологические возможности. КНР стала лидером среди международных партнеров организации в деле финансирования инфраструктурных проектов.

Китайские мегапроекты направлены на повышение «связанности» Китая со странами АСЕАН, а с запуском ИПП стала реализовываться давняя идея создания паназиатской железнодорожной сети. Так, в частности, уже функционирует железнодорожный транспортный коридор Китай—Лаос—Таиланд.

Реализация мегапроектов ИПП демонстрирует успешный пример экспорта китайских передовых технологий. Тому свидетельство запуск флагманских проектов ИПП — китайско-лаосской железной дороги и высокоскоростной магистрали (ВСМ) Джакарта—Бандунг.

Реализация проектов ИПП в странах АСЕАН имеет свои особенности. Индонезия, Лаос и Камбоджа являются наиболее восприимчивыми к процессам строительства ИПП.

В Таиланде, Малайзии и Мьянме реализация флагманских мегапроектов ИПП до недавнего времени проходила достаточно медленно и сопровождалась пересмотрами условий ранее заключенных соглашений в силу внутривнутриполитических причин, а также из-за уточнения вопросов финансирования. Но в настоящее время флагманские проекты ИПП в этих странах вышли на стадию реализации.

На Филиппинах внешнеполитический курс нынешнего руководства, конфронтационный по отношению к Китаю, привел к приостановке всех намеченных мегапроектов ИПП.

Вьетнам пока воздерживается от реализации флагманских проектов ИПП, однако есть перспективы участия КНР в его крупных железнодорожных проектах.

Ключевые слова: Китай, АСЕАН, Юго-Восточная Азия, инициатива «Пояс и путь» (ИПП), инфраструктура.

Автор: *Виноградов Илья Сергеевич*, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра «Россия, Китай, мир», Институт Китая и современной Азии РАН (адрес: 117997, Москва, Нахимовский пр-т, 32). ORCID: 0000-0002-5572-3471.

E-mail: vinbel19@mail.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации в Институте Китая и современной Азии РАН.

I.S. Vinogradov

The Belt and Road Initiative in ASEAN countries: features and advantages

Abstract. Large-scale infrastructure projects launched under China's Belt and Road Initiative have become a prominent feature of Southeast Asia's development landscape. ASEAN countries have a need to develop "hard" infrastructure, and in this regard, China provides ample financial and technological opportunities. China has become a leader among ASEAN's external partners in financing infrastructure projects.

Chinese megaprojects are aimed at increasing China's connectivity with ASEAN countries; with the launch of the BRI, the long-standing idea of creating a pan-Asian railway network began to be put into practice, in particular, the China-Laos-Thailand railway transport corridor is already functioning.

The implementation of BRI megaprojects demonstrates a successful example of the export of Chinese advanced technologies. This is evidenced by the launch of the flagship BRI projects — the China-Laos railway and the Jakarta-Bandung high-speed line.

The implementation of the BRI in individual ASEAN countries has its own specifics. Indonesia, Laos and Cambodia are the most receptive countries to implement megaprojects under the BRI.

In Thailand, Malaysia and Myanmar, the implementation of flagship BRI megaprojects until recently was quite slow and was accompanied by

revisions of the terms of previously concluded agreements due to both domestic political reasons and financing issues; currently, flagship BRI projects in these countries have entered the implementation stage.

In the Philippines, the current leadership's confrontational foreign policy towards China has led to the suspension of all planned BRI projects.

Vietnam has so far refrained from implementing flagship BRI projects, but there are prospects for Chinese participation in major railway projects in the country.

Keywords: China, ASEAN, Southeast Asia, Belt and Road Initiative (BRI), infrastructure.

Author: Iliia S. VINOGRADOV, Ph.D (History), Senior Research Fellow, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Science (address: 32, Nakhimovsky Ave., Moscow, 117997, Russian Federation). ORCID: 0000-0002-5572-3471. E-mail: vinbel19@mail.ru

Conflict of interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

Support. The article was prepared at the Institute of China and Contemporary Asia of the RAS within the framework of the State assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation.

В 2023 г. отмечалось 10-летие инициативы «Пояс и путь» (ИПП). Именно в столице Индонезии в 2013 г. Си Цзиньпин предложил построить Морской Шелковый путь XXI века и вместе работать над созданием более тесного сообщества Китай—АСЕАН с общим будущим.

По словам Си Цзиньпина (на 17-й выставке ЭКСПО Китай—АСЕАН в 2020 г.), Китай рассматривает АСЕАН как приоритетное направление «добрососедской дипломатии»¹ и ключевой регион для качественного совместного строительства ИПП².

Взаимную стратегическую значимость подтверждает высокий уровень экономического сотрудничества партнеров. Китай и АСЕАН являются крупнейшими торговыми контрагентами, и с 2020 г. АСЕАН опережает ЕС и США в качестве главного торгового партнера КНР.

¹ Добрососедская дипломатия, кит. *чжэоубянь вайцзяо*, можно перевести также как периферийная или сопредельная дипломатия. Добрососедская дипломатия КНР сочетает в себе традиционную, экономическую и публичную дипломатию. Добрососедская дипломатия Пекина направлена на гармонизацию отношений КНР с сопредельными государствами и на утверждение роли Китая как регионального лидера.

² Zhonghua renmin gongheguo waijiao bu [Ministry of Foreign Affairs of PRC]. 27.11.2020. URL: https://www.mfa.gov.cn/zyxw/202011/t20201127_348850.shtml (accessed: 12.05.2024).

Китай наряду с Сингапуром и Японией является ключевым инвестором в страны АСЕАН, а для Камбоджи и Лаоса — главным источником прямых иностранных инвестиций (ПИИ)¹. Текущие ПИИ и число строительных контрактов Китая в АСЕАН продолжают неуклонно расти, и прежде всего они связаны с реализацией различных проектов в рамках ИПП.

По расчетам Американского института предпринимательства, в АСЕАН совокупная стоимость китайских инвестиций и заключенных контрактов под эгидой ИПП к 2022 г. составила 125,26 млрд долл., или 34 % от общей суммы инвестиций и заключенных контрактов Китая в рамках ИПП [Yu, H., с. 57].

Взаимные стратегические интересы

Сотрудничество в рамках ИПП отвечает потребностям стран АСЕАН в деле их модернизации и устойчивого развития. Такие страны, как Камбоджа, Мьянма и Лаос, по-прежнему относятся к наименее развитым странам по классификации ООН, что во многом связано со слабым развитием их базовой инфраструктуры. Например, согласно индексу развития логистики Всемирного банка LPI (*logistics performance index*) за 2023 г., Камбоджа и Лаос по этому показателю делят 115-е место, Мьянма же занимала 137-е место в 2018 г. (на 2023 г. данных нет), Индонезия в 2023 г. занимала 61-е место².

Руководство КНР придает стратегическое значение повышению связанности с АСЕАН и развитию нового транспортного коридора «суша—море». Маршруты коридора выходят непосредственно на страны АСЕАН. Это основной внутрикитайский коридор из Чунцина в залив Бэйбу (Тонкинский), а также дополнительные международные коридоры в рамках ИПП: экономический коридор Китай—Мьянма, транспортный коридор Китай—Лаос—Таиланд (с перспективой продления до Сингапура), железнодорожный и автомобильный коридор Китай—Вьетнам [Лозинский, Сазонов, с. 326]. Данные международные коридоры вписываются и в план ЭСКАТО ООН по созданию в ЮВА паназиатской железнодорожной сети. В рамках данной инициативы запланированы три железнодорожных коридора: центральный, который начинается в Куньмине (Юньнань) и идет через

¹ ASEAN Stats Data Portal. URL: <https://data.aseanstats.org/fdi-by-hosts-and-sources-stock> (accessed: 13.05.2024).

² International LPI // The World Bank. URL: <https://lpi.worldbank.org/international/global> (accessed: 13.05.2024).

Лаос до Бангкока; западный маршрут через Мьянму и Таиланд и восточный маршрут, проходящий через Вьетнам, Камбоджу и Таиланд. Все три маршрута соединяются в Таиланде, откуда железнодорожная линия продолжает соединять Малайзию и Сингапур (рис. 1).

По оценкам Азиатского банка развития (АБР), странам АСЕАН потребуется к 2030 г. не менее 2,8 трлн долл. инфраструктурных инвестиций для достижения целей устойчивого развития, причем государственное финансирование лишь частично может покрыть необходимые затраты¹. Ввиду значительных диспропорций в социально-экономическом развитии стран АСЕАН только некоторые страны

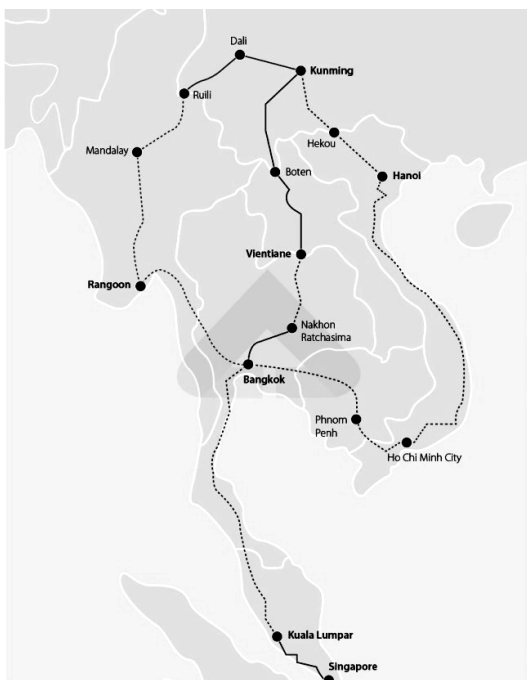

Рис. 1. План основных коридоров в рамках создания Паназиатской железнодорожной сети.

Источник: ASEAN Briefing. 31.05.2022. URL: <https://www.aseanbriefing.com/news/china-launches-new-freight-train-services-to-vietnam/> (accessed: 12.05.2024).

¹ The Asian Development Bank. 2.05.2023. URL: <https://www.adb.org/news/features/qa-innovative-financing-help-bridge-southeast-asia-infrastructure-financing-gap#:~:text=ADB%20estimated%20ASEAN's%20total%20infrastructure,billion%20and%20%24210%20billion%2C%20respectively.> (accessed: 13.05.2024).

(например, Таиланд или Сингапур) способны покрыть основную часть затрат на развитие инфраструктуры за счет частного сектора, который к тому же недостаточно экономически устойчив и подвержен различным внешним и внутренним рискам. Поэтому страны региона вынуждены полагаться на зарубежные источники финансирования. В этом отношении наибольшие инвестиционные и технологические возможности предоставляет КНР.

В 2019 г. по итогам 22-го саммита АСЕАН—Китай в Бангкоке стороны опубликовали совместное заявление о сопряжении ИПП с Генеральным планом АСЕАН по обеспечению связанности ее членов до 2025 г. (МРАС-2025). Китай рассчитывает, что ИПП внесет свой вклад в построение Экономического сообщества АСЕАН, предполагающего создание высокоинтегрированного общего рынка со свободным перемещением рабочей силы, товаров, услуг и инвестиций.

Отдельно стоит выделить роль механизма сотрудничества «Ланьцан—Меконг» (СЛМ) в деле дополнительной интенсификации взаимодействия в рамках ИПП с материковыми странами АСЕАН¹ и одновременно — продвижения «мягкой силы» Китая. Одним из ключевых направлений данного механизма является развитие связанности. Китай оказывает странам субрегиона поддержку в реализации совместных проектов по отдельной кредитной линии и через специальный фонд СЛМ. Как отметил премьер Госсовета КНР Ли Цян на встрече лидеров СЛМ в декабре 2023 г., СЛМ должен стать образцом высококачественного сотрудничества в рамках ИПП в интересах укрепления стратегической взаимосвязанности².

Реализация мегапроектов ИПП в странах АСЕАН

По оценке австралийского аналитического Центра *Lowy Institute*, в странах ЮВА за период 2015—2021 гг. было зафиксировано 34 обязательства по финансированию инфраструктурных мегапроектов стоимостью более 1 млрд долл. Среди них: 24 обязательства от Китая, шесть от Японии, три от АБР и один от Кореи.

14 из 24 китайских мегапроектов были связаны со строительством объектов электроэнергетики (10 на ископаемом топливе, четыре гид-

¹ К ним относятся страны субрегиона Большой Меконг: Китай, Мьянма, Лаос, Таиланд, Камбоджа и Вьетнам.

² Zhonghua renmin gongheguo waijiao bu [Ministry of Foreign Affairs of PRC]. 25.12.2023. URL: https://www.mfa.gov.cn/eng/zxxx_662805/202401/t20240104_11216544.html (accessed: 12.05.2024).

роэнергетических проекта), а остальные 10, что эквивалентно 70 % от общей стоимости обязательств, относятся к транспортному сектору (семь железных дорог, один аэропорт, один мост, один порт).

Реализация ИПП в каждой из стран АСЕАН отличается собственной спецификой, и ниже автор предпринимает попытку выявить особенности и успехи в деле продвижения Китаем инфраструктурных мегапроектов ИПП в странах АСЕАН.

Лаос

ИПП хорошо согласуется с государственной стратегией Лаоса по преобразованию страны, не имеющей выхода к морю, в страну, связанную с соседями сухопутными путями.

Важной вехой в деле продвижения ИПП стал запуск однопутной высокоскоростной китайско-лаосской железной дороги (КЛЖД) 3 декабря 2021 г. (построенной за шесть лет). Дорога протяженностью 1035 км соединяет столицу пров. Юньнань г. Куньмин со столицей Лаоса Вьентьяном. КЛЖД инвестировалась и строилась китайской стороной, по китайским техническим стандартам.

Китай в рамках ИПП также содействует Лаосу в его стратегии по наращиванию энергетических мощностей по экспорту дешевой электроэнергии в соседние страны. Китай уже профинансировал сооружение половины лаосских плотин на р. Меконг и его притоках.

На примере Лаоса критики Китая обвиняют Пекин в намеренной политике получения доступа к критической инфраструктуре развивающихся стран через предоставление долгосрочных кредитов и реализацию ИПП. Внешний долг Лаоса уже достигает 15,9 млрд долл. (около 100 % ВВП страны), половина из которого приходится на китайских кредиторов¹.

Лаосский участок КЛЖД построило совместное предприятие (СП) *Laos-China Railway Co.*, на 70 % принадлежащее Китаю. Сумма проекта составила 5,9 млрд долл., из которых 3,5 млрд долл. были взяты Лаосом в долг у Эксимбанка КНР. СП имеет право эксплуатировать дорогу на срок концессии 50 лет, затем она перейдет в собственность Лаоса.

На современном этапе очевидно, что именно ИПП становится двигателем комплексной модернизации Лаоса в соответствии со стратегиями развития по превращению Лаоса в страну, «связанную с сушей», а также комплексного развития электроэнергетики.

¹ East Asia Forum. 24.01.2024. URL: <https://eastasiaforum.org/2024/01/24/laos-economy-reckoning/> (accessed 22.05.2024).

В частности, при всех финансовых издержках реализации флагманского проекта ИПП — КЛЖД стоит отметить, что до ее запуска в Лаосе отсутствовала железнодорожная сеть. Можно предположить, что в ближайшие годы данный мегапроект принесет долгожданный позитивный экономический эффект, прежде всего благодаря наращиванию грузоперевозок и трансграничному развитию инфраструктуры страны. Кроме того, железная дорога будет способствовать росту туристических потоков и инвестиционной привлекательности Лаоса.

Таиланд

В 2022 г. с открытием логистического центра в пригороде Вьентьяна стал функционировать транспортный коридор Китай—Лаос—Таиланд, по которому осуществляются интермодальные перевозки с перевалкой контейнеров с КЛЖД стандартной колеи на узкоколейную таиландскую железную дорогу и наоборот — для дальнейшей доставки грузов в двух направлениях — в Таиланд (до порта Лаем-Чабанг) и в Китай. За два года работы, к декабрю 2023 г. 6 млн т различных товаров стоимостью 3,5 млрд долл. пересекли китайско-лаосскую границу по новой железной дороге. По данным Департамента железнодорожного транспорта Таиланда, коридор должен сократить расходы на перевозку грузов на 30—20 % за два—три года¹.

ИПП также хорошо согласуется со стратегией Таиланда по расширению и модернизации железнодорожной сети, включая постепенное внедрение стандартной колеи². Таиланд решил использовать опыт Китая при строительстве северо-восточной высокоскоростной железнодорожной магистрали (ВСМ) Бангкок—Нонгкай.

В 2014 г. военное правительство Праюта Чан-Оча подписало с Китаем меморандум о взаимопонимании по строительству ВСМ. Строительство было запущено в 2017 г., однако до недавнего времени продвигалось медленно. Особенностью реализации данного проекта является то, что он находится на стадии строительства, ситуационного согласования и планирования одновременно.

Бангкок в 2016 г. из-за высоких процентных ставок отклонил предложение Пекина по предоставлению кредита и сам занимается поиском источников финансирования проекта, но технологическим обеспечением проекта занимается китайская сторона.

¹ Vietnam+. 30.01.2023. URL: <https://en.vietnamplus.vn/thailand-laos-boost-negotiations-on-trans-border-rail-link-post247556.vnp> (accessed: 22.05.2024).

² В Китае стандартная железнодорожная колея 1435 мм. В странах Индокитая преобладают ж/д узкой колеи 1000 мм (*прим. авт.*).

До недавнего времени делу мешали бюрократические проволочки: проблемы, связанные с правами на землю, переносом коммуникаций из зон строительства. Негативную роль сыграли и ограничения, связанные с пандемией *COVID-19*.

Подписание плана совместного строительства «Пояса и пути» в 2022 г. на саммите АТЭС поспособствовало ускорению сооружения китайско-тайландской железной дороги. В настоящее время *China State Construction Engineering Co.* осуществляет строительство первого участка северо-восточной ВСМ Бангкок—Накхонратчасима. По предварительным планам, озвученным правительством Таиланда в 2022 г., его планировалось завершить в 2026 г., однако из-за дополнительных расходов планы сдвигаются как минимум на два года. По состоянию на апрель 2024 г., построено 28,6 % первого участка ВСМ¹. Также стороны договорились, что на втором этапе строительства ВСМ на участке Накхонратчасима—Нонгкай основную часть работ возьмут на себя уже тайские подрядчики. По предварительным планам, его завершение планируется к 2028 г., а после этого намечено строительство моста через Меконг и соединение тайской ВСМ с КЛЖД.

Помимо этого, *China Railway Construction Co.* вошла в консорциум с тайской корпорацией *CP Group*, которая в 2019 г. выиграла тендер на реализацию проекта строительства восточной ВСМ, соединяющей три аэропорта вокруг Бангкока. Ожидается, что в перспективе восточная ВСМ будет соединена с северо-восточной ВСМ (Нонгкай—Бангкок). Однако пока реализация этого проекта тормозится из-за вопросов, связанных с передачей земли под строительство.

Малайзия

Реализация проектов ИПП в Малайзии до недавнего времени была подвержена серьезным задержкам и пересмотрам, что связано с ненадлежащим управлением проектами и коррупционными скандалами. Так, ветеран малазийской политики премьер-министр М. Мохамад в 2018 г. приостановил три проекта (строительство нефте- и газопровода и железной дороги Восточного побережья (*East Coast Rail Link, ECRL*) с участием Китая, инициированные предыдущим премьером Н. Разаком в 2016 г. Экспертиза показала, что 88 % стоимости трубопроводов было выплачено китайской компании *China Petroleum Pipeline Bureau*, причем за это время было выполнено лишь 13 % работ. Последующие расследования засвидетельствовали, что технико-эко-

¹ Taiguo Zhonghua wang [Thailand China Net]. 22.04.2024. URL: <https://thaizhonghua.com/2024/04/22/110962.html> (accessed: 22.05.2024).

номическое обоснование не проводилось, как и оценки воздействия на окружающую среду и корректность юридических процедур по приобретению земли, и, скорее всего, имели место коррупционные схемы отмыwania денег. Проект *ECRL*, который предполагает соединение штатов Восточного побережья полуострова Малакка с долиной Кланг на западном побережье, включая столицу Куала-Лумпур, также был остановлен в связи с завышенной стоимостью проекта — 19 млрд долл. под кредит у Эксимбанка КНР. Новое правительство Малайзии во главе с А. Ибрагимом в 2022 г. добилось снижения стоимости контракта на 2,5 млрд долл. и инициировало реализацию данного мега-проекта¹.

В декабре 2023 г. *China Communications Construction Company (CCCC)* начала прокладку железнодорожных путей *ECRL*. Как отметил А. Ибрагим, проект *ECRL* является катализатором, который может сбалансировать экономику менее развитого Восточного побережья с экономическим центром на Западном побережье. По предварительным планам *CCCC*, проект ожидается завершить в 2026 г.

Камбоджа

Камбоджа активно использует возможности ИПП для улучшения слабой инфраструктуры, повышения конкурентоспособности экономики. Как подчеркнул покинувший свой пост в 2023 г. президент Хун Сен, цель ИПП — это просто развитие, а не блокирование национального роста или противодействия какой-либо другой нации². Благодаря ИПП была значительно улучшена базовая инфраструктура Камбоджи. В частности, были построены: международный аэропорт Сиенреап-Ангкор, особая экономическая зона Сиануквиль, мосты через реки Меконг, Тонлесап и Бассак. В 2022 г. *China Road and Bridge Corporation* успешно сдала в эксплуатацию скоростную автомагистраль Пномпень—Сиануквиль, а в 2023 г. приступила к строительству автомагистрали Пномпень—Бавет (на границе с Вьетнамом). В настоящее время *China Construction Third Engineering Bureau Group* осуществляет строительство международного аэропорта Техо в Пномпене, открытие которого запланировано на 2025 г. Важно, что на встрече в сентябре 2023 г. в Пекине новый президент Камбоджи Хун Манет и Си Цзиньпин договорились и дальше углублять синергию национальной пятиугольной стратегии Камбоджи с ИПП.

¹ Channel news Asia. 21.12.2022. URL: <https://www.channelnewsasia.com/asia/malaysia-anwar-ibrahim-east-coast-rail-link-project-3159876> (accessed: 22.05.2024).

² Asia news network. 23.05.2023. URL: <https://asianews.network/pm-hun-sen-marks-10th-anniversary-of-belt-and-road-initiative/> (accessed: 25.05.2024).

Индонезия

Индонезия также стала наиболее восприимчивой к ИПП страной в АСЕАН: в ней реализуется наибольшее число проектов под эгидой «Пояса и пути» (по данным индонезийского аналитического центра CELIOS, — 71 проект по состоянию на 2023 г., что больше, чем в Камбодже и Лаосе).

Важным событием в год 10-летия ИПП стала сдача в эксплуатацию 2 октября 2023 г. двухпутной ВСМ Джакарта—Бандунг. Железная дорога была построена по китайским технологиям и стандартом. ВСМ строилась в консорциуме *China Railway International* и четырех индонезийских государственных компаний и на 75 % финансировалась Банком развития Китая.

Изначально ТЭО в 2009 г. по данному проекту проводила Япония, но в итоге в 2015 г. при президенте Видодо проект был отдан Китаю, так как, согласно японскому плану, правительство Индонезии должно было предоставить финансовые гарантии, которых не требовал китайский план.

Вследствие некоторых задержек в реализации, связанных с пандемией, логистическими трудностями и вопросами прав на землю стоимость проекта повысилась на 1,2 млрд долл. и составила 7,3 млрд. Тем не менее проект можно считать успехом. Китай подтвердил действенность ИПП через экспорт передовых технологий за рубеж. Индонезия восполнила пробелы в инфраструктуре: теперь время поездки между Джакартой и Бандунгом сократилось с 3 часов до 40 мин. К марту 2024 г. новая железная дорога перевезла более 2 млн пассажиров. Кроме того, ВСМ создала 51 тыс. рабочих мест и обеспечила техническую подготовку 45 тыс. индонезийских рабочих, в целом открыв новые инвестиционные возможности для Западной Явы. Важно также, что особенности эксплуатации ВСМ отвечают постоянным усилиям Индонезии по сокращению выбросов углекислого газа¹.

Вьетнам

Вьетнам, несмотря на официальную поддержку ИПП и участие премьер-министра Фам Минь Тиня в Третьем форуме «Пояс и путь» в октябре 2023 г., пока воздерживается от реализации инфраструктурных проектов с участием Китая.

Из инфраструктурных проектов, реализованных Китаем во Вьетнаме, можно отметить строительство *China Railway Construction Corporation (CRCC)* линии метро в Ханое, запущенной в 2022 г., открытие

¹ Renmin wang [People's Daily Online]. 30.10.2023. URL: <http://world.people.com.cn/n1/2023/1030/c1002-40106094.html> (accessed: 22.05.2024).

объединенных сухопутных пограничных портов (вместе с запуском китайско-вьетнамских международных поездов), строительство нескольких угольных ТЭС. Также китайские компании сдали в эксплуатацию в 2019 г. крупнейший за рубежом кластер фотоэлектрической промышленности на юго-западе Вьетнама.

Вьетнам, с которым у КНР имеются давние территориальные споры в Южно-Китайском море, с осторожностью смотрит на китайские инициативы. При этом очевидна экономическая заинтересованность двух сторон в углублении взаимосвязанности. Китай долгое время остается крупнейшим торговым партнером Вьетнама, а Вьетнам — крупнейшим торговым партнером Китая в АСЕАН и четвертым по величине торговым партнером в мире.

Однако после успешного запуска КЛЖД усиливается роль транспортного коридора Китай—Лаос—Таиланд и снижается роль Вьетнама как ключевого транзитера в торговле между КНР и странами ЮВА. Вьетнам проявляет интерес к изучению китайского опыта в области строительства ВСМ.

Во время визита Си Цзиньпина в Ханой в декабре 2023 г. страны договорились ускорить сопряжение ИПП и вьетнамкой стратегии «Два коридора и одно кольцо». Весьма перспективно участие Китая в строительстве железной дороги стандартной колеи Лаокай—Ханой—Хайфон и соединении с китайской железнодорожной сетью. Китайские компании выражали большую заинтересованность в инвестировании в железнодорожные проекты во Вьетнаме.

Важным показателем интереса Вьетнама к инфраструктурному сотрудничеству с КНР может стать участие китайских компаний в сооружении амбициозной ВСМ Север—Юг. Однако здесь серьезную конкуренцию Китаю составляет Япония, с которой Вьетнам активно ведет переговоры по этому проекту.

Мьянма

Мьянма имеет особое значение в деле реализации ИПП, так как в силу своего географического положения обеспечивает удобный выход к Индийскому океану (логистическое плечо) для Юго-Западного Китая, причем минуя Малаккский пролив. Экономический коридор Китай—Мьянма (ЭККМ), соединяющий приморский штат Ракхайн в Мьянме и пров. Юньнань, стал неотъемлемой частью ИПП и включает в себя такие крупные инфраструктурные проекты, как газо- и нефтепроводы (запущены в 2013 и 2017 годах соответственно), проект железнодорожной дороги Кьяукпью—Мандалай—Мусе, расширение интермодальных перевозок, строительство глубоководного порта и специальной экономической зоны (СЭЗ) в Кьяукпью на берегу

Бенгальского залива, зоны сотрудничества в штатах Качин и Шан на границе с Китаем.

Стоит отметить, что в период так называемой демократизации (2011—2021) правительство Мьянмы, очевидно, желая уменьшить влияние Китая, неоднократно пересматривало условия проектов ИПП, чтобы снизить затраты и получить больший контроль. В качестве примера можно привести глубоководный порт Кьяукпью с начальной стоимостью 7,5 млрд долл.: по инициативе мьянманской стороны проект был значительно «урезан» и его стоимость была снижена до 1,3 млрд долл. Кроме того, китайская сторона была вынуждена пересмотреть условия реализации СЭЗ Кьяукпью, в частности в сторону увеличения доли участия правительства Мьянмы с 15 до 30 %.

Технико-экономическое обоснование для железной дороги мьянманского участка Кьяукпью—Куньмин впервые было подписано еще в 2011 г., однако в течение 10 лет мьянманская сторона затягивала процесс окончательного согласования данного проекта [Виноградов, с. 33].

После военного переворота 2021 г. Мьянма в условиях экономических санкций вновь активизировала свое сотрудничество с ИПП. В апреле 2023 г. в рамках расширения экономического коридора Китай—Мьянма был запущен уже второй интермодальный маршрут Чунцин—Жуйли—Янгон. Кроме того, по сообщению местных жителей, в 2023 г. китайские инженеры начали наземные изыскания для проекта железной дороги Кьяукпью—Мандалай. Как заявил в августе 2023 г. премьер-министр Мин Аун Хлайн, руководство Мьянмы всемерно содействует строительству железной дороги Кьяукпью—Мандалай. После завершения строительства дороги местные транспортные возможности будут значительно увеличены¹. Кроме того, после подписания дополнительного соглашения к концессионному договору по СЭЗ в Кьяукпью в декабре 2023 г. правительство Мьянмы, похоже, окончательно даст Пекину зеленый свет на реализацию этого проекта.

Особо следует отметить, что Пекин имеет политико-дипломатические рычаги влияния на руководство Мьянмы благодаря своей ключевой роли посредника между сепаратистскими этническими вооруженными организациями и мьянманскими военными, что тоже, хоть и косвенно, влияет на сговорчивость официального Нейпидо по вопросу активизации сотрудничества в рамках ИПП.

¹ Zhong — lao xinxi wang [China-Laos Information Network]. 20.10.2023. URL: http://zgmh.net/Article_show.aspx?chid=9&id=44412 (accessed: 26.05.2024).

Филиппины

На Филиппинах до недавнего времени также на стадии разработки находился ряд проектов ИПП: проекты железных дорог на островах Лусон и Минданао, инициированные еще при администрации президента Р. Дутерте. В 2021 г. китайским подрядчиком были одобрены контракты на строительство с ожиданием льготного кредита от Китая, однако деньги так и не поступили. Впоследствии правительство Филиппин отозвало свои заявки на получение кредитов и остановило сотрудничество в рамках ИПП. В настоящее время Филиппины изучают возможности смешанного финансирования данных проектов с участием Японии, Южной Кореи и Индии.

Очевидно, что истинные причины свертывания ИПП на Филиппинах кроются в очередной вспышке напряженности в Южно-Китайском море и непрекращающимися стычками между китайской береговой охраной и филиппинскими судами в спорных акваториях ЮКМ (о-ва Наньша). Президент Филиппин Маркос-младший после вступления в должность в 2022 г. в отличие от предшественника взял курс на стратегическое сближение с США и их союзниками и отказался от неконфронтационного курса по отношению к Китаю. Таким образом, политический фактор напрямую повлиял на заморозку ИПП на Филиппинах.

Вызовы и перспективы реализации мегапроектов ИПП в АСЕАН

Китай является абсолютным лидером среди внешних партнеров АСЕАН по финансированию инфраструктуры. По оценке *Lowy Institute*, на 2022 г. он выделил на реализацию инфраструктурных проектов в рамках ИПП порядка 30 млрд долл. и в ближайшие годы может выделить еще около 19 млрд долл., всего 49 млрд долл., что более чем вдвое превышает аналогичные расходы Японии (22 млрд долл.) и расходы АБР (11 млрд долл.). Однако уровень реализации инфраструктурных проектов на 2022 г. Китае составил 35 %, что меньше по сравнению с тем же показателем у Японии (64 %) и АБР (53 %) [Dayant, Stanhope, с. 13]. Очевидно, что в случае успешной сдачи проектов в Таиланде, Малайзии и Мьянме, которые пока находятся на стадии реализации, показатели китайского участия значительно повысятся.

И очевидно, что территориальный охват проектов ИПП будет расширяться. Так, Индонезия уже ведет переговоры с Китаем по про-

длению ВСМ из Бандунга до Сурабая на востоке Явы. В сентябре 2023 г. премьер-министр СРВ Фам Минь Тинь во время визита в Гуанси обсуждал с руководством китайской *CRCC* планы проекта железной дороги Лаокай—Ханой—Хайфон.

При этом нельзя сбрасывать со счетов различные риски, которые сопровождают реализацию проектов ИПП. Прежде всего, это ее зависимость от политической ситуации и внешнеполитического курса в каждой конкретной стране. Как показал пример Филиппин, политический фактор может стать решающим и даже привести к отмене проектов ИПП на неопределенный срок. Серьезным задержкам подвергался проект *ECRL* в Малайзии, который неоднократно пересматривался разными правительствами страны.

Однако есть и обратный пример Лаоса — страны с относительно стабильной внутривнутриполитической ситуацией. С 1975 г. руководит Лаосом единственная правящая партия — Народно-революционная партия Лаоса (НРПЛ). Следование установкам партийного руководства и социалистическому курсу, что закреплено в конституциях и КНР, и Лаоса, является важной идеологической «скрепой» китайско-лаосских отношений. Как отмечал президент Лаоса Тхонлун Сисулит, опыт КПК является образцом для НРПЛ в деле социалистического строительства¹. Обе партии с 2019 г. реализуют 5-летние планы действий по построению китайско-лаосского сообщества общего будущего, что дополнительно вносит вклад в координацию двухстороннего сотрудничества и продвижение ИПП.

В Таиланде, несмотря на курс руководства страны на укрепление сотрудничества с Китаем и заверения нового премьера Сеттхи Тхависина в необходимости ускорить строительство ВСМ для дальнейшего соединения с КЛЖД, риски недостаточности финансирования проекта ВСМ за счет внутренних средств Таиланда сохраняются.

Среди других трудностей на пути проектов КНР можно выделить проблемы с их одобрением местными органами власти, сложности с приобретением земли под строительство инфраструктуры (что, в частности, приводило к задержкам в согласовании строительства железных дорог в Индонезии, Таиланде, аэропорта в Пномпене), недостаточность экологических экспертиз.

В контексте реализации ИПП нужно обратить внимание на восприятие активности Китая в регионе ЮВА, так как на низовом уровне имеют место опасения перед «китайской угрозой».

¹ Xinhua wang [Xinhuanet]. 08.07.2021. URL: http://www.xinhuanet.com/world/2021-07/08/c_1127633916.htm (accessed: 13.06.2024).

Как показали социологические опросы авторитетного аналитического центра *ISEAS* в Сингапуре в 2023 г., 64,5 % респондентов в странах АСЕАН беспокоит растущее экономическое влияние Китая в ЮВА, а стратегическое и политическое влияние Китая в регионе вызывает серьезные опасения у 68,5 % респондентов¹. Поэтому актуальными задачами КНР в странах АСЕАН видится укрепление связей между людьми, содействие профессиональному обучению, большее вовлечение местного населения в реализацию совместных строительных проектов, содействие зеленому развитию местных экономик, предоставление дополнительных кредитов (хороший пример — сотрудничество Ланьцан—Меконг).

Китай также имеет широкие возможности по продуктивному выстраиванию диалога с региональными партнерами благодаря влиятельной китайской общине в АСЕАН². Культурная близость и схожесть китайской и местных деловых практик (*гуанси*) при опоре на укрепление личных связей между партнерами благоприятствуют лучшему восприятию целей друг друга, что в итоге может позитивно сказаться на продвижении ИПП.

Сторонами сформирована сеть бизнес-ассоциаций и диалоговых площадок, деятельность которых сосредоточена на развитии более тесных деловых связей, в том числе для продвижения ИПП (например, Ассоциированные китайские торгово-промышленные палаты Малайзии, Тайско-китайская торговая палата и др.) [Канев, с. 34].

В рамках реализации ИПП КНР продвигает нарратив о своей ответственности за создание общественного блага для международного сообщества. Как отметил Си Цзиньпин, за 10 лет совместного строительства «Пояса и пути» Китай практическими действиями демонстрирует имидж ответственной великой державы в глобальном управлении, а также распространяет концепцию Китая о построении сообщества с единой судьбой для всего человечества³. В октябре 2023 г.

¹ ISEAS-Yusof Ishak Institute. 2023. URL: <https://www.iseas.edu.sg/centres/asean-studies-centre/state-of-southeast-asia-survey/the-state-of-southeast-asia-2023-survey-report-2/> (accessed: 26.05.2024).

² Например, в Индонезии численность этнических китайцев составляет 11 млн человек (около 4 % населения), в Таиланде — 7 млн человек (10 %), в Малайзии — 6,9 млн человек (21 %) (*прим. авт.*).

³ Zhongguo shehui zuzhi canyu gongjian “yi dai yi lu” anli xuan deng [Cases of Chinese social organizations participating in the joint construction of the “Belt and Road”] // Zhonghua renmin gongheguo minzheng bu [Ministry of Civil Affairs of PRC]. 16.10.2023. URL: <https://www.mca.gov.cn/n152/n166/c1662004999979995240/content.html> (accessed: 12.05.2024).

Госсовет КНР опубликовал Белую книгу¹, посвященную совместно-му строительству «Пояса и пути» как ключевой практики в построении сообщества единой судьбы человечества. В документе отмечается, что реализация ИПП направлена на достижение взаимосвязанного развития мира, инклюзивного взаимовыгодного сотрудничества и общего процветания. В реализации ИПП Пекин стремится к подлинной живой многосторонности. В документе также подчеркивается, что ИПП — это «не сольное выступление» Китая, а хор всех сторон, и Пекин настаивает на равном участии и консультативном подходе без каких-либо политических или экономических условий.

В Белой книге 2023 г. также делается упор на совместном строительстве цифрового, зеленого и здравоохранного «Пояса и пути». В частности, реализация Цифрового Шелкового пути напрямую коррелирует с национальными стратегиями АСЕАН по развитию цифровизации (План цифровой Малайзии, Видение «Таиланд 4.0», Стратегия Индонезии в области производства 4.0 и т. д.). Поэтому параллельно реализации инфраструктурных мегапроектов ИПП стоит ожидать и активного подключения китайских цифровых компаний-гигантов к процессам обеспечения цифровой составляющей. В качестве примера можно привести компанию *Huawei*, которая создала высокоскоростную сеть для стабильной связи на маршруте КЛЖД и внедрила ряд мобильных приложений для пассажиров на железной дороге.

Библиографический список

Виноградов И.С. Отношения Мьянмы и Китая. Стратегические интересы и инструменты влияния Пекина // Азия и Африка сегодня. 2023. № 5. С. 26—35. DOI: 10.31857/S032150750025705-7.

Канаев Е.А. Китайское деловое присутствие в Юго-Восточной Азии как фактор развития Инициативы «Пояс и путь» // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2022. Т. 1. № 1(54). С. 30—23. DOI: 10.31696/2072-8271-2022-1-1-54-030-043.

Лозинский А.Н., Сазонов С.Л. Новый международный сухопутно-морской торговый коридор «КНР—АСЕАН» // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2022. № 27. С. 324—238. DOI: 10.48647/IFES.2022.88.31.010.

¹ Gong jian « yi dai yi lu»: goujian renlei mingyun gongtongti de zhongda Shijian [Jointly building the Belt and Road: a major practice in building a community with a shared future for mankind] // gov.cn. 10.10.2023. URL: https://www.gov.cn/zhengce/202310/content_6907994.htm (accessed: 12.06.2024).

References

Kanaev, E.A. (2022). Kitajskoe delovoe prisutstvie v Yugo-Vostochnoj Azii kak faktor razvitiya Inicijaty “Poyas i Put” [“The Chinese business presence in Southeast Asia: the Belt and Road Initiative”], *Yugo-Vostochnaya Azija: aktual'nye problemy razvitiya [Southeast Asia: Actual Problems of Development]*. Vol. 1: 1(54): 30—43 DOI: 10.31696/2072-8271-2022-1-1-54-030-043. (In Russian).

Lozinskiy, A.N.; Sazonov, S.L. (2022). Novyj mezhdunarodnyj suhoputno-morskoj trgovyj koridor “KNR-ASEAN” [New international land-sea trade corridor “China-ASEAN”], *Kitaj v mirovoj i regional'noj politike. Istorija i sovremennost [China in World and Regional Politics. History and Modernity]*, Vol. XVII: 324—238. DOI: 10.48647/IFES.2022.88.31.010. (In Russian).

Vinogradov, I.S. (2023). Otnosheniya M'yanmy i Kitaya. Strategicheskie interesy i instrumenty vliyaniya Pekina [Myanmar — China: Beijing's strategic interests and instruments of influence], *Azija i Afrika segodnya [Asia and Africa today]*: 5: 26—35. DOI: 10.31857/S032150750025705-7. (In Russian).

* * *

Dayant A., Stanhope G. (2024). Mind the gap: Ambition versus delivery in China's BRI megaprojects in Southeast Asia. *Sydney: Lowy Institute*: 23.

Yu, H. (2024). China-ASEAN Cooperation under the BRI. In: Understanding China's Belt and Road Initiative, *Asia in Transition*, Vol. 26. Springer, Singapore. DOI: 10.1007/978-981-99-9633-9_3.

Shahida Wizarat

ASIA LOOKS TOWARDS CHINA FOR THE ESTABLISHMENT OF THE ASIAN MONETARY FUND

Abstract. The EU and the US continue to take majority decisions in the World Bank and the IMF *due to* governance issues related with no change in the basic votes for many years but increasing the quotas, lack of transparency and merit in loan disbursement and appointments of Managing Director IMF and President World Bank. This has resulted in the World Bank and the IMF advocating policies that have a detrimental effect on the borrowing countries, like decline in growth rates, massive unemployment, poverty and indebtedness reaching 300 trillion USD, causing global defaults on a scale never witnessed before. But these policies have a very favorable impact on the economies of rich countries that control voting shares in the World Bank and the IMF. Development has thus become elusive for the Third World, with a large number of countries faced with sovereign default. In view of the above, the establishment of the Asian Monetary Fund based on Confucius principles of good governance and sound economic policies generating virtuous cycles of prosperity is the need of our times. This is the only way to deliver development and save the Third World countries from permanent enslavement to the west.

Keywords: IMF; World Bank; China; Asian Monetary Fund (AMF); voting power; voting share.

Author: Shahida Wizarat, Ph.D. (Economics), Professor, College of Economics and Social Development (CESD), Institute of Business Management (IoBM) (address: IOBM, Korangi Creek, Karachi City, Sindh 75190, Pakistan); M.A. Economics, Vanderbilt University, Nashville, Tennessee, U.S.A; Ph.D Economics, University of East Anglia, Norwich, England, U.K. E-mail: drshahidawizarat@gmail.com

Conflict of interests. The author declares the absence of conflict of interests.

III. Уизарат

Создание Азиатского валютного фонда:

Азия устремляет взгляд на Китай

Аннотация. Решения во Всемирном банке и МВФ по-прежнему принимаются большинством, подконтрольным странам ЕС и США из-за несовершенств в управлении, порожденных многолетним застоением в распределении голосов (несмотря на увеличение взносов от других стран), непрозрачным и необоснованным предоставлением займов, порядком назначения исполнительного директора МВФ и президента ВБ. В результате Всемирный банк и МВФ навязывают странам-заемщикам политику, чреватую для них пагубными последствиями, такими как снижение темпов роста, массовая безработица, бедность и задолженность, достигшая суммы в 300 млрд долл. и вызывающая глобальные дефолты невиданных масштабов. В то же время эта политика имеет весьма благоприятный эффект для экономик богатых стран — держателей контрольных пакетов во Всемирном банке и МВФ. Третий мир при этом лишается возможностей развития, многие его страны столкнулись с угрозой суверенных дефолтов. В свете изложенного, насущной потребностью стало создание Азиатского валютного фонда на основе конфуцианских принципов добросовестного управления, со здоровой экономической политикой, генерирующей циклы процветания. Это единственный способ обеспечить странам третьего мира развитие и спасти их от извечного закабаления Западом.

Ключевые слова: МВФ, Всемирный банк, Китай, Азиатский валютный фонд (АВФ), право голоса, распределение взносов.

Автор: Шаида УИЗАРАТ, доктор философии (экономика) (Ph.D. (Ec.), декан Колледжа экономики и социального развития Института управления бизнесом (Карачи, Пакистан) (адрес: Creek, Karachi, Karachi City, Sindh 75190, Pakistan); магистр экономики (MA (Economics), Vanderbilt University, Nashville, Tennessee, U.S.A.; доктор философии (экономика) (Ph.D (Economics), University of East Anglia, Norwich, England, U.K. E-mail: drshahidawizarat@gmail.com

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

I. Introduction

The end of World War II (WWII) gave birth to a large number of independent countries that were former colonies. Pakistan and India gained independence from the British in 1947, followed by Indonesia in 1949. Later Ghana, Rhodesia, Algeria and other African countries gained independence

from their colonial masters. In the Far East Viet Nam, Malaysia and Philippines came into being. Around the same time the International Financial Institutions (IFIs) were established and played an important role in delivering development to Europe, whose infrastructure had been destroyed as a result of WWII. The Marshall Plan was able to restore Europe to its former stature in a very short span of time, with the ushering in of the Golden Age from the early 1950s, which brought a lot of prosperity to Europe. And this continued till the early 1970s when the first oil shock happened. The European success story impressed developing countries, who also started borrowing from the IFIs, with some initial successes. The economic development of the Asian tigers triggered an academic debate that industrialization of the less developed countries was causing deindustrialization of the industrial west [Singh, A., 1977].

The Counter Revolution that followed starting from the late 1970s, gaining momentum in the 1980s and beyond seems to have halted development of Third World countries. The Keynesian interventionist approach which had instilled hope in many of the Third World countries in the aftermath of the Second World War was abandoned. The IFIs started using the neoliberal view to draw up conditionalities in their lending programs. Moreover, they also switched from project-based lending, which had delivered some development to developing countries in the early years to policy-based lending. This resulted in dictating policies in the borrowing countries and led to installing governments composed of the IMF and the World Bank staff in many countries and the use of the Washington Consensus.

The pursuit of development through borrowings from the IFIs by developing countries resulted in bringing down their vibrant growth rates, closing down industries, creating massive unemployment, increasing poverty, worsening the distribution of income, depriving the vast majority of populations of health and education facilities. These crises resulting in piling up unsustainable debts, raising fears of defaults, increase in crimes and political turmoil, which have been very destabilizing [Wizarat S., 2011]. In the Third World countries global debt exceeded 300 trillion USD in 2021, and is threatening major world economies. Laos, Zambia and Sri Lanka have defaulted on their loans, while Pakistan and many other countries are faced with a grim situation. Covid-19 pandemic, callous Third World governments used to affluent lifestyles and lack of rigorous research to determine debt sustainability appear to be contributing factors [Ocampo, J.A., 2022].

This article will throw light on why borrowings from the IFIs brought prosperity to Europe, while Third World countries borrowing from the IFIs have not developed. Instead, they have got themselves into economic diffi-

culties, declining growth rates, unemployment, massive layoffs, poverty and indebtedness. How was Europe able to overcome its problems and become prosperous in a short period of time, while Third World countries are facing serious economic and financial difficulties? I will try to investigate this through evaluating governance issues plaguing the IFIs in Section II. In Section III I evaluate the economic model used by the IFIs in drawing up conditionalities. Section IV proposes The establishment of the Asian Monetary Fund, while section V concludes the study.

II. Governance Issues

II.1. Quotas and Voting Power

The International Financial Institutions especially the World Bank and the International Monetary Fund's (IMF) governance has deteriorated substantially over the last almost thirty years. This due to loss of legitimacy¹, lack of transparency and inability to meet the challenges emanating from globalization. Jack Bormann [Bormann J., 2008] states that "Legitimacy, in the first instance, stems from the governance structure of an institution. But it also depends on the way in which that structure operates. Thus, governance of the Fund has many dimensions. The first dimension centers on the issue of power-sharing. This is mainly a matter of what is termed 'voice and vote'." He states that not changing the basic votes for many years but increasing the quotas has resulted in EU and the US to take majority decisions in the IMF.

Leech and Leech [Leech, D. and Leech, R., 2009] state that quotas are reviewed every five years by the Board of Governors and reveal the importance of the country in the world economy, the likelihood of getting into a balance of payment crisis and the need of a bailout. These reveal how much a country can contribute to the IMF. The authors use voting power analysis to show that the system of weighted voting, in spite of the modifications proposed by the Board is not transparent. They state that the original formula proposed by the US in 1946 at IMF's inaugural was political, which ensured the dominance of the four victorious WWII allies. R. Mikesell was given the task to camouflage the political formula into a mathematical one which would ensure "..... the largest quota to the USA, approximately 2.9 billion dollars, followed by the UK including its colonies receiving about

¹ Similar concerns about legitimacy, democracy, transparency and accountability have been raised in [Reform of World Bank Governance Structures].

half the US quota, the Soviet Union just under that and China somewhat less.” [Mikesell R., 1994].

In a seminar explaining the calculation of quotas Mikesell concedes: “I gave a rambling 20-minute seminar on the factors taken into account in calculating the quotas, but I did not reveal the formula. I tried to make the process appear as scientific as possible, but the delegates were intelligent enough to know that the process was more political than scientific.” He goes on to acknowledge that the same formula continues to be used with minor modification in the weights and definition of variables. The forgoing shows that the machinations to give respectability to political maneuvering by converting it to a mathematical formula lacked both transparency and simplicity.

Analyzing the voting power analysis from the point of view of fairness Leech and Leech [Leech, D. and Leech, R., 2009] state: “Under the present arrangements in which EU countries have separate seats, and therefore the USA is dominant, the system fails the fairness criterion because voting power is much more unequally distributed than voting weight, that of the USA being much greater than its vote share at the expense of all other members. There is thus a sort of hidden” transfer” of voting power to the USA and away from all other members that occurs as a result of bloc voting with the particular weights.” And from the point of view of democratic legitimacy they state that requiring voting power to be proportional to quota shares is not fair because the countries with largest quotas are over represented substantially. Summarizing the discussion on democratic legitimacy Leech and Leech conclude that in a fundamental way IMF is an undemocratic organization. They go on to state that: “the system fails the fairness criterion because voting power is much more unequally distributed than voting weight, that of the USA being much greater than its vote share at the expense of all other members. There is thus a sort of ‘hidden transfer’ of voting power to the USA and away from all other members.....”.

And the USA has far more actual influence than accrues from the application of the formulae. They, therefore, recommend: “a radical reform of the voting rules to reduce the effects of this weighted voting effect in creating greater inequality than the design of the voting system intended.”

II.2. Appointment of Managing Director IMF and President of the World Bank

Another important governance issue concerns the appointment of the Managing Director of the IMF and the President of the World Bank. There was some sort of unwritten agreement between the US and the EU that the Managing Director of the IMF will be from the EU and the President of the World Bank from the USA. This practice continued until quite recently,

while important countries like Russia, China and Japan were ignored. This poor governance has deteriorated recently with western powers using their power to further their political agendas related with the New World Order by appointing people of Indian origin to head both the World Bank and the IMF. South Centre Report also raises worries on this count: “An open transparent and merit based selection process is sine qua non, with emphasis on experience with development issues in a developing country context.”

Lack of Merit in Loan Disbursement

There is lack of merit in the award of IMF loans to debtor countries. The US plays an important role in the decision to grant the loans, withholding of the loans and trying to get the borrowing country to fulfill non-economic conditionalities. Sometimes countries that have fulfilled the conditionalities are not awarded the loan, while countries whose foreign debts have become unsustainable are granted loans [Mansoor S. et al. 2020]. Both instances violate the principle of merit. The IMF which is answerable to countries that control its voting shares and in spite of having a large number of economists on its payroll is not determining debt sustainability of countries applying for loans. It is the responsibility of the institution to carry out rigorous studies to determine debt sustainability of debtor countries. If debtor governments are callous and want to live on borrowed money, the IMF is just as callousness towards its creditor's monies.

II.3. Lack of Transparency

The IFIs instead of promoting economic development in Third World countries is imparting impoverishment and underdevelopment as can be seen by the actions of these institutions in these countries. For example, the World Bank played a dubious role in getting the agreement drawn up between the Government of Pakistan (GOP) and the Independent Power Producers (IPPs) by pushing for a hefty rate of return to the IPPs and getting the GOP to purchase the power produced by the IPPs irrespective of its power needs. If the World Bank truly believes in the free market, it should have let the forces of demand and supply determine the return to the IPPs. Getting the GOP to purchase all the power generated by the IPPs and fat returns to the IPPs have made power very expensive and increased circular debt in Pakistan.

The World Bank's ICSID arbitration in the Tethyan Copper Co (TCC) versus the Government of Baluchistan case also lacked transparency. With regard to the panel's arbitration Professor Jeffery Sachs writes: “Thanks to the World Bank's flawed and corrupt investment arbitration process, the rich are making a fortune at the expense of poor countries. The latest shake-down is a \$5.9 billion award against the Government of Pakistan in favor of

two global mining companies for an illegal project that was never approved or carried out.” About the ICSID ruling Sachs says and I quote: “The arbitration ruling is utterly capricious. An illegal project, declared null and void by Pakistan’s Supreme Court and never pursued, was found by the World Bank’s arbitration panel to be worth more than 4 billion USD to TCC’s owners, who had paid \$167 million for it in 2006. Moreover, the tribunal declared that Pakistan must compensate TCC in full, with back interest, and

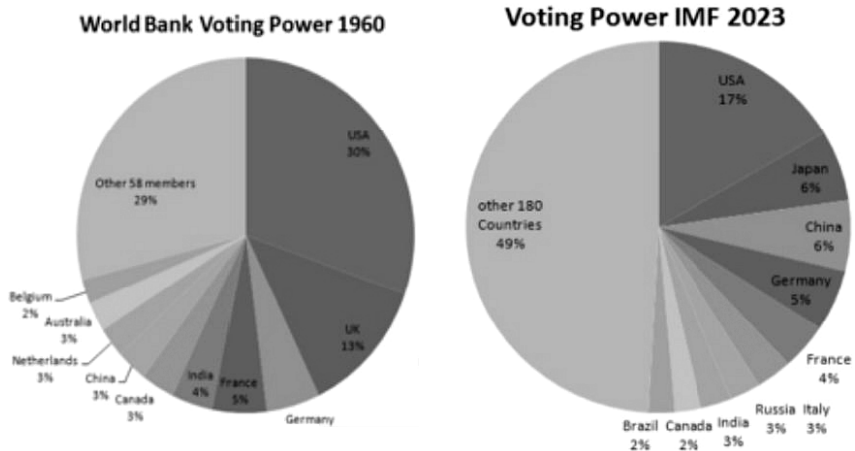

Figure 1. World Bank Voting Power 1960 and 2023

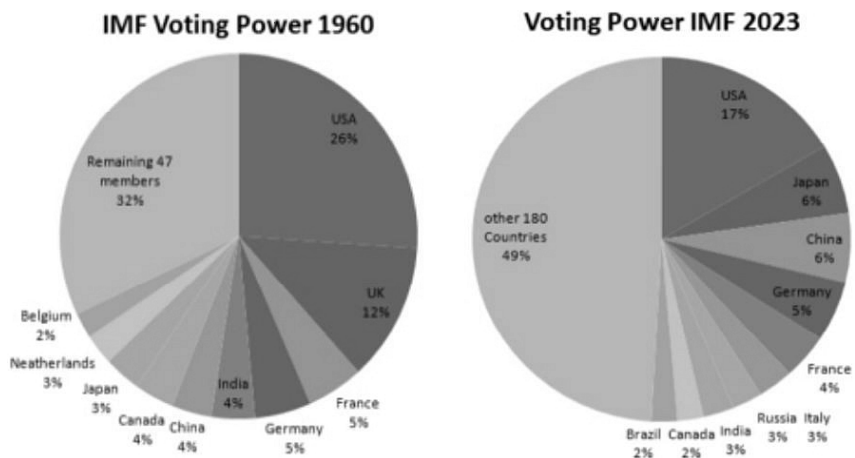

Figure 2. IMF Voting Power 1960 and 2023

cover its legal fees, raising the bill to \$5.9 billion, or roughly 2 % of Pakistan's GDP. It is more than twice Pakistan's total public spending on health care for 200 million people, in a country where 7 % of children die before their fifth birthday. For many Pakistanis, the World Bank's arbitration ruling is a death sentence."

And Jeffrey Sachs points out and I quote: "The ICSID is not an honest broker. One of the tribunal members in the TCC case is using the same expert put forward by TCC for another case in which the arbitrator is acting as counsel! When challenged about this obvious conflict of interest, the arbitrator refused to step down and the ICSID proceeded as if all were normal." The role played by the World Bank in the IPP and ICSID's flawed arbitration in favor of TCC shows that the World Bank instead of playing the role of an honest arbitrator and facilitator, is working on behalf of rich creditor countries and to the detriment of poor debtor countries. It has, therefore, lost its legitimacy.

II.4. Responding to Challenges Emanating from Globalization.

In the early years there was some relation between the share of countries in global GDP and their voting power in the IFIs as reflected in Figures 1 and 2. Figure 1 shows voting power in the World Bank in 1960 and 2023. The chart shows that in 1960 China's share in voting power in the World Bank was 3 %, while its share in global GDP was 4.29 %. But in 2023 when China was contributing 18.48 % to global GDP, its voting share rose to 6 % only. The same trend can be seen in Figure 2 depicting the voting shares in the IMF. China's voting share of 4 % was closer to its contribution to global GDP at 4.29 % in 1960, but the increase in stature of the Chinese economy as reflected by its contribution to global GDP of 18.48 % in 2023 was not reflected in a commensurate increase in its voting power in the IMF which increased to a mere 6 %.

III. IMF Policy Paradigm

Policies advocated by the IMF have an adverse impact on the debtor economies, but the impact on creditor countries economies is favorable. The standard IMF policy prescription for countries faced with balance of payment crisis is to devalue the currency, which through reduction in export prices is expected to expand the demand for exports. By making imports more expensive the demand for imports is expected to be reduced. But on account of low elasticity of demand and supply of exports and imports, the expansion in exports and the reduction in imports does not come about. As

a result, the trade deficit is not reduced. A large number of imports comprising of capital goods and industrial raw material become expensive, which increases the cost of production, rendering industry non-viable. This has resulted in closure of industries and deindustrialization in many borrowing countries including Pakistan since the 1990s.

Let us now examine the impact of devaluation on countries controlling voting shares in the WB and the IMF. Devaluation not only makes exports of debtor countries cheap, but also those of countries exporting the same products through the Fallacy of Composition [Singer H., 1995]. So the net beneficiaries are the consumers in countries importing these products, which happen to be those controlling voting shares in the WB and the IMF, as they get these products at low prices. Moreover, devaluation through lowering the parity of the borrowing country's currency increases debt payments and pushes them deeper into debt, making these countries poorer and more vulnerable. Devaluation by increasing the price of imports unleashes inflation, which the IMF tries to curtail through getting the policy rates increased. This results in decline in investment, output and employment. Since increase in prices are on account of increase in prices of oil, industrial raw material and capital goods due to devaluation, inflation is not due to demand pull factors, but results from cost push factors. But the IMF has been firefighting cost push inflation through increase in the policy rate. This results in reduction in output, employment and profits, increasing inflation further. In Pakistan in the 1990s it resulted in closure of 5000 industrial units leaving 2 million workers unemployed. According to the Asian Development Bank poverty increased to 50 % of the population, whereas in rural Sindh it was 85 %. And more recently 7.5 million people have been rendered unemployed in the textile sector alone. While the total unemployed in the economy is estimated around 10.5 million.

But increase in policy rates are beneficial to citizens of countries that control voting shares in the WB-IMF. The policy rates in these countries are very low, high rates enable them to earn lucrative rates overseas. But since these inflows are short term, they do not bring any benefits to the host country. This is because they are more like "fair weather birds" [Jones, S. G., 1988] that visit only when the weather is good but fly back during harsh weather conditions. Therefore, they cannot be used to finance long term economic development. Moreover, the adverse impact of devaluation on industry in the form of deindustrialization in developing countries positively affects developed countries. This is on account of the perception that industrialization in the developing countries is causing deindustrialization in the

developed countries. Moreover, devaluation also results in increasing the debt burden as the local currency parity changes vis-e-vis the US dollar.

My narrative that these policies mainly benefit creditor countries is corroborated by Singer [Singer H., 1995] that Structural Adjustment Policies (SAPs) are undertaken to enable debt servicing so the real beneficiaries are the creditors. He further states that SAPs are unilaterally and asymmetrical-ly applied to indebted BOP deficit LDCs and not to surplus countries. While at the time of establishment of the IFIs Keynes emphasized adjustment for surplus countries as well, particularly during recession and unemployment periods. Singer states that the WB-IMF put pressure only on deficit LDCs and not surplus DCs. He says the WB was set up to provide project-based lending and not policy-based SAP lending. But over the years these institutions have changed their mandate and are now doing program lending [Singer H., 1995]¹. Singer further states that the IMF & WB state that debt crisis is a fact of life and LDCs have to adjust to it. But he gives the counter Keynesian argument that the IFIs were established not to enforce facts of life on LDCs. Singer says the IFIs were not created to force countries to adjust to an adverse external environment, but rather to change the environment for the better.

Policy based lending has been very detrimental to Third World countries. This is on account of the following: first, project based lending would not increase the debt burden because a viable project would generate streams of income, a certain percentage of which could be used for debt servicing. Second, project based lending did not entail formulation of economic policies by outside agencies with scant knowledge about the economy and the environment. Third, policy based lending results in increasing the debt burden without giving the country concrete projects which would be a source of income generation. Take the case of Sri Lanka which is often cited as a country faced with default due to excessive borrowing from China. But that is not the case as revealed by looking at Sri Lanka's debt profile presented in Figure 3, which shows that in September 2022 only 13 % of the external debt was owed to China and the remaining 87 was on account of borrowing from the Paris Club, non Paris Club, IFIs and commercial sources. These latter sources granting non project lending had burdened Sri Lanka so much that borrowing for development, which was a mere 13 % of total external debt acted as the last straw on the camel's back. It also shows that borrowings from IFI's by Third World countries is closing the doors on development.

¹ See also [Mosley, P.; Harrigan, J.; and Toye, J., 1991].

Pointing out errors related with sequencing of reforms, Singer states that stabilization comes first and is followed by Structural Adjustment Policies (SAP). Stabilization increases poverty and malnutrition accompanied by cuts in health and education. He says sequencing needs to be reversed and SAP should come first and stabilization later. Moreover, he says SAP is “too country specific and not country specific enough.” Too country specific in the sense that the impact on other countries is ignored and not country specific enough in that SAPs for all the countries are the same, i.e. “one size fits all” termed as “cookie cutter” policies by Stiglitz [Stiglitz J., 2001].

Sri Lanka External Debt Sep 2022

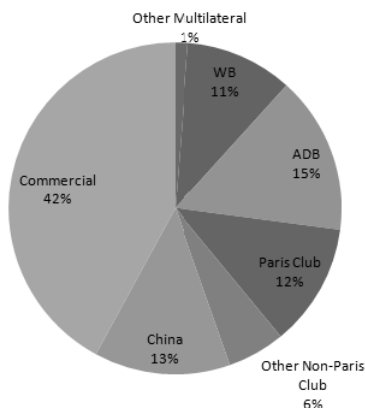

Figure 3

South Centre Report on Reform of World Bank Governance Structures has summed it very well in the following words: “Development continues to be the primary challenge facing the global community. The process of globalization, in which both Bretton Woods institutions were key drivers, has resulted in increased development inequality and global inequity. The failure of past policy prescriptions based on a single development policy paradigm should give way to a fresh approach that emphasizes development policy choice and flexibility for developing countries. Global institutions that are supposed to foster the development of developing countries should be open to fresh and innovative ideas to enable them to respond better to developing countries’ development needs and priorities, and this should include taking a fresh look at how their governance structures should be reformed in order for them to become more responsive to the demands of their develo-

ping country constituency. With the potential for stronger South-South integration and cooperation for development now much greater than ever and constituting a viable alternative that could be explored by developing countries, the BWIs may, in fact, need to take a closer look at themselves to see whether they continue to be relevant as development actors.”

I. Proposal for the Establishment of the Asian Monetary Fund

Our discussion in sections II and III reflects that poor governance, politicized decision making, lack of merit in high level appointments in the IFIs and the use of an orthodox policy regime is taking its toll on the economic, financial, social and political fabric of Third World countries. The IFIs could not deliver development to these countries but increased their indebtedness to 300 trillion USD. Time has arrived to establish the Asian Monetary Fund which can deliver development without increasing the debt burden of these countries. I first proposed the establishment of the Asian Monetary Fund at an international conference in 2012 [Wizarat S., 2022]. I had stated: “....., China is a surplus foreign exchange reserve country. It has been investing in US securities and International Financial Institutions (IFIs). But is experiencing reluctance by these countries in transferring more voting shares to China. Although China has invested more than \$3 trillion in US securities, it is viewed as an adversary..... How safe are Chinese investment in India and the USA? If competition for supremacy heats up and/or the present relationship with India and the USA worsens, how secure will Chinese investments in India and the USA be? in view of the above, China should invest its surplus reserves in more secure investments. One alternative that I am proposing at this forum is the establishment of the Asian Monetary Fund (AMF).”

Proposing the establishment of the Asian Monetary Fund Liu [Liu, H.C.K, 2002] states: “Structural reform, while necessary, is not enough. There is a need for a safety net through a regional financial arrangement.” He goes on to say: “The countries within the region need to be protected against serious balance-of-payments and international-liquidity problems.” And Liu goes on to suggest: “In recent centuries, western imperialism and colonialism have fragmented Asia. The Cold War aggravated that fragmentation. Therefore, there is still a long way to go and arduous task faces these nations. They must choose a cooperative pattern suitable to the regional characteristics rather than blindly copying the model of others.” And he concludes by saying that Asia is not just an appendix of a western global system.

II. Conclusion

While the IFIs were able to restore infrastructure to war torn European economies in the aftermath of WWII, but for the vast majority of Third World countries development has been elusive. In addition to corruption and poor governance in these countries, the IFIs have not been very helpful. This is because of poor governance, their commitment to promote the interests of creditor countries controlling voting shares, politicization of IFIs, and most importantly on account of economic policies that are detrimental to growth and prosperity in these countries. The policies advocated by the IFIs have a detrimental effect on borrowing countries but a favorable impact on creditor countries' economies as pointed out by Wizarat [Wizarat, 2022]. And Liu states that the IMF forces developing countries to adopt policies that the US rejects for itself. As a result, economic chaos, decline in growth rates, massive unemployment and poverty, increase in indebtedness reaching 300 trillion USD are triggering global defaults on a scale never experienced before. The real problem appears to be the underlying western model which thrives on poverty, death and destruction in the developing world to bring prosperity to the west. In marked contrast to this is the Chinese model, where peace dividends contribute to bringing prosperity. In view of the above, I feel confident that the Asian Monetary Fund based on Confucius principles of good governance, sound economic policies generating virtuous cycles of prosperity will deliver development to Third World countries. And Liu has summed it up very well when he stated that “Asia needs an Asian system, operated by Asians and for Asia.”

Библиографический список / References

Bormann, Jack (2008). An Agenda for Reform of the International Monetary Fund (IMF), *Dialogue on Globalization in Occasional Papers*, New York.

Jones, Stephany Griffith (1988). Managing World Debt, *Harvestor Wheatshaeaf*, New York.

Leech, Dennis and Leech, Robert (2009). Reforming IMF and World Bank Governance: in Search of Simplicity, Transparency and Democratic Legitimacy in the Voting Rules, *Warwick Economic Research Papers, Department of Economics, Warwick University*: 914.

Liu, Henry C.K. (2002). The Case for an Asian Monetary Fund, *Asian Economy*, 12 July.

Mansoor, Sadia; Aqeel Baig, Mirza and Lal, Irfan (2020). Can Pakistan Raise More External Debt? A Fiscal Reaction Approach, *Business and Economic Review*, Vol. 12.

Mikesell, Raymond F. (1994). The Bretton Woods Debates: A Memoir. Essays in International Finance, *International Finance Section, Department of Economics, Princeton University*.

Mosley, Paul; Harrigan, Jane and Toye, John (1991). Aid and Power, *Routledge, London*,

Ocampo, Jose Antonio (2022). A Pandemic of Debt, *Project Syndicate, 12 December*.

Reform of World Bank Governance Structures, September, 2007. *Geneva, Switzerland, South Centre*.

Sachs, Jeffrey (2019). How World Bank Arbitrators Mugged Pakistan, *Project Syndicate*.

Singer, Hans (1995). Are Structural Adjustment Programs Successful? *Paper presented at the Conference on the Socio-Economic and Political Consequences of World Bank and IMF Policies, AERC-Goethe Institute, Karachi, PJAЕ*, Vol. XI: 1 & 2.

Singh, Ajit (1977). UK Industry and the World Economy: A Case of De-industrialization? *Cambridge Journal of Economics*, Vol.: 2 (June).

Stiglitz, Joseph (2001). Globalization and its Discontents, *W. W. Norton & Company, London and USA*, Vol. 1: 3.

Wizarat, Shahida (2011). An Alternative Debt Management Strategy for Pakistan, Fighting Imperialism Liberating Pakistan, *Karachi: Centre for Research and Statistics*.

Wizarat, Shahida (2022). Alternative to the IMF and Other Out of the Box Solutions, *Singapore: Partridge Publishing*.

Ю.В. Морозов

ТАЙВАНЬ КАК ЯБЛОКО РАЗДОРА ВО ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ КНР И США

Аннотация. Актуальность статьи обусловлена нерешенностью тайваньской проблемы во взаимоотношениях Китая и США. По этой причине целями работы является проведение анализа стратегической значимости острова для американских и китайских интересов и оценка трех возможных сценариев будущего Тайваня.

Для реализации указанных целей были использованы следующие методы исследования: индукция и дедукция, формализация и конкретизация, дедуктивный и сравнительный анализы и др. Их применение позволило автору прийти к следующим выводам: вследствие экономической и стратегической значимости Тайваня для США и зависимости от них он является яблоком раздора между Вашингтоном и Пекином, так как Тайвань при американской поддержке претендует на статус независимого государства, а Пекин рассматривает его как составную часть КНР.

После выборов президента Тайваня в 2024 г., на которых победил сторонник независимости острова, Китай усилил давление на тайваньскую администрацию, и это ведет к обострению обстановки в Азиатско-Тихоокеанском регионе, поскольку будущее острова зависит от того, как будут складываться отношения Тайбэя, Вашингтона и Пекина по вопросу суверенитета Тайваня.

Ключевые слова: Тайвань, Китай, США, взаимоотношения, сценарии, конфликт.

Автор: *Морозов Юрий Васильевич*, кандидат военных наук, ведущий научный сотрудник Центра «Россия, Китай и мир» Института Китая и современной Азии РАН (адрес: 117997, Москва, Нахимов-

ский пр-т, 32). ORCID: 0000-0003-2047-6420.

E-mail: morozovyury51@yandex.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации в Институте Китая и современной Азии РАН.

Yuri V. Morozov

Taiwan as a “bone of contention” in relations between China and the USA

Abstract. The relevance of the article is due to the unresolved Taiwan problem in relations between China and the United States. For this reason, the objectives of the material are to analyze the strategic importance of the island for American and Chinese interests, as well as to assess three possible scenarios for the future of Taiwan.

To achieve these goals, the following research methods were used: induction and deduction, formalization and concretization, deductive and comparative analyses, etc. Their application allowed the author to come to the following conclusions: due to the economic and strategic importance of Taiwan for the United States, it is a “bone of contention” between Washington and Beijing, since Taiwan, with American support, claims to be an independent state, and Beijing considers it an integral part of the PRC.

After Taiwan's presidential elections in 2024, which were won by a supporter of the island's independence, China has increased pressure on the Taiwanese administration, and this leads to an aggravation of the situation in the Asia-Pacific region, since the future of the island depends on how relations between Taipei, Washington and Beijing develop on the topic of Taiwan's sovereignty.

Keywords: Taiwan, China, USA, relationships, scenarios, conflict.

Author: Yuri V. MOROZOV, Ph.D (Military Sciences), Leading Research Fellow, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences (address: 32, Nakhimovskiy Ave., Moscow, 117977, Russian Federation). ORCID: 0000-0003-2047-6420.

E-mail: morozovyury51@yandex.ru

Conflict of interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

Support. The article was prepared at the Institute of China and Contemporary Asia of the RAS within the framework of the State assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation.

Введение

Проблема Тайваня и его будущего состоит в том, что Китай рассматривает этот остров как составную часть КНР, в то время как власти Тайваня, при поддержке США, претендуют на его статус как независимого государства. Анализ этой проблемы посвящены научные работы российских экспертов В.Б. Кашина [Кашин, 2005], Я.В. Лексютиной [Лексютина, 2008], Т.В. Поляковой [Полякова, 2014], И.А. Цветкова [Цветков, 2000]. Эта тема также освещается в научных статьях таких зарубежных авторов, как Дэнни Рой [D. Roy, 2001], Ричард Буш [R. Bush, 2013], Ляо Сяньмо [廖显漠, 2015], Линь Я [Я. Линь, 2019], Цюй Чжичжоу [曲志卓, 2024] и ряда других специалистов.

Помимо этого, опубликовано множество материалов и официальных документов, предметом рассмотрения которых стали взаимоотношения Пекина, Тайбэя и Вашингтона с момента образования КНР и вплоть до выборов на Тайване в начале 2024 г. В связи с этим новизна статьи обуславливается тем, что в ней рассматриваются актуальные взаимоотношения между администрацией Тайваня, Пекином и Вашингтоном, складывающиеся после тайваньских выборов 2024 г., а также тем, что в работе предпринимается попытка в контексте тайваньской проблемы спрогнозировать вероятное развитие текущей ситуации в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР) на краткосрочную перспективу.

Тайвань как яблоко раздора между Вашингтоном и Пекином

После образования КНР 1 октября 1949 г. сторонники Гоминьдана окончательно покинули материковый Китай и закрепились на Тайване. С тех пор остров и стал яблоком раздора между Вашингтоном и Пекином, сначала по политическим причинам, а сейчас — ввиду его мирохозяйственной значимости, в первую очередь в плане поставок на мировой рынок чипов для интегральных схем, где остров уже стал глобальным лидером¹. С военно-стратегической точки зрения Тайвань контролирует цепь островов, которые расположены в западной части Тихого океана по «линиям» от Борнео до Филиппин,

¹ Доля Тайваня на рынке контрактного производства чипов опустится лишь на несколько процентов к 2025 году // 3Dnews. URL: <https://3dnews.ru/1064620/k-2025-godu-tayvan-sohranit-za-soboy-44-rinka-uslug-po-kontraktному-proizvodstvu-chipov?ysclid=lt8k-hcvxhh439079638> (дата обращения: 04.02.2024).

Японии и Южной Кореи. Эта островная цепь важна для Вашингтона, поскольку она препятствует широкому разворачиванию сил НОАК в указанной части Тихого океана. Посему контроль над этой акваторией является составной частью американской стратегии сдерживания Китая [Бинглян, 2021]. Для обеспечения этой стратегии Вашингтон создал альянсы *QUAD* и *AUKUS* (рис. 1).

Рис. 1. Создание США альянсов в целях противостояния КНР в АТР

Источник: Армейский сборник. 2023. № 4. URL: <https://prussia.online/books/armeyskiy-sbornik-2023-4?ysclid=ltntlwlooy572855019> (дата обращения: 15.04.2024).

И хотя сам Тайвань не входит в число этих партнерств, утрата рычагов влияния на него станет для Вашингтона не только экономическим, но и военно-стратегическим поражением, так как повысит вероятность смещения интереса союзников США к другим центрам силы в АТР, в первую очередь — к Китаю, а также, возможно, к Южной Корее и Сингапуру [Tan A.T.H., 2019]. Это осложнит реализацию курса на сдерживание Китая, заявленного в Стратегии национальной безопасности США (2017) и в ее уточненной версии (2022), где Китай отнесен к одной из главных угроз американским интересам¹.

Понятно, что Вашингтон ужесточает свою риторику в адрес Пекина и наращивает поставки вооружений на остров. Помимо этого, он ведет переговоры о новых соглашениях по базированию ВМС США в Японии и Южной Корее, подталкивает членов НАТО к веде-

¹ National Security Strategy of the United States of America. Trump White House, December, 2017. URL: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf>; National Security Strategy. The White House, October, 2022. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf> (accessed: 04.02.2024).

нию патрулирования в Южно-Китайском море, а также форсирует разработку критически важных военных технологий¹.

Обосновывая эту активность, госсекретарь США Э. Блинкен заявил, что в тайваньском вопросе «существует *status quo*, и мы полны решимости следить за тем, чтобы никто в одностороннем порядке не попытался изменить его»².

В свою очередь, в речи от 2 января 2019 г., посвященной 40-летию опубликования «Послания к соотечественникам на Тайване», Си Цзиньпин призвал к «мирному воссоединению с Тайванем» на основе «принципа одного Китая». Этим заявлением китайский лидер вновь подчеркнул, что Тайвань и материковый Китай принадлежат одной стране, находящейся под юрисдикцией Пекина, их объединение произойдет по принципу — «одна страна, две системы», который в свое время был применен к Гонконгу и Макао, и это означает обретение Тайванем статуса особого административного района КНР³. Благодаря объединению Китай смог бы не только значительно укрепить свою экономическую мощь, но и получить выход на акваторию Тихого океана через Тайваньский пролив.

Однако в январе 2024 г. реализация намерений Си Цзиньпина по объединению оказалось под угрозой из-за результатов тайваньских выборов «президента» и «парламента» (Законодательный Юань), на которых победил сторонник независимости острова лидер Демократической прогрессивной партии (ДПП) Лай Циндэ.

Вместе с тем в Законодательном Юане большинство мест получили сторонники переговоров с Китаем о будущем Тайваня из партии Гоминьдан, которые, вступив в коалицию с занявшей на выборах третье место Тайваньской народной партией, могут при желании блокировать необдуманные инициативы Лай Циндэ.

Оценивая перспективы будущего Тайваня после выборов 2024 г., видится целесообразным рассмотреть три возможных сценария раз-

¹ Stavridis James. The U.S. Risks Catastrophe If It Does not clarify Its Taiwan Strategy // *letters@time.com* November 3, 2021. URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.13a5b01e-64a53ae8-f99ff43-74722d776562/https/time.com/6113253/us-taiwan-strategy/ (accessed: 04.02.2024).

² Blinken says US 'doesn't support Taiwan independence' in visit to ease relations with China // *The Independent*. June 20, 2023. URL: <https://www.independent.co.uk/news/world/americas/us-politics/antony-blinken-taiwan-independence-china-b2360401.html> (accessed: 18.02.2024).

³ Yu Elaine and Joyu Wang. China's Xi Emphasizes 'Peaceful Reunification with Taiwan, Days after Record Show of Force' // *The Wall Street Journal*, October 10, 2021. URL: <https://www.wsj.com/articles/chinas-xi-emphasizes-peaceful-reunification-with-taiwan-daysafterrecord-show-of-force-11633846538> (accesses: 18.02.2024).

вития ситуации: сохранение *status quo* Тайваня и реакция на это Пекина; рост военно-политической напряженности в АТР; силовое присоединение острова к материковому Китаю.

Сохранение Тайванем *status quo*

Очевидно, что сохранение Тайванем *status quo* — это самый реалистичный сценарий, ибо ни в Вашингтоне, ни в Пекине не готовы к развязыванию прямых военных действий из-за независимости острова. Это объясняется тем, что в настоящее время военная и финансовая энергия США направлена на украинский и ближневосточный конфликт, что «на руку» Пекину, поскольку внимание Вашингтона отвлечено от усиления давления на Китай.

В свою очередь, Тайвань, чья экономика сильно зависит от КНР, не желает портить отношения с материковым Китаем, который является крупнейшим экспортным рынком для тайваньской продукции. И хотя между Пекином и Тайбэем нет согласия по вопросу суверенитета острова, они понимают важность взаимных экономических отношений и стараются их сохранить [Федорякин, Бирюков, 2023].

Тем не менее Тайбэй прилагает немало усилий, чтобы присоединиться к Соглашению о Транстихоокеанском партнерстве (*Trans-Pacific Partnership Agreement*), предусматривающему режим свободной торговли. Однако его заявка остается без рассмотрения, так как многие члены Соглашения не желают ухудшения отношений с КНР¹. На этом фоне Пекин продолжает делать все от него зависящее для мирного воссоединения с Тайванем, но при этом принципиально не отказываясь от применения силы в случае вмешательства третьих сторон в отношения «через Тайваньский пролив». Пекин расценивает это вмешательство как вторжение во внутренние дела КНР².

Соответствующее положение содержится в Белой книге о тайваньском вопросе, опубликованной канцелярией Госсовета КНР в 2022 г. В документе отмечается, что «внешние силы своими действиями накаляют обстановку в районе Тайваньского пролива и в Азиат-

¹ US and Taiwan draw closer with new trade pact opposed by China // CNN. May 18, 2023. URL: <https://edition.cnn.com/2023/05/18/asia/taiwan-us-reach-agreement-to-boost-trade-intl-hnk/index.html> (accessed: 04.02.2024).

² China Does Not Rule out Use of Force to Resolve Taiwan Crisis // News teleSUR English. October 15, 2022. URL: <https://www.telesurenglish.net/news/China-Does-Not-Rule-Out-Use-of-Force-To-Resolve-Taiwan-Crisis-20221015-0001.html> (accessed: 04.02.2024).

ско-Тихоокеанском регионе в целом»¹. Данный посыл прежде всего адресован Вашингтону, который официально заявляет о своей приверженности принципу «одного Китая», а на деле оказывает поддержку властям острова в их стремлении к независимости от КНР, тем самым нарушая одну из красных линий во взаимоотношениях с Пекином. Помимо этого, согласно действующему закону «Об отношениях с Тайванем», США допускают оказание военной помощи острову в случае угрозы его безопасности². Поэтому политическое противостояние между США и Китаем будет продолжаться, однако возможно и его временное «затухание».

Свидетельством последнего стало формирование в 2024 г. лидерами США и КНР «Видения Сан-Франциско» — плана, направленного на оздоровление отношений двух держав. Китай выразил готовность поддерживать принципы взаимовыгодного сотрудничества с США с целью достижения консенсуса в китайско-американском диалоге, который должен внести больше определенности в практическое сотрудничество сторон³.

Иного мнения придерживается американский посол в КНР Н. Бернс, который определил США и Китай как «систематических соперников», борющихся за глобальную и региональную власть и конкурирующих также и в экономическом плане⁴. Тайвань находится в фокусе интересов обеих держав, будучи для них поставщиком передовых полупроводниковых чипов, что играет важную роль в американо-китайском экономическом соперничестве [Чудодеев, 2009].

Чтобы снизить зависимость от тайваньских технологий, Китай и США развивают производство собственных полупроводников. Для этого китайское правительство запланировало к 2025 г. создание мощностей по выпуску микрочипов, обеспечивающему 70 % внутреннего потребления Китая, а также оно решило поощрить передовых производителей этой продукции освобождением от налогов в те-

¹ China releases white paper on Taiwan question, reunification in new era // The State Council of the PRC. August 10, 2022. URL: https://english.www.gov.cn/archive/whitepaper/202208/10/content_WS62f34f46c6d02e533532f0ac.html (accessed: 04.02.2024).

² Congress and Foreign Relations: The Taiwan Relations Act // Foreign Affairs. September 1, 1981. URL: <https://www.foreignaffairs.com/china/congress-and-foreign-relations-taiwan-relations-act> (accessed: 04.02.2024).

³ СМ.: World looks forward to seeing 'San Francisco vision' translated into reality: Global Times editorial // Global Times. Nov 17, 2023. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202311/1302014.shtml> (accessed: 04.02.2024).

⁴ US-China relations defined by rivalry but must include engagement, American ambassador says. AP, 15.12.2023. URL: <https://apnews.com/article/nicholas-burns-china-ambassador-95cf351a74e6fb30e6b87879f4549ba1> (accessed: 04.02.2024).

чение 10 лет. В свою очередь, США форсированными темпами строят предприятия по производству чипов на своей территории и активно переманивают тайваньских специалистов по микроэлектронике. Параллельно Вашингтон настойчиво подталкивает других производителей этой продукции к введению санкции против китайских компаний, специализирующихся на выпуске микрочипов.

Симптоматично, что жители Тайваня, получившие образование в тайваньских и американских вузах, в большей степени идентифицируют себя как тайваньцы, а не китайцы [Sen K., 2024]. Они верят в превосходство политических институтов острова по сравнению с институтами материкового Китая, и это «подпитывает» их настроения в пользу независимости Тайваня. Сейчас только 6,8 % тайваньцев поддерживают немедленное воссоединение с КНР, в то время как подавляющее большинство населения острова выступает за *status quo*, учитывая, что уровень благосостояния на Тайване гораздо выше, чем в материковом Китае¹.

Все это раздражает Пекин, который рассматривает данные процессы как угрозу суверенитету КНР, утверждаемому в китайско-американских договорах, в которых Белый дом признает позицию Китая о том, что «существует только один Китай, и Тайвань является частью Китая»².

Из-за нарушения *de facto* принципа «одного Китая» Пекин ограничил гражданские обмены с Тайванем и приложил дипломатические усилия по сокращению числа тех 12 государств, которые все еще признают независимость острова. Помимо этого, незадолго до выборов на Тайване — в декабре 2023 г. — Китай возобновил практику наложения импортных пошлин на 12 экспортируемых Тайванем товаров, которые до этого поставлялись в КНР свободно согласно двустороннему рамочному соглашению об экономическом сотрудничестве между Китаем и Тайванем³. А после тайваньских выборов в

¹ Taiwan election: Many young voters say China is not their biggest concern // CNN. Jan 10, 2024. URL: <https://edition.cnn.com/2024/01/10/asia/taiwan-election-young-voters-china-intl-hnk/index.html> (accessed: 04.02.2024).

² China urges U.S. strictly observe one-China principle // Beijing Review. August 18, 2022. URL: https://www.bjreview.com/Latest_Headlines/202208/t20220818_800303962.html (accessed: 04.02.2024).

³ 国务院关税税则委员会发布公告决定中止《海峡两岸经济合作框架协议》部分产品关税减让 [Комиссия по таможенным тарифам Госсовета опубликовала заявление и решила приостановить действие тарифных льгот на некоторые товары в рамках «Рамочного соглашения об экономическом сотрудничестве между сторонами Тайваньского пролива»] // 中华人民共和国财政部 [Министерство финансов КНР]. 21.12.2023. URL: https://gss.mof.gov.cn/gzdt/zhengcejie du/202312/t20231221_3923284.htm (дата обращения: 04.02.2024).

январе 2024 г. Китай ввел санкции против пяти американских оборонных компаний за очередные поставки оружия Тайваню¹. В свете данных обстоятельств директор Института Китая и современной Азии РАН К. Бабаев заявил, что: «...результаты выборов 13 января заложили мину замедленного действия под ситуацию вокруг острова... Ситуация не разрешилась — напротив, она продолжает обостряться»².

Изложенное выше наводит на мысль о вероятности и того сценария, который связан с нагнетанием военно-политической напряженности в регионе.

Рост военно-политической напряженности в АТР

По мере роста мирового могущества Китая, в США крепнет убеждение, что именно КНР, а не Россия, является главной угрозой для американских национальных интересов. Это породило «антикитайский консенсус» в органах власти США. И если на президентских выборах в ноябре 2024 г. победит Д. Трамп, являющийся сторонником «жесткой силы» в отношении Китая, то взаимные консультации по вопросу о будущем Тайваня сведутся к минимуму. Свой «вклад» здесь внесет и сложившаяся протайваньская позиция ряда конгрессменов США, от которых в случае возвращения Д. Трампа в Белый дом можно ожидать инициирования законопроектов и резолюций, противоречащих плану «Видение Сан-Франциско».

Раздувание провокационной шумихи в американских СМИ под жупелом «сегодня Украина, завтра Тайвань» тоже может послужить для вашингтонских «ястребов» поводом для обострения ситуации вокруг Тайваня как способа сдержать рост КНР. Подконтрольные им спецслужбы США способны расширить антикитайскую пропаганду на острове, делая ставку на чувствах «тайваньской идентичности» молодежи, чтобы ее силами спровоцировать мятеж по образцу волнений в Гонконге в 2019 г. [Kerim Sen, 2024]

¹ 外交部发言人就反制美国向中国台湾地区出售武器, 制裁中国实体答记者问 [Представитель МИД ответил на вопросы журналистов о противодействии продаже США оружия тайваньскому региону Китая и введении санкций против китайских предприятий] // 中华人民共和国外交部 [Министерство иностранных дел КНР]. 07.01.2024. URL: https://www.mfa.gov.cn/web/fgbt_673021/202401/t20240107_11219408.shtml (дата обращения: 04.02.2024).

² Новости Института Китая и современной Азии РАН // Пресс-служба ИКСА РАН, 19.01.2024. URL: <https://mail.yandex.ru/?uid=68109018#message/185210534675684250> (дата обращения: 05.03.2023).

Помимо этого, Госдепартамент США одобрил продажу Тайваню боеприпасов для истребителей F-16 на сумму 619 млн долл.¹ Пентагон планирует увеличить численность своих военнослужащих на Тайване более чем в три раза, а в январе 2024 г. он перебросил на Филиппины топливо с военной базы на Гавайях². И это — лишь дополнение к тому важнейшему факту, что США превратили японский о. Окинава в «непотопляемый авианосец», на котором сосредоточено около 500 самолетов и 57 тыс. военнослужащих. Командующий окинавской группировкой направил подчиненным памятку с информацией о приближающейся войне США с Китаем, к которой следует готовиться³.

Видимо, в рамках этой подготовки в 2023 г. были проведены американо-филиппинские маневры *Balikatan* на Филиппинах и в их акватории в Южно-Китайском море, а также учения морской пехоты США в Южной Калифорнии для отработки действий против «врага на острове в Тихом океане»⁴. Газета *The New York Times* пояснила, что под «островом» подразумевается Тайвань, а противником следует считать Китай⁵. Помимо этого, министр ВВС США Ф. Кендалл заявил, что «если сил США для сдерживания Китая на Тайване окажется недостаточно, то может разгореться война»⁶.

Пекин внимательно следит за эскалацией военных приготовлений США в АТР и сосредотачивает основные силы НОАК на юге Китая. В рамках реализации концепции «обороны в ближних морях» наращиваются боевые возможности китайских ВМС, которые призваны обеспечить их господство в приграничных КНР акваториях [США—Китай, 2018]. Данная активность имеет особое значение в свете создания системы стратегического сдерживания потенциальных

¹ Wu H. US approves selling Taiwan munitions worth \$619 million // *Abc News*. March 2, 2023. URL: <https://abcnews.go.com/US/wireStory/us-approves-selling-taiwan-munitions-worth-619-million-97571796> (accessed: 03.03.2023).

² U.S. says fuel shipment to Philippines coordinated with authorities // *Reuters*. Jan 1, 2024. URL: <https://www.reuters.com/business/energy/us-says-fuel-shipment-philippines-coordinated-with-authorities-2024-01-11/> (accessed: 05.03.2023).

³ U.S. four-star general warns of war with China in 2025 | *Reuters*. January 28, 2023. URL: <https://www.reuters.com/world/us-four-star-general-warns-war-with-china-2025-2023-01-28/> (accessed: 05.03.2023).

⁴ U.S., Philippines launch military exercise as China ends drills around Taiwan // *Washington Times*. Jan 11, 2024.

⁵ To Prepare for a Pacific Island Fight, Marines Hide and Attack in California // *The New York Times*. March 5, 2023. URL: <https://www.nytimes.com/2023/03/05/us/marines-china-pacific.html> (accessed: 05.03.2023).

⁶ Air Force Claims China is preparing for a War with the U.S // *Survival*. September 13, 2023. URL: <https://beforeitsnews.com/survival/2023/09/air-force-claims-china-is-preparing-for-a-war-with-the-u-s-2790798.html> (accessed: 05.03.2023).

агрессоров, о котором было объявлено в докладе Си Цзиньпина на XX съезде КПК¹.

Правительство КНР в 2023 г. увеличило военный бюджет страны на 7,2 %². Благодаря этому НОАК опережает ВС США по количеству бомбардировщиков, крылатых ракет средней и меньшей дальности наземного базирования, танков, артиллерийских систем и пр. [Морозов, Батюк, 2022]. А в таких областях, как беспилотные летательные аппараты, средства ведения войны в космосе и киберпространстве Китай активно догоняет США.

В Южно-Китайском море за счет создания искусственных участков суши и строительства на них военных объектов Пекину удалось создать ситуацию, позволяющую практически игнорировать любые действия других претендентов на спорные пространства и выступать с сильных переговорных позиций по поводу будущего Тайваня.

В варианте несилового присоединения Тайваня стратегия Пекина фундируется тем, что растущая экономическая и военная мощь КНР в конечном итоге приведет остров к мирному объединению с материковым Китаем³. Задействуя пропагандистские рычаги, китайские власти стараются привить тайваньскому населению мысль, что оно и жители материка принадлежат к одной и той же этнической общности и потому должны быть едины [Freeman Ch., 2011]. Это примечательным образом перекликается с Белой книгой Тайваня 2022 года, в которой говорится, что независимо от того, какая политическая партия или группа будет находиться у власти на Тайване, она не сможет изменить тенденцию к национальному воссоединению⁴.

Заключая этот раздел, отметим, что Китай тщательно анализирует опыт ведения боевых действий на Украине, чтобы лучше понимать,

¹ 20th CPC National Congress concludes in Beijing, Xi Jinping presides over closing session and delivers important speech // Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. Oct 22, 2022. URL: https://www.fmprc.gov.cn/eng/zxxx_662805/202210/t20221024_10790661.html (accessed: 04.03.2023).

² Cheng E. China to increase defense spending by 7, 2 % // CNBC. March 5, 2023. URL: <https://www.cnbc.com/2023/03/05/china-defense-budget-two-sessions.html> (accessed: 05.03.2023).

³ 中共南海島礁建設 對我海軍軍事戰略之影響 [Влияние строительства КПК островов и рифов в Южно-Китайском море на нашу военно-морскую стратегию] // 中華民國海軍 [ВМС Китайской Республики]. 2018. URL: <https://navy.mnd.gov.tw/Files/Paper/5-中共南海島礁建設.pdf> (дата обращения: 04.02.2024).

⁴ [Тайваньский вопрос, мирное объединение с Китаем. Белая книга]. 10.08.2022. URL: https://www.gov.cn/zhengce/2022-08/10/content_5704839.htm (дата обращения: 10.03.2024).

как надо действовать в случае силового присоединения Тайваня, и это наталкивает на мысль, что военный сценарий присоединения острова к Китаю тоже не стоит сбрасывать со счетов.

Аргументы за и против силового присоединения острова к Китаю

Китайское руководство может прибегнуть к силовому присоединению Китая в двух случаях:

- если Лай Циндэ сумеет побудить Законодательный Юань выступить с инициативой проведения референдума о независимости и Тайвань станет суверенной республикой (что маловероятно, ибо Юань сейчас находится под контролем оппозиционных Лаю Циндэ сил);
- если Тайбэй заключит с Вашингтоном военный союз и тот попытается разместить на острове свои военные базы. Это будет означать неудачу стратегии мирного присоединения острова к Китаю, в ответ на что Пекин прибегнет к силовому решению вопроса.

В отечественных и зарубежных СМИ военный сценарий рассматривается во множестве статей, однако никто из авторов, думается, не обладает знанием реальных планов Министерства обороны КНР.

Чтобы найти ответ, к чему может привести война за Тайвань, эксперты из *Stimson Center* создали алгоритм, имитирующий 24 различных сценария военных действий за Тайвань с учетом состава группировок войск конфликтующих сторон.

В большинстве случаев алгоритм показал, что Китай не сможет быстро захватить остров и военный конфликт примет затяжной характер, в котором противостоящие стороны понесут значительные потери¹. Косвенным аргументом «в пользу» длительности конфликта служат реалии спецоперации ВС РФ на Украине, которую планировалось завершить быстро, однако сроки ее завершения до сих пор неясны.

Существует множество доводов *против* силового присоединения острова к Китаю. Назовем лишь некоторые из них.

Во-первых, при битве за остров соотношение военных потенциалов сложится не в пользу Китая. Ему будет противостоять самые мощные вооруженные силы в лице первой мировой экономической

¹ Manning Robert A. Is a Chinese Invasion of Taiwan the Most Likely Scenario? // Stimson Center. October 27, 2023. URL: <https://www.stimson.org/2023/is-a-chinese-invasion-of-taiwan-the-most-likely-scenario> (accessed: 05.03.2023).

державы и экономически развитых военных союзников США. Поэтому силовой сценарий присоединения острова грозит Пекину высокими экономическими и военными потерями. И военное развитие событий может разрушить имидж Китая как миротворца, который в 2023 г. добился дипломатического примирения Ирана и Саудовской Аравии.

Во-вторых, на данный момент силовой сценарий для Вашингтона тоже не «интересен», ибо для того, чтобы ввязаться в битву за Тайвань, ему необходимо, чтобы сначала завершились военные конфликты на Украине и в Палестине. Вашингтон уже потратил 113,4 млрд долл. для поддержки Киева¹, а его военная помощь Тель-Авиву достигает 16 % оборонного бюджета Израиля². И если эти конфликты будут продолжаться, то у армии США может не хватить сил на «третий фронт» в виде битвы за Тайвань. Вместо этого Вашингтон будет вести курс на политическое сдерживание Китая, используя для этой цели трибуну ООН и антикитайские санкции, а также расширяя поставки техники и вооружений для своих союзников, чтобы именно их руками воевать с Китаем, как это он делает на Украине. Однако часть проамериканской «клиентелы», скорее всего, откажется участвовать в конфликте за Тайвань [Степанов, 2022].

В-третьих, битву за остров Китаю придется вести самостоятельно, так как создание военно-политического союза с Россией противоречит принципам его антиблоковой внешней политики. Возможно, что Москва будет помогать Пекину в сферах, аналогичных тем, которые он задействует для оказания помощи России в ходе СВО.

Помимо этого, РФ географически является стратегическим тылом КНР и играет важную роль в диверсификации источников сырья для китайской экономики, особенно в случае блокирования путей поставки энергоресурсов из стран Персидского залива через Малаккский пролив силами 6-го флота ВМС США.

В-четвертых, для успешного силового присоединения острова к материковому Китаю Пекину будет необходимо провести воздушно-морскую десантную операцию и организовать ее непрерывное снабжение аналогично американско-английской операции по высадке войск союзников в Нормандии в 1943 г. А опытом проведения таких

¹ How much money has the US given Ukraine? // Usafacts.org. March 7, 2024. URL: <https://usafacts.org/articles/how-much-money-has-the-us-given-ukraine-since-russias-invasion> (accessed: 05.04.2024).

² Wolf Christopher. How Much Aid Does the U.S. Give to Israel? // U.S. News. Oct 10, 2023. URL: <https://www.usnews.com/news/best-countries/articles/2023-10-10/how-much-aid-does-the-u-s-give-to-israel> (дата обращения: 05.03.2024).

операций Китай не обладает, и вообще в последний раз он воевал 40 лет тому назад с Вьетнамом, и так ослабленным войной с США.

Не стоит забывать о том, что авиация ВВС и корабли ВМС НОАК построены по советским лекалам и новые образцы или скопированы с российских, или являются их «зарубежным» вариантом, что снижает их технические характеристики, необходимые для ведения боевых действий в XXI в.

В количественном отношении ВС США обладают преимуществом над НОАК в таких видах вооружений, как атомные подводные лодки, авианосцы, десантные корабли, самолеты морской разведки, ударные и транспортные вертолеты и т. д.

В-пятых, опыт англо-аргентинской войны за Фолкленды в 1982 г. свидетельствует о том, что маневрирующими ракетами можно поразить любой военный корабль, и особенно — авианосец. Поэтому китайские авианосцы «Ляонин», «Шаньдун» и «Фуцзянь», равно как и авианосные ударные группировки ВМС США, с началом военных действий будут подвергнуты ударам такими ракетами. Но если системы разведки, стоящие на вооружении ВС США и НОАК, заблаговременно обеспечат их данными о том, что противник начал развертывание ударных группировок на избранных направлениях, то тогда цели будут поражаться высокоточным оружием, авиацией и дронами-камикадзе, как это происходит в военном конфликте на Украине.

В-шестых, битва за остров нанесет серьезный ущерб не только КНР и США, но и глобальной торговле, и мировой финансовой системе. Произойдет падение курса юаня, к которому привязаны финансовые операции многих стран Восточной и Юго-Восточной Азии. Также нарушатся цепочки поставок на мировые рынки товаров из КНР, чей ВВП на 1/3 обеспечивается товарным экспортом. И если в ответ на вторжение на Тайвань мировое сообщество ужесточит санкции против Китая, то это негативно скажется не только на его экспорте, но и на уровне жизни населения в самой КНР. Снижится его покупательная способность, что может быть невыгодно экспортерам из США, так как Китай — это громадный рынок сбыта американской продукции и экономика США зависима от национального хозяйства КНР.

И последний аргумент *против* силового сценария таков: США и КНР являются ядерными державами, и если они во время битвы за Тайвань перейдут к применению атомного оружия, то на планете настанет «ядерная зима», а это не выгодно никому.

Из этого можно сделать вывод, что в ближайшей и среднесрочной перспективе сценарий силового присоединения острова к КНР мало-

вероятен, так как он не соответствует интересам ни Пекина, ни Тайбэя, ни Вашингтона. Возможно, ситуация побудит их совместными усилиями изыскать консенсусный вариант будущего острова.

* * *

Суммируя вышеизложенное, следует согласиться с тем, что будущее Тайваня является одной из ключевых проблем в китайско-американских отношениях главным образом из-за двойственности политики США. Соединенные Штаты негласно поддерживают стремление Тайваня к независимости от материкового Китая, прекрасно зная, что КНР считает возвращение «мятежной провинции» в лоно Родины своим фундаментальным интересом.

После победы на выборах на Тайване в 2024 г. Лая Циндэ, ориентированного на независимость острова, Китай усилил давление на тайваньские власти с целью побудить их отказаться от идеи суверенитета. Это само по себе может повлечь за собой эскалацию напряженности в американо-китайских отношениях и окончательно превратить Азиатско-Тихоокеанский регион в арену геополитической борьбы США и КНР.

Осознавая это, США укрепляют отношения со своими союзниками по *QUAD* и *AUKUS*, при этом продолжая поставки военной техники Тайваню. КНР же считает данную активность вмешательством во внутренние дела КНР и угрозой для ее национальной безопасности.

В итоге можно констатировать, что будущее Тайваня зависит от того, найдут ли Пекин, Тайбэй и Вашингтон эффективный путь взаимодействия по рассматриваемому вопросу. В обратном случае развитие ситуации может породить новые, доселе не виданные риски.

Библиографический список

Кашин В.Б. Китайский и тайваньский политический лоббизм в США и военно-политическая ситуация в зоне Тайваньского пролива : Дис. ... канд. полит. наук : 23.00.04. Москва, 2005. 144 с.

Лексютина Я.В. Проблема Тайваня во внешней политике США на современном этапе: автореферат дис. ... канд. полит. наук: 23.00.04. Санкт-Петербург, 2008. 23 с.

Линь Я. Политика КНР в отношении проблемы Тайваня в XXI веке // Казанский вестник молодых ученых. 2019. № 4 (12). С. 138.

Морозов Ю.В., Батюк В.И. Стратегический треугольник РФ—КНР—США: вызовы и перспективы безопасности России. Москва: ИКСА РАН, 2022. 544 с.

Полякова Т.В. Эволюция фактора Тайваня в отношениях между США и КНР // Аналитические доклады. 2014. Вып. 3 (42). М.: МГИМО-Университет. 31 с.

Степанов А.С. Значение Тайваня в современной военной политике США в отношении Китая // Россия и Америка в XXI веке. Спецвыпуск. 2022.

Федорякин К.В., Бирюков Н.Г. Тайваньский вопрос в контексте противостояния Китая и Запада // Вестник науки. 2023. Т. 2. № 2 (59). С. 145—251.

Цветков И.А. Политика США по отношению к тайваньской проблеме, 1949—1999 гг. : Дис. ... канд. ист. наук : 07.00.15. М., 2000. 268 с.

Чудодеев, Ю.В. Проблемы и перспективы экономического сотрудничества России и Китая // Электронный информационный портал «Русский интеллектуальный клуб», 2009. URL: <https://rikmosgu.ru/publications/3559/4447?mode=print&> (дата обращения: 20.04.2024).

Янь Бинглян. Политика США по отношению к Тайваню в 2002—2018 гг. // Актуальные проблемы международных отношений и глобального развития. 2021. С. 181—296.

References

Chudodeev, Yu.V. (2009). Problemy i perspektivy ekonomicheskogo sotrudnichestva Rossii i Kitaya [Problems and prospects for economic cooperation between Russia and China], *Elektronnyj informacionnyj portal «Russkij intellektual'nyj klub» [Electronic information portal “Russian Intellectual Club”]*. URL: <https://rikmosgu.ru/publications/3559/4447?mode=print&> (accessed: April 20, 2024). (In Russian).

Fedoryakin K.V.; Biryukov N.G. (2003). Tajvan'skij vopros v kontekste protivostoyaniya Kitaya i Zapada [The Taiwan question in the context of the confrontation between China and the West], *Vestnik nauki [Bulletin of Science]: 2: 2 (59): 145—251*. (In Russian).

Kashin, V.B. (2005). Kitajskij i tajvan'skij politicheskij lobbizm v SShA i voenno-politicheskaya situacija v zone Tajvan'skogo proliva [Chinese and Taiwanese political lobbying in the USA and the military-political situation in the Taiwan Strait zone]: PhD Diss. Moscow, 144 s. (In Russian).

Leksyutina, Ya.V. (2008). Problema Tajvanya vo vneshnej politike SShA na sovremennom etape [The problem of Taiwan in US foreign policy at the present stage]: abstract of PhD Diss. St.Petersburg, 23 s. (In Russian).

Lin Ya (2019). Politika KNR v otnoshenii problemy Tajvanya v XXI veke [Policy of the People's Republic of China regarding the problem of Taiwan in the 21st century], *Kazanskij vestnik molodyh uchenyh [Kazan Bulletin of Young Scientists]: 4 (12): 138*. (In Russian).

Morozov, Yu.V.; Batyuk, V.I. (2022). Strategicheskij treugol'nik RF — KNR — SShA: vyzovy i perspektivy bezopasnosti Rossii [Strategic triangle of the Russian Federation — China — USA: challenges and prospects for Russian security], *Moscow: ICCA RAS*, 544 p. (In Russian).

Polyakova, T.V. (2014). Evolyuciya faktora Tajvanya v otnosheniyah mezhdru SShA i KNR [The evolution of the Taiwan factor in relations between the United States and China], *Analiticheskie doklady [Analytical reports]*, Moscow: MGIMO-Universitet, 31 p. (In Russian).

Stepanov, A.S. (2022). Znachenie Tajvanya v sovremennoj voennoj politike SShA v otnoshenii Kitaya [The importance of Taiwan in modern US military policy towards China], *Rossiya i Amerika v XXI veke. Specvypusk [Russia and America in the XXI century. Special issue]*. (In Russian).

Tsvetkov, I.A. (2000). Politika SShA po otnosheniyu k tajvan'skoj probleme, 1949—2999 gg. [US policy towards the Taiwan issue, 1949—2999]: *PhD Diss*, Moscow, 268 p. (In Russian).

Yan Bingliang (2021). Politika SShA po otnosheniyu k Tajvanyu v 2002—2018 gg. [US policy towards Taiwan 2002—2018], *Aktual'nye problemy mezhdunarodnyh otnoshenij i global'nogo razvitiya [Current problems of international relations and global development]*: 181—296. (In Russian).

* * *

Bush, R. (2013). Uncharted Strait: The Future of China-Taiwan Relations, *Brookings Institution Press*, Feb 4. URL: <https://www.brookings.edu/articles/uncharted-strait-the-future-of-china-taiwan-relations> (accessed: April 20, 2024).

Freeman, Chas W. (2011). The Taiwan Problem and China's Strategy for Resolving It, *Brown University*, September. DOI: 10.13140/RG.2.2.13272.62724. URL: <https://www.researchgate.net/publication/355970143> (accessed: April 20, 2024).

Liao Xianmo (2015). Mǎ zhèngfǔ 'huólù wàijiāo'yǔ 'wàijiāo xiū bīng' de zhèngzhì mí sī, 廖显谟: 马政府「活路外交」与「外交休兵」的政治谜思, [The Political Mystery of the Ma Government's «Live Diplomacy» and «Diplomatic Truce»], *Táiwān guójì yánjiū jìkān*, 台湾国际研究季刊 [*Taiwan International Studies Quarterly*]: 4: 186.

Qu Zhizhuo (2022). Táiwān zìjiù de “háozhū zhànlüè”, 曲志卓. 台湾自救的“豪猪战略” [Taiwan's «Porcupine Strategy» for Self-Saving], *Dà jìyuán*, 大纪元 [*Epoch Times*]. URL: <https://www.epochtimes.com/gb/22/11/21/n13870243.htm> (accessed: April 20, 2024).

Roy, Denny (2003). Taiwan: A Political History, *Ithaca and London: Cornell University Press*, 256 p.

Sen, Kerim (2024). Democratic Backsliding and Social Education, *Cambridge Scholars Publishing*. URL: <https://www.researchgate.net/publication/375999601> (accessed: April 20, 2024).

Tan, A. T. H. (2020). The Taiwan issue and small state survival / B. Schreer, & A. T. H. Tan (Eds.), *The Taiwan issue: problems and prospects* (pp. 12—27). *Routledge, Taylor and Francis Group*. URL: <https://researchers.mq.edu.au/en/publications/the-taiwan-iss-ue-and-small-state-survival> (accessed: April 20, 2024).

Н.А. Замараева

ПАКИСТАН И АМЕРИКАНО-КИТАЙСКОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ

Аннотация. Агрессивная позиция президента США Дж. Байдена, как и его предшественника Д. Трампа, по отношению к Пекину и курс на сдерживание КНР отражают политический консенсус в США относительно допустимости такого «поведения» в американо-китайских отношениях. В формировании военных блоков, например *AUKUS*, Китай видит риск обострения гонки вооружений в Азиатско-Тихоокеанском регионе и подрыва мира и стабильности, против чего выступает не только Китай, но и Пакистан и другие страны региона.

Начиная с 2017 г. США объявили торговую войну Поднебесной, вводя повышенные тарифы на импорт китайских товаров. Пекин выступает против политизации и милитаризации экономических, торговых и технологических проблем.

Злоупотребление санкциями и подавление китайских предприятий серьезно нарушили глобальные производственные цепочки и цепочки поставок; давление Вашингтона на торговлю и технологии не ослабевает. Китай неоднократно призывал США «...не вмешиваться во внутренние дела, не сдерживать развитие Китая и не наступать на красную линию Китая в отношении суверенитета, безопасности и интересов развития Китая»¹.

¹ US department of State. Secretary Antony J. Blinken And People's Republic of China Director of the Chinese Communist Party Central Foreign Affairs Commission and Foreign Minister Wang Yi Before Their Meeting. BEIJING, CHINA. APRIL 25, 2024. US Department of State. URL: <https://www.state.gov/secretary-antony-j-blinken-and-peoples-republic-of-china-director-of-the-chinese-communist-party-central-foreign-affairs-commission-and-foreign-minister-wang-yi-before-their-meeting/> (accessed: 25.06.2024).

Пакистан имеет тесные экономические связи как с Соединенными Штатами, так и с Китаем, что поставило его в сложное положение, поскольку США и Китай вступили между собой в дорогостоящую торговую войну.

США — крупнейший торговый партнер Пакистана, и они поддерживали получение Пакистаном займов в МВФ.

В целом Исламабаду удастся балансировать между двумя крупнейшими экономиками мира.

Ключевые слова: Пакистан, Китай, США, торговые войны, санкции.

Автор: *Замараева Наталья Алексеевна*, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт востоковедения РАН, (адрес: 107031, Москва, ул. Рождественка, 12).

ORCID: 0000-0003-2457-0000. E-mail: olunja@mail.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

N.A. Zamaraeva

Pakistan and the US-China confrontation

Abstract. The aggressive position of US President Joe Biden, like his predecessor Donald Trump, towards Beijing and the policy of containing China reflected the political consensus in the United States. In the formation of military blocs, for example, AUKUS, China sees the risk of exacerbating the arms race in the Asia-Pacific region, undermining peace and stability. China, Pakistan and other countries in the region oppose this.

Since 2017, the United States declared a trade war on China, imposing increased tariffs on Chinese goods. Beijing opposed the politicization and weaponization of economic, trade and technological issues.

Abuse by sanctions and suppression of Chinese enterprises have seriously disrupted global production and supply chains; Washington's pressure on trade and technology remains unrelenting.

China has repeatedly «...urge the United States not to interfere in China's internal affairs, not to hold China's development back, and not to step on China's red lines on China's sovereignty, security, and development interests»¹.

Pakistan has close economic ties with both the United States and China, what has put Islamabad in a difficult position as the two countries engage in a costly trade war.

The US is Pakistan's largest trading partner; they supported Pakistan in obtaining loans from the IMF.

¹ Ibidem.

On the whole, Islamabad manages to balance between two of the world's largest economies.

Keywords: Pakistan, China, USA, trade wars, sanctions.

Author: Natalia A. ZAMARAEVA, Ph.D. (History), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (address. Rozhdestvenka st., 12, Moscow, Russian Federation). ORCID: 0000-0003-2457-0000. E-mail: olunja@mail.ru

Conflict of interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

Пакистан со второй декады XXI в., в противоречие собственным национальным интересам, оказался втянутым в жесткое противостояние двух крупнейших экономик мира — США и Китая, которые, будучи геополитическими противниками, одновременно являются приоритетными торговыми и ведущими военными партнерами Исламабада.

Это поставило Пакистан в сложное положение, поскольку США и Китай вступили между собой в дорогостоящую торговую войну¹.

Выгодное географическое положение Пакистана, его территориальные просторы, россыпь полезных ископаемых, включая редкоземельные металлы во внутренних районах страны, километры морского побережья, дешевая рабочая сила, мощная, а именно десятая армия в мире с ее ядерной программой лишь усиливают значение Пакистана в глазах США и Китая.

Ключевой задачей Исламабада на глобальном уровне является недопущение той ситуации, когда Пакистан может оказаться в эпицентре американо-китайской конфронтации, которая на современном этапе стала влиятельной глобальной тенденцией. Одним из проявлений конфронтации двух держав является их торговая война.

Торговая война между США и Китаем, начавшаяся еще в 1970-х годах, в 2017 г. вступила в стадию высокой интенсивности в связи с тем, что по инициативе президента Д. Трампа были введены повышенные тарифы в отношении китайских товаров, а также санкции против китайских контрагентов. Ряд ведущих китайских компаний был резко ограничен в возможностях ведения бизнеса с США. Масштабная торговая война против Китая принесла огромный ущерб КНР и большие прибыли США. Д. Трамп не раз в своих выступлениях упоминал о миллиардах долларов, которые получил бюджет США благодаря санкциям, принятым во время его президентского срока.

¹ US urges Pakistan to prioritise, expand economic reforms // Business Recorder. April 17.2024. URL: <https://www.brecorder.com/news/40298949> (accessed: 17.06.2024).

Китайская продукция, будучи вполне приемлемого качества и доступной цены, отвечает интересам массового покупателя. Американские же товары не обладают дружественным для потребителя соотношением «цена—качество». И вместо того, чтобы принять факт превосходства Китая по ряду торговых возможностей, США стремятся его «сдержать» (см.: [Сафронова Е.]).

Тарифы, введенные президентом Дж. Байденом в мае 2024 г. на период 2024—2026 гг., показали рост по таким позициям, как полупроводники (с 25 до 50 %), отдельные марки стали, продукция из алюминия (с 7,5 до 25 %), электромобили (с 25 до 100 %), литиевые батареи и критически важные минералы (7,5 до 25 %), солнечные батареи (25 до 50 %), судно-береговые краны (с 0 до 25 %) и ряд медицинских и хирургических изделий (с 7,5 до 25 %).

Но ни США, ни Китай не могут позволить себе даже локальный вооруженный конфликт, не говоря о полномасштабной войне, учитывая, насколько переплетены их экономики. США являются крупнейшим потребителем китайской продукции, но главное, они задолжали Китаю — своему основному стратегическому противнику — триллионы долларов. Более того, в США находится влиятельное прокитайское лобби в лице таких компаний, как *Boeing*, *Apple* и *Ford*, которые в свою очередь обеспечивают высокие продажи своей продукции в Китае [Петровский В.].

Одновременно Поднебесная стремится углубить политические и экономические связи с Европой, чтобы скомпенсировать неконструктивность отношений со своим конкурентом по другую сторону Атлантики — США. Подтверждением этому стал визит председателя КНР Си Цзиньпина во Францию, Венгрию и Сербию в мае 2024 г.

Мир не стоит на месте. В условиях нестабильности мира с его растущей геополитической напряженностью и сменой международного порядка, последствия мировых и региональных событий носят комплексный и многовекторный характер.

Мир стоит перед лицом такого сложного процесса, как переход от однополярности к многополярности и перенос геополитического и экономического веса с Европы в сторону Евразии и Азии.

Усиливается соперничество между блоковой концепцией безопасности (цель — продвигать интересы США в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Именно блоковую, силовую политику председатель КНР Си Цзиньпин считает угрозой миру и безопасности¹) и более

¹ Си Цзиньпин перечислил мировые угрозы // РБК. Май 16, 2024. URL: <https://news.mail.ru/politics/61092016/?frommail=1> (accessed: 16.06.2024).

гибкой, инклюзивной концепцией многополярности, поддерживаемой глобальным большинством.

Результатом перераспределения сил на мировой арене и отхода от однополярности, по словам тогдашнего министра иностранных дел Пакистана Хины Раббани Хар, стало то положение, когда «глобальный порядок безопасности перешел в состоянии беспорядка ... Военные расходы достигли новых высот. Гонка вооружений очевидна во многих областях. Усилия по разработке и развертыванию новых технологий и систем вооружения идут полным ходом, милитаризируя космическое и киберпространство»¹.

Противостояние США и Китая в регионе Западной и Центральной Азии протекает по нескольким направлениям, среди которых:

- борьба за влияние на энергоресурсном Ближнем Востоке;
- иранская ядерная программа;
- борьба за влияние в Афганистане в силу его стратегически значимого географического положения и богатства редкими минералами и элементами.

Пакистан осознает свою ответственность в деле строительства новой архитектуры безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Посол Пакистана в США признал, что было бы «роковой ошибкой игнорировать наши обязательства в Южной Азии в отношении регулирования и разрешения конфликтов, регионального сдерживания, механизмов реагирования и стратегической стабильности»².

Потерю своей стратегической значимости после вывода коалиционных войск США/НАТО из Афганистана в августе 2022 г. Пакистан переживал тяжело. И это несмотря на то, что отношения с США во время антитеррористической кампании (2001—2021) отличались тесным сотрудничеством и при этом — глубоким взаимным недоверием.

Большинство стран резко ослабили дипломатические, военные и информационные связи с Пакистаном. Образовавшийся вакуум международного внимания к Исламабаду усугублялся глубоким политическим и экономическим кризисом в стране; провалом афганского вектора внешней политики в последующие годы; понижением статуса дипломатических отношений и «замораживанием» торговых свя-

¹ Conference on disarmament continues high-level segment // United Nations. The United Nations Office at Geneva. March 02, 2023. URL: <https://www.ungeneva.org/en/news-media/meeting-summary/2023/03/conference-disarmament-continues-high-level-segment-0> (accessed: 02.06.2024).

² Pakistan-US fostering broad-based ties as confidence grows: ambassador // Pakistan today. November 03, 2022. URL: <https://www.pakistantoday.com.pk/2022/11/03/pakistan-us-fostering-broad-based-ties-as-confidence-grows-ambassador/> (accessed: 03.06.2024).

зей с Индией; неясными перспективами строительства газопровода с Ираном на фоне резкой нехватки углеводородного сырья в стране; отказом в инвестициях со стороны монархий Персидского залива и др.

Настораживающим обстоятельством для Исламабада стало дипломатическое молчание Вашингтона с осени 2018 по апрель 2022 г. Тогда Имран Хан, получивший пост премьер-министра по итогам всеобщих парламентских выборов в августе 2018 г., так и не дождался традиционного телефонного звонка от президента США. И только когда политическая оппозиция настояла на вотуме недоверия главе кабинета министров и на его отставке, Вашингтон вернул в Исламабад посла США весной 2022 г. Тогдашний новый министр иностранных дел Билавал Бхутто-Зардари четыре раза за свою 16-месячную каденцию летал с визитом в США, наверстывая упущенное.

Отношения Пакистана и США в настоящее время не обусловливаются реалиями афганской проблематики или состоянием диалога Исламабада с Нью-Дели; две страны поддерживают автономные отношения на широкой основе, в отличие от прошлого, когда в основу политики США в регионе был положен принцип максимального учета индийского фактора¹.

Признав своей стратегической ошибкой полный уход из Афганистана в августе 2021 г. (закрытие посольства США в Кабуле, вывод американских войск и т. д.), США в настоящее время «возвращаются» в регион, усиливая давление на Исламабад, так как именно в нем видят опору, имея рычаги влияния на него. В марте 2024 г. на сенатских слушаниях вновь было отмечено, что «Пакистан остается внеблоковым стратегическим партнером США»².

С момента подписания пакета инвестиционных проектов Китайско-пакистанского экономического коридора (КПЭК) в 2015 г. Вашингтон настаивал на раскрытии ряда статей договоров, в частности финансовых. КПЭК, успешно завершивший первый этап в 2022 г. (ввод в эксплуатацию 21 инфраструктурных и энергетических проектов), остается «пакистанским вызовом» в торговой войне между США и Китаем.

¹ Pakistan-US fostering broad-based ties as confidence grows: ambassador // Pakistan today. November 03, 2022. URL: <https://www.pakistantoday.com.pk/2022/11/03/pakistan-us-fostering-broad-based-ties-as-confidence-grows-ambassador/> (accessed: 03.06.2024).

² Pakistan After Elections: Examining the Future of Democracy in Pakistan & US-Pakistan Relationship // Youtube. March 20, 2024. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=0vvH1Rzd0jM> (accessed: 20.06.2024).

Давление США на Пакистан было усилено еще в 2018—2019 гг. в рамках Механизма расширенного финансирования для Пакистана (МРФП). 3 июля 2019 г. Исполнительный комитет МВФ одобрил соглашение о выделении стране 6 млрд долл. сроком на пять лет. Благая цель оказать финансовую помощь для восстановления и укрепления экономической устойчивости Пакистана, избежать дефолта и пр. со временем переросла в управление его экономическими реформами путем выдвижения политических требований, таких как невмешательство генералитета в работу Специального совета по привлечению иностранных инвестиций (2023), корректировка 18-й поправки к Конституции (2010) (о расширении конституционных прав провинций за счет федерального центра), сокращение финансирования проектов КПЭК и т. д.

Выдавая кредиты под жесткие условия, МВФ выражал уверенность, что согласованная сторонами программа будет иметь целью снижение экономической уязвимости, обеспечение устойчивого роста, укрепление государственных институтов¹.

Международный валютный фонд постоянно настаивал на проведении социально-экономических реформ с первоначальной целью избежать дефолта. Но коалиционные администрации в Исламабаде избегали решительных шагов, опасаясь социальных потрясений и, как следствие, потери власти. И ныне 34-процентная инфляция в стране, сомнительная способность обслуживать даже проценты по иностранным займам подтверждают неспособность Пакистана вырваться из кредитных программ МВФ в ближайшие годы [Wizarat, p. 367—271].

США остаются одним из основных кредиторов Пакистана в лице МВФ, других международных институтов, способных оказывать влияние на внутреннюю политику страны. Например, программа займов МВФ на протяжении многих лет помогает Исламабаду избежать дефолта на фоне продолжительного кризиса платежного баланса. Величина заимствований от МВФ, Китая, монархий Персидского залива и бесперспективность скорого возврата долгов дали повод военно-гражданским властям Пакистана в 2023 г. заявить об угрозе экономическому суверенитету страны.

¹ International Monetary Fund, Press release NO. 19/264. IMF Executive Board Approves US\$6 billion 39-Month EFF Arrangement for Pakistan, July 3, 2019 // International Monetary Fund, July 3, 2019. URL: <https://www.imf.org/en/News/Articles/2019/07/03/pr19264-pakistan-imf-executive-board-approves-39-month-eff-arrangement> (accessed: 21.06.2024).

США продолжают взаимодействовать с Исламабадом и посредством дополнительных соглашений. Весной 2024 г. власти Пакистана возобновили переговоры о новой многолетней кредитной программе МВФ на сумму в «миллиарды» долларов¹.

Задача федерального правительства, сформированного по итогам всеобщих парламентских выборов 8 февраля 2024 г. и возглавляемого премьер-министром Шехбазом Шарифом, — это найти новую основу для двусторонних стабильных связей с Вашингтоном, который остается крупнейшим экспортным направлением Пакистана, источником прямых иностранных инвестиций, в частности по линии МВФ.

Вашингтон осуществляет контроль над поведением Исламабада также посредством санкционного режима в отношении его контрагентов. 19 апреля 2024 г. США ввели санкции против поставщиков пакистанской программы баллистических ракет; внесли в черный список четыре организации согласно Указу № 13382, Executive Order 13382, который направлен против «распространителей» оружия массового уничтожения и средств его доставки. Одна из них находится в Белоруссии и еще три — в Китае.

Этими организациями названы:

- Минский завод колесных тягачей *Minsk Wheel Tractor Plant* (производит специальные шасси для пакистанской программы баллистических ракет большой дальности), которые он поставляет Национальному комплексу развития Пакистана, отвечающему за разработку баллистических ракет I категории;

- *Xi'an Longde Technology Development Company Limited*, которая поставила оборудование для ракет, в том числе машину для линейной намотки;

- Тяньцзиньская компания *Creative Source International Trade Co Ltd*; она поставила ракетное оборудование, в том числе оборудование для сварки (это оборудование, по мнению США, может быть использовано для производства топливных баков, применяемых в космических ракетах-носителях);

- *Granpect Co. Ltd.*, эта компания сотрудничала с Пакистанской комиссией по исследованию космоса и верхних слоев атмосферы и поставляла оборудование для испытаний ракетных двигателей большого диаметра.

¹ US urges Pakistan to prioritise, expand economic reforms // Business Recorder. April 17, 2024. URL: <https://www.brecorder.com/news/40298949> (accessed: 17.06.2024).

Эти предприятия, согласно разделу 1 (а) (ii) Исполнительного указа 13 382 Государственного департамента США, поставляли-де изделия ракетного назначения для программы баллистических ракет Пакистана, включая программу ракет большой дальности¹.

Китай тоже меняется. Страна успешно реализует проекты строительства шести экономических коридоров на Азиатском континенте, включая КПЭК. Примерно с 2012 г. Китай обошел США в качестве крупнейшего торгового партнера Западной Азии. В последние годы он заменил Евросоюз в качестве основного торгового партнера Западной Азии с объемом товарооборота, превышающим 330 млрд долл. КНР проводит активную инвестиционную политику, направляя капиталовложения в строительство важных для региональных экономик инфраструктурных и энергетических начинаний.

Согласно пресс-релизу Посольства КНР в Исламабаде, за последнее десятилетие «...Всеобъемлющая национальная мощь и экономическая мощь Китая совершила исторический скачок: общий объем экономики вырос с 54 трлн юаней до 114 трлн юаней, а его доля в мировой экономике увеличилась с 11,3 % до 18,5 %. ВВП на душу населения в Китае вырос с 6 300 долл. до более чем 12 000 долл. США. ВВП Китая достиг 17,5 трлн долл., прочно заняв второе место в мире. Средний вклад Китая в мировой экономический рост превысил 30 %...»².

В Китае улучшились условия жизни населения; средняя продолжительность жизни возросла до 78 лет; Китай выиграл крупнейшую в истории человечества битву с бедностью, выведя из нищеты почти 100 млн сельских бедняков. Китай достиг первой за 100 лет цели построения среднезажиточного общества во всех отношениях и внес значительный вклад в глобальное сокращение бедности³. Экономика Китая является второй по величине в мире, и по прогнозам к 2030 г.

¹ United States Imposes Sanctions on Suppliers Contributing to Ballistic Missile Proliferation. Press statement. April 19, 2024 // U.S. Department of State. Press Statement, April 19, 2024. URL: <https://www.state.gov/united-states-imposes-sanctions-on-suppliers-contributing-to-ballistic-missile-proliferation/> (accessed: 19.06.2024).

² New Journey of China's Development, New Opportunities for China-Afghanistan Relations 2022-11-03 // Embassy of the People's Republic of China in the Islamic Republic of Afghanistan. Press release. November 03. 2022. URL: http://af.china-embassy.gov.cn/eng/sxgw/202211/t20221103_10799850.htm (accessed: 03.06.2024).

³ New Journey of China's Development, New Opportunities for China-Afghanistan Relations 2022-11-03 // Embassy of the People's Republic of China in the Islamic Republic of Afghanistan. Press release. November 03. 2022. URL: http://af.china-embassy.gov.cn/eng/sxgw/202211/t20221103_10799850.htm (accessed: 03.06.2024).

она превзойдет экономику США, что действительно может иметь серьезные последствия для США.

В феврале 2023 г. Пекин подтвердил отказ «занимать оборонительную позицию» в будущем¹.

Азиатские государства позиционируют Китай как партнера, альтернативного США, известных вмешательством во внутренние дела, развязыванием конфликтов и провоцированием кризисов. Поднебесная же, со своей стороны, призывает к развитию сотрудничества, демонстрируя нейтралитет относительно внутривнутриполитических дел стран-контрагентов. Так, Пекин подчеркивает, что «отношения двух стран — это связь, которая существует между народами Китая и Пакистана и имеет мало общего с каким-либо политическим лицом или партией. Наша единственная цель — политическая стабильность и экономический прогресс Пакистана»².

Подобная позиция подкупает малые страны Азии. Там отмечают, что экономический рост в 2—5 % делает Китай не только стабильным, но и надежным государством; а победа над бедностью в стране с населением более 1.5 млрд человек убеждает других следовать его примеру [Javed, p. 257—262].

Зачастую страны Западной Азии и Ближнего Востока продвигают альтернативную США многополярную систему безопасности, более сбалансированную и менее зависимую от однополярной системы. Имея богатые природные ресурсы, они стремятся интегрироваться в более открытые и широкие сети торгового и инвестиционного сотрудничества. Благодаря этому, пусть опосредованно, но Пакистан получает пример и поддержку в регионе.

Китай остается основным стратегическим партнером Исламабада в основном благодаря своим экономическим начинаниям в стране. Поднебесная с 2015 г. строит инфраструктурные и энергетические объекты в Пакистане в рамках КПЭК, столь важного для хозяйственной жизнеспособности страны, для повышения уровня жизни ее населения, формирования инвестиционно-привлекательной среды.

Основная социально-экономическая цель Пекина — экономическое развитие Китая. Для ее достижения он активно использует

¹ 'US Hegemony and Its Perils' // Ministry of foreign affairs of the People's Republic of China. February 20, 2023. URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/wjbxw/202302/t20230220_11027664.html (accessed: 20.06.2024).

² Gul I. China is here to stay in Pakistan // The Express Tribune. March 02, 2023. URL: <https://tribune.com.pk/story/2403917/china-is-here-to-stay-in-pakistan> (accessed: 02.06.2024).

внешние факторы: Всеобъемлющее экономическое партнерство и инициативу «Пояс и путь» (ИПП), частью которой на протяжении десяти лет является КПЭК и входящий в него Гвадар на побережье Ормузского пролива.

Порт Гвадар — важный пункт во внешнеэкономических планах КНР. Инвестируя в транспортные коридоры, логистические хабы, специальные экономические зоны, нефтеналивную инфраструктуру этого порта, Китай ставит целью расширение своих товарных потоков с государствами Персидского залива, Кавказа, Евросоюза, Турцией и т. д. Однако здесь есть и сложности. Так, Пекин замедлил в 2020—2023 гг. ввод в эксплуатацию нескольких объектов КПЭК в силу ряда причин, одна из которых — непогашенные долги Пакистана китайским компаниям за использованием электроэнергии, и т. д.

Финансовая помощь Китая. Балансирование на грани дефолта, кризис платежного баланса, отсутствие иностранной валюты даже на обслуживание долга — постоянная забота пакистанских властей. Осенью 2018 г. тогдашний премьер-министр страны Имран Хан, занявший высший пост по итогам всеобщих парламентских выборов, забил тревогу, осознав, что его кабинет получил пустую казну. Одно из первых обращений премьер-министра традиционно адресовалось Поднебесной, и позднее Китай несколько раз выдавал кредиты Пакистану в ускоренном порядке.

Международный валютный фонд подтвердил, что Пакистан к 2022 г. задолжал Китаю 18,4 млрд долл., или одну пятую часть своего внешнего государственного долга. Этот показатель на 4 млрд долл. превышал официально опубликованные пакистанские данные¹.

В феврале 2023 г. валютные резервы Центрального банка Пакистана упали ниже уровня в 3 млрд долл., и их едва хватило на три недели на импорт критически важного сырья².

Исламабад вновь обратился к Пекину, и правление Китайского банка развития *China Development Bank (CDB)* одобрило кредит в размере 700 млн долл.³, который, как утверждала пакистанская сторона,

¹ Rana Sh. Foreign public debt to 'jump to \$103b' by end of next fiscal // The Express Tribune. February 06, 2022. URL: <https://tribune.com.pk/story/2342247/foreign-public-debt-to-jump-to-103b-by-end-of-next-fiscal> (accessed: 06.06.2024).

² Chinese bank approves \$700m to Pakistan, says Dar // The Express Tribune. February 22, 2023. URL: <https://tribune.com.pk/story/2402611/chinese-bank-approves-700m-to-pakistan-says-dar> (accessed: 22.06.2024).

³ Rana Sh. Hopes rekindle for \$2b Chinese loans // The Express Tribune. February 22, 2023. URL: <https://tribune.com.pk/story/2402584/hopes-rekindle-for-2b-chinese-loans> (accessed: 22.06.2024).

призван стабилизировать резкое сокращение валютных резервов до того времени, когда начнут поступать средства от Международного валютного фонда¹.

Индустриально-коммерческий банк Китая тогда же, в марте 2023 г., пролонгировал кредит Пакистану в размере 1,3 млрд долл.²

Пакистанские СМИ писали, что И. Дар, назначенный в сентябре 2022 г. министром финансов, стремясь избежать кредитования от МВФ, обремененного жесткими политическими условиями, обратился за финансовым содействием к Китаю и Саудовской Аравии³.

В марте 2023 г. официальный представитель МИД Китая обвинил «некоторую развитую страну» в финансовых бедах большого числа развивающихся стран, включая Пакистан⁴. Видимо, это было вызвано правилом глобального кредитора в лице МВФ, согласно которому экономическая политика страны-дебитора должна соответствовать политике США, использующих предоставляемую ими помощь как механизм геополитического влияния.

Усложнить перезагрузку пакистано-китайских отношений становится главным стратегическим приоритетом Вашингтона в деле сдерживания Китая в Западной Азии. Факт того, что Пакистан не может быть частью какой-либо антикитайской коалиции, резко сужает рамки пакистано-американского диалога.

Исламский эмират Афганистан (ИЭА). Вашингтон и Пекин имеют разные приоритеты в Афганистане. Несмотря на непростые отношения с «Талибаном» (*организация запрещена в России*), для Китая ИЭА остается соседом — потенциальным партнером по ИПП, потенциальным участником широкомасштабного плана КНР по созданию в ее интересах международной инфраструктуры.

Экс-президент США Д. Трамп неоднократно критиковал «бесславный уход» войск США из Афганистана, обвиняя администрацию

¹ Ministry of information and Broadcasting. Government of Pakistan. Press Information Department. PR No. 142 Islamabad: February 21, 2023 URL: http://pid.gov.pk/site/press_detail/22122 (accessed: 21.06.2024).

² Pakistan receives \$500m from China's ICBC, Dar confirms // Dawn. March 04, 2023. URL: <https://www.dawn.com/news/1740336/pakistan-receives-500m-from-chinas-icbc-dar-confirms> (accessed: 04.06.2024).

³ Ramay Sh. Ahmad. Economic crisis in Pakistan and the role of West // The Express Tribune. February 20, 2023. URL: <https://tribune.com.pk/story/2402098/economic-crisis-in-pakistan-and-the-role-of-west> (accessed: 20.02.2023).

⁴ China blames 'certain developed country' for Pakistan's financial woes // The Express Tribune. March 02, 2023. URL: <https://tribune.com.pk/story/2404069/china-blames-certain-developed-country-for-pakistans-financial-woes> (accessed: 03.06.2024).

Дж. Байдена в совершении катастрофической тактической ошибки — выводе военнослужащих до эвакуации американских граждан и афганских союзников. Он также высказывал опасения, что Китай незамедлительно займет бывшую американскую авиабазу в афганском городе Баграм.

В свою очередь, Пекин уже со дня вывода коалиционных войск США/НАТО из Афганистана обвинял Вашингтон в гуманитарном кризисе в Афганистане, призывая США взять на себя должную ответственность, разморозить активы Афганистана¹, отменить односторонние санкции, а также восполнить ущерб, который они нанесли афганскому народу². В отличие от диппредставительства США, посольство КНР в полном составе продолжало работать в тревожные дни вывода коалиционных войск в 2021 г. Согласно заявлению исполнявшего обязанности заместителя премьер-министра временного правительства ИЭА муллы Абдул Гани Барадара, «Китай — единственная крупная страна, которая никогда не причиняла вреда Афганистану. И, подчеркивая уважение суверенитету Кабула, Китай готов упорядоченно осуществлять взаимовыгодное сотрудничество с Афганистаном, чтобы помочь этой стране превратить свое ресурсное преимущество в преимущество развития»³.

Власти «Талибана» подтвердили «готовность предоставить свое уникальное географическое преимущество и участвовать в строительстве объектов «Пояса и пути», чтобы стать «мостом для региональной взаимосвязи»⁴ и получить возможность экспортировать на китайский рынок больше афганских товаров.

¹ До прихода к власти правительства талибов 75 % бюджета страны поступало за счет иностранной помощи (Pakistan wants to bring together US and China to avoid 'Cold War-like' situation: PM Imran // Dawn. February 08, 2022. URL: <https://www.dawn.com/news/1673997/pakistan-wants-to-bring-together-us-and-china-to-avoid-cold-war-like-situation-pm-imran> (accessed: 08.06.2024).

² China offers Kazakhstan security support, opposes 'external forces' // Reuters. January 10, 2022. URL: <https://www.reuters.com/world/asia-pacific/china-offers-kazakhstan-security-support-opposes-external-forces-2022-01-10/> (accessed: 10.06.2024).

³ Wang Yi Holds Talks with Acting Deputy Prime Minister of Afghan Interim Government Mullah Abdul Ghani Baradar 2022-03-24 // Permanent Mission of the People's Republic of China to the United Nations office at Geneva and other International Organisations in Switzerland. March 24, 2022. URL: http://geneva.china-mission.gov.cn/eng/zgyw/202203/t20220325_10655539.htm (accessed: 24.06.2024).

⁴ The State Council. The People's Republic of China // Xinhua. March 25, 2022. URL: http://english.www.gov.cn/statecouncil/wangyi/202203/25/content_WS623d1a7fc6d02e533532843b.html (accessed: 25.06.2024).

Китай и Пакистан также подтвердили готовность продлить КПЭК в Афганистан по результатам консультаций с временным правительством Афганистана и ко взаимной выгоде всех сторон¹.

Санкции США в отношении ряда лидеров ИЭА, отказ разморозить афганские счета в американских банках и пр. блокируют реализацию многих проектов по экономическому возрождению Афганистана.

Китай же в конце 2022 г. ввел нулевой тариф на 98 % ввозимых из Афганистана товаров². Китайская дипломатическая и экономическая помощь требовалась Кабулу и для строительства режима безопасности на пути в Центральную Азию³.

Несмотря на дипломатическое присутствие КНР в Афганистане, гуманитарную помощь, инвестиции и т. д., между сторонами остается напряженность, связанная с присутствием на территории ИЭА Исламского движения Восточного Туркестана (ИДВТ) (*запрещено в России*) — уйгурской сепаратистской группировки, тесно связанной с также запрещенной в России террористической организацией «Исламское государство» (ИГ). Несмотря на неоднократные обращения Пекина, власти ИЭА не могут (или не хотят) изгнать ее из страны.

Вопреки заверениям талибов в том, что Афганистан безопасен для дипломатов и бизнесменов, наблюдается заметный рост террористических атак против иностранных граждан. Промедление талибов в разрыве их идеологических связей с такими группами, как движение «Талибан» Пакистана (ДТП) (*запрещено в России*), ИДВТ, ИГ и Исламское движение Узбекистана (ИДУ) (*организации, также запрещенные в России*), сохраняет благоприятную среду для деятельности глобальных террористических групп.

В конце января 2024 г. Китай принял верительные грамоты Биала Карими, назначенного властями Талибана послом в КНР. Некоторыми дипломатическими источниками и наблюдателями этот шаг был расценен как «молчаливое признание» Пекином власти афганских талибов с тех пор, как они пришли к власти в августе 2021 г. Од-

¹ China-Pakistan Joint Statement? (Full Text) // Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. Press release. May 22, 2022. URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/zxxx_662805/202205/t20220522_10690893.html (accessed: 22.06.2024).

² New Journey of China's Development, New Opportunities for China-Afghanistan Relations. 2022-11-03 // Embassy of the People's Republic of China in the Islamic Republic of Afghanistan. Embassy News. November 03, 2022. URL: http://af.china-embassy.gov.cn/eng/sgxw/202211/t20221103_10799850.htm (accessed: 03.06.2024).

³ Mahmood A. Four corridors being added to CPEC, says Chinese diplomat // Dawn. November 16, 2022. URL: <https://www.dawn.com/news/1720811/four-corridors-being-added-to-cpec-says-chinese-diplomat> (accessed: 16.06.2024).

нако Пекин пока не направил своего посла в столицу ИЭА (специальный представитель КНР по Афганистану работал на территории Пакистана)¹, по всей видимости, учитывая неприятный факт присутствия в Афганистане террористических группировок.

Ближний Восток. Интерес Китая к Ближнему Востоку коренится в его потребности в углеводородном сырье, в стремлении развивать очередной торгово-логистический маршрут в рамках «Пояса и пути» и масштабно инвестировать в экономику обширного региона и, наконец, в утверждении своего имиджа миротворца.

Пекин покупает почти половину добываемой сырой нефти у арабских монархий, причем возглавляет список Саудовская Аравия.

Китай активно инвестирует в критически важную инфраструктуру в регионе и заключает сделки на поставку в его страны телекоммуникационных и военных технологий, причем эта тенденция усиливается [Сазонов С.]. Китайские государственные компании приняли участие в финансировании промышленного парка в порту Дукм, Оман, а также подписали контракты на строительство контейнерного терминала в Абу-Даби и двух новых портов в Израиле.

Эр-Рияд приветствовал президента Си Цзиньпина в декабре 2022 г., когда стороны подписали 34 соглашения об инвестициях в зеленую энергетику, информационные технологии и другие сектора экономики на сумму в 30 млрд долл. Это отражает взгляд Китая на Ближний Восток как на важное звено инициативы «Пояс и путь».

США по-прежнему остаются преобладающей военной силой и торгово-экономическим партнером на Ближнем Востоке, поскольку Китай относительно недавно стал расширять свои политико-дипломатические и торгово-экономические позиции в регионе.

Основные интересы Китая в регионе носят экономический характер, но его растущие связи принесли и политические дивиденды. Пекин использовал стремление региона к миру и стабильности, выступив посредником в 2023 г. в деле восстановления дипломатических отношений между Ираном и Саудовской Аравией, которые были прерваны в 2016 г. после штурма саудовского посольства в Тегеране, вызванного казнью саудитами уважаемого шиитского проповедника².

¹ Yousaf K. Pakistan, China discuss Afghan peace // The Express Tribune. February 02, 2024. URL: <https://tribune.com.pk/story/2455276/pakistan-china-discuss-afghan-peace> (accessed: 02.06.2024).

² Joint Trilateral Statement by the People's Republic of China, the Kingdom of Saudi Arabia, and the Islamic Republic of Iran // Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. Press release. March 10, 2023. URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/xxxx_662805/202303/t20230311_11039241.html (accessed: 10.06.2024).

Успех миссии подтвердил конструктивную роль Китая как миротворца.

Инвестиционно-промышленное участие Пекина в экономической и хозяйственной жизни монархий Персидского залива усилило восприятие его как растущей силы глобального значения, способной потеснить позиции США в регионе и в мире. Все это способствует успешному продвижению Поднебесной ее торгово-экономических интересов через территорию Ирана далее в Азербайджан, Турцию, Средиземноморье и т. д.

Нормализация отношений между Саудовской Аравией (КСА) и Ираном в дальнейшем скорректирует, если полностью не изменит, правила игры в регионе. Ожидаемый следующий шаг КСА — присоединение в качестве «партнера по диалогу» к Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) — организации, конкурирующей с западными институтами, и одной из основателей которой является КНР.

Дальнейшее политико-экономическое продвижение Китая на Ближний Восток, в Иран и в Центральную Азию оборачивается для Пакистана исключительной выгодой. С приходом к власти коалиционного правительства Ш. Шарифа, Саудовская Аравия, один из основных инвесторов, вновь рассматривает Пакистан в качестве основного стратегического партнера, как высокоприоритетную возможность для экономики, бизнеса и инвестиций.

Королевство проявило новый интерес к инвестициям в нефтеналивную инфраструктуру порта Гвадар. Напомним, что порт является узловым хабом, точкой пересечения сухопутных и морских маршрутов ИПП.

Дополнительной «доходной» статьей для Пакистана стало инвестирование 20 млрд долл. в энергетический сектор Узбекистана (информация об этом пришла в мае 2024 г.)¹. Между Пакистанской и Узбекской товарными биржами существует соглашение о сотрудничестве; и перед пакистанскими бизнесменами появились широкие возможности.

Энергичность и масштаб бизнеса Саудовской Аравии и Китая в регионах Западной Азии и Ближнего Востока, вовлеченность Пакистана в проекты придали ему уверенность и смелость.

Заверения Исламабада в намерении принять обязательства по строительству пакистано-иранского газопровода, сделанные во время визита бывшего президента Ирана Раиси в апреле 2024 г. в Пакистан,

¹ Uzbek FM to arrive today // The Express Tribune. May 05, 2024. URL: <https://tribune.com.pk/story/2465629/uzbek-fm-to-arrive-today> (accessed: 05.06.2024).

были возможны только при наличии на то совместной воли стран региона. Сенат США рассматривает пакистано-иранский газопровод в качестве стратегической угрозы безопасности США¹. А Пакистан — финансово зависимая от МВФ страна — все же смелеет, чувствуя поддержку основных игроков в регионе.

Даже Индия, один из последователей политики США в регионе, устами ее министра иностранных дел Субраманиам Джайшанкара признала конец фактического доминирования США в мире².

Что касается США, то они заинтересованы в партнерстве с правительством премьер-министра Пакистана Ш. Шарифа в таких областях, как: региональная безопасность, оказание поддержки продолжающимся экономическим реформам в Пакистане с помощью Международного валютного фонда и содействие экономическому росту страны в опоре на ее частный сектор.

Заключение

Вызовом для Пакистана на новом витке соперничества Китай — США стало сохранение равновесия при работе с обоими партнерами, каждый из которых устанавливает негласные, но критические красные линии, которые влияют на отношения в «треугольнике». Таким образом, основной задачей коалиционных властей в Исламабаде стала корректировка внешней политики в условиях усиливающегося соперничества США и Китая и использование возможностей ключевых международных партнерств для экономической стабилизации страны³.

Исламабад и Пекин осознают, что вмешательство США в дела Южно-Азиатского региона будет продолжаться. Относительная стабилизация внутривнутриполитической жизни в Пакистане в последний год-полтора дала основание Пекину в 2024 г. заявить о перезагрузке отношений с Исламабадом, и сейчас обе страны продолжают совместную работу по переводу двусторонних отношений на новую вы-

¹ Pakistan After Elections: Examining the Future of Democracy in Pakistan & US-Pakistan Relationship // House Foreign Affairs Committee Democrats. March 20, 2024. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=0vVH1Rzd0jM> (accessed: 20.03.2024).

² Indian Foreign Minister: US dominance in the world has effectively ended // TopWar. May 13, 2024. URL: <https://en.topwar.ru/242300-glava-mid-indii-dominirovanie-ssha-v-mire-fakticheski-zavershilos.html> (accessed: 13.05.2024).

³ Syed B. Saijad. How the next govt can cope with changing world order // Dawn. January 24, 2024. URL: <https://www.dawn.com/news/1808146/how-the-next-govt-can-cope-with-changing-world-order> (accessed: 24.06.2024).

соту¹. Исходя из этого, стороны приняли решение продолжать реализацию намеченных планов в торгово-экономической области, а также осуществление проектов второй очереди Китайско-пакистанского экономического коридора и поддерживать друг друга на международной арене. Китай не проявляет обеспокоенности в связи со статусом «союзника», которым Вашингтон наделил Исламабад.

Библиографический список

Петровский В.Е. «Инициатива в области глобальной безопасности» глазами китайских политологов // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. М.: ИКСА РАН, 2023. Выпуск XXVIII. С. 11—29. DOI: 10.48647/ICCA.2023.36.14.002.

Сазонов С.Л., Ван Цзинвэй. Сотрудничество Китая и Пакистана в области развития инфраструктуры и энергетики // Китай в мировой и региональной политике. М.: ИКСА РАН, 2023. Выпуск XXVIII. С. 225—238. DOI: 10.48647/ICCA.2023.57.69.018.

Сафронова Е.И. Китайский фактор в текущей эволюции многополярности // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. М.: ИКСА РАН, 2023. Выпуск XXVIII. С. 20—23. DOI: 10.48647/ICCA.2023.40.96.003.

References

Petrovskiy V.Ye. (2023). «Initsiativa v oblasti global'noy bezопасnosti» glazami kitayskikh politologov [“Global Security Initiative” as seen by Chinese political scholars], *Kitay v mirovoy i regional'noy politike. Istoriya i sovremennost' [China in World and Regional Politics. History and Modernity]*, Moscow: ICCA RAS, Iss. XXVIII: 11—29. (In Russian). DOI: 10.48647/ICCA.2023.36.14.002.

Safronova E.I. (2023). Kitayskiy faktor v nyneshney tendentsii mnogopolyarnosti [The Chinese Factor in the Current Evolution of Multipolarity], *Kitay v mirovoy i regional'noy politike. Istoriya i sovremennost' [China in World and Regional Politics. History and Modernity]*, Moscow: ICCA RAS, Iss. XXVIII: 20—23. (In Russian). DOI: 10.48647/ICCA.2023.40.96.003.

Sazonov, S.L.; Wang Jingwei (2023). Sotrudnichestvo Kitaya i Pakistana v oblasti razvitiya infrastruktury i energetiki [China-Pakistan cooperation in infrastructure and energy development], *Kitay v mirovoy i regional'noy politike. Istoriya i sovremennost' [China in World and Regional Politics. History and Modernity]*, Moscow: ICCA RAS, Iss. XXVIII: 225—238. (In Russian).

¹ President for stronger economic and cultural ties with China // The President of Pakistan. April 24, 2024. URL: <https://president.gov.pk/news/president-for-stronger-economic-and-cultural-ties-with-china-2> (accessed: 24.06.2024).

* * *

Javed, Syed Hasan (2022). China, West and the Islamic World. The World in 2050. Romance of the Three Civilisations (A Fascinating Story of the Rise and Fall of the Great Powers). *Paramount Books (Pvt.) Ltd. Pakistan*, 400 p.

Wizarat Shahida (2022). Alternative to the IMF and other out of the Box solutions. *Patridge*, 413 p.

Е.В. Махмутова

РОЛЬ КИТАЯ В СОВРЕМЕННОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ УЗБЕКИСТАНА

Аннотация. Центральная Азия (ЦА) сегодня находится в фокусе внимания крупных центров силы, таких как Россия, Китай, США. Каждое из этих государств стремится развивать собственный опыт взаимодействия со странами региона, руководствуясь политическими, экономическими, военными мотивами, соотношение между которыми зависит от условий конкретного государства.

Одним из активных региональных акторов в Центральной Азии становится Узбекистан (РУз), чья внешняя политика проходит под знаком экономизации, т. е. сопряжения его международной деятельности с актуальными потребностями национальной экономики. Узбекистан остается верен своей политике многовекторности, не отказываясь, несмотря на сложную геополитическую обстановку, от уже сложившихся контактов ни с Западом, ни с Востоком.

Сегодня наибольший интерес с точки зрения инвестиционной привлекательности Узбекистан представляет для Китая. В рамках китайской инициативы «Пояс и путь» китайское руководство поступательно реализует задачи раскрытия потенциала Узбекистана как пространства для капиталовложений и реализации цифровых проектов, как транспортно-логистического хаба, рынка сбыта продукции и поля распространения китайских культурно-гуманитарных программ.

Значимость китайского трека для узбекской внешней политики иллюстрируется регулярностью встреч на высшем уровне, включая международные площадки, и постоянством взаимодействия в различных отраслях экономики.

В статье рассматриваются уже сложившиеся и новые форматы взаимодействия Узбекистана и Китая, отмечается растущая зависимость экономики РУз от китайских инвестиций и программ. Подчеркивается, что наступательный характер китайской экономической активности в Узбекистане отвечает запросам в экономизации его внешней политики, способствует созданию рабочих мест, подготовке квалифицированных кадров для работы на китайских и совместных предприятиях, повышает транзитные возможности Узбекистана. Однако в то же время такая активность может представлять угрозу для выбранной страной линии на многовекторность. При условии сохранения нынешнего формата отношений Узбекистана и Китая повышается зависимость узбекской экономики от одного — китайского — направления, не создаются достаточные условия для стимулирования собственного экспорта, сохраняется импортоориентированность узбекской экономики, а также вынужденная диспропорция в инвестиционных потоках извне.

Ключевые слова: Узбекистан, Китай, Центральная Азия, инициатива «Пояс и путь» (ИПП), инвестиции, экономика, безопасность, санкции.

Автор: Махмутова Евгения Викторовна, кандидат политических наук, доцент Департамента политологии Факультета социальных наук и массовых коммуникаций Финансового университета при Правительстве РФ (адрес: Москва, Ленинградский проспект, 49). ORCID 0000-0002-9712-5023. E-mail: evmakhmutova@fa.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Ye. V. Makhmutova

The role of China in current Uzbekistan foreign policy

Abstract. Central Asia is currently the focus of attention of major powers, such as Russia, China, and the United States. Each of them develops their own cooperation with the countries of the region, observing different proportions by political, economic, and military motives.

Uzbekistan is becoming one of the active regional actors in Central Asia, whose foreign policy is marked by economization, that is, combining international activities with the current demands of the economy. Uzbekistan adheres to its multi-vector policy, not abandoning, despite the difficult geopolitical situation, the already established contacts both in the West and in the East.

China pays significant attention to Uzbekistan today in terms of its investment attractiveness. Within the framework of the Chinese Belt and Road Initiative, the Chinese leadership is progressively implementing the tasks of unlocking the potential of Uzbekistan as a space for investment, a

transport and logistics hub, the object of implementation of its digital projects, a place to sell its products and to disseminate Chinese national cultural and humanitarian programs.

The importance of the Chinese track for Uzbek foreign policy is expressed in regular meetings at the highest level, including international platforms, and in constant industry communication in various branches of economy.

The article examines the established and new formats of interaction between Uzbekistan and China, and notes the growing dependence of the Uzbek economy on Chinese investments and programs. It is emphasized that the offensive nature of Chinese economic activity in Uzbekistan, on the one hand, meets the demands for the economization of the foreign policy of the Republic of Uzbekistan, promotes job creation, generation of qualified personnel to work at Chinese and joint ventures, and increases Uzbekistan's transit opportunities. And on the other, — such activity may pose a threat to Uzbekistan's option of a multi-vector approach. If the current format of relations between Uzbekistan and China is maintained, the dependence of the Uzbek economy on one direction increases, sufficient conditions are not created to stimulate its own exports, the import orientation of the Uzbek economy remains as well as an impressive imbalance in investment flows from outside.

Keywords: Uzbekistan, China, Central Asia, Belt and Road Initiative (BRI), investments, economy, security, sanctions.

Author: Evgeniya V. MAKHMUTOVA, Ph.D. (Political Sciences), Associate Professor, Department of Political Science, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation (address: Moscow, Leningradsky Prospekt, 49). ORCID 0000-0002-9712-5023. E-mail: evmakhmutova@fa.ru

Conflict of interests: The author declares the absence of conflict of interests.

Введение

Глобальная напряженность, вызванная конфликтом на Украине и расширением санкционной практики западных стран как против России, так и других государств, включая Китай, актуализирует вопрос о выборе внешнеполитической тактики для тех государств, которые в силу исторических особенностей вынуждены маневрировать между несколькими центрами силы. К таковым можно отнести Узбекистан (РУз), который играет одну из ведущих ролей в Центральной Азии.

Обострение международной обстановки после 2022 г. способствовало росту внимания внешних игроков к ЦА, а снятие коронавирус-

ных ограничений еще более ускорило процесс возвращения влиятельных акторов в ЦА. Международное внимание растет ко всем странам центральноазиатской «пятерки», и Узбекистан, в силу своих экономических, ресурсных, демографических характеристик, находится сегодня в фокусе региональной «диспозиции».

На фоне роста напряженности Узбекистан стремится к сбалансированной внешней политике, выстраивая отношения с крупными центрами силы на многовекторной основе. РУз, как и все страны Центральной Азии, испытывает серьезное давление со стороны западных игроков, неоднократно угрожавших применить вторичные санкции к тем национальным компаниям, которые будут уличены в нарушении режима санкций в отношении России [Притчин, 2023, с. 110]. Однако исторически глубокие связи Узбекистана с Россией, а также дружеский характер отношений между лидерами двух стран препятствуют отрыву Республики от России, несмотря на прямые призывы к этому со стороны американских чиновников¹.

Узбекистан как фокус внимания Китая в Центральной Азии

Китай традиционно сохраняет повышенный интерес к Узбекистану, особенно заметно активизировав свою центральноазиатскую политику после 2022 г. При этом нельзя утверждать, что именно 2022 год дал импульс ко сближению Пекина и Ташкента. Отношения между двумя государствами складывались довольно успешно и до указанного времени как на двусторонней основе, так и в рамках китайской инициативы «Пояс и путь», стартовавшей в 2013 г.

Китай занимает важное место в политической, экономической и культурно-гуманитарной сферах Узбекистана. Лидеры двух стран стремятся поддерживать регулярный диалог, встречаясь на различных площадках в рамках многостороннего сотрудничества и на двусторонней основе.

Рост текущей активности Китая в Узбекистане обусловлен стремлением китайского руководства компенсировать длительную паузу в отношениях времен пандемии, и не случайно первый визит после снятия коронавирусных ограничений в 2022 г. Си Цзиньпин совершил именно в Центрально-Азиатский регион [Лексютина, 2023, с.80].

¹ В США призвали «разъединить» экономики России и стран Центральной Азии. URL: <https://www.rbc.ru/politics/14/09/2022/63220a079a79471b3dd4a74b> (дата обращения: 30.04.2024).

А в 2023 г. в результате визита президента Узбекистана Шавката Мирзиёева в Китай на саммит «Центральная Азия—Китай» состоялось утверждение Программы развития всестороннего стратегического партнерства в новую эпоху между Узбекистаном и Китаем на период 2023—2027 гг. Данная программа предполагает, среди прочего, обеспечение благоприятных условий для китайских компаний на узбекском рынке.

Визит был ознаменован подписанием различных документов в области экономического сотрудничества, а во время визита в г. Сиань президент Узбекистана нажал символическую кнопку, запустив, таким образом, несколько совместных проектов по производству различных видов продукции.

В январе 2024 г. состоялся государственный визит президента Узбекистана в Китай, в ходе которого лидер РУз снова встретился с председателем КНР. Оба лидера отметили высокий уровень партнерства между двумя странами, «всепогодный» характер двусторонних отношений и взаимный интерес сторон к достижениям друг друга в различных отраслях экономики. Также были обсуждены совместные проекты и намечены планы на будущее. Президент Узбекистана подчеркнул, что это был его первый в 2024 г. зарубежный визит, и тем самым он констатировал особую значимость китайского трека для узбекской внешней политики.

Стоит отметить, что сотрудничество двух стран не ограничивается межгосударственными проектами. Активно развивается и межрегиональное взаимодействие. Так, в рамках госвизита Ш. Мирзиёева в Китай состоялся узбекско-китайский межрегиональный форум в г. Урумчи с участием деловых кругов двух стран. В рамках форума прошла выставка достижений Узбекистана, на которой демонстрировались возможности регионов центральноазиатской страны. Итогом межрегиональных мероприятий стало учреждение Совета регионов Узбекистана и Китая.

Китайский фактор во внешней политике Узбекистана играет все более заметную роль. Отказ РУз с приходом к власти Ш. Мирзиёева в 2016 г. от изоляционистской политики способствовал быстрому развитию узбекско-китайских отношений в экономическом и политическом направлениях.

Однако помимо экономических задач, которые сегодня преобладают в двусторонней повестке, Узбекистану важно решать и вопросы безопасности. Не только украинский конфликт, который косвенно затрагивает ЦА, но и более актуальный афганский сюжет держат вопросы региональной безопасности в фокусе внимания властей Узбе-

кистана. И Китай, избегая прямых обязательств и не претендуя на статус гаранта региональной безопасности, в то же время играет заметную роль на треке поддержания мира и стабильности в Центральной Азии.

В частности, большое внимание и в Узбекистане, и в Китае уделяется роли ШОС как площадке по противодействию трем видам угроз — терроризму, экстремизму, сепаратизму. Именно ШОС для Узбекистана сегодня является той международной площадкой в сфере безопасности, которая выступает связующим звеном между странами региона и другими игроками, начиная с России и Китая, с которыми власти Узбекистана сверяют часы по вопросам стабильности в регионе. Именно самаркандский саммит ШОС в 2022 г. стал первым после ковидного перерыва и первым с начала СВО на Украине, на котором лидеры Организации обсуждали актуальную повестку в области безопасности уже с учетом открытых дискуссий о судьбах архитектуры международных отношений по западному сценарию.

Для Узбекистана основными «болевыми точками» в сфере безопасности остаются Афганистан, риски распространения радикального ислама, киберпреступность, продовольственная безопасность, истощение водных ресурсов. Это те позиции, по которым Узбекистан и Китай сегодня активно взаимодействуют на различных площадках. Стоит отметить, однако, что потенциала ШОС не хватает для решения вопросов, связанных с безопасностью в узбекско-афганском пограничье, и это тот «сюжет», который РУз сегодня решает самостоятельно.

Вне функционала ШОС находятся такие насущные для безопасности в регионе задачи, как нормализация политической обстановки в Афганистане, проблемы ее «прозрачности» (в том числе создание инклюзивного правительства, на чем настаивают все страны ШОС, но что отвергают власти Афганистана во главе с «Талибаном» (*организация запрещена в России*)), обеспечение контроля над территорией страны [Рахимов, 2022, с. 377].

Экономика в приоритете

Экономический интерес Узбекистана и Китая к дальнейшему наращиванию двустороннего партнерства действительно носит взаимный характер. Китай является одним из ключевых торгово-экономических контрагентов РУз. В марте 2024 г. товарооборот Узбекистана с Китаем превысил 3 млрд долл., Россия по этим показателям занимает

2-е место (более 2,8 млрд долл.)¹. Доля Китая в общем товарообороте Узбекистана достигла 19 %. Здесь Китай немного опережает Россию, доля которой составляет 17 %.

Китайский экспорт в Узбекистан заметно вырос. Если в 2022 г. его рост составлял 121 %, то в 2023 г. этот показатель достиг 151 %. Однако что касается сальдо торгового баланса, то в случае с Китаем для Узбекистана оно традиционно отрицательное. Импорт из Китая кратно превышает экспорт товаров РУз. Китай поставляет в Узбекистан преимущественно машины и оборудование, промышленные товары и продукцию химической промышленности, в то время как Узбекистан экспортирует главным образом услуги, промышленные товары и топливо².

Китай проявляет большой интерес к инвестиционному потенциалу Узбекистана, являясь лидером по объему прямых иностранных инвестиций в эту страну. За 2023 г. общий приток китайских инвестиций составил более 2 млрд долл. На деловом поле Узбекистана представлен широкий спектр ведущих китайских компаний, включая *Huawei*, *ZTE*, *Sinostruk*, *Heng Bang Textile Central Asia* и др.

Узбекистан и Китай планируют совместно развивать индустриальную зону «Янги аволд» площадью 664,5 га в Ташкенте. Китай инвестирует в такие проекты, как производство оборудования по очистке сточных вод, управление твердыми бытовыми отходами и электронными отходами, производство энергии из свалочного газа. Успешна двусторонняя кооперация в сфере развития особых экономических зон. Регулярно проводятся двусторонние экономические форумы, на которых рассматриваются возможности расширения узбекского рынка для Китая.

Узбекистан имеет общую границу со всеми странами Центральной Азии и по этой причине сохраняет свою транзитную привлекательность в рамках ИПП. В частности, на повестке дня стоит вопрос о строительстве железнодорожной магистрали Китай—Киргизия—Узбекистан, которая должна связать регион через Каспий и Турцию с европейской сетью железных дорог в рамках инициативы «Пояс и путь». Предполагается, что ключевым инвестором проекта на центральноазиатском участке выступит китайская сторона. Несмотря на то что данный проект находится в стадии согласования, опираясь в переговорные слож-

¹ Агентство статистики при Президенте Республики Узбекистан. URL: <https://stat.uz/ru/ofitsialnaya-statistika/merchandise-trade> (дата обращения: 30.04.2024).

² ReviewUz. URL: <https://review.uz/post/infografika-torgovlya-uzbekistana-s-kitaem-za-2023-god> (дата обращения: 30.04.2024).

ности по вопросам финансирования и состыковки колеи на китайско-киргизском участке дороги, стороны не снимают его с повестки. На полях саммита «Китай—Центральная Азия» в 2023 г. соглашение по данному флагманскому проекту в итоге было подписано.

Указанный проект в равной степени важен для обеих сторон. Китай развивает сеть транспортно-логистических маршрутов в рамках ИПП и в то же время ищет возможности обхода проблемных для него направлений. Сегодня таковыми являются Россия, санкции в отношении которой определенным образом ограничивают ее транзитные возможности, и Казахстан, который из-за угрозы вторичных санкций периодически задерживает «подозрительные» грузы на своей границе.

Железная дорога в Узбекистан соответствует задачам КНР по укреплению ее экономических позиций в Евразии. Китай делает ставку на диверсификацию маршрутов поставок, подключая к своим проектам тех игроков, чьи стратегические задачи совпадают с китайскими. Узбекистан как раз и является тем центральноазиатским актором, для которого исполнение функции регионального транзитного хаба является весьма благоприятной перспективой, поскольку оно способно вывести его на позиции регионального лидера, несмотря на отсутствие у РУз выхода к морю и территориальную зажатость между остальными центральноазиатскими государствами с их более выгодным в этом смысле географическим положением.

Узбекистан и Китай наращивают железнодорожные перевозки по ряду направлений. В 2023 г. была открыта трансграничная железнодорожная ветка из китайского г. Лючжоу в Узбекистан. При этом данный маршрут имеет конкретную отраслевую направленность. Лючжоу — город в Гуанси-Чжуанском автономном районе на юге Китая, где сосредоточены производства автомобилей и автозапчастей, и, таким образом, с помощью нового маршрута Китай планирует расширить экспорт своих автомобилей на узбекский рынок.

Кроме того, Узбекистан и Китай активно сотрудничают в деле инфраструктурного обеспечения бесперебойных поставок по текущим и новым маршрутам. Так, в частности, Китай активно инвестирует в цифровизацию на железнодорожном и автотранспорте, а Узбекистан рассчитывает на повышение квалификации своего персонала на транспорте благодаря совместным образовательным программам.

В целом, как отмечает Р. Махмудов, сегодня происходит экономизация внешней политики Узбекистана, т. е. смещение акцентов с политики безопасности к вопросам экономической значимости в выстраивании международных связей [Махмудов, 2021, с. 121]. И в этом контексте активизация транспортных проектов Китая с участием

Узбекистана может стать весомым вкладом в развитие транспортно-логистического потенциала РУз, способствуя выходу страны на внешние рынки.

Еще одной из ключевых сфер взаимного сотрудничества является топливно-энергетический сектор. Несмотря на то что Узбекистан в 2022 г. приостановил экспорт природного газа, Китай рассматривает возможность строительства четвертой ветки газопровода Туркменистан—Китай (или Центральная Азия—Китай) на узбекском участке. Китай проявляет интерес к наращиванию поставок из различных источников и в свете ставки на диверсификацию газопроводов держит в уме газовый потенциал Узбекистана.

В нефтегазовом секторе РУз сегодня реализуются такие проекты, как «Денгизкуль», «Хадживлат» и «Шаркий Адат». Работу проектов обеспечивает СП *New Silk Road Oil and Gas*. Китайская нефтегазовая корпорация *CNPC* проявляет интерес к строительству подземных газохранилищ, модернизации узбекской газотранспортной системы, а также подготовке квалифицированных кадров для работы на китайских нефтегазовых предприятиях в Узбекистане.

Заключение

Итак, рассмотрев некоторые направления сотрудничества Узбекистана и Китая сегодня, можно сделать вывод о перспективности двустороннего взаимодействия в решении тех актуальных задач, которые стоят перед двумя странами.

Узбекистан в условиях сохраняющейся геополитической напряженности избегает солидаризации с одним центром силы, продолжая политику многовекторности и развивая отношения с основными партнерами.

Значимость взаимных отношений для КНР и Узбекистана определяется экономической заинтересованностью Китая в инвестировании в РУз, с одной стороны, и ответной готовностью Узбекистана эти ПИИ принимать — с другой, а также деполитизированностью диалога двух стран и близостью их подходов по общим вопросам международной повестки. Китай делает ставку на развитие востребованных современным Узбекистаном отраслей, таких как промышленное производство, нефтегазовый сектор, цифровые технологии, логистика. Кроме того, Китай развивает институциональное партнерство с РУз и другими странами Центральной Азии в рамках формата «Центральная Азия+Китай», создавая тем самым дополнительную площадку для многостороннего и двустороннего диалога.

В то же время растущая экономическая «экспансия» Китая в Узбекистане пока не в достаточной мере решает те задачи, которые стоят сегодня перед РУз. Среди этих задач — повышение экспортного потенциала и преодоление импортоориентированности экономики, расширение внутренних возможностей для трудоустройства своего работоспособного населения, сохранение многовекторности внешней политики, решение вопросов безопасности.

Библиографический список

Лексютина Я.В. Китай в Центральной Азии в «постпандемийный» период: к новому качеству взаимодействия // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2023. № 27 (27). С.77—27. DOI: 10.48647/ICCA.2023.16.55.007.

Махмудов Р. Внешняя политика современного Узбекистана // Россия и новые государства Евразии. 2021. № 1. С. 121—234. DOI: 10.20542/2073-4786-2021-1-121-134.

Притчин С.А. Многовекторность как основная модель внешней политики стран Центральной Азии // Мировая экономика и международные отношения. 2023. № 12(67). С. 104—215. DOI: 10.20542/0131-2227-2023-67-12-104-115.

Рахимов К. Вклад государств — членов ШОС по урегулированию афганского кризиса: до и после вывода военного контингента НАТО // Постсоветские исследования. 2022. № 4(5). С. 367—285.

References

Leksyutina, Ya.V. (2023). Kitaj v Central'noj Azii v «postpandemijnyj» period: k novomu kachestvu vzaimodejstviya [China in Central Asia in the “post-pandemic” period: towards a new quality of interaction], *Kitaj v mirovoj i regional'noj politike. Istoriya i sovremenost'* [China in world and regional politics. History and modernity], Vol. 27: 27: 77—27. (In Russian). DOI: 10.48647/ICCA.2023.16.55.007.

Mahmudov R. (2021). Vneshnyaya politika sovremennogo Uzbekistana [Foreign policy of modern Uzbekistan], *Rossiya i novye gosudarstva Evrazii* [Russia and new states in Eurasia]:1: 121—234. (In Russian). DOI: 10.20542/2073-4786-2021-1-121-134.

Pritchinn S.A. (2023). Mnogovektornost' kak osnovnaya model' vneshnej politiki stran Central'noj Azii [Multi-vectorism as the main model of foreign policy of the countries of Central Asia], *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [World economy and international relations], Vol.67: 12: 104—215. (In Russian). DOI: 10.20542/0131-2227-2023-67-12-104-115.

Rahimov K. (2022). Vklad gosudarstv-chlenov ShOS po uregulirovaniyu afganskogo krizisa: do i posle vyvoda voennogo kontingenta NATO [Contribution of the SCO member states to the settlement of the Afghan crisis: before and after the withdrawal of the NATO military contingent], *Postsovetskie issledovaniya* [Post-Soviet studies]: 4(5): 367—285. (In Russian).

Т.М. Мамахатов

ТЕКУЩЕЕ СОСТОЯНИЕ СОТРУДНИЧЕСТВА КНР С АФГАНИСТАНОМ И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ШОС

Аннотация. Автор полагает, что на настоящий момент Китай, по сравнению со многими другими мировыми акторами, имеет наиболее благоприятное положение в отношениях с новой властью в Афганистане. Как отмечал глава МИД КНР Ван И в марте 2022 г., Китай уважает суверенитет Афганистана, предпочтения афганского народа и не стремится вмешиваться во внутренние дела страны и оказывать давление на Кабул. Таким образом, можно констатировать, что ключевой чертой подхода Китая к его отношениям с Кабулом является полное уважение как политического и религиозного выбора Афганистана, так и особенностей его культуры.

К тому же Китай обещает никогда не вмешиваться во внутренние дела Афганистана, не преследовать только собственные интересы и не пытаться установить так называемую сферу влияния. Т. е. КНР протягивает Афганистану руку дружбы и равноправного сотрудничества, не навязывая свои политические модели и интересы.

В свою очередь «Талибан» (*запрещенная в России организация*), пришедший к власти в Кабуле после вывода из Афганистана американских войск в 2021 г., высоко ценит такую позицию и готов делать встречные шаги.

Однако в развитии двусторонней кооперации пока есть сложности. Например, несмотря на весь взаимный интерес к сотрудничеству, такой давний проект, как разведка и добыча меди на месторождении Айнак на востоке Афганистана, с 2007 г. не продвинулся далее стадии проектирования. Консультации сторон идут (последние состоялись в августе 2023 г.), но, поскольку не сняты проблемы в обес-

печении безопасности китайских сотрудников выигравшей тендер китайской компании *MCC-JCL Aynak Minerals*, конкретная реализация проекта так и не началась.

Ключевые слова: Китай, ШОС, Афганистан, инициатива «Пояс и путь» (ИПП), политика, национальная безопасность.

Автор: *Мамахатов Тлеш Муратович*, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра «Россия, Китай, мир», Институт Китая и современной Азии РАН (адрес: 117977, Москва, Нахимовский пр-т, 32). ORCID 0000-0001-7212-6831.

E-mail: tmamakhatov@gmail.com

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации в Институте Китая и современной Азии РАН.

T.M. Mamakhatov

The current state of China-Afghanistan cooperation and its significance for the SCO

Abstract. The author believes that at the moment China, compared to many other world «players», occupies the most advantageous position in relations with the new government of Afghanistan. As Chinese Foreign Minister Wang Yi noted in March 2022, China respects the sovereignty of Afghanistan, the preferences of the Afghan people, and does not seek to interfere in the country's internal affairs or put pressure on Kabul. Thus, it can be stated that a key feature of China's approach to relations with Kabul is full respect for both the political and religious choices of Afghanistan and the characteristics of its culture.

In its relations, China promises never to interfere in the internal affairs of Afghanistan, not to pursue only its own interests and not to try to create a so-called sphere of influence. That is, the PRC extends the hand of friendship and equal cooperation to Afghanistan, without imposing its political models and interests.

In turn, the Taliban (*an organization banned in Russia*), which came to power in Kabul after the withdrawal of American troops from Afghanistan in 2021, highly values this position and is ready to take retaliatory steps.

However, there are still difficulties in developing bilateral cooperation. For example, despite all the mutual interest in cooperation, such a long-standing project as the exploration and production of copper at the Aynak deposit in eastern Afghanistan has not progressed beyond the design stage since 2007. Consultations between the parties continue (the last one took place in August 2023), but since problems with ensuring the security

of Chinese employees of the Chinese company *MCC-JCL Aynak Minerals* that won the tender have not been resolved, concrete implementation of the project has not begun.

Keywords: China, SCO, Afghanistan, Belt and Road Initiative (BRI), politics, national security.

Author: Tlesh M. МАМАКХАТОВ, Ph.D (Economics), Leading Research Fellow, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences (address: 32, Nakhimovsky Ave., Moscow, 117997, Russian Federation). ORCID 0000-0001-7212-6831.

E-mail: tmmamakhatov@gmail.com

Conflict of interests. The author declares that there is no conflict of interests.

Support. The article was prepared at the Institute of China and Contemporary Asia of the RAS within the framework of the State assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation.

В XXI в. с изменением ситуации в Афганистане и достижением Китаем новых политико-экономических успехов, в отношениях между двумя странами проявились новые тенденции. По сравнению с другими мировыми акторами, Китай ныне занимает наиболее выгодную позицию в контактах с новым властями в Кабуле.

Как заявил министр иностранных дел Китая Ван И в марте 2022 г., Китай уважает суверенитет Афганистана и выбор афганского народа и не стремится вмешиваться во внутренние дела страны. Это значит, что Китай акцентирует ту особенность своего подхода в отношениях с Кабулом, которая выражается в полном уважении к политическому, религиозному выбору и культурным особенностям Афганистана.

Политика в рамках ШОС

Когда мы говорим об обеспечении безопасности стран ШОС, то на первое место здесь выходит ситуация в Афганистане. Ситуация с безопасностью в этой стране оказывает значительное влияние на стабильность в Синьцзян-Уйгурском автономном районе (СУАР КНР), проблема поддержания которой является объектом пристального внимания центральных властей в Пекине.

Известно, что Центрально-Азиатский регион с прилегающим к нему Афганистаном является важнейшим ареалом проекта «Пояс и путь», а СУАР КНР играет роль «ворот», открывающих путь потоку

продукции, следующей из Китая в Европу и далее. Поэтому обеспечение безопасности в этом регионе представляет собой жизненно важную актуальную «озабоченность» Китая [Черняева С.В., Журавлева Е.В., с. 540].

Кроме того, Афганистан является значимым «узлом», в котором переплетаются стратегические маршруты инициативы «Пояс и путь», что в глазах Китая придает этой стране огромную экономико-инвестиционную ценность [Россия—Китай, с. 105].

До вывода войск НАТО из Афганистана в 2021 г. политика военной администрации США, да и само состояние перманентной войны не способствовали развитию экономики страны и улучшению благосостояния ее населения. Так, созданная силами США транспортная инфраструктура служила военным целям и полностью игнорировала глубинные экономические потребности и хозяйственную географию Афганистана.

Однако после поспешного выхода западного вооруженного контингента из Афганистана скорый захват власти «Талибаном» (*запрещенная в России организация*) по ряду причин сыграл положительную роль в китайско-афганских отношениях. С учетом роста влияния Китая на мировой арене в XXI в., афганская проблема постепенно превратилась в серьезный индикатор ответственности государства. Председатель КНР Си Цзиньпин заявил: «По мере того, как национальная мощь продолжает расти, Китай будет брать на себя больше международных обязательств и ответственности в пределах своих возможностей и вносить больший вклад в мир и развитие человечества»¹.

Интерес Китая к замирению в Афганистане и вокруг него зиждется еще и на том, что соответствующие территории стали плацдармом для размещения и подготовки сепаратистов «Восточного Туркестана» (Синьцзян-Уйгурский автономный район КНР), которые представляют постоянную террористическую угрозу для Китая.

Потому можно утверждать, что Пекину выгоднее иметь сильное афганское правительство, чтобы не оказаться вовлеченным в большой вооруженный конфликт возле собственных границ.

Итак, Китай после провала США в деле приведения Афганистана к миру берет на себя роль если не глобального, то макрорегионального миротворца, пытаясь решать проблемы Кабула в контексте интересов стран ШОС в плане стабильности и безопасности Организации и зон ее ответственности.

¹ Жэньминь жибао. URL: http://theory.people.com.cn/n/2013/0320/c49150-2084899_6.html (дата обращения: 05.01.2024).

Участие Афганистана в проекте «Пояс и путь»

В наши дни динамика ситуации в Афганистане напрямую влияет на ход строительства «Китайско-афганско-пакистанского экономического коридора».

Предыдущее афганское правительство Ашрафа Гани посылно содействовало продвижению ИПП. После того как КНР и Афганистан подписали в 2016 г. Меморандум о взаимопонимании по совместному строительству ОПОП/ИПП, китайские инвестиции внесли свой вклад в экономическое развитие и социальное благополучие страны [Мамахатов, Маллах, с. 660].

После прихода к власти талибов Пекин и Кабул вновь публично заявили о своей поддержке строительства ИПП и о надежде приступить к сооружению Китайско-пакистанского экономического коридора (КПЭК) [Дьяконова М.А., Шарипов Ф.Ф., с. 150].

В мае 2023 г., тогдашний глава МИД Китая Цинь Ган встретился в Исламабаде с министром иностранных дел Пакистана Б. Бхутто Зардари, где они договорились вместе работать над восстановлением Афганистана, в том числе путем подключения страны к КПЭК. Коридор включает в себя несколько инфраструктурных проектов стоимостью 60 млрд долл., которые Пекин реализует в Пакистане. Исламабад называет КПЭК передовым проектом в рамках «Пояса и пути».

Включение Афганистана в ИПП позволит этой стране, находящейся под санкциями ООН и США, привлечь миллиардные инвестиции на финансирование новых инфраструктурных проектов¹. Китайские и пакистанские чиновники и ранее обсуждали расширение КПЭК и включение в проект Афганистана, однако именно правительство талибов выразило наибольшую готовность принять в этом зримое участие.

Пекин надеется через инвестиции в афганскую экономику и иную материальную поддержку способствовать сглаживанию напряженности в этой стране, во многом вызванной бедностью населения и иными социальными трудностями [Замараева Н.А., с. 525].

Однако основной на сегодня остается проблема безопасности, причем как на территории Афганистана, так и в Пакистане. Ключевая «загвоздка» здесь — это политическая и этническая неоднородность

¹ Талибы договорились с Китаем о включении Кабула в «Один пояс, один путь». URL: <https://www.rbc.ru/economics/07/05/2023/64575af79a79472738532603> 1 (дата обращения: 15.05.2023).

Афганистана и разрозненность вооруженных групп «Талибана», из-за которой обеспечить для кабульских властей согласованный контроль над всей страной, включая территории размещения уйгурских сепаратистов и сторонников «Аль-Каиды» (*организация запрещена в России*) — весьма нелегко.

Уйгурские группировки, противоборствующие талибам, уже долгое время ведут борьбу за «независимость» Синьцзяна с территории Афганистана, что составляет трудноразрешимую проблему для обеих сторон афгано-китайского диалога, но с приходом в Кабул новых властей ситуация все же меняется. Новое правительство Афганистана выполнило ряд требований КНР, касающихся уйгурских сепаратистов. Так, «Талибан» передислоцировал этнических уйгуров из приграничных с Китаем районов. Требование об этом было озвучено властями КНР в отношении членов Исламской партии Туркестана, она же Исламское движение Восточного Туркестана (*запрещена в России*)¹. Уйгуры были перемещены с северо-востока Афганистана — пров. Бадахшан, расположенной вдоль 76-километровой афгано-китайской границы, в другие районы, в том числе в восточную пров. Нангархар. Тем не менее малейшая активизация исламистских радикалов в Афганистане способна повлечь за собой новую волну дестабилизации в западных районах Китая.

Иные инвестиции в Афганистан

После вывода войск США из Афганистана страна находится в ожидании новых иностранных инвестиций из соседних заинтересованных стран. Логично, что самым крупным из инвесторов на настоящий момент оказался Китай. Главное из направлений китайских капиталовложений — это добывающая отрасль Афганистана, в развитии которой стороны видят поле для комплексного взаимовыгодного сотрудничества и содействия развитию экономики страны.

КНР имела намерения инвестировать в добычу афганских полезных ископаемых ещё в 2007 г., когда китайские компания *Jiangxi Copper* и концерн *Metallurgical Corporation of China* получили права на разработку медного месторождения Айнак. Но проект был заморожен

¹ Исламское движение Восточного Туркестана (также известная как Исламская партия Туркестана, Туркестанское исламское движение) — уйгурское незаконное вооруженное формирование, целью которого является создание независимого исламского (шариатского) государства в Восточном Туркестане (см.: URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki>).

из-за политических рисков, связанных с неухаживающим противостоянием движения «Талибан» с тогдашним проамериканским правительством страны. К тому же присутствие китайской компании не отвечало интересам США. Поэтому все последующие годы, вплоть до прихода талибов в Кабул, реализация проекта тормозилась в силу всяческих бюрократических проволочек, возникавших по вине старых властей Афганистана.

По условиям тендера 2007 г., китайские компании брали на себя обязательства по строительству теплоэлектростанции и железной дороги, которая связывала бы Айнак с пунктами пропуска Хайратон — на границе с Узбекистаном, и Торхам — на пакистанской границе. На данный момент судьба всех этих проектов неясна.

В начале 2023 г. талибы и китайская компания *Xinjiang Central Asia Petroleum and Gas Co* заключили контракт сроком на 25 лет на добычу нефти в бассейне р. Амударья. Предполагаются инвестиции в размере 150 млн долл. в год, а через три года объем капиталовложений должен достичь 540 млн долл.¹

Однако, несмотря на объявленные намерения, Пекин, судя по его заявлениям, не стремится стать экономическим монополистом и не собирается навязывать афганскому правительству отношения односторонней зависимости от китайской стороны. При этом он не перестает ждать гарантий безопасности для своих проектов и своих граждан.

Заключение

Новое правительство в Кабуле, на наш взгляд, в несравнимо большей степени соответствует национальным интересам Афганистана. После прихода к власти талибов в стране улучшилась ситуация в сфере безопасности, хотя до полного решения этой проблемы еще очень далеко. Тем не менее инвестиционное пространство Афганистана становится более привлекательным. Внушает оптимизм и то, что, помимо Китая, к работе по содействию стабильности в Афганистане — стране-наблюдателе ШОС — подключились и другие члены Организации, такие как Иран, Казахстан, Узбекистан и партнер по диалогу Турция.

¹ Первый посол: Китай признал дипломата от талибов главой дипмиссии Афганистана. URL: <https://iz.ru/1643558/kseniia-loginova/pervyi-posol-kitai-priznal-diplomata-ot-talibov-glavoi-dipmissii-afganistana> (дата обращения: 15.05.2024).

Последовательная политика Китая в отношении Афганистана, приверженность КНР принципам взаимоуважения и невмешательства во внутренние дела этой страны, добрая история взаимных контактов (по мнению китайской стороны, Китай — единственная крупная держава, которая не наносила Афганистану политического или экономического ущерба) создают возможность для КНР стать ключевым партнером Афганистана, вытесняя из этого региона США и остальных соседей — региональных игроков. Пока же Китай ждет гарантий и не направляет новые инвестиции в Афганистан, стремясь защитить те, которые уже есть.

Для самого же Афганистана сотрудничество с Китаем — это немалый шанс выбраться из экономического и гуманитарного кризиса и попытаться придать новой власти весомость в глазах мирового сообщества. Однако для реализации этих задач, включая установление полномасштабных¹ официальных дипломатических отношений с самой КНР, Кабулу необходимо сделать целый ряд важных шагов, направленных опять-таки на укрепление безопасности, а также вывод китайских инвестиционных проектов из стадии ожидания.

Время покажет, насколько новому мировому лидеру в лице КНР удастся решить головоломку под названием «Афганистан», чего не удавалось сделать его предшественникам.

Библиографический список

Дьяконова М.А., Шарипов Ф.Ф. Афганистан и его роль для России и Китая // Современные востоковедческие исследования. 2022. № 4. С. 146—255. DOI: 10.24412/2686-9675-4-2022-146-161.

Замараева Н.А. Китай, Пакистан и процесс национального примирения в Афганистане // Общество и государство в Китае. 2015. № 2. С. 521—228.

Мамахатов, Т.М., Маллах, Дж.М.. Роль стран ШОС в обеспечении энергетической безопасности Китая // Экономический журнал РУДН. 2021. Т. 29. № 4. С. 653—263.

Россия—Китай: отношения на рубеже 20-летия «Большого договора» / отв. ред. А.С. Давыдов, С.В. Уянаев; Рос. акад. наук; Ин-т Китая и совр. Азии РАН. М.: ИКСА РАН, 2022. 208 с.

¹ В конце января 2024 г. Си Цзиньпин принял верительные грамоты Билала Карими, назначенного кабульскими властями послом в КНР. Теперь Китаю осталось сделать последний и очень значимый шаг на пути установления полномасштабных дипотношений с талибами, а именно: издать указ главы государства о признании новых властей Афганистана // Eurasia Today. 31.01.2024. URL: <https://eurasiatoday.ru/kitaj-pervym-akkreditoval-diplomata-ot-talibov-kak-posla/> (дата обращения: 04.03.2024).

Черняева С.В., Журавлева Е.В. Роль ШОС в контексте «афганской проблемы» // Постсоветские исследования. 2022. № 5. С. 531—244. DOI: 10.24412/2618-7426-2022-5-531-544.

References

Chernyaeva, S.V.; Zhuravleva, E.V. (2022). Rol' ShOS v kontekste «afganskoj problemy» [«The role of the SCO in the context of the «Afghan Problem»], *Postsovetskie issledovaniya [Post-Soviet Studies]*: 5: 531—244. DOI: 10.24412/2618-7426-2022-5-531-544. (In Russian).

Diakonova, M.A.; Sharipov, F.F. (2022). Afganistan i ego rol' dlya Rossii i Kitaya [Afghanistan and its role for Russia and China], *Sovremennye vostokovedcheskie issledovaniya Modern oriental studies*: 4: 146—255. DOI: 10.24412/2686-9675-4-2022-146-161. (In Russian).

Mamakhatov, T.M.; Mallah, J.M. (2021). Rol' stran ShOS v obespechenii energeticheskoy bezopasnosti Kitaya [The role of the SCO countries in ensuring China's energy security], *Ekonomicheskij zhurnal RUDN [RUDN Economic Journal]*: 29: 4: 653—263. (In Russian).

Rossiya — Kitaj: otnosheniya na rubezhe 20-letiya «Bol'shogo dogovora» / otv. red. A.S. Davydov, S.V. Uyanaev; Ros. akad. nauk; In-t Kitaya i sovr. Azii [Russia—China: Relations at the turn of the 20th anniversary of the “Big Treaty” / ed. A.S. Davydov, S.V. Uyanaev], *Moscow: ICCA RAS*, 2022, 208 p. (In Russian).

Zamaraeva, N.A. (2015). Kitaj, Pakistan i process nacional'nogo primireniya v Afganistane [China, Pakistan and the process of national reconciliation in Afghanistan] // *Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae [Society and the State in China]*: 2: 521—228. (In Russian).

К.В. Асмолов

ПРОБЛЕМА СЕВЕРКОРЕЙСКИХ ПЕРЕБЕЖЧИКОВ И ИНЫЕ АСПЕКТЫ ДАВЛЕНИЯ НА КИТАЙ В ОТНОШЕНИЯХ США—КНР—ЮЖНАЯ КОРЕЯ

Аннотация. На фоне укрепления глобальной турбулентности, которая в Восточной Азии принимает форму противостояния треугольников «Вашингтон—Токио—Сеул» и «Москва—Пекин—Пхеньян», США и Южная Корея продолжают оказывать давление на Китай. Они всё так же обвиняют Пекин в «неконструктивном подходе», предвзятой защите интересов КНДР и нежелании быть посредником между Северной Кореей и «мировым сообществом».

С 2023 г. в контексте привычной для США и РК демонизации Китая активно муссируется выдача в КНДР задержанных в КНР северокорейских граждан. Этот процесс начался после снятия коронавирусных ограничений, и в «выдаче невиновных людей на смерть» Пекин обвиняют не только «тематические» негосударственные организации (НГО), но и высокие чиновники в Вашингтоне и Сеуле.

По мнению Китая, речь идет не о «беженцах», а о «незаконных экономических мигрантах» и лицах, бежавших от уголовного преследования либо совершивших преступления на территории КНР. Однако Южная Корея, считающая КНДР «антигосударственной организацией», требует дать перебежчикам возможность беспрепятственно прибыть на ее территорию. Но, несмотря на протесты правозащитников, пик которых пришелся на преддверие Азиатских игр в Ханчжоу, Китай продолжает выдавать перебежчиков Северной Корее.

Думается, что на фоне противостояния КНР и США эта тема начнет обретать все большее значение в антикитайской пропаганде, причем на Пекин США будут пытаться возлагать ответственность не

только за факт выдачи перебежчиков в КНДР, но и за соучастие в «торговле людьми». Не исключено, что дело может дойти до вынесения этой проблемы на официальный уровень, вплоть до попыток наложения санкционных мер против Китая.

Ключевые слова: нелегальные мигранты, глобальная турбулентность, северокаорейские перебежчики, информационные войны.

Автор: *Асмолов Константин Валерианович*, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра корейских исследований, Институт Китая и современной Азии РАН (адрес: 117997, Москва, Нахимовский пр-т, 32). ORCID: 0000-0003-1584-2748. E-mail: kvasm@mail.ru; asmolov@iccaras.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации в Институте Китая и современной Азии РАН.

K. V. Asmolv

The issue of North Korean defectors and other aspects of pressure on China in U.S.-PRC-South Korea relations

Abstract. Against the backdrop of strengthening global turbulence, which in East Asia takes the form of a confrontation between the Washington-Tokyo-Seoul and Moscow-Beijing-Pyongyang triangles, the United States and South Korea continue to exert pressure on China. They still accuse Beijing of an “unconstructive approach,” biased protection of the interests of the DPRK and unwillingness to be a mediator between North Korea and the “world community.”

Since 2023, in the context of the continuing demonization of China by the United States and the Republic of Korea, the extradition to the DPRK of North Korean citizens detained in the PRC has been actively discussed. This process has begun after the lifting of coronavirus restrictions, and Beijing is accused of “handing over innocent people to death” not only by “thematic” non-governmental organizations (NGOs), but also by high officials in Washington and Seoul.

According to China, there are not “refugees”, but “illegal economic migrants” and persons who fled criminal prosecution or committed crimes on Chinese territory. However, South Korea, which considers the DPRK an “anti-state organization,” demands that defectors be given the opportunity to freely enter its territory. But despite protests from human rights activists, which peaked on the eve of the Asian Games in Hangzhou, China continues to hand over defectors to North Korea.

It seems that against the backdrop of the confrontation between the PRC and the United States, this topic will begin to gain increasing impor-

tance in anti-Chinese propaganda, and the USA will try to hold Beijing responsible not only for the fact of extraditing defectors to the DPRK, but also for complicity in “human trafficking.” It is possible that things may come to the point of bringing this problem to the official level, even to attempts of imposing sanctions against China.

Keywords: illegal migrants, global turbulence, North Korean defectors, information wars.

Author: Konstantin V. ASMOLOV, Ph.D (History), Leading Research Fellow, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences (address: 32, Nakhimovsky Ave., Moscow, 117997, Russian Federation). ORCID: 0000-0003-1584-2748.

E-mail: kvasm@mail.ru; asmolov@iccaras.ru

Conflict of interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

Support. The article was prepared at the Institute of China and Contemporary Asia of the RAS within the framework of the State assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation.

Введение

В предыдущих материалах мы отмечали, что на фоне усиления глобальной турбулентности и обострения противостояния между КНР и США, западные державы, оказывая давление в нужную им сторону, продолжают требовать от Китая выполнения роли «посредника» между КНДР и «международным сообществом» [Асмолов, 2023], [Бабаев, 2023]. Однако Пекин, наоборот, предпочитает дипломатически поддерживать Пхеньян и доводить до партнеров именно северокорейскую позицию, блокируя (вместе с Россией) инициативы, направленные на усугубление санкционного прессинга и шельмование прав человека в КНДР.

Так, на консультациях заместителя министра иностранных дел России А. Руденко и специального представителя правительства КНР по делам Корейского полуострова Лю Сяомин (26 июня 2023 г., Пекин) указывалось, что причину напряженности на Корейском полуострове Россия и Китай видят в «беспрецедентном за последние годы наращивании США и их союзниками непропорциональной военной активности, а также реализации их совместных планов в области ядерного планирования»¹.

¹ Представители РФ и КНР обсудили ситуацию на Корейском полуострове // Международное радио Кореи, 27.06.2023. URL: http://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&Seq_Code=74872 (дата обращения: 15.05.2024).

Этот курс КНР и России вызывает у США и их союзников, включая Республику Корея (РК), ощутимое противодействие, которое реализуется по нескольким направлениям, хорошо прослеживаемым в 2023—2024 гг.

Во-первых, продолжают попытки требовать от Китая роли «посредника». Во время визита в КНР 18—29 июня 2023 г. и рабочих встреч с китайскими официальными лицами госсекретарь США Э. Блинкен затрагивал проблематику КНДР, призывая Пекин оказать воздействие на Пхеньян с целью склонить последний к возобновлению переговорного процесса и прекращению провокационных действий¹. А представитель Госдепартамента В. Патель 25 июля заявил, что, будучи членами Совета Безопасности Организации Объединенных Наций, Китай и Россия должны сыграть свою роль в том, чтобы усадить Северную Корею за стол переговоров².

2 октября 2023 г. представитель госдепартамента США М. Миллер отметил, что Китай находится в уникальном положении, обладая возможностью использовать свое влияние на Северную Корею, чтобы побудить ее принять меры по деэскалации напряженности в регионе и вернуться за стол переговоров. «Мы продолжим поощрять Китай использовать это влияние в любой возможной степени, на которую он готов», — подчеркнул Миллер³.

4 октября в ответ на просьбу прокомментировать сообщения об обнаружении северокорейского нефтяного танкера в водах Китая В. Патель указал, что Китай может и должен помочь урегулированию северокорейских проблем⁴.

16 ноября во время саммита с председателем КНР Си Цзиньпином президент США Дж. Байден выразил обеспокоенность по поводу

1 블링컨 «중국에 특별한 대북 역할 있다»... '도발중단' 압박 촉구 [Блинкен: «Китай играет особую роль в Северной Корее»... Призываем оказать давление, чтобы прекратить провокации] // Yonhap News, 19.06.2023. URL: <https://www.yna.co.kr/view/AKR20230619152652083?section=nk/news/all> (дата обращения: 15.05.2024).

² Byun Duk-kun. China, Russia can and must help reduce tensions on Korean Peninsula: State Dept // Yonhap News, 26.07.2023. URL: <https://en.yna.co.kr/view/AEN2023072600020325?section=news> (accessed: 15.05.2024).

³ США призывают Китай использовать влияние на Северную Корею // Международное радио Кореи, 2023. URL: http://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&Seq_Code=75956 (дата обращения: 15.05.2024).

⁴ США призывают Китай помочь урегулированию проблем КНДР // Международное радио Кореи, 03.10.2023. URL: http://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&Seq_Code=75976 (дата обращения: 15.05.2024).

«незаконных» ядерных и ракетных программ Северной Кореи, отметив роль Пекина в сдерживании угроз, исходящих от Северной Кореи, и поощрении ее вернуться к диалогу¹.

17 ноября Ким Сон Хан, занимавший пост первого советника по национальной безопасности при правительстве Юн Сок Ёля, заявил, что «Республика Корея и Соединенные Штаты должны найти способ убедить Китай отделить северокорейскую ядерную проблему от стратегического соперничества между США и Китаем»².

26 ноября глава МИД РК Пак Чин обратился к Китаю с просьбой сыграть «конструктивную» роль в контексте того, что Северная Корея отменила межкорейское соглашение в военной области³.

Во-вторых, США и РК усилили обвинения Китая в неконструктивности его подхода. Так, в июле 2023 г. послы стран — членов G-7 («Большой семерки»), Евросоюза, РК, Австралии и Новой Зеландии призвали Китай остановить контрабанду северокорейской нефти в его территориальных водах⁴.

Более того, бывший высокопоставленный чиновник Совета национальной безопасности США Э. Руджеро призвал администрацию Дж. Байдена ввести санкции в отношении граждан, компаний и банков Китая, которые помогают Северной Корее закупать компоненты, необходимые для исследований и производства баллистических ракет⁵.

4 апреля 2024 г. известный вашингтонский «ястреб» В. Ча, председатель Корейского отделения американского Центра стратегических и международных исследований (CSIS), раскритиковал позицию Китая, воздержавшегося при голосовании в ООН по мандату экс-

¹ Song Sang-ho. Biden voiced concerns about 'illicit' N. Korean nuclear, missile programs in talks with Xi: official // Yonhap News, 17.11. 2023. URL: <https://en.yna.co.kr/view/AEN20231117003600315?section=news> (accessed: 15.05.2024).

² Yi Wonju. Ex-top security adviser says S. Korea should persuade China to 'delink' N.K. issue from U.S.-China rivalry // Yonhap News, 17.11.2023. URL: <https://en.yna.co.kr/view/AEN20231117005500315?section=news> (accessed: 15.05.2024).

³ Kim Seung-yeon. (LEAD) FM Park requests China's constructive role after N. Korea scraps inter-Korean military accord // Yonhap News, 26.11.2023. URL: <https://en.yna.co.kr/view/AEN20231126000851315?section=news> (accessed: 15.05.2024).

⁴ ООН призывает Пекин поддержать выполнение резолюций Совбеза // Международное радио Кореи, 23.07.2023. URL: http://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&Seq_Code=75230 (дата обращения: 15.05.2024).

⁵ US expert calls for sanctioning Chinese entities over N. Korea's missile program // Korea Times, 19.06.2023. URL: https://www.koreatimes.co.kr/www/nation/2023/06/120_353195.html (accessed: 15.05.2024).

пертной группы, назвав это признаком «некомпетентности» и «трусости» Пекина¹.

Впрочем, руководство Южной Кореи по прежнему не перешло к прямой антикитайской риторике и подобные обвинения звучат от случая к случаю и лишь по определенным поводам. Как заявил президент РК Юн Сок Ёль во время государственного визита в США, «ядерная угроза стала невероятно конкретной, потому что члены Совета Безопасности ООН не в полной мере сотрудничали даже в случаях нарушения резолюций Совета Безопасности ... Китай и Россия, оба постоянные члены Совета Безопасности, часто выступали против усиления санкций в отношении Северной Кореи»².

9 июня 2023 г. в эксклюзивном интервью информационному агентству *Yonhap* министр иностранных дел РК Пак Чин заявил, что Совет Безопасности Организации Объединенных Наций (СБ ООН) остается по существу парализованным в плане реагирования на незаконные провокации со стороны Северной Кореи, и подчеркнул намерение Сеула призвать Китай и Россию играть конструктивную роль³.

Однако главная тема данной статьи — это вопрос, значение которого в 2023—2024 гг. возросло: Китай начали активно критиковать за выдачу в КНДР северокорейских граждан, которые находились нелегально на территории КНР. В западной пропаганде их принято позиционировать как политических беженцев, имеющих право на политическую защиту, но выдаваемых в КНДР на пытки и смерть. Китайские же власти воспринимают их как нелегальных мигрантов, возвращая их северокорейским властям.

История вопроса

Массовый нелегальный уход северокорейских граждан в Китай начался во время «Трудного похода» в рамках начала формирования так называемой параллельной экономики: большинство лиц, перехо-

¹ Song Sang-ho. U.S. expert decries China's abstention in U.N. panel vote as sign of 'incompetence,' 'cowardice' // *Yonhap News*, 04.04.2024. URL: <https://en.yna.co.kr/view/AEN20240405000300315> (accessed: 15.05.2024).

² Lee Haye-ah. Yoon says Washington Declaration is 'upgraded' version of Mutual Defense Treaty // *Yonhap*, 29.04.2023 URL: <https://en.yna.co.kr/view/AEN20230429001000315?section=news> (accessed: 15.05.2024).

³ Chang Dong-woo. (Yonhap Interview) UNSC virtually 'paralyzed' in dealing with N.K. provocations; S. Korea to urge China, Russia to play constructive role: FM // *Yonhap News*, 09.06.2023. URL: <https://en.yna.co.kr/view/AEN20230608009200325?section=news> (accessed: 15.05.2024).

дивших границу, более находились в положении «отходников», или «челноков», рассчитывая на заработок и возвращение домой с деньгами. Это важно отметить, ибо западный нарратив подает всех перебежчиков как политических беженцев, отчего в массовом сознании возникает образ «типичного интеллигентного диссидента».

На деле же более 70 % проживающих в РК бывших северян — это женщины¹, причем не очень высокого социального статуса, выходцы из приграничных регионов, бежавшие более по экономическим причинам. Как постоянно подчеркивает А. Ланьков, «типичная беженка — это вовсе не интеллигент-диссидент, а крестьянка лет сорока, и ушла она за кордон не для того, чтобы бороться с режимом (она и слов-то таких, обычно, не знает), а для того, чтобы зарабатывать деньги на прокорм себя и оставшейся на Севере семьи»².

При этом многие перешедшие границу (хотя выделить конкретный процент сложно) стремились остаться в КНР.

Какое-то время в Пекине смотрели на ситуацию с пониманием, но уже к середине 2000-х годов в отношении перебежчиков стал все чаще и чаще использоваться термин «нелегальные экономические мигранты» [North Korean Defectors in China...] и их начали активно выдворять обратно.

С начала 2017 г. китайское правительство запустило в эксплуатацию программу «умный город», требующую от граждан предъявлять удостоверение личности при каждой покупке, отчего незаметное существование нелегалов стало затруднительным³. Как утверждает директор по международному сотрудничеству базирующейся в Сеуле НГО *Database Center for North Korean Human Rights* Ханна Сонг, сегодня «для подавления своего народа и северокорейских беглецов» в Китае применяются технологии распознавания лиц и биометрические системы⁴.

По данным правозащитных НГО, на август 2023 г. было зарегистрировано в общей сложности 8148 случаев репатриации северокорей-

¹ В РК сокращается количество северокорейских беженцев // Международное радио Кореи, 05.01.2018. URL: http://world.kbs.co.kr/russian/news/news_IK_detail.htm?No=51265&id=IK (дата обращения: 15.05.2024).

² Ланьков А.Н. Сколько стоит бежать из Северной Кореи // Republic.ru. 15.03.2012. URL: https://web.archive.org/web/20131111085949/http://slon.ru/world/koreyskie_perebezchiki-764741.xhtml (дата обращения: 15.05.2024).

³ Why number of North Korean defectors keep decreasing // Korea Times, 05.10.2018. URL: https://www.koreatimes.co.kr/www/nation/2018/10/103_256480.html (accessed: 15.05.2024).

⁴ China's facial recognition tech leads to drop in N. Korean defectors // Korea Times, 14.06. 2023. URL: https://www.koreatimes.co.kr/www/nation/2023/06/103_352947.html (accessed: 15.05.2024).

ских перебежчиков, и почти 98 % таких инцидентов было связано с репатриацией из Китая в КНДР¹.

Зачастую нелегальные мигранты из КНДР оказываются жертвами криминала. На нелегальных беженцах наживаются не только коррумпированные пограничники по обе стороны границы, но и преступные группировки. Оказавшись в сети криминала, большинство мужчин-беженцев попадает на грязную, дешевую или опасную для здоровья работу вплоть до контрабанды или наркотрафика [Green, 2004, p. 151].

Как утверждает британская неправительственная организация *Korea Future Initiative*, около 60 % перебежчиц в Китай становятся жертвами торговли людьми. Примерно половина из них попадает в сферу «классической» проституции, более 30 % принуждаются к за мужеству, а 15 % работают в онлайн-борделях.

Согласно южнокорейским НГО, до 80 % северокорейских женщин, которые добираются до Китая, становятся жертвами торговли людьми. За каждую из них «предприниматели» предлагают от 6 тыс. до 30 тыс. юаней (890 — 4500 долл.) в зависимости от возраста и внешних данных². Утверждается, что «незаконная торговля людьми сексуального характера ежегодно приносит северокорейским и китайским преступным сетям 105 млн долл.»³.

Однако если внимательно рассмотреть фигурирующие в антипхеньянской пропаганде устрашающие истории перебежчиков, которые периодически будоражат СМИ, то окажется, что половина ужасов касается жизни не на Севере, а связана с положением перебежчиков в Китае.

Другая проблема — активность так называемых брокеров, занимающихся (формально) доставкой политических беженцев в Южную Корею. На деле транспортировка желающих «выбрать свободу» оказывается хорошим приварком к торговле людьми. Если у брокеров возникают сомнения в платежеспособности жертвы, она просто не

¹ Kim Soo-yeon. Unification minister calls on Beijing not to repatriate N. Korean defectors staying in China // Yonhap News, 16.08.2023. URL: <https://en.yna.co.kr/view/AEN20230816004700325?section=news> (accessed: 15.05.2024).

² These North Korean defectors were sold into China as cybersex slaves. Then they escaped // CNN, 10.06.2019. URL: <https://edition.cnn.com/2019/06/09/asia/north-korea-defectors-intl-hnk/index.html> (accessed: 15.05.2024).

³ China's facial recognition tech leads to drop in N. Korean defectors // Korea Times, 14.06. 2023. URL: https://www.koreatimes.co.kr/www/nation/2023/06/103_352947.html (accessed: 15.05.2024).

добирается до Южной Кореи и может закончить свою жизнь в борделях Юго-Восточной Азии либо просто исчезнуть.

Все это требует от китайских властей довольно суровой миграционной политики, и отметим, что в отношениях КНР и КНДР вопрос о перебежчиках не вызывает каких-либо трений.

Аргументы за и против

Позиция Китая достаточно проста: он не рад нелегальным мигрантам, значительная часть которых еще и совершила на территории страны уголовные преступления. Поэтому практика в отношении перебежчиков из КНДР не отличается от процедур депортации мигрантов из других стран. Также депортация оправдывается двусторонними договорами между Китаем и Северной Кореей, такими как «Двустороннее соглашение о взаимном сотрудничестве в целях поддержания государственной безопасности и общественного порядка».

Отвечая на вопрос о принудительной депортации граждан КНДР, официальный представитель МИД КНР Ван Вэньбинь заявил, что Китай является страной с верховенством закона, которая обращается с «нелегальными мигрантами» в соответствии с установленными юридическими нормами в интересах поддержания безопасности и стабильности системы миграционного контроля¹.

Аргументы защитников выдаваемых лиц стоит рассмотреть подробнее. По мнению правительства РК, северокорейские перебежчики, находящиеся в Китае, являются не экономическими мигрантами, а политическими беженцами, которым необходимо разрешить въезд на Юг. В 1982 и 1988 гг. Китай подписал конвенции Организации Объединенных Наций о статусе беженцев и против пыток, статьи 33²

¹ Юг и Север: Обзор последних событий на Корейском полуострове (1-15 октября 2023 г.) // Asia Risk Group, 18.10.2023. URL: <https://asiarisk.org/novosti/359-yug-i-sever-ob-zog-poslednixh-sobytij-na-korejskom-poluostrove-1-15-oktyabrya-2023-g> (дата обращения: 15.05.2024).

² Конвенция о статусе беженцев. Принята 28 июля 1951 года Конференцией полномочных представителей по вопросу о статусе беженцев и апатридов, созванной в соответствии с резолюцией 429 (V) Генеральной Ассамблеи от 14 декабря 1950 года // Сайт ООН. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/refugees.shtml (дата обращения: 15.05.2024).

«Ст. 33 — Запрещение высылки беженцев или их принудительного возвращения (в страны, из которых они прибыли):

1. Договаривающиеся государства не будут никоим образом высылать или возвращать беженцев на границу страны, где их жизни или свободе угрожает опасность вследствие их расы, религии, гражданства, принадлежности к определенной социальной группе или политических убеждений.

и 3¹ которых запрещают государствам — членам ООН отправлять людей в страны или места, где они могут подвергнуться любому виду бесчеловечного обращения.

Между тем, по мнению прозападных НГО и «согласно свидетельствам перебежчиков», депортированных лиц ждут длительные сроки в лагерях для политических заключенных, а если они посещали религиозные учреждения или контактировали с южнокорейцами, то пытки и казни неминуемы.

Кроме того, репатриация называется этими НГО нарушением внутреннего законодательства Китая, поскольку ст. 46 Закона об управлении выездом и въездом требует «процесса проверки»².

«Правозащитники» очень активно раскручивают указанный нарратив. Ф. Робертсон, заместитель директора азиатского подразделения *Human Rights Watch*, утверждает, что пересечение границы без разрешения государства карается годами каторжных работ, а «обращение с повторными нарушителями могло бы быть нечеловечески суровым»³.

В другом открытом письме правозащитников утверждалось, что «северокорейцы, которые покидают свою страну, после их принудительной репатриации подвергаются риску пыток, сексуального и гендерного насилия, произвольных задержаний, насильственных исчезновений и даже казней, а также принудительных аборт и детоубийств»⁴.

К. Лартиг-мл., сопредседатель базирующейся в Сеуле НПО *Freedom Speakers International*, заявляет, что Пекин ставит перебежчи-

2. Это постановление, однако, не может применяться к беженцам, рассматриваемым в силу уважительных причин как угроза безопасности страны, в которой они находятся, или осужденным вошедшим в силу приговором в совершении особенно тяжкого преступления и представляющим общественную угрозу для страны».

¹ Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания. Принята резолюцией 39/46 Генеральной Ассамблеи от 10 декабря 1984 года. Ст. 3, § 1. Ни одно государство-участник не должно высылать, возвращать («refouler») или выдавать какое-либо лицо другому государству, если существуют серьезные основания полагать, что ему может угрожать там применение пыток // Сайт ООН. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/torture.shtml (дата обращения: 15.05.2024).

² EXCLUSIVE 'Free North Korean detainees': Activists target Hangzhou Asian Games // Korea Times, 19.09.2023. URL: https://www.koreatimes.co.kr/www/nation/2023/09/103_359478.html (accessed: 15.05.2024).

³ UN rapporteur closely watching signs of China deporting NK defectors // Korea Times, 31.08.2023. URL: https://www.koreatimes.co.kr/www/nation/2023/08/103_358237.html (accessed: 15.05.2024).

⁴ EXCLUSIVE 'Free North Korean detainees'...

ков в ситуацию, когда они не могут ни самостоятельно давать показания, ни публично разговаривать с адвокатами или активистами, которые могли бы им помочь. В результате перебежчики не способны задокументировать, как над ними издевались, а Китай же может утверждать, что он не видел доказательств пыток и т. п.

Ему вторит С. Шолте, известная американская активистка и лауреат Сеульской премии мира 2008 г., «отстаивающая права человека в Северной Корее на протяжении почти трех десятилетий». По ее мнению, китайское правительство просто лжет, ибо «существует огромное количество показаний очевидцев за десятилетия, свидетельствующих о том, что... все северокорейские дети, женщины и мужчины будут подвергнуты тюремному заключению и пыткам, когда они будут репатрированы... Если выяснится, что вы пытались попасть в Южную Корею или вступали в контакт с христианскими гуманитарными работниками, вас могут отправить на немедленную смерть... или медленную смерть в лагере для политических заключенных — опять же, это основано на показаниях очевидцев»¹.

В какой мере это правда? Установить конкретное число перебежчиков, преступников и правонарушителей среди репатрированных в КНДР не представляется возможным. Статистические данные о том, какая часть северокорейских мигрантов по возвращении на родину была осуждена за политические преступления, не говоря уже о числе расстрелянных, тоже отсутствуют, что превращает вопрос об их судьбе в поле для предвзятых интерпретаций.

Однако в УК КНДР² ничего не говорится о смертной казни за переход границы. А заявления о чудовищных пытках и казнях лиц, перешедших границу, исходят из ангажированных источников, проверить которые, как правило, не представляется возможным. Обычно это или «правозащитные» организации, утверждающие, что они обладают сетью «тайных информаторов» на территории КНДР, или перебежчики, которые несколько раз пересекали границу, содержались за это под стражей, но в итоге добрались до Южной Кореи, где начали принимать участие в пропагандистских мероприятиях.

Между тем, как отмечает Сон Чжи Ён [Song, 2015], респонденты такого рода часто подстраиваются под интервьюера и готовы расска-

¹ Rights experts criticize China for denying torture in North Korea // Korea Times, 28.11.2023. URL: https://www.koreatimes.co.kr/www/nation/2023/11/120_364086.html (accessed: 15.05.2024).

² 조선 민주주의 인민 공화국 형법 [Уголовный кодекс Корейской Народно-Демократической Республики] / пер. А.В. Ковш, Ю.Д. Скрипник. СПб.: Гиперион, 2017.

зять то, что ему хочется услышать, вне зависимости от того, реальна ли описываемая ситуация или нет.

Наконец отметим, что § 2 ст. 33 Конвенции ООН о беженцах разрешает депортировать их в случае, если они представляют угрозу для страны или являются осужденными преступниками.

Хроника текущих событий

Как заявил южнокорейский депутат-консерватор Чхве Чжэ Хен, «объявление об окончании *COVID-19*, приветствуемое людьми по всему миру, может стать ужасной новостью в качестве прелюдии к смерти для северокорейских беглецов, задержанных в Китае»¹.

Утверждается, что спутниковые снимки показывают расширение китайских центров содержания под стражей после пандемии: видны новые ограждения и дополнительные помещения, где, как полагают, содержатся беглецы из Северной Кореи².

Истерия по поводу перебежчиков достигла апогея перед Азиатскими играми (23—29 сентября 2023 г., Ханчжоу), когда правозащитные организации начали вбрасывать информацию о том, что массовые депортации начнутся после этого события.

13 июня 2023 г. Исполнительная комиссия Конгресса США по Китаю провела экстренные слушания, «чтобы призвать Китай выполнить свои обязательства в качестве члена Организации Объединенных Наций и защитить северокорейских просителей убежища»³.

23 июня председатель Национальной комиссии РК по правам человека Сон Ду Хван призвал Китай не отправлять северокорейских перебежчиков обратно на родину, поскольку «несмотря на рекомендацию ООН прекратить принудительную репатриацию северокорейских перебежчиков в Китай, есть сообщения о том, что принудительная репатриация около 2000 северокорейских перебежчиков, содержащихся в китайских местах содержания под стражей, неизбежна»⁴.

¹ Seoul urges Beijing to stop repatriating North Koreans // Korea Times, 16.08.2023. URL: https://www.koreatimes.co.kr/www/nation/2023/08/103_357180.html (accessed: 15.05.2024).

² China's facial recognition tech leads to drop in N. Korean defectors // Korea Times, 14.06. 2023. URL: https://www.koreatimes.co.kr/www/nation/2023/06/103_352947.html (accessed: 15.05.2024).

³ Yun Duk-kun. Congressional commission holds emergency hearing, urges China to protect N. Korean defectors // Yonhap News, 13.06.2023. URL: <https://en.yna.co.kr/view/AEN20230613009600325?section=news> (accessed: 15.05.2024).

⁴ Yoo Cheong-mo. S. Korean rights watchdog head urges China to stop repatriation of N.K. defectors // Yonhap News, 23.06.2023. URL: <https://en.yna.co.kr/view/AEN202306230102400315?section=news> (accessed: 15.05.2024).

16 августа министр РК по делам воссоединения Ким Ён Хо попросил китайские власти признать северокорейских беглецов беженцами: ко всем северокорейцам в Китае следует относиться в соответствии с международными стандартами в области прав человека и допускать их в те страны, которые они выберут¹.

Правозащитники еженедельно проводили акции протеста перед посольством КНР в США, призывая Пекин прекратить принудительную репатриацию северокорейских беглецов обратно в КНДР². Аналогичные митинги «общественные организации, занимающиеся правами человека в Северной Корее», проводили перед посольством Китая в Южной Корее³.

19 сентября на форуме Национального фонда за демократию заместитель специального представителя США по Северной Корее Чжон Пак заявила, что «мы особенно обеспокоены положением задержанных из КНДР в Китае, которым грозит заключение и пытки в случае возвращения... Мы продолжаем поднимать этот вопрос перед КНР и призываем ее выполнять свои обязательства по невыдворению»⁴. Десятки правозащитных организаций и экспертов из 17 стран написали открытое письмо Си Цзиньпину, в котором потребовали от Пекина освободить северокорейских заключенных и предоставить им статус беженцев⁵. Среди подписантов были и НГО класса *Human Rights Watch*, и известные штатные борцы за права человека в Северной Корее, включая бывших специальных докладчиков ООН Т. Охеа Кинтану и М. Дарусмана; бывшего члена Комиссии по расследованию ситуации с правами человека в Северной Корее С. Бисерко; почетную сопредседательницу базирующегося в Вашингтоне Комитета по правам человека в Северной Корее Р. Коэн и отмеченную выше С. Шолте.

¹ Seoul urges Beijing...

² Rights groups call for UN action to protect North Korean escapees in China // Korea Times, 11.09.2023. URL: https://www.koreatimes.co.kr/www/nation/2023/09/120_358896.html (accessed: 15.05.2024).

³ Yi Wonju.N.K. rights groups hold rally against repatriation of defectors in front of Chinese Embassy // Yonhap News, 22.09.2023. URL: <https://en.yna.co.kr/view/AEN20230922004600325?section=news> (accessed: 15.05.2024).

⁴ Song Sang-ho.U.S. official voices concerns over N. Korean detainees in China at risk of repatriation // Yonhap News, 20.09.2023. URL: <https://en.yna.co.kr/view/AEN20230920000200325?section=news> (accessed: 15.05.2024).

⁵ Rights experts from 17 countries demand release of North Korean escapees in China // Korea Times, 21.09.2023. URL: https://www.koreatimes.co.kr/www/nation/2023/09/103_359770.html (accessed: 15.05.2024).

13 сентября председатель Национальной комиссии РК по правам человека Сон Ду Хван направил главе СПЧ ООН Ф. Гранди письмо¹, в котором призвал его официально обратиться к правительству Китая с просьбой навсегда прекратить репатриацию северокорейских беглецов против их воли. «В этот самый момент северокорейские перебежчики в Китае отчаянно надеются на руку помощи, которая спасет их от прямых угроз пыток и наказания... Я убедительно прошу ваше агентство принять более активные меры в этих вопросах с гуманитарной точки зрения...»

Вся эта активность, однако, никак не повлияла на подход Пекина. Как сообщала правозащитная организация «Союз справедливости для Северной Кореи», 9 октября 2023 г. из Китая на родину были депортированы 600 северокорейских беженцев, задержанных в китайских провинциях Цзилинь и Ляонин, а всего с конца августа Китай депортировал в Северную Корею в общей сложности около 2600 беженцев².

Министерство РК по делам воссоединения подтвердило³, что «многие жители Северной Кореи из трех северо-восточных провинций Китая были репатрированы», однако «мы не можем точно подтвердить, сколько перебежчиков и преступников было среди них»⁴.

16 октября специальный посланник США по правам человека в Северной Корее Дж. Тернер выразила обеспокоенность тем, что Китай может и в дальнейшем принудительно высылать северокорейских перебежчиков, указав, что «правительство США регулярно поднимает с правительством КНР вопрос о принудительной репатриации»⁵.

18 октября на заседании Третьего комитета ООН по правам человека постоянный представитель РК при ООН Хван Чжун Гук заявил о

¹ Rights watchdog chief calls for active UN involvement in saving NK refugees // Korea Times, 05.10.2023. URL: https://www.koreatimes.co.kr/www/nation/2023/10/103_360536.html (accessed: 15.05.2024).

² В РК обеспокоены репатриацией северокорейских беженцев из Китая // Международное радио Кореи, 12.10.2023. URL: http://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&Seq_Code=76039 (дата обращения: 15.05.2024).

³ (LEAD) China forcibly repatriates some 600 N. Korean defectors this week: civic group // Yonhap News, 11.10.2023. URL: <https://en.yna.co.kr/view/AEN20231011008851315?section=news> (accessed: 15.05.2024).

⁴ (LEAD) Unification ministry says many N. Koreans in China believed to have been repatriated // Yonhap News, 13.10.2023. URL: <https://en.yna.co.kr/view/AEN20231013003751315?section=news> (accessed: 15.05.2024).

⁵ U.S. envoy voices concern over China's forced repatriation of N. Korean defectors // Yonhap News, 16.10.2023. URL: <https://en.yna.co.kr/view/AEN20231016006300315?section=news> (accessed: 15.05.2024).

недопустимости репатриации Китаем северокорейских беженцев, назвав это серьезным нарушением прав человека¹.

В тот же день премьер-министр РК Хан Док Су проинформировал², что во время своей встречи с председателем КНР Си Цзиньпином в сентябре 2023 г. он выразил обеспокоенность Сеула по поводу принудительной репатриации Китаем северокорейских перебежчиков.

8 ноября 2023 г. Третий комитет ГА ООН принял проект резолюции, осуждающий нарушения прав человека в Северной Корее. Резолюция настоятельно призвала все государства — члены ООН уважать основополагающие принципы защиты прав человека, «особенно в свете возобновления трансграничных поездок». Китай в документе прямо упомянут не был, но пассаж о «трансграничных поездках» был явно неслучайным³.

Параллельно Национальное собрание РК начало готовить проект резолюции «против практики Пекина, нарушающей права человека», однако оппозиционная Демократическая партия Кореи выступила против, заявив, что это ухудшит отношения Южной Кореи с Китаем⁴. В результате резолюция была принята только 30 ноября 2023 г. при поддержке 253 законодателей из 260 присутствовавших⁵. Она призвала КНР прекратить отправку северокорейцев обратно в их страну, признать находящихся в Китае северокорейцев беженцами и разрешить им переехать в Южную Корею или другие страны.

25 декабря Агентство ООН по делам беженцев рекомендовало Китаю обеспечить «жизнеспособное и эффективное гуманитарное пространство» для северокорейских беженцев⁶.

¹ РК подняла в ООН проблему репатриации беженцев // Международное радио Кореи, 19.10.2023. URL: https://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&Seq_Code=76097 (дата обращения: 15.05.2024).

² PM says he raised S. Korea's concern over China's repatriation of N.K. defectors in meeting with Xi // Yonhap News, 18.10.2023. URL: <https://en.yna.co.kr/view/AEN20231018008600315?section=news> (accessed: 15.05.2024).

³ Комитет ООН принял проект резолюции о правах человека в СК // Международное радио Кореи, 09.11.2023. URL: http://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&Seq_Code=76292 (дата обращения: 15.05.2024).

⁴ Mother devastated as daughter feared to be repatriated back to N. Korea // Korea Times, 26.11.2023. URL: https://www.koreatimes.co.kr/www/nation/2023/11/103_363859.html (accessed: 15.05.2024).

⁵ National Assembly adopts resolution urging China not to repatriate N.K. refugees // Yonhap News, 30.11.2023. URL: <https://en.yna.co.kr/view/AEN20231130008700315?section=news> (accessed: 15.05.2024).

⁶ UNHCR calls for China to ensure 'humanitarian space' for N. Korean asylum seekers // Yonhap News, 25.12.2023. URL: <https://en.yna.co.kr/view/AEN20231226000300315?section=news> (accessed: 15.05.2024).

А 7 мая 2024 г. правозащитные НГО сообщили¹, что 26 апреля около 200 северокорейских беженцев, задержанных в пров. Цзилинь на севере Китая, были принудительно отправлены обратно в КНДР. До 60 северокорейцев, арестованных в китайских районах Тумэнь и Хуньчунь при попытке перебежать в Южную Корею, постигла аналогичная участь. Национальная разведывательная служба РК подтвердила эти сообщения.

Перспективы развития ситуации

В отношениях Пекина и Пхеньяна вопрос о перебежчиках не считается проблематичным, и в китайских СМИ автору не попалось материалов, где эта тема рассматривалась бы критически. Однако выдвигаемые против властей Китая обвинения в «соучастии в торговле людьми» или «выдаче людей на смерть» являются картой, которую определенным силам удобно разыгрывать в пропагандистских целях.

В связи с этим не исключено, что данная тема не только будет муссироваться на уровне отношений Пекина и Сеула или заявлений прозападных правозащитных групп, но и претерпит попытки смещения из общественного поля в политическое пространство с целью усиления стигматизации Пекина и наложения на него санкций.

Разговоры по этому поводу ведутся уже сейчас на уровне и экспертов, и политиков. Бывший специальный посланник США по вопросам прав человека в Северной Корее Р. Кинг заявлял, что «Соединенные Штаты и международное сообщество должны объявить сейчас, что они введут санкции против любого китайского чиновника, причастного к насильственной репатриации любых северокорейцев обратно в Северную Корею, указав, что они также будут преследоваться в международном суде за соучастие в убийстве, если эти опасения действительно оправдаются»².

Руководство Исполнительной комиссии Конгресса США по Китаю также полагает, что «международное сообщество должно усилить давление на Китай, чтобы прекратить длящуюся десятилетиями жестокую практику отправки северокорейских беглецов обратно на родину, где они столкнутся с пытками, избиениями, сексуальным насилием, принудительными абортами и смертью».

¹ EDITORIAL from Korea Times on May 7 // Yonhap News, 07.05.2024. URL: <https://en.yna.co.kr/view/AEN20240507000500315> (accessed: 15.05.2024).

² Congressional commission holds emergency hearing, urges China to protect N. Korean defectors // Yonhap News, 13.06.2023. URL: <https://en.yna.co.kr/view/AEN20230613009600325?section=news> (accessed: 15.05.2024).

Со схожей позицией выступает профессор юридического факультета Университета иностранных языков Хангук (г. Сеул, РК) Чо Чжун Хен. Он, хотя и полагает натяжкой тезис о том, что Китай несет такую же ответственность за преступления против человечности, как и Северная Корея, однако считает, что «есть связь, которая может привести Китай к ответственности как соучастника»¹.

6 ноября 2023 г. перебежчик из КНДР и депутат национального собрания Тхэ Ён Хо призвал включить в резолюцию ООН по правам человека положение, предусматривающее ответственность Китая за принудительную репатриацию северокорейских беженцев². Тхэ признал, что в реальности внести такое дополнение в резолюцию ООН невозможно, поскольку Китай является одним из постоянных членов СБ ООН, но «если международное сообщество будет хранить молчание об ответственности Китая», то репатриации продолжатся.

15 марта 2024 г. американский законодатель М. Парк Стил представила резолюцию, призывающую правительство США и их союзников защитить северокорейских перебежчиков в Китае и использовать влияние ООН для защиты северокорейских просителей убежища, а также запретить любые товары, произведенные с использованием северокорейской рабочей силы, и остановить приток иностранного капитала северокорейскому режиму³.

Как видно, вероятность того, что США и их союзники перейдут от слов к делу, велика. Более того, если конфронтация Вашингтона с Пекином и Москвой будет усиливаться, то претензии такого рода могут появиться и в адрес России. Хотя северокорейских отходников в Россию почти нет, «специалистов» по информационным войнам это вряд ли остановит.

Библиографический список

Асмолов К.В. Как и почему Китай перестает быть посредником между Пхеньяном и Сеулом // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2023. Вып. XXVIII. С. 148—265. DOI: 10.48647/ICCA.2023.93.49.013.

¹ Seoul urges Beijing...

² Lawmaker calls for specifying China's responsibility in U.N. resolution on N.K. human rights // Yonhap News, 07.11.2023. URL: <https://en.yna.co.kr/view/AEN20231107002000315?section=news> (accessed: 15.05.2024).

³ Congresswoman submits resolution urging U.S. gov't to protect N.K. defectors in China // Yonhap News, 16.03.2024. URL: <https://en.yna.co.kr/view/AEN20240316000300315> (accessed: 15.05.2024).

Бабаев К. В. Стратегический треугольник Россия—США—КНР и будущее Северо-Восточной Азии // *Корееведение*. 2023. № 4. С. 66—28. DOI: 10.48647/ICCA.2023.27.21.006.

References

Asmolv, K.V. (2023) Kak i pochemu Kitaj perestает byt' posrednikom mezhdu Phen'janom i Seulom [How and why China ceases to be an intermediary between Pyongyang and Seoul], *Kitaj v mirovoj i regional'noj politike. Istorija i sovremennost'* [China in World and Regional Politics. History and Modernity]: XXVIII: 148—265. DOI: 10.48647/ICCA.2023.93.49.013. (In Russian).

Babaev, K.V. (2023) Strategicheskij treugol'nik Rossija — SShA — KNR i budushhee Severo-Vostochnoj Azii [Strategic triangle Russia — USA — China and the future of Northeast Asia], *Koreevedenie [Korean Studies]*: 4: 66—28. DOI: 10.48647/ICCA.2023.27.21.006. (In Russian).

* * *

Breen, Michael (2004). Kim Jong-II: North Korea's Dear Leader. Who He is, What He Wants, What to Do about Him. *New York: Wiley*: 200 p.

North Korean Defectors in China: Illegal Economic Migrants or Refugees?, *Stanford International Policy Review*. URL: <http://www.stanfordpolicyreview.org/international-security-and-cooperation/north-korean-defectors-in-china-illegal-economic-migrants-or-refugees> (accessed: 15.05.2024).

Song, Jay (2015). In the Making of North Korean Defector-Activists, *songjiyoung.com*, 23 July. URL: <https://songjiyoung.wordpress.com/2015/07/23/in-the-making-of-north-korean-defector-activists> (accessed: 15.05.2024).

А. Ч. Мокрецкий

ОТНОШЕНИЯ КИТАЯ С ЗАКАВКАЗСКИМИ РЕСПУБЛИКАМИ С 2020 Г. И ПО НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ

Аннотация. С момента установления дипломатических отношений в 1992 г. сотрудничество КНР и постсоветских республик на Южном Кавказе (Азербайджан, Армения и Грузия) поступательно и динамично развивается. Следуя конфуцианским традициям и разменяв четвертый десяток лет своей истории, двусторонние связи в трех парах государств (Китай—Азербайджан, Китай—Армения, Китай—Грузия) обретают очевидную устойчивость, несмотря на международную турбулентность, факторы неопределенности и нестабильности.

В данной статье автор рассматривает динамику отношений КНР с тремя закавказскими республиками с 2020 г. Автор ставит перед собой следующие исследовательские задачи: проследить, как развивались отношения между КНР и закавказскими республиками в указанный период, повлияла ли СВО на сотрудничество между государствами, как страны региона рассматривают перспективы их взаимодействия, в том числе в рамках сопряжения с ИПП.

Проведя анализ двусторонних отношений каждой пары, автор приходит к выводу, что вспыхнувшая в 2020—2021 гг. коронавирусная пандемия и начавшаяся специальная военная операция РФ на территории Украины в феврале 2022 г. оказали воздействие на двусторонние отношения каждой пары названных государств, но не изменили их характер и сущность, в целом соответствуя общим трендам расширения китайского экономического присутствия по всему миру.

Ключевые слова: Китай, Азербайджан, Армения, Грузия, «Один пояс, один путь», «сообщество единой судьбы человечества».

Автор: Мокрецкий Александр Чеславович, старший научный сотрудник Центра «Россия, Китай, мир», Институт Китая и современной Азии Российской академии наук (адрес: 117977, Москва, Нахимовский пр-т, 32). ORCID 0000-0002-5150-7747.

E-mail: 88am@mail.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации в Институте Китая и современной Азии РАН.

A.Ch. Mokretskii

China's relations with the Transcaucasian Republics since 2020

ABSTRACT. Since the establishment of diplomatic relations in 1992, cooperation between the PRC and the post-Soviet republics in the South Caucasus (Azerbaijan, Armenia and Georgia) has been steadily and dynamically developing. Following Confucian traditions and having exchanged the fourth decade, bilateral relations in three pairs (China-Azerbaijan, China-Armenia, China-Georgia) “cease to doubt”, despite international turbulence, uncertainty and instability factors.

In this article, the author examines the dynamics of China's relations with the three Transcaucasian republics since 2022. The author sets himself the following research tasks: to study, how did relations between the People's Republic of China and the Transcaucasian republics develop during this period, how Special Military Operation has influenced cooperation between the states, how the countries of the region consider the prospects for their interaction, including the framework of interfacing with the Belt and Road Initiative?

After analyzing the bilateral relations of each couple, the author concludes that the coronavirus pandemic that broke out in 2020—2021 and the Special Military Operation of the Russian Federation on the territory of Ukraine since in February 2022 have had an impact on the bilateral relations of each couple (PRC-Azerbaijan, PRC-Armenia and PRC-Georgia), but haven't changed their nature and essence, generally following the line of general trends of the expansion of the Chinese economic presence around the world.

Keywords: China, Azerbaijan, Armenia, Georgia, Belt and Road Initiative, “Community of the common destiny for mankind”.

Author: Alexander Ch. MOKRETSKII, Senior Research Fellow, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences (address: 32, Nakhimovsky Ave., Moscow, 117997, Russian Federation). ORCID 0000-0002-5150-7747. E-mail: 88am@mail.ru

Conflict of interests. The author declares that there is no conflict of interests.

Support. The article was prepared at the Institute of China and Contemporary Asia of the RAS within the framework of the State assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation.

Отношения между КНР и закавказскими постсоветскими республиками (речь идет об Азербайджане, Армении и Грузии) в первой половине 20-х годов XXI в. характеризуются позитивной динамикой и устойчивым ростом. Несмотря на фундаментальные изменения, происходящие в современных международных отношениях, включая турбулентность на Южном Кавказе (2-я Карабахская война¹, внутренние пертурбации в Армении² и Грузии³), Пекин неизменно проводит внешнеполитический курс, направленный на включение региона в свою геоэкономическую орбиту через глобальный проект «Один пояс, один путь» (ОПОП), или инициативу «Пояс и путь» (ИПП).

¹ См. подробнее: *Сергей Маркедонов, Вали Каледжи, Керим Хас.* Слом статус-кво и международное измерение кризиса в Нагорном Карабахе // Доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай», декабрь 2020. URL: <https://ru.valdaiclub.com/files/36258/> (дата обращения: 25.05.2024). *Камран Гасанов.* Карабах в составе Азербайджана: как изменится региональная геополитика? // РСМД, 28 сентября 2023. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/karabakh-v-sostave-azerbaydzhan-kak-izmenitsya-regionalnaya-geopolitika/> (дата обращения: 25.05.2024). *Сергей Маркедонов.* Кавказский регион между Западом и Востоком // РСМД, 22 марта 2024. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/kavkazskiy-region-mezhdu-zapadom-i-vostokom/> (дата обращения: 25.05.2024).

² В Армении после прихода к власти премьер-министра Н. Пашиняна весной 2018 г. ежегодно проходят стихийные митинги, которые периодически выливаются в потасовки. Последняя такая акция прошла 26 мая 2024 г. с требованиями отставки Н. Пашиняна. Манифестанты также потребовали выдвинуть кандидатом в премьеры лидера протестов, главу Тавушской епархии Армянской апостольской церкви архиепископа Баграта Галстаняна. См. подробнее: Тысячи протестующих собрались у резиденции Пашиняна. РИА Новости, 26 мая 2024. URL: <https://ria.ru/20240526/protest-1948482467.html> (дата обращения: 26.05.2024). *Naghi Ahmadov.* Growing friction between Armenian gov't and opposition: How will it reshape normalization with Azerbaijan? (Op-Ed) news.az, 30 March 2024. URL: <https://news.az/news/growing-friction-between-armenian-govt-and-opposition-how-will-it-reshape-normalization-with-azerbaijan-op-ed> (accessed: 25 May, 2024) Напомним, что сам премьер-министр, воспользовавшись массовыми акциями протестов против правившего десять лет президента С. Саргсяна, занял кресло в Доме правительства РА в Ереване. Несмотря на резкое падение рейтинга в связи с поражением Армении в Нагорном Карабахе, партия Н. Пашиняна «Гражданский договор» выиграла внеочередные парламентские выборы в июне 2021 г., а спустя месяц — в августе — он вновь стал премьер-министром.

³ В Грузии в течение последних двух лет проходят стихийные массовые протесты на фоне рассмотрения парламентом законопроекта «О прозрачности иностранного влияния», или так называемого закона об иноагентах. См. подробнее: Александр Гришин.

Пережив пандемию *COVID-19*, которая была не настолько смертоносной, как европейская чума или «испанка», но не менее патогенной и контагиозной, человечество столкнулось с новыми вызовами: в мире вновь разгорелись «застарелые» конфликты и появились новые театры военных действий на Ближнем Востоке, Украине и на Южном Кавказе.

В данной статье будет рассматриваться динамика отношений КНР с тремя закавказскими республиками с 2020 г. и по настоящее время, включая «коронавирусные» годы и период развернувшейся с 24 февраля 2022 г. специальной военной операции (СВО) РФ на Украине. Автор ставит перед собой следующие исследовательские задачи: проследить, как развивались отношения между КНР и закавказскими республиками в указанное время, повлияла ли СВО на сотрудничество между государствами и как страны региона рассматривают перспективы взаимодействия, в том числе в рамках сопряжения с ИПП.

Отношения Китай—Закавказье: общее состояние дел

Со времени установления дипломатических отношений с закавказскими республиками в 1992 г. Китайская Народная Республика всегда поддерживала их территориальную целостность, суверенитет и независимость. Китай сохраняет «объективное, справедливое и сдержанное» отношение к происходящим в регионе конфликтам (Абхазия, Южная Осетия, Нагорный Карабах¹/Арцах), стараясь не участво-

Кто и зачем бросает Грузию в огонь протестов: главное о беспорядках в Тбилиси и их истинных целях // Комсомольская правда, 9 марта 2023. URL: <https://www.kp.ru/daily/27475/4731054/> (дата обращения: 26.05.2024). *Нино Скворцова*. Акции протеста в Тбилиси: мечтают ли грузины об иноагентах? // РСМД, 24 мая 2024. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/sandbox/aktsii-protesta-v-tbilisi-mechtayut-li-gruziny-ob-inoagentakh/> (дата обращения: 26.05.2024). *Богдан Атанесян*. Дестабилизация в Грузии в логике плана «б» // Фонд Норавак, 26 апреля 2024. URL: http://nora.vank.am/rus/articles/detail.php?ELEMENT_ID=23757 (дата обращения: 26.05.2024).

¹ С 1 января 2024 г. Нагорно-Карабахская Республика прекратила существование. Поставлена точка в более 30 лет длившемся конфликте между Азербайджаном и Арменией за спорную территорию. Подробности см. Закончилась 30-летняя история республики Нагорный Карабах. Почему армяне и азербайджанцы столько лет воевали из-за нее? // Лента, 28 сентября 2023. URL: https://lenta.ru/articles/2023/09/28/karabah_poka/ (дата обращения: 24.05.2024). Армения признает территориальную целостность Азербайджана на территории 86 600 кв. км, что включает Карабах и восемь азербайджанских анклавов на территории Армении.

вать в них напрямую [Внешняя политика..., с. 236—238]) и придерживаясь общепризнанных норм международного права, целей и принципов Устава ООН, прежде всего «невмешательства во внутренние дела»¹.

Баку, Ереван и Тбилиси, в свою очередь, выражают решительную поддержку позиции Пекина по вопросам Тайваня², Тибета, Синьцзяна, Гонконга/Сянгана, правам человека³ и другим вопросам. Подобная «конструктивная нейтральная» позиция⁴ и оценка со стороны КНР позволяет каждой из трех постсоветских республик трактовать ее в свою пользу.

Кроме того, на отношения Китая с государствами Южного Кавказа оказала серьезное влияние непростая экономическая повестка, связанная, прежде всего, с последствиями пандемии *COVID-19* [История Китая..., с. 631—232], вспыхнувшей в 2020—2021 гг., а также с развернувшейся с 24 февраля 2022 г. СВО на территории Украины. При этом важно подчеркнуть, что, несмотря на возникшие сложности, торговый оборот с Китаем лишь увеличился (табл. 1). В частности, как отмечает армянский экономист Агаси Тавадян, резкий рост реэкспорта начался с апреля 2022 г. в условиях масштабных санкций в отношении РФ, в результате которых российский рынок лишился большого количества товаров, и они стали поступать в страну через Армению, что объясняет значительный рост торгового оборота с КНР. Как отметил эксперт, реэкспорт Армении идет по двум направлениям: одно из Китая и ЕС в сторону России. Это в основном быто-

¹ Foreign agent law is a domestic matter of Georgia: China Ambassador to Georgia. Georgia Online News agency, May 17, 2024. URL: <https://georgiaonline.ge/news/62759/foreign-agent-law-is-a-domestic-matter-of-georgia-china-ambassador-to-georgia/> (accessed: May 25, 2024).

² Здоровое и стабильное развитие отношений между Китаем и Арменией основано на принципе «Один Китай»: статья посла Фань Юн // Агентство ARMENPRESS, 17 мая 2024. URL: <https://armenpress.am/rus/news/1137268/> (дата обращения: 25.05.2024).

³ Перечень вопросов каждый год обновляется: дополняется или, наоборот, сокращается. Например, в позицию стран, с которыми установлены дипломатические отношения, входит поддержка Китая по вопросу секты «фалуныгун» и др. Посмотреть подробнее можно на официальном сайте МИД КНР во вкладке «Государства и регионы» (URL: https://www.mfa.gov.cn/web/gjhdq_676201/gj_676203/yz_676205/ (дата обращения: 24.05.2024), далее выбираются необходимый «регион» (в нашем случае «Азия») и изучаемая страна («Азербайджан», «Армения» или «Грузия»). В выбранной стране ищем пункт «двусторонние отношения». Представленная информация последний раз была обновлена в марте 2024 г.

⁴ Караетян Р.Г. Особенности внешней политики Китая // Агентство ARMENPRESS, 24 января 2024. URL: <https://armenpress.am/rus/news/1128686.html> (дата обращения: 25.05.2024).

вая техника и автомобили. Второе направление — реэкспорт из России в ОАЭ и в последнее время в Гонконг золота и бриллиантов¹.

Таблица 1. Торговый оборот постсоветских республик с КНР, млрд долл.

Страна \ годы	2020	2021	2022	2023	2024*
Украина	14,668,81	19,305,322	7,655,620	6,810,155	2,267,419
Беларусь	3,003,244	3,822,140	5,079,900	8,443,337	1,814,830
Молдова	0,206,265	0,283,490	0,291,513	0,346,154	0,096,135
Азербайджан	1,300,595	1,199,959	1,381,773	1,721,814	0,463,639
Грузия	1,373,119	1,204,036	1,408,469	2,049,119	0,497,963
Армения	0,994,885	1,415,420	1,421,549	1,585,192	0,270,236
Литва	2,295,422	2,629,451	1,880,671	2,093,581	0,472,764
Латвия	1,252,694	1,385,597	1,400,714	1,259,862	0,276,886
Эстония	1,145,473	1,291,783	1,247,939	1,170,185	0,281,040
Казахстан	21,446,707	25,250,692	31,174,483	41,021,166	9,479,175
Киргизия	2,900,927	7,556,988	15,502,932	19,804,140	4,185,085
Таджикистан	1,063,102	1,861,212	2,598,783	3,926,231	0,797,873
Туркменистан	6,515,880	7,359,112	11,181,195	10,590,067	2,598,884
Узбекистан	6,628,706	8,052,562	9,780,590	14,032,818	2,995,389
Российская Федерация	107,765,163	146,887,244	190,271,620	240,111,548	56,682,349

Источник: Главное таможенное управление КНР (на англ.яз.). URL: <http://english.customs.gov.cn/statics/report/monthly2020.html> (дата обращения: 18.05.2024).

*Данные за 2024 г. приведены за первый квартал.

Сотрудничество между Китаем и странами Закавказья поступательно развивается в различных областях: торгово-экономической, энергетической, инфраструктурной, транспортно-логистической, на

¹ Без учета России, ОАЭ и Гонконга экспорт из Армении в 2023 году сократился на 12 % — экономист // Агентство АРКА, 16 апреля 2024. URL: https://arka.am/ru/news/economy/bez_ucheta_rossii_oe_i_gonkonga_eksport_iz_armenii_v_2023_godu_sokratilsya_na_12_ekonomist/ (дата обращения: 25.05.2024). См. также: Внешнеторговый оборот Армении за 2023 год вырос на 46 %, превысив \$20 млрд. В числе лидеров — Россия, ОАЭ и Китай // Агентство АРКА, 6 февраля 2024. URL: https://arka.am/ru/news/economy/vneshnetorgovyy_oborot_armenii_za_2023_god_vyros_na_46_prevysiv_20_mlrd_v_chisle_liderov_rossiya_oe/ (дата обращения: 25.05.2024).

гуманитарном направлении и др. При этом нужно уделить особое внимание факту оказания Китаем гуманитарной помощи во время пандемии.

Все постсоветские республики получили безвозмездно или приобрели по рыночной цене китайские вакцины *Sinopharm*¹ или *CoronaVac*. Более того, из Пекина были командированы экспертные группы для обмена опытом в борьбе с *COVID-19* или организованы обучающие курсы он-лайн. В частности, в интервью китайской медиакорпорации *China Media Group* 20 июня 2023 г. президент Азербайджана И. Алиев подчеркнул, что единственной страной, которая помогла Азербайджану вакцинами, был Китай. «Мы получили первую партию в миллион доз и начали вакцинацию в середине января». В отличие от некоторых стран на Западе, которые запаслись количеством вакцин, в пять раз превышающим их нужды, демонстрируя таким образом «вакцинный национализм»².

Ниже охарактеризуем двусторонние отношения Китая с каждой из названных стран.

Китай—Азербайджан (Азербайджанская Республика, или АР)

7 февраля 2024 г. состоялись внеочередные президентские выборы в Азербайджане. Действующий глава государства И. Алиев одержал уверенную победу, набрав 92,12 % голосов³. На следующий день официальный представитель МИД КНР Ван Вэньбинь на очередной пресс-конференции поздравил И. Алиева с переизбранием и успешно проведенными выборами, отметив, что Азербайджан является традиционно дружественным партнером Китая⁴ и Пекин уважает выбор азербайджанского народа⁵.

¹ Ты достойна «Синофарма», Грузия! // Интернет-издание «Грузия и Мир», 15 апреля 2021. URL: <https://geworld.ge/ru/ты-достойна-синофарма-грузия/> (дата обращения: 25.05.2024).

² Ильхам Алиев дал интервью китайской медиакорпорации China Media Group, 24 июля 2023. URL: <https://president.az/ru/articles/view/60572> (дата обращения: 24.05.2024).

³ Президентские выборы в Азербайджане: кто победил? // SPUTNIK Азербайджан, 9 февраля 2024. URL: <https://az.sputniknews.ru/20240209/prezidentskie-vybory-v-azerbaydzhanе-kto-pobedil-462519885.html> (дата обращения: 24.05.2024).

⁴ Посол Го Минь: китайско-азербайджанские отношения выдержали испытание временем // АЗЕРТАДЖ, 30 сентября 2022. URL: https://azertag.az/ru/xeber/posol_go_min_kitaisko_azerbaidzhanskie_otnosheniya_vyderzhali_ispytanie_vremenem-2313716 (дата обращения)

⁵ 2024年2月8日外交部发言人汪文斌主持例行记者会 [8 февраля 2024 г. официальный представитель МИД КНР Ван Вэньбинь провел очередную пресс-конференцию] // Официальный сайт МИД КНР, 8 февраля 2024. URL: https://www.mfa.gov.cn/fyrbt_673021/jzhsl_673025/202402/120240208_11243683.shtml (дата обращения: 24.05.2024).

Азербайджанская сторона неизменно подчеркивает тезис о том, что связи между АР и КНР успешно развиваются по восходящей благодаря дальновидной политике великого лидера Г. Алиева¹ в первые годы независимости Азербайджана, а в современный период — благодаря курсу президента И. Алиева и председателя КНР Си Цзиньпина.

Высокую динамику политического взаимодействия между КНР и АР подтверждают визиты на высшем² и высоком уровнях, активное взаимодействие между правящей партией «Ени Азербайджан» (ПЕА) и Коммунистической партией Китая³: в китайских или азербайджанских городах встречаются делегации, которые принимают участие в тематических форумах или различных мероприятиях, организованных сторонами. Подписываются документы об углублении кооперации, меморандумы о сотрудничестве и др.

С началом СВО, по мнению азербайджанских экспертов, ослабла конкурентоспособность Северного коридора (через Транссибирскую

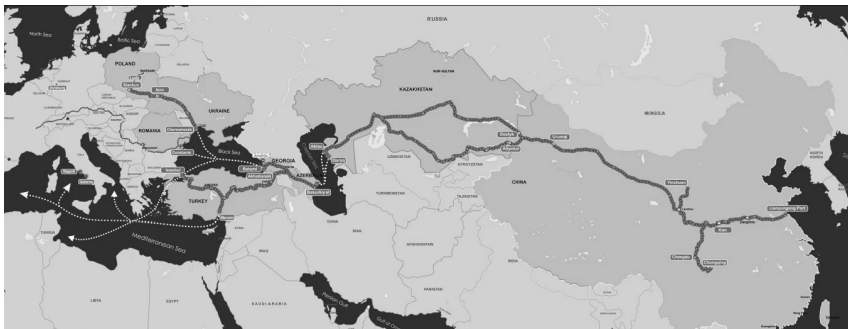

Рис. 1. Средний коридор из Китая в Европу.

Источник: Агентство новостей *Trend*. URL: <https://www.trend.az/business/transport/3618929.html> (дата обращения: 18.05.2024).

¹ В честь столетней годовщины со дня рождения первого президента АР Г. Алиева в 2023 г. в Китае и Азербайджане были торжественно проведены различные концерты, организованы выставки и научные конференции. Напр.: URL: <https://1news.az/news/20230418055339548-V-Pekine-organizovany-vystavka-i-kontsert-posvyashcennye-100-1-etiyy-obshcenatsionalnogo-lidera-Geidara-Alieva-FOTO> (дата обращения: 25.05.2024).

² За годы президентства И. Алиев совершил шесть визитов в КНР. Подробнее см.: Ильхам Алиев принял председателя Китайского народного общества дружбы с заграницей // сайт президента Азербайджанской Республики, 29 апреля 2024. URL: <https://president.az/ru/articles/view/65665> (дата обращения: 25.05.2024).

³ Между ПЕА и Коммунистической партией Китая существует активный политический диалог // АЗЕРТДЖ, 29 мая 2023. URL: https://azertag.az/ru/xeber/mezhd_u_pea_i_kommunisticheskoi_partiei_kitaya_sushchestvuet_aktivnyi_politicheskii_dialog-2637743 (дата обращения: 25.05.2024).

магистраль) и возникли новые возможности для маршрута Восток—Запад. Страны Центральной Азии, Южного Кавказа, Турция и др. приняли меры для активного развития проекта «Средний коридор»¹ (рис. 1), полагая, что он может стать основным сухопутным маршрутом в Евразии².

Участок, проходящий через Азербайджан, называется Транскаспийским международным транспортным маршрутом (*TITR*)³, прежде всего благодаря железнодорожной ветке Баку—Тбилиси—Карс. Кроме того, АР активно работает над Занзегурским коридором⁴, который станет дополнительным маршрутом из Азербайджана в Турцию и Ев-

¹ *Ляман Назарова*. Роль Среднего коридора в контексте геополитических изменений // Агентство новостей Trend, 8 июля 2022. URL: <https://www.trend.az/business/transport/3618929.html> (дата обращения: 25.05.2024). Кроме того, ведутся переговоры по поводу международного мультимодального транспортного коридора «Страны Азиатско-Тихоокеанского региона—Китай—Киргизия—Узбекистан—Туркменистан—Азербайджан—Грузия—Турция—Европа (CASCA+)». В Ашхабаде обсудили перспективы маршрута Китай—Киргизия—Узбекистан—Туркменистан—Азербайджан—Грузия—Турция—Европа» // АЗЕРТАДЖ, 17 ноября 2023. URL: https://azertag.az/ru/xeber/v_ashhabade_obsudili_perspektivy_marshruta_kitai_kyrgyzstan_uzbekistan_turkmenistan_az_erbaidzhan_gruziya_turciya_evropa-2826215 (дата обращения: 25.05.2024). Более того, Средний коридор открывает второе дыхание европейскому проекту ТРАСЕКА. ТРАСЕКА и Китай: расширение сотрудничества в сфере транспорта и логистики в регионе // АЗЕРТАДЖ, 26 сентября 2023. URL: https://azertag.az/ru/xeber/traseka_i_kitai_rasshirenie_sotrudnichestva_v_sfere_transporta_i_logistiki_v_regione-2762806 (дата обращения: 25.05.2024). Азербайджан, Казахстан и Грузия создают единую логистическую компанию // АЗЕРТАДЖ, 23 июня 2023. URL: https://azertag.az/ru/xeber/azerbaidzhan_kazahstan_i_gruziya_sozdayut_edinuyu_logisticheskuyu_kompaniyu-2672611 (дата обращения: 25.05.2024).

² *Orkhan Baghirov*. Opinion: Sanctions will weaken Russia's role as a transit route from Europe to China and increase the importance of the “middle corridor”. Independent Foundation // *Commonspace.eu*, 18 March 2022. URL: <https://www.commonspace.eu/node/11283> (accessed: 25.05.2024).

³ *TITR* — программа, соединяющая сети контейнерных железнодорожных грузовых перевозок КНР и ЕС, проходящая через Центральную Азию, Кавказ, Турцию и Восточную Европу. Многосторонняя, мультимодальная транспортная артерия связывает паромные терминалы Каспийского и Черного морей с железнодорожными системами в странах Азии и Европы. Коридор начинается в Юго-Восточной Азии и Китае, проходит через Казахстан, Каспийское море, Азербайджан, Грузию и Турцию, а затем, в зависимости от пункта назначения, движется в Европу. См. подробнее: В туристическом издании Евросоюза вышла статья о Среднем коридоре // АЗЕРТАДЖ, 20 июня 2024. URL: https://azertag.az/ru/xeber/v_turisticheskom_izdanii_evrosoyuza_vyshla_statya_o_sredinnom_koridore-2185421 (дата обращения: 25.05.2024). URL: <https://traveltomorrow.com/the-middle-corridor-might-be-the-answer-to-reconnect-asia-and-europe/> (accessed: 25 March, 2024).

⁴ *Васиф Гусейнов*. Занзегурский коридор — краеугольный камень регионального сотрудничества на Южном Кавказе // Валдайский клуб, 22 марта 2022. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/zangezurskiy-koridor/> (дата обращения: 25.05.2024).

ропу¹. Таким образом, через Азербайджан будут проходить два маршрута (Баку—Тбилиси—Карс и Зангезурский коридор), которые создадут дополнительные возможности для увеличения грузопотока.

Официальный Баку убежден, что страна, имеющая благоприятное географическое положение, играет роль «важного моста между Востоком и Западом»². Успешно функционирующие инфраструктурные проекты, такие как Транскаспийский международный транспортный коридор, железная дорога Баку—Тбилиси—Карс, соединяющая Каспийское и Черное моря, Бакинский международный морской торговый порт пропускной способностью 15 млн т, которую планируют увеличить до 25 млн т, могут быть скоординированы с ИПП, и сопряжение Среднего коридора³ с китайской инициативой «Пояс и путь» внесет важный вклад в дальнейшее развитие торгово-экономических связей, транспортно-логистических возможностей, в том числе туризма.

Азербайджано-китайское стратегическое партнерство, «золотой стандарт дружбы» (как называют его сами азербайджанцы, цитируя англоязычную китайскую газету *Global Times*⁴), открывает широкие возможности для углубления торгово-экономической кооперации.

Между АР и КНР подписаны соглашения, которые направлены на поощрение и защиту инвестиций, предотвращение двойного налогообложения, документы о технико-экономическом сотрудничестве.

¹ Ильхам Алиев дал интервью китайской медиакорпорации China Media Group, 24 июля 2023. URL: <https://president.az/ru/articles/view/60572> (дата обращения: 24.05.2024). Китайский корреспондент в ходе интервью привел следующие данные: доставка товаров из Китая в Европу занимает в среднем 36 дней по морю, 20 дней по Транссибирскому маршруту и только 12 дней по Среднему коридору по железной дороге Баку—Тбилиси—Карс.

² На китайском телеканале Phoenix прошло интервью представителя Президента Азербайджана по особым поручениям Эльчина Амирбекова // АЗЕРТАДЖ, 18 августа 2023. URL: https://azertag.az/ru/xeber/na_kitaiskom_telekanale_phoenix_proshlo_intervyu_predstavitelya_prezidenta_azerbaidzhana_po_osobym_porucheniyam_elchina_amirbekova-2733805 (дата обращения: 25.05.2024).

³ Состоялся телемост по случаю прибытия контейнерного поезда в Азербайджан по Среднему коридору // АЗЕРТАДЖ, 11 марта 2024. URL: https://azertag.az/ru/xeber/sostoyalsya_telemost_po_sluchayu_pribytiya_konteinernogo_poezda_v_azerbaidzhan_po_srednemu_koridoru-2946199 (дата обращения: 25.05.2024).

⁴ Газета *Global Times* считает азербайджано-китайские отношения «золотым стандартом» дружбы // АЗЕРТАДЖ, 26 марта 2024. URL: https://azertag.az/ru/xeber/gazeta_global_times_schitaet_azerbaidzhano_kitaiskie_otnosheniya_zolotym_standartom_druzhby-2955613 (дата обращения: 25.05.2024). *Xie Wenting*. Chinese companies diversify Azerbaijan's economy and can do more in country's green growth: top diplomat // *Global Times*, March 25, 2024. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202403/1309477.shtml> (accessed: 25.05.2024).

Китай в настоящее время занимает 4-е место среди внешнеторговых партнеров АР и является вторым среди стран-импортеров¹.

В Азербайджане зарегистрировано 275 компаний с китайскими инвестициями, которые работают в сферах промышленности, энергетики, сельского хозяйства, торговли, услуг, строительства, транспорта² и в других областях. Торговый дом Азербайджана с начала 2022 г. приступил к деятельности в формате он-лайн на известной платформе электронной торговли Китая *JD.com*. Китайские компании подали заявки на участие в инфраструктурных проектах, начавшихся на «освобожденных от оккупации» территориях Азербайджана³. В частности, компания *Huawei* уже участвует в программах «умное село», «умный город», «зеленая энергия» в этом регионе⁴. АР информирует китайских партнеров об условиях и возможностях Алятской свободной экономической зоны⁵.

¹ Товарооборот между Азербайджаном и Китаем вырос на 44 процента // АЗЕРТАДЖ, 23 апреля 2024. URL: https://azertag.az/ru/xeber/tovarooborot_mezhdu_azerbaidzhanom_i_kitaem_vyros_na_44_procenta-2975252 (дата обращения: 25.05.2024).

² Азербайджан заинтересован в привлечении китайской компании к процессу формирования транспортной экосистемы // АЗЕРТАДЖ, 28 февраля 2024. URL: https://azertag.az/ru/xeber/azerbaidzhan_zainteresovan_v_privlechenii_kitaiskoi_kompanii_k_procesu_formirovaniya_transportnoi_ekosistemy-2936613 (дата обращения: 25.05.2024).

³ Азербайджан трактует события Второй Карабахской войны как «принудительное восстановление суверенитета»: по мнению президента АР И. Алиева, которого называют «победоносным главнокомандующим», главным геополитическим изменением на Южном Кавказе за последние годы стало полное восстановление территориальной целостности и суверенитета Азербайджана, который перестал быть «объектом незаконной оккупации, этнической чистки и геноцида». Это результат проведенной в сентябре 2023 г. «антитеррористической операции, которая длилась менее суток и навсегда покончила с сепаратизмом в Азербайджане». Такой результат «можно использовать как образец для разрешения кажущихся неразрешимыми конфликтов», но с преобладанием международного права. АР продемонстрировала «сильную политическую волю», восстановив «справедливость и международное право» и задействовав «сочетание всех факторов — нашего экономического развития, наших финансовых возможностей, нашей обороноспособности, подготовки наших военных кадров, а также активной и упреждающей внешней политики». Подробнее см.: В Баку начал работу XI Глобальный Бакинский форум на тему «Восстановление раздробленного мира» В мероприятии принял участие президент Ильхам Алиев // АЗЕРТАДЖ, 14 марта 2024. URL: https://azertag.az/ru/xeber/v_baku_nachal_rabotu_xi_globalnyi_bakinskiy_forum_na_temu_vosstanovlenie_razdrobennogo_mirav_meropriyatii_prinyal_uchastie_prezident_ilham_aliev_obnovleno_6_video-2948443 (дата обращения: 25.05.2024).

⁴ В Пекине прошел азербайджано-китайский инвестиционный и торговый форум // АЗЕРТАДЖ, 3 сентября 2023. URL: https://azertag.az/ru/xeber/v_pekine_proshel_azerbaidzhan_kitaiskii_investicionnyi_i_torgovyi_forum-2744946 (дата обращения: 25.05.2024).

⁵ Китайские инвесторы проинформированы о возможностях Алятской свободной экономической зоны // АЗЕРТАДЖ, 27 апреля 2023. URL: https://azertag.az/ru/xeber/kitaiskie_investory_proinformirovany_o_vozmozhnostyah_alyatskoi_svobodnoi_ekonomicheskoi_zony-2590409 (дата обращения: 25.05.2024).

В Азербайджане действуют два Института Конфуция (в Бакинском государственном университете и Азербайджанском университете языков), которые прививают интерес к китайской культуре и китайскому языку. На базе университетов проводятся научные семинары¹, посвященные различным вопросам развития современного Китая, истории китайской цивилизации, традициям и обычаям и т. д.

Посольства двух стран организуют тематические мероприятия с привлечением широких кругов общественности. В частности, школьники из различных регионов Китая посетили посольство АР в КНР, а для азербайджанских журналистов была организована экскурсия по китайским городам. Между странами действуют прямые авиарейсы Баку—Пекин— Баку, обсуждается открытие дополнительных маршрутов. Стороны активно проводят презентации туристических возможностей двух стран.

Сами азербайджанцы усматривают большое символическое значение в том факте, что в здании секретариата Шанхайской организации сотрудничества размещен на постоянной основе бюст известного азербайджанского поэта Низами Гянджеви, подаренный ШОС Фондом Гейдара Алиева².

Китай—Республика Армения (РА)

В статье чрезвычайного и полномочного посла КНР в РА Фань Юна «Следить за ходом истории и реализовывать Инициативу в сфере глобальной безопасности»³ было отмечено, что китайский и армянский народы — миролюбивые народы, которые решительно поддерживают друг друга в международных и региональных вопросах. В этих условиях Китай готов продолжать оказывать Армении содей-

¹ В Институте Конфуция обсудили партийную дипломатию Коммунистической партии Китая и партии «Ени Азербайджан» // АЗЕРТАДЖ, 30 июня 2023. URL: https://azertag.az/ru/xeber/v_institute_konfuciya_obsudili_partiinuyu_diplomatiyu_kommunistiches_koi_partii_kitaya_i_partii_eni_azerbaidzhan-2678305 (дата обращения: 25.05.2024). В Университете языков прошел научный семинар на тему «Тайваньский вопрос и дело объединения Китая в новую эпоху» // АЗЕРТАДЖ, 18 мая 2024. URL: https://azertag.az/ru/xeber/v_universitete_yazykov_proshel_nauchnyi_seminar_na_temu_taivanskii_vopros_i_delo_obedineniya_kitaya_v_novuyu_epohu-3009978 (дата обращения: 25.05.2024).

² Азербайджано-китайские связи — дружба, начавшаяся с исторического Шелкового пути // АЗЕРТАДЖ, 29 марта 2024. URL: https://azertag.az/ru/xeber/azerbaidzhano_kitaiskie_svyazi_druzhba_nachavshayasya_s_istoricheskogo_shelkovogo_puti-2958111 (дата обращения: 24.05.2024).

³ Следить за ходом истории и реализовывать инициативу в сфере глобальной безопасности: статья посла Китая в Армении // Агентство ARMENPRESS, 16 мая 2023. URL: <https://armenpress.am/rus/news/1111007/> (дата обращения: 25.05.2024).

ствие в деле развития страны и улучшения условий жизни населения и вместе с международным сообществом играть более конструктивную роль в установлении мира и стабильности в регионе.

Как и у азербайджанской стороны, в РА формируется собственное видение инфраструктурной и транспортно-логистической «взаимосвязанности» в регионе: ранее армянское руководство говорило о «проекте Север—Юг» как составной части «Одного пояса, одного пути».

В настоящее время приоритетное внимание уделяется другой программе — «Перекрестку мира» (рис. 2). Целью программы является соединение Персидского, Оманского заливов, Черного, Каспийского и Средиземного морей единой региональной железнодорожной сетью и дорогами Север—Юг и Восток—Запад.

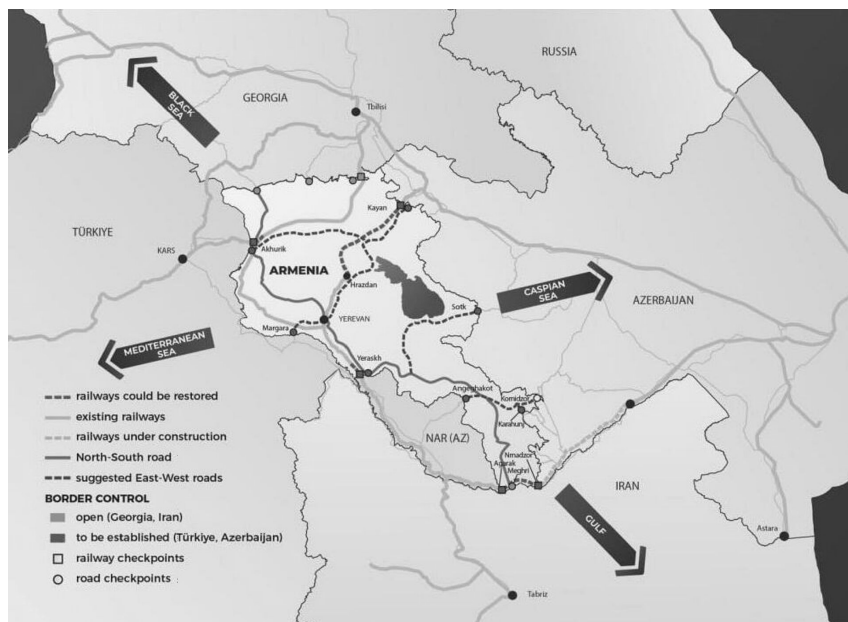

Рис. 2. Армянский проект «Перекресток мира».

Источник: Проект «Перекресток мира» представлен правительством Армении.
URL: <https://youtu.be/7EkbJax5I4E> (дата обращения: 25.05.2024).

Согласно проекту, РА намерена развивать коммуникации между Арменией, Турцией, Азербайджаном и Исламской Республикой

Иран, строя и реконструируя автотрассы, железные дороги, трубопроводы, кабели и линии электропередач¹. Китай видит возможность широкого сотрудничества в рамках ИПП.

В среде армянской интеллигенции отчетливо прослеживается скептическое отношение к данному транспортному маршруту. После потери Арцаха (армянское название Нагорного Карабаха) Армения встала перед риском лишиться ключевых коммуникаций на севере (Тавуш) и юге (Сюник) страны и превратиться в «геополитического инвалида»². В реалиях Южного Кавказа следование логике «Запад — Восток» означает превращение РА в транзитный пункт в Пантуранском коридоре, который усиленно продвигает Турция, Азербайджан и их геополитические спонсоры под вывеской «Среднего коридора».

Армянская сторона активно привлекает китайские компании для участия в строительстве дорог, мостов и тоннелей, проектов реконструкции³, а также для иного содействия в развитии международных транспортных маршрутов. Китаем выражена заинтересованность в открытии в РА цементного завода и производства тракторов⁴. Сторо-

¹ Армянское руководство ставит перед собой грандиозные задачи: оно готово обеспечить сообщение между Азербайджаном и Турцией посредством восстановления четырех железнодорожных участков на своей территории; восстановить разрушенные участки железной дороги от Гюмри до турецкой границы и от Раздана до Каяна. См. подробнее: Китай уделяет внимание предложенному Арменией проекту «Перекресток мира» // Агентство ARMENPRESS, 1 февраля 2024. URL: <https://armenpress.am/rus/news/1129307/> (дата обращения: 25.05.2024). Отдельно стоит упомянуть привлекаемые инвестиции в «сухой порт» в Гюмри Ширакской области. Согласно проекту правительства РА, «сухой порт» в Гюмри станет многофункциональным и мультимодальным узлом для обслуживания региональных и международных компаний, нуждающихся в консолидации таможенных процессов. Сухой порт будет соприкасаться как с международным аэропортом Ширак, так и транспортным коридором Север—Юг. В него войдут аэропорт в статусе свободной экономической зоны, распределительные центры, малые и средние предприятия, объекты легкой промышленности, производственные базы, поточные линии и международный продовольственный рынок. См. подробнее: Армения и Китай обсуждают возможности прямого авиасообщения // Агентство АРКА, 1 ноября 2023. URL: https://arka.am/ru/news/business/armeniya_i_kitay_obszhdayut_vozmozhnosti_pryamogo_aviasoobshcheniya/ (дата обращения: 25.05.2024).

² Армен Аштоян: деарменизация Армении. Эффект домино // Фонд Норавак, 10 апреля 2024. URL: http://noravank.am/rus/articles/detail.php?ELEMENT_ID=23722 (дата обращения: 25.05.2024).

³ Армения и Китай подпишут межправительственное соглашение, касающееся международных автомобильных перевозок // Агентство ARMENPRESS, 2 августа 2023. URL: <https://armenpress.am/rus/news/1116616/> (дата обращения: 25.05.2024).

⁴ В Китае заинтересованы в открытии цементного и тракторного заводов в Армении // Агентство АРКА, 19 октября 2023. URL: https://arka.am/ru/news/economy/v_kitae_zainteresovany_v_otkrytii_tsementnogo_i_traktornogo_zavodov_v_armenii/ (дата обращения: 25.05.2024).

ны ищут возможность двустороннего сотрудничества по различным направлениям экономики, прежде всего в сфере энергетики с привлечением китайских компаний, таких как *Xinjiang Xihai Industrial Group* и Ассоциации развития китайских предприятий за рубежом (*China Overseas Development Association — CODA*).

Китай оказывает различную гуманитарную помощь РА. В частности, Армения получила 100 млн юаней (больше 14 млн долл.) безвозмездной помощи для реализации проекта по созданию зала вещания Общественного телевидения РА и других проектов¹.

Что касается гуманитарного направления двустороннего сотрудничества, то здесь стороны обсуждают перспективы организации прямого авиасообщения между государствами (есть заинтересованность в этом начинании у *China Southern Airlines*).

Армянские школьники и студенты участвуют в международном конкурсе «Мост китайского языка». Растет количество городов-побратимов. Проводились такие мероприятия, как международный конкурс имени Арама Хачатуряна, посвященный 120-летию композитора; выставки, посвященные ведущим университетам Китая, организованные пока единственным в Армении Институтом Конфуция при Ереванском государственном лингвистическом университете имени В. Брюсова. Углубляются связи между академиями наук².

Китай—Грузия

Находясь с визитом в КНР с 26 июля по 1 августа 2023 г.³, бывший премьер-министр Грузии И. Гарибашвили⁴ имел встречи с

¹ Китай предоставит Армении содействие в 100 млн юаней для проекта ОТА // Агентство АРКА, 28 февраля 2023. URL: https://arka.am/ru/news/society/kitay_predostavit_armenii_sodeystvie_v_100 mln_yuaney_dlya_proekta_ota/ (дата обращения: 25.05.2024).

² Академии наук Армении и Китая подписали Меморандум о сотрудничестве // Агентство ARMENPRESS, 11 сентября 2023. URL: <https://armenpress.am/rus/news/1119194.html> (дата обращения: 25.05.2024). Другая новость: Институты ботаники Армении и Китая подписали Меморандум о сотрудничестве // Агентство ARMENPRESS, 14 сентября 2023. URL: <https://armenpress.am/rus/news/1119488/> (дата обращения: 25.05.2024).

³ *Бесо Барбакадзе*. Грузия должна искать себе друзей, хотя бы таких, как Китай, и ей не надо обращать внимания на то, кому эти отношения придутся по душе, а кому нет // Интернет-издание «Грузия и Мир», 1 августа 2023. URL: <https://geworld.ge/ru/грузия-должна-искать-себе-друзей-хотя/> (дата обращения: 25.05.2024).

⁴ В правящей партии «Грузинская мечта» произошла рокировка одного премьер-министра другим. Вместо И. Гарибашвили пришел И. Кобахидзе. Грузинские СМИ выделяют две основные причины: «китайскую» и «западную». И. Гарибашвили и его команда имели серьезный финансовый ресурс и внешнюю поддержку со стороны Пекина, что делало его потенциально опасным для действующей власти в Грузии. Кроме того, фигура И. Гарибашвили и ряда министров раздражала западных партнеров прежде

председателем КНР Си Цзиньпином, премьером Госсовета КНР Ли Цяном и другими китайскими руководителями. Он также принял участие в церемонии открытия 31-й летней Универсиады в Чэнду. В рамках визита уровень двусторонних отношений был поднят до стратегического¹. Согласно принятому Совместному заявлению, стороны намерены углубить взаимодействие в четырех направлениях: политическом, экономическом, гуманитарном и международном².

Важно отметить, что с 1 января 2018 г. между сторонами действует Соглашение о свободной торговле³, благоприятствующее развитию торгово-экономической кооперации. Китай и Грузия подтвердили, что намерены наращивать темпы сотрудничества в рамках действующего Соглашения и искать новые возможности для наполнения двустороннего взаимодействия конкретным содержанием.

Отдельно стоит упомянуть «международное» направление в Совместном заявлении. В документе представлен перечень основных китайских внешнеполитических идей и концепций, которые в дальнейшем получили название «дипломатической доктрины Си Цзиньпина (или идей Си Цзиньпина о дипломатии)»: защита подлинного мультилатерализма (в русской версии — многосторонний подход, или

всего США, которые обвиняли Грузию в том, что она «стала частью экосистемы России». Последний тезис опровергается проведёнными исследованиями постсоветского пространства. Подробнее о рокировке премьер-министров см. здесь: Рокировка. Ираклий Кобахидзе вместо Ираклия Гарибашвили и при чем тут Китай // Портал «Новости-Грузия», 30 января 2024. URL: <https://www.newsgeorgia.ge/rokirovka-iraklij-kobahidze-vmesto-iraklija-garibashvili-i-pri-chem-tut-kitaj/> (дата обращения: 25.05.2024). О проведённых исследованиях постсоветского пространства см. здесь: «Грузия — дружественное, но не пророссийское государство» — эксперты об итогах исследования постсоветского пространства // Интернет издание «Грузия и Мир», 13 февраля 2023. URL: <https://geworld.ge/ru/грузия-дружественное-но-не-пророс/> (дата обращения: 25.05.2024).

¹ Темур Майсурадзе: Китай не станет постоянно нам за что-то выговаривать, не потребует ничего менять, он идет на прямое сотрудничество. Это замечательный пример того, что означает истинное партнерство // Интернет издание «Грузия и Мир», 2 августа 2023. URL: <https://geworld.ge/ru/темур-майсурадзе-китай-не-станет-пост/> (дата обращения: 25.05.2024).

² 中?人民共和?与格?吉?于建立?略伙伴?系的?合?明 (全文) [Совместное заявление КНР и Грузии об установлении отношений стратегического партнерства] // Агентство Синьхуа, 31 июля 2023. URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1772903853609859026&wfr=spider&for=pc> (дата обращения: 25.05.2024).

³ 中国-格?吉?自由?易? [Зона свободной торговли КНР и Грузии] // Министерство коммерции КНР. URL: http://fta.mofcom.gov.cn/georgia/georgia_special.shtml (дата обращения: 25.05.2024).

многосторонность); поддержание ооноцентричной (с ООН в «ядре») международной системы; миропорядка, основанного на международном праве; международных отношений, базирующихся на основных целях и принципах Устава ООН; продвижение международных отношений нового типа; распространение общечеловеческих ценностей «мира», «развития», «правды», «справедливости», «демократии» и «свободы»; формирование сообщества единой судьбы человечества; «три глобальные инициативы» Си Цзиньпина (развития, безопасности и цивилизаций).

Несколько лет в грузинских СМИ разворачивалась кампания по строительству глубоководного порта в Анаклиа на черноморском побережье Грузии¹. Поступала противоречивая информация. Известно, что в 2017 г. порт начал строить консорциум, основанный *TBC Holding* и американской компанией *Conti International LLC*. Стоимость проекта оценивалась в 2,5 млрд долл. Спустя полгода после начала работ проект был заморожен, а главу наблюдательного совета консорциума Мамуку Хазарадзе обвинили в отмывании денег. В конце 2022 г. премьер-министр И. Гарибашвили объявил, что государство оставляет за собой контрольный пакет — 51 % доли в строительстве порта, а на оставшуюся часть будет объявлен тендер. Китай заинтересован в участии в инфраструктурных проектах на территории Грузии в рамках сопряжения с инициативой «Пояс и путь». И в настоящее время на участие в проекте строительства порта Анаклиа претендуют два консорциума — швейцарско-люксембургский и китайско-сингапурский².

Заметно оживилось двустороннее гуманитарное сотрудничество. Грузинские виноделы активно участвуют в международных выставках-ярмарках. С 28 мая 2024 г. начало действовать двустороннее соглашение о безвизовых поездках: граждане Грузии смогут путешествовать в КНР без виз в течение 30 дней подряд³.

¹ Китайский интерес: Пекин ждет условия участия в проекте порта Анаклиа // Портал «Новости-Грузия», 7 сентября 2023. URL: <https://www.newsgeorgia.ge/kitajskij-interes-pekin-zhdet-uslovija-uchastija-v-proekte-porta-anaklija/> (дата обращения: 25.05.2024).

² Два претендента на порт Анаклиа — стали известны детали // Портал «Новости-Грузия», 22 сентября 2023. URL: <https://www.newsgeorgia.ge/dva-pretendenta-na-port-anaklija-stali-izvestny-detali/> (дата обращения: 25.05.2024).

³ Georgia's Dy. FM meets Chinese Ambassador to discuss mutual visa exemption. Georgia Online News agency, April 29, 2024. URL: <https://georgiaonline.ge/news/62186/georgias-dy-fm-meets-chinese-ambassador-to-discuss-mutual-visa-exemption/> (accessed: May 25, 2024). См. также: Граждане Грузии смогут путешествовать в Китай без виз с 28 мая // Портал «Новости-Грузия», 29 апреля 2024. URL: <https://www.newsgeorgia.ge/grazhdane-gruzii-smogut-puteshestvovat-v-kitaj-bez-viz-s-28-maja/> (дата обращения: 25.05.2024).

Открываются новые авиасообщения: *Georgian Airways* с июня 2024 г. начнет выполнять регулярные пассажирские рейсы между Тбилиси и китайским Чэнду. Растет популярность китайского языка в школах Грузии¹.

* * *

Отношения Китая с тремя постсоветскими республиками продолжают устойчиво и поступательно развиваться, несмотря на сложную международную конъюнктуру, полную неопределенности. Безусловно, вспыхнувшая в 2020—2021 гг. коронавирусная пандемия и начавшаяся СВО России на территории Украины в феврале 2022 г. оказали воздействие на двусторонние отношения внутри каждой из пар (КНР—АР, КНР—РА и КНР—Грузия), но не изменили их характер и суть, в целом соответствуя общей тенденции расширения китайского экономического присутствия по всему миру [Лексютина Я.].

Лоббирование «ведущим государством на Южном Кавказе»² (как называет себя Азербайджан) проекта «Среднего коридора» в качестве единственной альтернативы Транссибирской магистрали не прошло проверку временем. Пекин по-прежнему выступает за диверсификацию торговых маршрутов в Европу и другие регионы, в том числе активно присматриваясь к Северному морскому пути (в китайской версии — «Ледовый Шелковый путь»).

Другие страны Закавказья (Армения и Грузия) также не выпадают из геоэкономической орбиты Пекина, создавая вместе с Азербайджаном общий узел ИПП и формируя часть большой китайской семьи³ в «сообществе единой судьбы человечества», за которое так ратует Китай (см.: [Портяков, с. 180—281]).

Библиографический список

Внешняя политика стран СНГ: Учеб. пособие для студентов вузов / Ред.-сост. Д.А. Дегтярев, К.П. Курьлев. М.: Аспект Пресс, 2019. 496 с.

¹ В школах Грузии введут китайский язык как иностранный // Портал «Новости-Грузия», 30 июля 2023. URL: <https://www.newsgeorgia.ge/v-shkolah-gruzii-vvedut-kitajskij-jazyk-kak-inostrannij/> (дата обращения: 25.05.2024).

² Дружба между лидерами Азербайджана и Китая — импульс для развития межгосударственных отношений // АЗЕРТАДЖ, 10 февраля 2024. URL: https://azertag.az/ru/xeber/druzhiba_mezhdu_liderami_azerbaidzhana_i_kitaya_impuls_dlya_razvitiya_mezhgosudarstvennyh_otnoshenii-2917960 (дата обращения: 25.05.2024).

³ Соблюдать фундаментальные принципы и внедрять новое, общей работой добиваться новых достижений: посол Китая в Армении // Агентство ARMENPRESS, 9 января 2024. URL: <https://armenpress.am/rus/news/1127572.html> (дата обращения: 25.05.2024).

История Китая с древнейших времен до начала XXI века: в 10 т. / гл. ред. академ. РАН С.Л. Тихвинский; Ин-т Дальнего Востока РАН. М.: Наука. 2013. Т. IX: Реформы и модернизация (1976—2009) / отв. ред. А.В. Виноградов. 2016. 996 с.

Лексютина Я.В. Китай на Южном Кавказе: масштабы экономического присутствия // Постсоветские исследования. 2022. Т.5. № 1. С. 57—22.

Портыков В.Я. Внешняя политика Китайской Народной Республики в XXI столетии / отв. ред. В.Е. Петровский. М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2015. 280 с.

References

Istoriya Kitaya s drevnejshih vremen do nachala XXI veka: v 10 t. [The History of China from Ancient Times to the Beginning of the XXI Century: in 10 volumes]. *Moscow: Nauka PH*, 2013; Т. IX: Reformy i modernizaciya (1976—2009) [Vol. IX: Reforms and Modernization (1976—2009)], *Moscow: Nauka PH*, 2016, 996 p. (In Russian).

Leksyutina, Ya.V. (2022). China in the South Caucasus: the scale of its economic presence [Kitaj na Yuzhnom Kavkaze: masshtaby ekonomicheskogo prisutstviya], *Postsovetskie issledovaniya [Post-Soviet Studies]*: Vol. 5: 1: 57—22.

Portyakov, V.Ya. (2015). Vneshnyaya politika Kitajskoj Narodnoj Respubliki v XXI stoletii [The Foreign Policy of the People's Republic of China in the 21st Century], *Moscow: IFES RAS*, 280 p. (In Russian).

Vneshnyaya politika stran SNG: Ucheb. posobie dlya studentov vuzov (2019) [Foreign Policy of the CIS Countries: Textbook for University Students] / ed.-comp. D.A. Degtyarev, K.P. Kurylev, *Moscow: Aspekt Press PH*, 496 p. (In Russian).

А.О. Виноградов, К.А. Долгополов

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ КНР: ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКИЕ И ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ¹

Аннотация. Ухудшение экологической ситуации в мире привлекает внимание мирового сообщества, заставляет искать и применять новые решения в области науки и техники с целью адаптации к сложившейся ситуации. Китай, будучи мировым лидером по объемам выбросов парниковых газов в атмосферу, активно оптимизирует свою энергетическую стратегию, стимулируя развитие возобновляемых источников энергии.

В статье оценивается результативность курса Китая на постепенный энергетический переход как элемент экологической политики страны. Определяется соответствие текущего состояния энергетического перехода экологическим целям Китая, в том числе закреплённым в международных соглашениях. Рассматриваются внешнеполитические аспекты экологической политики Китая, в частности — позиционирование КНР на мировом рынке альтернативной энергии.

По мнению авторов статьи, стратегия, выбранная КНР в движении по пути энергетического перехода, преследует не столько эколо-

¹ В статье использованы материалы, подготовленные в ходе работы над бакалаврской Выпускной квалификационной работой (диплом) Долгополова К.А. «Экологическая политика как элемент внутреннего и внешнего курса Китая в XXI веке» (Школа востоковедения ФМЭиМП НИУ ВШЭ, 2024 г.). Текст ВКР размещен в LMS НИУ ВШЭ 15 мая 2024 г. Научный руководитель — к.и.н., доцент Школы востоковедения ФМЭиМП НИУ ВШЭ А.О. Виноградов.

гические цели, сколько геополитические: она позволяет КНР занять лидирующие позиции на рынке возобновляемых источников энергии (ВИЭ) и снизить геополитические риски, связанные с зависимостью от импорта традиционного топлива.

Ключевые слова: КНР, энергетический переход, экологическая политика, экология, возобновляемые источники энергии.

Авторы: *Виноградов Андрей Олегович*, кандидат исторических наук, доцент Школы востоковедения факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ, ведущий научный сотрудник/заместитель руководителя Центра социально-экономических исследований Китая, Институт Китая и современной Азии РАН. ORCID: 0000-0003-0067-2168. E-mail: vinandr@mail.ru

Долгополов Кирилл Алексеевич, бакалавр Школы востоковедения НИУ ВШЭ. E-mail: kadolpopolov@edu.hse.ru

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

A.O. Vinogradov, K.A. Dolgoplov

Environmental strategy of the PRC: domestic and foreign policy aspects

Abstract. The deterioration of the environmental situation in the world attracts the attention of the world community, forcing it to look for and apply new solutions in the field of science and technology in order to adapt to the current situation. China, being the world leader in greenhouse gas emissions into the atmosphere, is actively optimizing its energy strategy, stimulating the development of renewable energy sources.

The article evaluates the effectiveness of China's policy towards a gradual energy transition as an element of the country's environmental policy. The compliance of the current state of the energy transition with China's environmental goals, including those fixes in international agreements, is determined. The foreign policy aspects of China's environmental policy are considered, in particular the positioning of China in the global alternative energy market.

According to the authors of the article, the strategy chosen by China in moving along the path of energy transition does not pursue environmental goals, but pursues geopolitical goals — it allows China to take a leading position in the renewable energy market and reduce the geopolitical risks associated with dependence on imports of traditional fuel.

Keywords: China, energy transition, environmental policy, ecology, renewable energy sources.

Authors: *Andrey O. VINOGRADOV*, Ph.D (History), Associate Professor of the School of Oriental Studies of the Higher School of Economics; Leading Research Fellow, Institute of China and Contemporary Asia

of the Russian Academy of Sciences. ORCID: 0000-0003-0067-2168.
E-mail: vinogradov_ao@iccaras.ru

Kirill A. DOLGOPOLOV, Bachelor's degree student, the Higher School of Economics. E-mail: kadolgopolov@edu.hse.ru

Conflict of interest. The authors declare that there is no conflict of interests.

Влияние экологической проблематики на внутреннюю и внешнюю политику различных государств в последнее время постоянно возрастает: страны вынуждены корректировать развитие экономики, искать новые решения в области науки и технологий, чтобы противостоять стремительному загрязнению экосистем. Китай, который в начале нового столетия стал мировым лидером по выбросам парниковых газов¹, в настоящее время прикладывает колоссальные усилия, направленные на постепенный переход от традиционной энергетики к зеленой. При этом Китай занимает ведущие позиции на рынке возобновляемых источников энергии, активно интегрируя их в свою энергетическую структуру и активно экспортируя энергоносители в развитые и развивающиеся страны [Yuan, 2022].

Долгое время экологической политике в Китае не уделялось внимания, поскольку стратегической целью страны было интенсивное развитие промышленности и экономики на базе ускоренного экономического роста. Не существовало четкой законодательной базы, регулирующей взаимодействие человека и окружающей среды, не хватало теоретических знаний, а также практических решений и технологий, способных уменьшить вред, наносимый природе [Ван, 2012].

Продолжительное время проблема ухудшения глобальной экологии не являлась актуальной в мировой повестке дня, не становилась предметом обсуждения в рамках международного диалога, и только с конца XX в. вопрос совместного решения проблем экологии начал все чаще фигурировать в документах международных организаций [Ван, 2012]. И Китай, все более активно критикуемый за стремительное ухудшение экологической ситуации внутри страны, инициирует особую экологическую стратегию, вносящую коррективы как во внутренний, так и во внешний курсы страны.

Говоря об экологических проблемах в Китае, необходимо отметить негативное влияние производств, основывающихся на традици-

¹ Ritchie Hannah, Roser Max, Rosado Pablo. Energy // OurWorldInData.org. 2020. URL: <https://ourworldindata.org/energy/country/china#what-sources-does-the-country-get-its-energy-from> (accessed: 15.02.2024).

онном топливе, а также влияние интенсивной урбанизации на экосистемы [Ушаков, 2016].

К 2005 г., когда вступил в силу первый Закон о возобновляемых источниках энергии, нацеленный на стимулирование использования менее вредоносных видов топлива [Yuan, 2022], Китай генерировал 5,88 млрд т выбросов углекислого газа в год¹. При этом около 60 % китайских городов испытывали проблемы с доступом к питьевой воде, а почти половина фермерских хозяйств имела ограниченный доступ к чистой питьевой воде [Zabielskis, 2014]. К 2005 г., по данным Министерства водного хозяйства КНР, более половины стока семи основных речных систем Китая было отнесено к двум низшим категориям качества воды, а в той или иной степени загрязнения оказалось 70 % всех рек и озер [Zabielskis, 2014]. Неэффективная утилизация отходов и стоков промышленных предприятий привела к тому, что в 2006 г. 10 % земель были загрязнены солями тяжелых металлов, а в 2012 г. — 20 % [Мозиас, 2016].

Серьезную проблему представляло опустынивание: в 2003 г. площадь опустыненных территорий достигла 2,64 млн км², или 27,46 % территории Китая. Это приводило к песчаным бурям, наносящим урон посевным площадям и инфраструктуре. Например, в апреле 1998 г. песчаная буря поразила 12 районов на северо-западе Китая, уничтожив 30 тыс. га посевов зерна и погубив 110,9 тыс. голов скота; общие потери были оценены в 800 млн юаней [Селищев, 2021].

Однако, рассматривая предпосылки принятия Китаем экологического курса, особое внимание, на наш взгляд, стоит уделить внешне-му фактору. С 1960 г. в международной тематике появляется такое явление, как «экологическая дипломатия» — процесс сотрудничества на межгосударственном уровне в области решения экологических проблем [Ван, 2011]. Китай, отвечая на рост популярности экологической проблематики на международной арене, начинал активно участвовать в соответствующих международных контактах. В 1978 г. был образован Госкомитет планирования связей человека и биосферы для сотрудничества с ЮНЕСКО по проблемам экологии. В 1980 г. Китай вступил в Международный союз охраны природы и природных ресурсов (МСОП), в 1981 г. принял участие во Всемирном форуме по охране природы, который проводился по инициативе США. В 1980 г. был подписан Китайско-американский протокол об охране окружающей

¹ Ritchie Hannah, Roser Max, Rosado Pablo. CO2 and Greenhouse Gas Emissions // OurWorldInData.org. 2021. URL: <https://ourworldindata.org/co2-and-greenhouse-gas-emissions> (accessed: 15.02.2024).

среды и техническом сотрудничестве и Китайско-японское соглашение о сотрудничестве по охране окружающей среды, а в 1988 г. — Китайско-голландский меморандум о сотрудничестве по охране окружающей среды.

Экологическая дипломатия со временем стала рассматриваться как вопрос внешней политики: в 1990 г. Госсовет КНР обнародовал Решение о дальнейшем усилении природоохранной работы, стимулирующее международные контакты по вопросам экологии. Китай стал сам организовывать мероприятия по проблеме улучшения экологии: так, в 1991 г. в Пекине была проведена Конференция развивающихся стран по вопросам окружающей среды, в которой приняли участие министры из 41 развивающейся страны, 16 делегаций от международных организаций, девять наблюдателей из развитых стран [Ван, 2011].

Важным этапом становления как экологической политики Китая, так и в целом формирования мировой экологической повестки стал Киотский протокол (подписан в 1997 г., вступил в силу в 2005 г.), наглядно продемонстрировавший особенности экологической дипломатии. Протокол в попытке унифицировать экологические нормы для всех государств мира закреплял требования и условия, которые обязуются выполнить страны-участники, например к 2008—2012 гг. сократить выбросы парниковых газов в атмосферу по меньшей мере на 5 % ниже уровня 1990 г. [Сидорова, 2018]

Китай же продолжал курс на увеличение темпов роста экономики: открывались новые сферы легкой и тяжелой промышленности, увеличивались темпы промышленного производства; предприятиям было разрешено выпускать и самостоятельно реализовывать продукцию; форсировалось производство экспортной продукции. Росли темпы урбанизации: к 2000 г. урбанизация в Китае достигла 37 % [Yu, 2021].

В это время в структуре выработки электроэнергии Китая около 80 % занимал уголь, создающий тонны вредоносных выбросов. В структуре потребления также доминировал уголь (около 70 %, 22 % — нефть¹). Принятие условий Киотского протокола заставило бы Китай урезать свои производственные мощности, напрямую зависящие от «грязных» видов энергии, и тем самым — снизить темпы роста экономики. Поэтому китайское правительство оценило Киот-

¹ Ritchie Hannah, Roser Max, Rosado Pablo. Energy // OurWorldInData.org. 2020. URL: <https://ourworldindata.org/energy/country/china#what-sources-does-the-country-get-its-energy-from> (accessed: 15.02.2024).

ский протокол как способ сдерживания растущей экономической мощи КНР со стороны западных стран и первоначально отказалось от принятия обязательств по Протоколу [Бубакар, 2009].

Однако затем, в 2002 г., Китай, выторговав для себя как для развивающейся страны более щадящие требования, протокол ратифицировал, воспользовавшись его структурными недоработками [Сидорова, 2018]. Однако и эти требования он выполнять не собирался, но на фоне массового невыполнения условий (только в Европе лишь восемь из 15 стран достигли индивидуальных целей) невыполнение Пекином установленных требований не навредило его имиджу [Сидорова, 2018]. Более того, Китай получил и определенные выгоды. Дело в том, что, согласно Киотскому протоколу, в качестве меры по сокращению выбросов засчитывалось участие стран в улучшении экологической обстановки вне национальных границ, что стимулировало развитые страны инвестировать в развитие природоохранных технологий в развивающихся странах, в том числе в Китае — в качестве альтернативы глубоким внутренним изменениям [Бубакар, 2009].

Таким образом, Китай смог использовать «раскрутку» экологической повестки на мировой арене, не жертвуя темпами собственного экономического роста. Однако затем, ввиду как ухудшения экологической ситуации внутри страны, так и роста популярности идеи об альтернативной энергии, он инициировал постепенную корректировку своей энергетической стратегии, начав развивать технологии возобновляемой энергетики, наносящие меньший вред окружающей среде.

Повсеместное внедрение возобновляемых источников энергии и увеличение их доли в структуре энергопотребления продвигалось путем принятия различных законодательных актов и инициатив, реализуемых государством. Так, в 2005 г. вступил в силу Закон о возобновляемых источниках энергии, направленный на стимулирование развития зеленых технологий [Yuan, 2022]. Следующим шагом стало утверждение среднесрочного и долгосрочного планов развития возобновляемой энергии Китая (2007 г.): потребление зеленой энергии должно было достичь 10 % от общего энергопотребления к 2010 г., 15 % — к 2020 г. [Yuan, 2022]

В 2011 г. был опубликован документ «Временные меры по организации и использованию фондов на развитие возобновляемых источников энергии», который установил особые тарифы на возобновляемую энергию в качестве меры субсидирования альтернативной энергетики, закрепил и определил использование фондов развития возобновляемой энергетики, финансируемых из государственного

бюджета¹. Активные действия предполагались и со стороны местных властей, которым отдельно ставились задачи по внедрению зеленой энергии². Начиная с 11-й пятилетки (2010—2015) целевые показатели развития зеленой энергетики фигурируют во всех планах.

Важное место переход Китая к зеленой энергетике занял и в докладе Си Цзиньпина на XIX съезде КПК в 2017 г. В нем были сформулированы такие задачи, как: стимулировать зеленое развитие путем создания и принятия правовых и политических установок; осуществить переориентацию на низкоуглеродное развитие; решить острые экологические проблемы (прежде всего, проблему загрязнения атмосферы); уделять особое внимание охране экологической системы; улучшить систему экологического мониторинга и контроля³. В 2020 г. в видеообращении к Генассамблее ООН Си Цзиньпин пообещал «выйти на пик выбросов CO₂ до 2030 года и достичь углеродной нейтральности до 2060 года»⁴.

При этом Китай продолжает использовать импорт технологий возобновляемой энергетики и привлекать инвестиции в эту сферу. В 2016 г. Госсовет КНР представил Каталог поощряемых импортных технологий и продуктов, предусматривающий выгодные условия для стран-экспортеров зеленых технологий, а в 2017 г. Министерством коммерции Китая был выпущен Каталог рекомендаций по иностранным инвестициям, в котором возобновляемые источники энергии были определены как рекомендуемая область для внешних инвестиций [Chiu, 2017]. Данный курс был продолжен и в документе под названием «Руководящие принципы зеленого развития для иностранных инвестиций и сотрудничества», выпущенном в 2021 г. [Wang, 2021].

Для Китая особое место в оптимизации энергетической стратегии занимает сотрудничество с Европейским союзом, который всячески продвигает экологическую повестку, в том числе в рамках Киотского

¹ 可再生能源?展基金征收使用管理?行?法 (Кэцзай шэннэньюань фачжань цзицинъ чжэншоу шиюн гуанъли цзанъсин баньфа) [Временные меры по организации и использованию фондов на развитие возобновляемых источников энергии] // Государственный совет КНР. 2011]. URL: http://www.gov.cn/gongbao/content/2012/content_2131981.htm (дата обращения: 24.03.2024).

² Там же.

³ Си Цзиньпин: необходимо форсировать реформу системы экологической цивилизации, построить «прекрасный Китай» // Жэньминь Жибао. 2017. URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2017/1018/c31521-9281746.html> (дата обращения: 15.02.2024).

⁴ China headed towards carbon neutrality by 2060; President Xi Jinping vows to halt new coal plants abroad // UN News. 2021. URL: <https://news.un.org/en/story/2021/09/1100642> (accessed: 15.02.2024).

протокола. Так, на саммите КНР—ЕС в сентябре 2005 г. была принята Совместная декларация ЕС и Китая об изменении климата [Lei, 2017], в которой перечислялись основные сферы сотрудничества: энергоэффективность, возобновляемые источники энергии (ВИЭ), улавливание и захоронение углеродных выбросов, водородное топливо. При этом Китай выступал в роли развивающейся страны, принимающей помощь со стороны развитых европейских стран, которые предоставляли инвестиции, технологии, экспертизу. Особо крупным стал проект по Содействию механизму чистого развития, который был запущен в 2006 г. и имел бюджет в размере 2,8 млн евро. Проект был направлен на усовершенствование процессов производства в Китае с целью снижения урона, наносимого им окружающей среде. Для выполнения целей Киотского протокола европейские страны, чтобы не уменьшать экономическую эффективность своих предприятий, инвестировали в развитие природоохранных технологий в Китае [Matteis, 2010] (напомним, что участие стран в улучшении экологической обстановки вне национальных границ, особенно в развивающихся странах, засчитывалось в качестве меры по сокращению выбросов — см. выше).

Другим проектом сотрудничества Китая и ЕС стал Европейско-китайский центр чистой энергии (ЕС2), открывшийся в 2010 г. в Пекине [Lei, 2017]. ЕС2 способствовал налаживанию производства возобновляемых источников энергии — солнечных панелей и ветряков.

Использовал Китай и другие международные инструменты финансирования проектов на базе зеленой энергии, например в рамках БРИКС. Стоит отметить, что страны объединения воспринимали попытки развитых государств уменьшить воздействие Китая и Индии на экологию как намеренное ограничение темпов экономического роста и активно перекладывали ответственность за состояние планеты на развитые государства. В частности, члены БРИКС долгое время придерживались подобной позиции на конференциях ООН по вопросам экологии. Однако сегодня интенсивный рост воздействия стран-членов на мировую экологию, который подчеркивается со стороны мирового сообщества, подталкивает объединение к тому, чтобы декларировать свое желание совместными усилиями улучшать экологическую ситуацию и препятствовать ее дальнейшему ухудшению.

Однако, как подчеркивается в декларации саммита БРИКС 2012 г., страны — члены объединения намерены содействовать улучшению экологии не путем навязывания ограничений, а благодаря ус-

тойчивому росту [Вегнер-Козлова, 2022]. В обеспечении этой задачи участвует Новый банк развития (НБР) БРИКС, созданный в 2014 г.

НБР финансировал несколько китайских проектов в сфере зеленой энергетики: проект в зоне Линган (临港) в Шанхае по размещению солнечных панелей на крышах, ожидаемый результат которого — 100 МВт солнечной энергии и снижение выбросов на 73 тыс. тонн CO_2 в год (выделено 81 млн долл.); проект в пров. Фуцзянь по развитию ветряной энергии с ожидаемый результатом в 250 МВт ветряной энергии и снижением выбросов на 869 900 т CO_2 в год (выделено 298 млн долл.); проект по энергосбережению в пров. Цзянси, предполагающий экономию более 95 тыс. т угольного эквивалента и снижение выбросов на 263 476 т CO_2 в год (выделено 200 млн долл.) [Светличный, 2018].

Нельзя не признать, что все упомянутые меры — законодательное регулирование, государственное финансирование, разработка и утверждение планов, а также импорт технологий — привели к заметным результатам. В частности, мощность гидроэнергетики выросла с 2005 по 2023 г. в четыре раза, составив около 477 ГВт; мощность ветроэнергетики с 2015 по 2023 г. выросла почти в два с половиной раза, составив 440 ГВт; мощность солнечной энергетики ежегодно возрастала вдвое, в 2023 г. составив 610 ГВт¹.

2023 год можно считать переломным в деле энергетической трансформации Китая: возобновляемые мощности составили больше половины энергетической базы, на конец 2023 доля возобновляемой энергии в энергопотреблении страны составила 52 %, а традиционные источники — 46,1 %, среди которых угольные — 39,9 %². Однако важно отметить, что использование традиционных источников энергии, в том числе на угле, продолжает расти. Так, в 2019 г. мощность угольных станций составляла 1041 ГВт, в 2020 — 1080 ГВт, а в 2023 — 1165 ГВт³. Абсолютная мощность станций на базе других видов традиционного топлива также растет: в 2015 г. мощность станций на базе природного газа и нефти составляла 66 и 20 ГВт соответственно [Jiahai, 2016], а в 2023 г. достигла 116 и 64 ГВт соответственно⁴.

При этом важно обратить внимание на динамику структуры потребления топлива. В частности, доминирующую долю в структуре

¹ Summary of China's energy and power sector statistics in 2023 // China energy transformation program. 2023. URL: <https://www.cet.energy/2024/03/18/summary-of-chinas-energy-and-power-sector-statistics-in-2023/> (accessed: 15.02.2024).

² Ibid.

³ Ibid.

⁴ Ibid.

потребления (использования ресурсов для отопления, эксплуатации производств) также занимает уголь. Можно отметить постепенную оптимизацию структуры потребления по аналогии с динамикой структуры генерации энергии: с 2015 по 2023 г. доля угля в структуре потребления снизилась с 64 % до 55, 3 %, в то время как доля потребляемой возобновляемой энергии выросла с 12 до 16,7 % (табл. 1). Однако стабильный рост потребления угля (с 2752 млн т в 2015 г. до 3152 млн т в 2023 г.) подчеркивает зависимость Китая от угля как основного вида энергии. Дело в том, что снижение добычи и использования угля чревато не только сокращением производственных мощностей и замедлением экономического роста страны, оно повлечет за собой увольнение около 250 тыс. рабочих, при этом сумма необходимых компенсаций составит около 20 млрд юаней [Макеев, 2022].

Другие традиционные мощности также демонстрируют рост в китайской структуре потребления энергии. Так, с 2015 по 2023 г. потребление природного газа выросло примерно в два раза, потребление нефти — примерно в полтора раза (табл. 1).

Но в целом мы можем наблюдать общее улучшение экологической ситуации в Китае в результате активных действий властей. Например, к 2018 г. площадь территорий, подверженных воздействию кислотных дождей, уменьшилась почти в два раза по сравнению с 2013 г.; на 2,2 % увеличился объем пресной воды допустимого качества по сравнению с 2016 г. Коэффициент утилизации токсичных городских сточных вод вырос почти в три раза по сравнению с 2000 г., а коэффициент утилизации мусора вырос до 97,8 %. Только за период 2012—2017 гг. площадь лесов выросла на 10,9 млн га [Ушаков, 2016]. Т. е. усилия Китая положительно сказываются на экологических показателях, закреплённых в планах.

Однако при продолжающемся росте объемов традиционного топлива в структуре потребления и генерации энергии практически все экологические проблемы остаются актуальными. Концентрация парниковых газов в воздухе ведет к повышению температуры окружающей среды, что негативно влияет на цикличность осадков и приводит к одной из серьезнейших экологических проблем КНР — опустыниванию. По данным Государственного управления лесного и степного хозяйства КНР, в 2019 г. площади опустынивания составляли 1,73 млн км² [Кранина, 2020]. В 2023 г. проблема по-прежнему актуальна. Так, на середину прошлого года в Китае было зарегистрировано 15 крупных песчаных бурь, нанесших значительные повреждения городской и сельскохозяйственной инфраструктуре, и ученые

считают 2023 г. рекордным за последнее десятилетие по частоте песчаных бурь¹.

Вопрос загрязненности водных источников, несмотря на заметный прогресс, остается нерешенным: в 2019 г. 85 % подземных вод в Китае оставались токсичными для человека (вода 4-й и 5-й категорий загрязненности). 20 % поверхностных водных объектов в 2019 г. относились к двум нижшим по качеству категориям, не пригодным для использования человеком². В 2022 г. вновь было отмечено ухудшение качества подземных вод: доля токсичных подземных вод (вода 5-й категории загрязненности) выросла с 20,6 до 22,4 %³.

Почва также продолжает подвергаться воздействию отходов производства — несмотря на зафиксированное снижение содержания вредоносных веществ в почве: в 2021 г. около 10,18 % пахотных земель Китая было загрязнено тяжелыми металлами, сделавшими непригодными 13,86 % произведенного зерна [Li, 2021].

Если исходить из сегодняшней динамики энергоструктуры Китая, то цели, обозначенные Си Цзиньпином в 2020 г. (достижение пика выбросов к 2023 г. и углеродной нейтральности к 2060 г.), очевидно, не будут достигнуты: постоянный рост потребления и использования угля для генерации электроэнергии ведет к стабильному росту эмиссии вредоносных веществ, которая в 2023 г. стала рекордной и составила 11,9 млрд т [Hausfather, 2023].

Не будут достигнуты и цели, поставленные Китаем в рамках участия страны в Парижском соглашении 2015 г. Согласно соглашению, странам-участникам необходимо оптимизировать энергоструктуру с целью не допустить повышения средней глобальной температуры на 2 °С, а также «приложить усилия» для ограничения роста средней глобальной температуры на 1,5 °С [Сидорова, 2018].

Согласно опубликованному в 2020 г. исследованию, проведенному Институтом изменения климата и устойчивого развития Университета Цинхуа совместно с рядом научных организаций и подразделениями различных министерств и ведомств, для удержания роста гло-

¹ China struggles in half-century fight against desertification // NikkeiAsia. 2023. URL: <https://asia.nikkei.com/Spotlight/Caixin/China-struggles-in-half-century-fight-against-desertification> (accessed: 15.02.2024).

² State of Ecology & Environment Report Review 2019 // China Water Risk. 2020. URL: <https://chinawaterrisk.org/resources/analysis-reviews/2019-state-of-ecology-environment-report-review/> (accessed: 25.01.2024).

³ State of Ecology & Environment Report Review 2022 // China Water Risk. 2022. URL: <https://chinawaterrisk.org/resources/analysis-reviews/2022-state-of-ecology-environment-report-review/> (accessed: 23.04.2024).

бальной температуры на 2 °С и 1,5 °С (табл. 1) Китаю необходимо к 2050 г. снизить потребление угля более чем в шесть с половиной раз, урезать мощность угольных станций более чем в шесть раз и при этом увеличить долю ВИЭ в структуре потребления и генерации до 73,2 и 92,47 % соответственно.

Серьезную зависимость КНР от традиционного топлива демонстрирует и динамика импорта угля, нефти и природного газа. С 2015 по 2023 г. объем импорта угля и нефти вырос более чем в два раза, объем импорта природного газа — более чем в четыре раза (табл. 1). Зависимость от импорта природного газа выросла с 30 % в 2015 г. до 42 % в 2023 г., зависимость от импорта нефти выросла с 61 % в 2015 г. до 73 % в 2023 г.¹ В 2024 г. данные тенденции сохраняются: импорт нефти, газа и угля продолжает расти².

Заметим, что импорт угля растет несмотря на то, что суммарный объем добытого и импортированного угля уже превышает годовое потребление. Этому есть два объяснения. *Во-первых*, КНР необходимы запасы угля для стабильного обеспечения страны ключевым энергоресурсом — в 2021 г., во время активного восстановления экономики после эпидемии коронавируса дефицит угля был критическим. *Во-вторых*, резкое увеличение добычи после дефицита в 2021 г. привело к снижению качества добываемого угля (предприятия по добыче были вынуждены включить в разработку месторождения с более низким качеством), что вынуждает КНР импортировать более качественный уголь, соответствующий потребностям конечного потребителя³. При этом зависимость страны от импорта имеет серьезные логистические риски, напрямую связанные с геополитической обстановкой.

В целом можно сказать, что проводимая Китаем экологическая стратегия стимулировала интенсивное развитие источников возобновляемой энергии и подтолкнула Пекин к диверсификации энергетической структуры. Однако большинство экологических проблем страны продолжают оставаться актуальными, в том числе ежегодный

¹ Summary of China's energy and power sector statistics in 2023 // China energy transformation program. 2023. URL: <https://www.cet.energy/2024/03/18/summary-of-china-s-energy-and-power-sector-statistics-in-2023/> (accessed: 15.02.2024).

² Китай в январе-феврале 2024 г. увеличил добычу и импорт нефти и газа // Neftegaz. 2024. URL: <https://neftgaz.ru/news/finance/824442-kitay-v-yanvare-fevrale-2024-g-uvlechil-dobychu-i-import-nefti-i-gaza/> (accessed: 15.02.2024).

³ Myllyvirta Lauri. What is causing the record rise in both China's coal production and imports? // Center for Research on Energy and Clean Air. 2023. URL: <https://energyandcleanair.org/record-rise-in-chinas-coal-production-and-imports/> (accessed: 23.04.2024).

Таблица 1. Структура генерации, потребления, импорта видов энергии в Китае

Ресурс	Год				
	2015	2019	2023	2050 -Сценарий 2 ⁰	2050 -Сценарий 1,5 ⁰
Доля станций на базе ресурса в общей мощности станций КНР					
Уголь	59,13 %	51,7 %	39,9 %	3,36 %	2,88 %
Нефть	1,3 %	~1,9 %	2,2 %	0,67 %	0,84 %
Газ	3,9 %	~5 %	4 %	3,52 %	3,18 %
ВИЭ	35 %	40,8 %	53,9 %	92,47 %	96,28 %
Мощность станций на базе ресурса					
Уголь, ГВт	900	1041	1165	191	181
Нефть, ГВт	20	~39	64	38	53
Газ, ГВт	66	~110	116	200	200
ВИЭ, ГВт	536	820	1573	5258	6050
Доля в потреблении энергии					
Уголь	64 %	57,7 %	55,3 %	9,1 %	5,4 %
Нефть	18,1 %	19,6 %	19,1 %	7,7 %	3 %
Газ	5,9 %	8,3 %	8,9 %	10 %	5,5 %
ВИЭ	12 %	14,4 %	16,7 %	73,2 %	86,1 %
Потребление энергии, млн т. у. т.					
Уголь	2752	2804	3152	473	270
Нефть	778	952	1094	400	150
Газ	253	403	505	520	275
ВИЭ	516	699	952	3806	4306
Импорт					
Уголь, млн т	164	299,7	474	—	—
Нефть, млн т	239	505,72	564	—	—
Газ, 100 млн м ³	340	1323	1650	—	—

Составлено авторами на основе:

Макеев Ю.А., Салицкий А.И., Семенова Н.К., Чжао Синь. Энергетический переход в Китае: перспективы и препятствия // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. М., 2022. № 2.

Guicai Dong. China's Energy Import Market Structure and Its Effects on Energy // Advances in Engineering Research. 2017.

He Jiankun, Li Zheng, Zhang Xiliang. Towards carbon neutrality: A study on China's long-term low-carbon transition pathways and strategies // Environmental Science and Ecotechnology. 2021.

Jiahai Yuan, Peng Li, Yang Wang, Qian Liu, Xinyi Shen, Kai Zhang, Liansai Dong. Coal power overcapacity and investment bubble in China during 2015–2020 // Energy Policy. 2016. С. 136–244.

Summary of China's energy and power sector statistics in 2023 // China energy transformation program. 2023.

рост эмиссии парниковых газов. Ежегодный рост потребления угля, нефти и газа, а также растущий объем импорта данных видов энергии заставляет говорить о том, что цели, поставленные Китаем в рамках вклада в улучшение экологической ситуации в мире, вряд ли будут достигнуты.

Однако при этом интенсивное развитие ВИЭ способствует осуществлению глобальной внешнеполитической стратегии КНР. Успехи Китая в сфере возобновляемой энергетики, а также повышенный мировой спрос на технологии альтернативной энергии привели к появлению новой экспортной ниши, в рамках которой Китай активно расширяет сотрудничество и с развитыми, и с развивающимися странами. С 2010 по 2019 г. Китай инвестировал почти 760 млрд долл. в проекты зеленой энергетики по всему миру, став крупнейшим инвестором в области ВИЭ¹. На 2020 г. за пределами границ Китая насчитывалось 777 электростанций в 83 разных странах, которые получили финансирование китайских банков или прямые капиталовложения от китайских компаний². Благодаря китайскому финансированию и участию, общемировая генерация зеленой энергии увеличится на 171 ГВт, из них 113 ГВт уже активно производится, станции мощностью 33 ГВт строятся, станции мощностью 24 ГВт планируется построить. Около 77 ГВт этих мощностей приходится на возобновляемые источники энергии, 50 ГВт из которых — гидроэнергия, 12 ГВт и 7 ГВт — ветряная и солнечная энергия³.

Китай активно популяризирует экологическую проблематику в мире, в том числе в рамках БРИКС. При этом экологический акцент в деятельности объединения, активно поддерживаемый КНР, транслируется на внутренние программы развития стран-членов, создавая для Китая новые перспективные направления экспорта, и вводит новые экологические стандарты торговли и инвестирования [Вегнер-Козлова, 2022].

Понятно, что развитие экологии не становится для стран-членов БРИКС приоритетным вопросом — их энергетика продолжает бази-

¹ Wu S. These are the strategies behind China's ambitious clean energy transition // GreenBiz. 2021. URL: <https://www.greenbiz.com/article/these-are-strategies-behind-chinas-ambitious-clean-energy-transition> (accessed: 15.02.2024).

² Springer C. Greening China's overseas energy projects // China Dialogue. 2020. URL: <https://dialogue.earth/en/energy/38328-greening-chinas-overseas-energy-projects/> (accessed: 15.02.2024).

³ Gallagher, Kevin P.; Li, Zhongshu; Chen, Xu; Ma, Xinyue. China's Global Power Database // Global Development Policy Center, Boston University. 2022. URL: <https://www.bu.edu/cgp/> (accessed: 15.02.2024).

роваться на традиционном топливе. Но экологическая повестка создает новую сферу взаимодействия, в которой именно Китай может задавать тон и направление сотрудничества, поддерживая ряд проектов в области возобновляемой энергетики в странах БРИКС (в ЮАР и в Бразилии)¹. Выдвигая экологическую повестку на уровень международных отношений, КНР стимулирует рост спроса на ВИЭ, на рынке которых он занимает лидирующие позиции.

Китай уже является ведущим экспортером компонентов ВИЭ в страны ЕС, которые в начале 2000-х активно поддерживали производство зеленых компонентов на территории КНР. Уже в 2012 г. 75 % готовых солнечных панелей и 40 % готовых ветряков, импортируемых странами — членами ЕС, приходилось на Китай [Lei, 2017]. Германия, которая в начале века являлась лидером на рынке зеленых технологий, стала на сегодняшний день основным импортером ВИЭ из Китая — на нее приходится около половины поставок солнечных панелей и ветряков в Европу [Curran, 2017]. Неудивительно, что страны ЕС сегодня — это ключевой потребитель китайских компонентов зеленой энергетики (в том числе электромобилей).

Китай активно развивает сотрудничество и со странами Юго-Восточной Азии, исподволь влияя на их позицию в вопросах экологии. В октябре 2009 г. была принята Стратегия сотрудничества Китая и АСЕАН в области охраны окружающей среды на 2009—2015 гг. В 2010 г. начал работу Центр экологического сотрудничества между АСЕАН и Китаем (САЕС) [Кондратенко, 2016]. В 2016 г. — Стратегия сотрудничества Китая и АСЕАН в области охраны окружающей среды 2016—2020 гг., которая предусматривала увеличение объема инвестиций в зеленые проекты региона со стороны КНР. Популяризируя экологическую проблематику и становясь экологическим лидером для развивающихся стран этого региона, Китай поддерживает строительство станций на базе возобновляемой энергии, в частности — гидроэнергетики [Liao, 2022].

Отметим, что акцент на экологическую проблематику совсем не мешает Китаю строить за рубежом станции, использующие традиционные «грязные» виды энергии. Около 90 ГВт мощности станций по всему миру, финансируемых Китаем, составляет традиционная энергия, 57 ГВт из которых — это угольные мощности, что в более чем в два раза больше, чем мощности ветряных и солнечных станций, вместе взятых. Как отмечают специалисты, инвестиции Китая в «грязную» энергетику за рубежом привели к увеличению выбросов парни-

¹ Ibid.

ковых газов на примерно 350 млн т ежегодно¹. Большинство энергетических проектов, финансируемых Китаем в странах АСЕАН в рамках ИПП, также относится к традиционным видам энергии. 57 % проектов в рамках ИПП, построенных и строящихся в странах АСЕАН, работают на угле, 26 % — на энергии воды (в основном на р. Меконг) [Liao, 2022]. При этом китайские гидроэлектростанции на р. Меконг неоднократно приводили к засухам на территориях вниз по течению, а власти Мьянмы заявляли о неоговоренных случаях массовой вырубке лесов китайскими компаниями для строительства объектов [Лебедева, 2019].

Высокотехнологичный мировой рынок ВИЭ является приоритетным для США и стран ЕС, и они не намерены без борьбы отдавать его КНР. Тем не менее на данный момент Китай, благодаря своим технологическим достижениям, лидирует: с 2010 по 2019 г. он инвестировал почти 760 млрд долл. в проекты на базе возобновляемой энергии по всему миру (вдвое больше, чем США, вложившие 356 млрд долл.)². В 2021 г. Китай производил примерно в три раза больше мощностей зеленой энергетики, чем США³, а также владел третьей частью мировых патентов на возобновляемые источники энергии [Матвеев, 2021].

После того как весной 2021 г. США снова присоединились к Парижскому соглашению, а администрация Дж. Байдена сделала активную климатическую политику одним из приоритетов своего политического курса⁴, Вашингтон предпринимает попытки подорвать лидерство Китая на рынке ВИЭ. Так, в марте 2021 г. Конгресс США принял закон, запрещающий использование федеральных средств для приобретения солнечных панелей у китайских компаний, что связано с зависимостью Соединенных Штатов от китайских фотоэлементов, а также большой конкурентоспособностью последних [Матвеев, 2021].

ЕС также озабочен доминированием Китая на европейском рынке ВИЭ, особенно в сфере ветряных и солнечных мощностей, а также аккумуляторов. Поставки Китаем данных компонентов ведут к замедлению развития этих технологий внутри Союза, крайне важных для

¹ Ibid.

² Wu S. ...

³ Renewable energy capacity 2021, by country // Statista. 2022. URL: <https://www.statista.com/statistics/267233/renewable-energy-capacity-worldwide-by-country/> (accessed: 25.01.2024).

⁴ U.S. Officially Rejoins Paris Agreement On Climate Change // NPR. 2021. URL: <https://www.npr.org/2021/02/19/969387323/u-s-officially-rejoins-paris-agreement-on-climate-change> (accessed: 15. 02.2024).

Европы в рамках экологической повестки. В 2013 г. были введены импортные пошлины на ряд китайских ВИЭ, а в 2020 г. опубликована так называемая Белая книга Европейской комиссии по иностранным субсидиям, которая предусматривает ограничение торговли данными компонентами с целью стимулирования внутреннего развития¹.

Таким образом, одной из ключевых целей экологической стратегии Китая можно считать укрепление его позиций на международном рынке альтернативных источников энергии. Заняв лидерство в этом секторе, Китай становится наиболее привлекательным партнером для сотрудничества и торговли, темпы которой на фоне популяризации экологической повестки и идеи мирового энергетического перехода будут нарастать. Это позволяет существенно расширить рынок сбыта китайских товаров за рубежом и таким образом поддержать существующие темпы роста внутреннего производства, переориентируя его на производство высокотехнологичной продукции.

Попутно Китай решает и другие задачи: в некоторой степени сокращает зависимость от импорта ископаемого топлива (нефти, угля и газа), чем снижает геополитические риски в рамках нарастающего противостояния с США и странами Запада (поскольку пути доставки в Китай ископаемого топлива в случае резкого обострения ситуации могут оказаться заблокированными силами США). В результате мировая экологическая повестка становится элементом внешнеполитической стратегии Китая и способствует экономическому росту страны, а не его ограничению.

Библиографический список

Бубакар Б. Китай: экономический бум и экологическая угроза // Вестник РУДН. Серия: Экономика. М., 2009. № 2. С. 30. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kitay-ekonomicheskiy-bum-i-ekologicheskaya-ugroza> (дата обращения: 15.02.2024).

Ван Гуаньцзюнь. Государственная экологическая политика Китая: история развития и современные проблемы // Вестник Санкт-Петербургского университета. Политология. Международные отношения. М., 2012. № 1. С. 66. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvennaya-ekologicheskaya-politika-kitaya-istoriya-razvitiya-i-sovremennye-problemy> (дата обращения: 15.02.2024).

Ван Гуаньцзюнь. Экологическая дипломатия Китая: история развития и современные проблемы // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. М., 2011. № 131. URL:

¹ Commission adopts White Paper on foreign subsidies in the Single Market // European Commission. 2020. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ip_20_1070 (accessed: 15.02.2024).

<https://cyberleninka.ru/article/n/ekologicheskaya-diplomatiya-kitaya-istoriya-razvitiya-i-sovremennye-problemy> (дата обращения: 15.02.2024).

Вегнер-Козлова Е. О. Взаимодействие стран БРИКС в сфере «зелёной» экономики // Вестник Академии знаний. 2022. № 51(4). С. 68—25. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=49581152> (дата обращения: 15.02.2024).

Ушаков И. В. Загрязнение окружающей среды в Китае // Проблемы Дальнего Востока. 2016. № 4.

Кондратенко Г. В. Экологическая дипломатия стран Северо-Восточной Азии // Известия Восточного института. 2016. № 2 (30). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekologicheskaya-diplomatiya-stran-severo-vostochnoy-azii> (дата обращения: 15.02.2024).

Кранина, Е. И. Стратегия «зеленого» развития Китая // Проблемы Дальнего Востока. 2020. № 2. С. 138—251. URL: <https://ras.jes.su/pdv/s013128120009857-3-1> (дата обращения: 24.04.2024).

Лебедева Н. Б. Обратная сторона китайского проекта ОПОП на примере ЮВА и ЮА (политико-стратегические, социально-экономические, экологические аспекты) // ЮВА: актуальные проблемы развития. 2019. № 1 (42). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/oborotnaya-storona-kitayskogo-proekta-opop-na-primere-yuv-a-i-yua-politiko-strategicheskie-sotsialno-ekonomicheskie-ekologicheskie> (дата обращения: 15.02.2024).

Макеев Ю. А., Салицкий А. И., Семенова Н. К., Чжао Синь. Энергетический переход в Китае: перспективы и препятствия // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2022. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/energeticheskij-perehod-v-kitae-perspektivy-i-prepyatstviya> (дата обращения: 15.02.2024).

Матвеев В. А. Борьба с изменением климата — новая арена противоборства Китая и США // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2021. № 26. С. 342. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/borba-s-izmeneniem-klimata-novaya-arena-protivoborstva-kitaya-i-ssha> (дата обращения: 15.02.2024).

Мозиас П. М. Экологическая политика в Китае: вверх по лестнице, ведущей вниз? // Общество и государство в Китае. 2016. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekologicheskaya-politika-v-kitae-vverh-po-lestnitse-veduschey-vniz> (дата обращения: 15.02.2024).

Светличный А. И. Устойчивое развитие и Новый банк развития БРИКС: анализ и перспективы // Вопросы государственного и муниципального управления. 2018. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ustoychivoe-razvitie-i-novyy-bank-razvitiya-briks-analiz-i-perspektivy> (дата обращения: 15.02.2024).

Селищев А. С. Опыт Китая по борьбе с опустыниванием и озеленению страны: история, итоги и перспективы // Российско-китайские исследования. МОСКВА 2021. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/opyt-kitaya-po-borbe-s-opustynivaniyem-i-ozeleneniyu-strany-istoriya-itogi-i-perspektivy> (дата обращения: 15.02.2024).

Сидорова Т. Ю. Реализация идеи дифференцированной ответственности от Киотского протокола до Парижского соглашения // Сибирский юридический вестник. 2018. № 1. С. 139. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/realizatsiya-idei-differentsirovannoy-otvetstvennosti-ot-kiotskogo-protokola-do-parizhskogo-soglasheniy-a> (дата обращения: 15.02.2024).

References

Bubakar, B. (2009). Kitaj: ekonomicheskiy bum i ekologicheskaya ugroza [China: economic boom and environmental threat], *Vestnik RUDN. Seriya: Ekonomika [Vestnik RUDN. Series on economics.]*:2:30. (In Russian).

Wang Guanjun (2012). Gosudarstvennaya ekologicheskaya politika Kitaya: istoriya razvitiya i sovremennye problemy [State environmental policy of China: history of development and modern problems], *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Politologiya. Mezhdunarodnye otnosheniya [Herald of St. Petersburg University. Political Science. International relations.]*:1:66. (In Russian).

Wang Guanjun (2011). Ekologicheskaya diplomatiya Kitaya: istoriya razvitiya i sovremennye problem [China's environmental diplomacy: history of development and modern problems], *Izvestiya RGPU im. A. I. Gercena [Izvestiya of A.I. Herzen RSPU]*:131. (In Russian).

Vegner-Kozlova, E. O. (2022). Vzaimodejstvie stran BRIKS v sfere «zelyonoy» ekonomiki [Interaction of the BRICS countries in the field of green economy], *Vestnik Akademii znaniy [Bulletin of the Academy of Knowledge]*:51(4): 68—25. (In Russian).

Ushakov, I. V. (2016). Zagryazneniye okruzhayushchey sredy v Kitaye [Pollution in China], *Problemy Dalnego Vostoka [Far Eastern Affairs]*: 4: 81—92. (In Russian).

Kondratenko, G. V. (2016). Ekologicheskaya diplomatiya stran Severo-Vostochnoj Azii [Environmental diplomacy of Northeast Asian countries], *Izvestiya Vostochnogo institute [Proceedings of the Oriental Institute]*:2 (30). (In Russian).

Kranina, E. I. (2020). Strategiya «zelenogo» razvitiya Kitaya [China's green development strategy], *Problemy Dal'nego Vostoka [Far Eastern Affairs]*: 2: 138—251. (In Russian).

Lebedeva, N. B. (2019). Obrotnaya storona kitayskogo proyekta OPOP na primere YVA i YA (politiko-strategicheskiye, sotsialno-ekonomicheskiye, ekologicheskiye aspekty) [The flip side of the Chinese OBOR project using the example of Southeast Asia and South Asia (political-strategic, socio-economic, environmental aspects)], *Yugo-Vostochnaya Aziya: aktualnyye problemy razvitiya [Southeast Asia: Current Development Issues]*:1:1(42): 38—22. (In Russian).

Makeev, Y.A.; Salickij, A.I.; Semenova, N.K. (2022). Energeticheskij perekhod v Kitae: perspektivy i prepyatstviya [Energy transition in China: prospects and obstacles], *Kontury global'nyh transformacij: politika, ekonomika, pravo [Contours of global transformation: politics, economics, law]*:2. (In Russian).

Matveev, V.A. (2021). Borba s izmeneniyem klimata — novaya arena protivoborstva Kitaya i SShA [The fight against climate change is a new arena of confrontation between China and the United States], *Kitay v mirovoy i regionalnoy politike. Istoriya i sovremennost [China in World and Regional Politics. History and Modernity.]*: 26 (26), 337—251. (In Russian).

Mozias, P.M. (2016). Ekologicheskaya politika v Kitae: vverh po lestnice, vedushchej vniiz? [Environmental Policy in China: Up the Downward Staircase?], *Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae [Society and State in China]*:2. (In Russian).

Svetlichnyj, A.I. (2018) Ustoichivoe razvitie i Novyj bank razvitiya BRIKS: analiz i perspektivy [Sustainable development and the BRICS New Development Bank: analysis and prospects], *Voprosy gosudarstvennogo i municipal'nogo upravleniya [Issues of State and municipal governance]*:1. (In Russian).

Shelishchev, A.S. (2021). Opyt Kitaya po bor'be s opustynivaniem i ozeleneniyu strany: istoriya, itogi i perspektivy [China's experience in combating desertification and greening the country: history, results and prospects], *Rossijsko-kitajskie issledovaniya [Russian-Chinese Studies]*:3. (In Russian).

Sidorova, T. Y. (2018). Realizatsiya idei differentsirovannoy otvetstvennosti ot Kiotskogo protokola do Parizhskogo soglasheniya [Implementation of the idea of differentiated responsibilities from the Kyoto Protocol to the Paris Agreement], *Sibirskiy yuridicheskiy vestnik [Siberian Law Bulletin]*:1, 138—242. (In Russian).

* * *

Yu Binbin (2021). Ecological effects of new-type urbanization in China, *Renewable and Sustainable Energy Reviews*. URL: https://www.researchgate.net/publication/343759593_Ecological_effects_of_new-type_urbanization_in_China (accessed: April 23, 2024).

Wang C.; Yingzhi Tang (2021). Interpretation of the “Green Development Guidelines for Foreign Investment and Cooperation”, *Green Finance and Development Center*. URL: <https://greenfdc.org/interpretation-of-the-green-development-guidelines-for-foreign-investment-and-cooperation/> (accessed: April 23, 2024).

Chi-Wei Su; Khan, Khalid; Umar, Muhammad; Zhang, Weike (2021). Does renewable energy redefine geopolitical risks? *Energy Policy, Volume 158*. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0301421521004365> (accessed: April 23, 2024).

Liu C.; Urpelainen, Johannes (2021). Why the United States should compete with China on global clean energy finance, *Brookings*. URL: <https://www.brookings.edu/articles/why-the-united-states-should-compete-with-china-on-global-clean-energy-finance/> (accessed: April 23, 2024).

Chiu, D. (2017). The East Is Green: China's Global Leadership in Renewable Energy, *CSIS* URL: https://csis-website-prod.s3.amazonaws.com/s3fs-public/171011_chiu_china_Solar.pdf?i70f0uep_pGOS3iWhvwU1BNigJMcYJvX/(accessed: February 15, 2024).

Dong, Guicai (2017). China's Energy Import Market Structure and Its Effects on Energy, *Advances in Engineering Research*. URL: <https://www.atlantis-press.com/article/25875139.pdf>

Hai-Bin Zhang, Han-Cheng Dai, Hua-Xia Lai, Wen-Tao Wang (2017). U.S. withdrawal from the Paris Agreement: Reasons, impacts, and China's response, *Advances in Climate Change Research. Volume 8, Issue*. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1674927817301028> /(accessed: February 15, 2024).

Liao, J. (2022). Talking Green, Building Brown: China-ASEAN Environmental and Energy Cooperation in the BRI Era, *Asian Perspective, Volume 46*. URL: <https://muse.jhu.edu/article/846285> /(accessed: February 15, 2024).

Jiahai Yuan, Peng Li, Yang Wang, Qian Liu, Xinyi Shen, Kai Zhang, Liansai Dong (2016). Coal power overcapacity and investment bubble in China during 2015–2020, *Energy Policy*. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0301421516303615> / (accessed: February 15, 2024).

Lei Liu, Tong Wu (2017). EU-China relationship in a new era of global climate governance, *European University Institute*. URL: https://www.researchgate.net/publication/330231191_The_EU-China_relationship_in_a_new_era_of_global_climate_governance / (accessed: February 15, 2024).

Li Qianhui, Zhu Kunyang, Liu Lei, Sun Xinyi (2021). Pollution-Induced Food Safety Problem in China: Trends and Policies, *Frontiers in Nutrition*. URL: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fnut.2021.703832/full> / (accessed: February 15, 2024).

Curran, Louise; Ping Lu; Spigarelli, Francesca (2017). Chinese investment in the EU renewable energy sector: Motives, synergies and policy implications, *Energy Policy, Volume 101*. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0301421516304840> / (accessed: February 15, 2024).

Matteis, P. (2010). EU-China Cooperation in the Field of Energy, Environment and Climate Change, *University of Cambridge*. URL: https://www.researchgate.net/publication/282676871_EU-China_Cooperation_In_the_Field_of_Energy_Environment_and_Climate_Change / (accessed: February 23, 2024).

Xue, H., Lan, X., Zhang, Q (2021). Assessment of the green development level for participating countries in the Belt and Road initiative, *Ann Oper Res*. URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/34876766/> / (accessed: February 15, 2024).

Yuan Wang, Rui Shi, Chen Zhang, Yanmin He, Hongyi Jiang, Jumpei Kubota (2022). Structural changes and trends in China's renewable electricity production in the policy evolution process, *Renewable Energy*. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S096014812101510X> / (accessed: February 15, 2024).

Zabielskis, P. (2014). Environmental Problems in China: Issues and Prospects, *Social Issues in China*. URL: https://www.researchgate.net/publication/290952723_Environmental_Problems_in_China_Issues_and_Prospects / (accessed: February 23, 2024).

Hausfather, Z.; Friedlingstein, Pierre (2023). Analysis: Growth of Chinese fossil CO2 emissions drives new global record in 2023, *CarbonBrief*. URL: <https://www.carbonbrief.org/analysis-growth-of-chinese-fossil-co2-emissions-drives-new-global-record-in-2023/> (accessed: February 23, 2024).

К.К. Меркулов

О НОВЫХ ИНИЦИАТИВАХ КНР В СФЕРЕ ГЛОБАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ (ОСЕНЬ 2023 г.)

Светлой памяти родителей посвящаю

Аннотация. Особое внимание в статье уделено анализу содержания документа «Предложение Китайской Народной Республики о реформе и развитии глобального управления», обнародованного МИД КНР 13 сентября 2023 г. с целью детализации прежних глобальных инициатив председателя КНР Си Цзиньпина и МИД КНР, и выпущенных Информационным бюро Госсовета КНР двух новых Белых книг: «Глобальное сообщество общего будущего: предложения и действия Китая» (26 сентября 2023 г.) и «Инициатива “Пояс и путь”»: ключевой столп глобального сообщества общего будущего» (10 октября 2023 г.). В статье также характеризуются оценки этих документов рядом зарубежных экспертов.

В числе основных выводов данной научно-исследовательской разработки (НИР) можно привести положение о крайней желательности создания в структуре РАН и/или других заинтересованных институций сети научно-исследовательских лабораторий не только по прогнозированию, но и системному моделированию параметров нового складывающегося мироустройства.

Ключевые слова: Китай (КНР), глобальное управление (ГУ); устойчивое оптимальное развитие, новое оптимальное мироустройство.

Автор: Меркулов Катенарий Катенарьевич, доктор экономических наук (МАН Сан-Марино, 1994, г. Москва); кандидат историче-

ских наук (МГИМО МИД СССР, 1990); старший научный сотрудник Центра изучения культуры Китая, Институт Китая и современной Азии РАН (адрес: 117997, Москва, Нахимовский пр-т, 32). ORCID: 0000-0002-6244-1800. E-mail: katenariy@gmail.com

Благодарность: автор искренне благодарит своих замечательных, увы, ныне покойных родителей и всех учителей и друзей за доброе содействие в подготовке данной и близких ей НИР.

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации в Институте Китая и современной Азии РАН.

K.K. Merkulov

On China's new initiatives in the sphere of global governance (as of autumn 2023)

In memoriam to my blessed parents

Abstract. The article pays particular attention to the analysis of the content of the document titled “The Proposal of the People's Republic of China on the Reform and Development of Global Governance”, published by the Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China on September 13, 2023 in order to detail the previous global initiatives of the President of the PRC Xi Jinping and the Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China, as well as issued by the Information Bureau of the State Council of the People's Republic of China two new White Papers “A Global Community for a Shared Future: China's Proposals and Actions” (September 26, 2023) and “The Belt and Road Initiative: A Key Pillar of a Global Community for a Shared Future” (October 10, 2023). The article also characterizes the assessments of these documents by a number of foreign experts.

Among the main conclusions of this research development is the provision on the extreme desirability of creating within the structure of the Russian Academy of Sciences and/or other interested authoritative bodies a network of research laboratories not only for forecasting, but also for systematic modeling of the parameters of a new, emerging world order.

Keywords: China (the PRC), global governance (GI); sustainable optimal development, new optimal world order.

Author: Katenariy K. MERKULOV, Dr.Sc. (Economics) (IAS San-Marino), PhD (History) (MGIMO); Senior Research Fellow, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences

(address: 32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117997, Russian Federation).
ORCID: 0000-0002-6244-1800. E-mail: katenariy@gmail.com

Acknowledgements: the author sincerely thanks his wonderful, alas, now deceased parents and all teachers and friends for their kind assistance in the preparation of this and similar research projects.

Conflict of interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

Support. The article was prepared at the Institute of China and Contemporary Asia of the RAS within the framework of the State assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation.

Данная статья подготовлена с учетом как ранее выдвинутых председателем КНР Си Цзиньпином и МИД КНР ряда глобальных инициатив¹, так и обнародованного 13 сентября 2023 г. в целях детализации последних документов МИД КНР «Предложение Китайской Народной Республики о реформе и развитии глобального управления» (далее — Предложение КНР) и выпущенных Информационным бюро Госсовета КНР двух новых Белых книг: «Глобальное сообщество общего будущего: предложения и действия Китая» (26.09.2023)² и «Инициатива “Пояс и путь”: ключевой столп глобального сообщества общего будущего»³ (10.10.2023).

¹ В тексте Предложения КНР по реформированию и развитию (системы) глобального управления от 13.09.2023 г. особо упоминаются предложение Си Цзиньпина о построении сообщества единой судьбы человечества (СЕСЧ); инициатива «Один пояс, один путь» (ОПОП/ИПП); Глобальная инициатива безопасности (ГИБ); Глобальная инициатива развития (ГИР); и Глобальная цивилизационная инициатива (ГЦИ) см.: Xi's proposal on building a community with a shared future for mankind (CSFM); the Belt and Road Initiative (BRI); the Global Security Initiative (GSI); the Global Development Initiative (GDI); and the Global Civilization Initiative (GCI) // Proposal of the People's Republic of China on the Reform and Development of Global Governance [2023], 中华人民共和国外交部. September 13, 2023. URL: https://www.fmprc.gov.cn/eng/wjbxw/202309/t20230913_11142010.html (accessed: 09.11.2023). (При переводе исходного названия инициативы “A Community with a Shared Future for Mankind, CSFM”, позднее синонимично названной в англоязычных версиях выше упомянутых Белых книг также как “A Global Community of Shared Future, GCSF”, т. е. «Глобальное сообщество общего будущего, ГСОБ», априори использовался только термин «Сообщество единой судьбы человечества», СЕСЧ).

² Full Text: A Global Community of Shared Future: China's Proposals and Actions. White Paper, released by the State Council Information Office of the People's Republic of China (2023), *Xinhua*, September 26, 2023. URL: <https://english.news.cn/20230926/689e17beb34c44e6a41aead2e0475223/c.html> (accessed: 13 November, 2023).

³ Full text: The Belt and Road Initiative: A Key Pillar of the Global Community of Shared Future. White Paper, released by the State Council Information Office of the People's Republic of China, *Xinhua*, October 10, 2023. URL: <https://news.cgtn.com/news/2023-10-10/Full-text-China-releases-white-paper-on-Belt-and-Road-cooperation-1nMwG1FHwLu/index.html> (accessed: 13 November, 2023).

Резюме контент-анализа новейших инициатив КНР в сфере глобального управления

По состоянию на начало-середину 2024 г., в официальном дипломатическом арсенале КПК и КНР в сфере глобального управления (ГУ) фигурировало пять важнейших инициатив¹. Причем наиболее широко обсуждаемая инициатива «Пояс и путь», при всей ее масштабности и значимости, выступает, скорее, как вспомогательный инструмент для реализации инициатив в сфере ГУ (см. [Ларин, с. 18]).

Строительство сообщества единой судьбы человечества (СЕСЧ) и реализацию других его глобальных инициатив в «эпоху Си» Пекин увязывал и увязывает с реформой и развитием системы ГУ. В этой связи Си Цзиньпин неоднократно указывал на необходимость в международной деятельности Китая активно участвовать в реформировании системы глобального управления и «выявлять в нем свою ведущую роль»². Эта идея была комплексно развита в различных официальных документах КПК и КНР, а ее «апофеозом» (по состоянию на конец 2023 — начало 2024 г.) стало Предложение КНР, публикация которого была приурочена к началу 78-й сессии ГА ООН.

Приведем резюме этого документа.

Итак, помимо краткого Введения и Заключения, документ состоит из пяти основных частей: I. Форсирование управления глобальной безопасностью и защита мира и стабильности во всем мире; II. Улучшение управления глобальным развитием и совместное достижение глобального устойчивого развития; III. Продвижение глобальных прав человека и социального управления и совместное содействие цивилизационному обмену и прогрессу; IV. Развитие глобального управления на новых рубежах и построение структуры глобального управления с видом на будущее; V. Укрепление ключевой роли ООН и продвижение реформы глобальной системы управления³.

¹ См. сноску 1 выше.

² *Си Цзиньпин*. Стремиться сформировать новую обстановку в дипломатии великой державы с китайской спецификой. Тезисы выступления на Рабочем совещании ЦК КПК по иностранным делам (22 июня 2018 года) // О государственном управлении. Том III. Пекин: Издательство литературы на иностранных языках, 2021. 850 с. С. 630—635.

³ Proposal of the People's Republic of China on the Reform and Development of Global Governance [2023]? // 中华人民共和国外交部. September 13, 2023. URL: https://www.fmprc.gov.cn/eng/wjbxw/202309/t20230913_11142010.html (accessed: 09.11.2023).

В качестве стержневой оценки роли Китая в современной системе ГУ в этом документе приводится положение о том, что страна принимает активное участие в реформировании и развитии системы ГУ по следующим направлениям: Китай практикует консультации, осуществляет сотрудничество и стремится к общим выгодам в глобальном управлении; поддерживает истинную многосторонность, способствует демократизации международных отношений и работает над приданием глобальному управлению более справедливого и равноправного характера¹. И это есть основной вывод и «аккорд», сделанный в указанном документе.

Не менее важно и примечательно содержание выпущенных Информационным бюро Госсовета КНР и упомянутых выше двух новых Белых книг.

Помимо лаконичного Предисловия и Заключения, Белая книга «Глобальное сообщество общего будущего: предложения и действия Китая» (26.09.2023) включает пять частей: I. Человечество на перепутье; II. Ответ на вызов времени и план будущего; III. Глубокие корни в истории и культурных традициях; IV. Направление и путь; V. Действия и вклад Китая².

Как следует из текста этой Белой книги (подраздел 2.2. «Подчеркивая новые особенности глобального управления»), концепция *глобального сообщества общего будущего* (видимо, данный термин использован в англоязычной версии этого акта как синоним СЕСЧ. — Прим. К.М.) исходит из того, что все страны имеют общее будущее в мире, характеризующемся открытостью и инклюзивностью и которому присущи принципы равенства и справедливости, гармоничного сосуществования, разнообразия, взаимного обучения и обмена опытом. Также эта концепция опирается на такие принципы, как единство и сотрудничество³.

Как оптимистически отмечено в самом конце этого документа, в будущем, когда все страны объединятся в стремлении к общему благу и станут вместе планировать и действовать последовательно и сообща в правильном направлении к построению глобального сообщества

¹ Ibidem.

² Full Text: A Global Community of Shared Future: China's Proposals and Actions. White Paper, released by the State Council Information Office of the People's Republic of China. (2023). Source: Xinhua. Editor: huaxia 2023-09-26 10:01:30. Beijing. September 2023. 37 p. URL: <https://english.news.cn/20230926/689e17beb34c446ba41aeadd2e0475223/c.html> (accessed: 13.11.2023).

³ Ibidem.

общего будущего, тогда «мы сможем построить открытый, инклюзивный, чистый и красивый мир с такими атрибутами, как прочный мир, всеобщая безопасность и общее процветание, а также совместно творить лучшее будущее для всего человечества»¹.

Другая Белая книга — «Инициатива «Пояс и путь: ключевой столп глобального сообщества общего будущего» (10.10.2023) — помимо краткой Преамбулы и Заключения, включает также пять основных частей: I. Предложено Китаем, но принадлежит всему миру; II. Прокладываемая путь к совместному развитию и процветанию; III. Содействие всестороннему взаимодействию в различных областях; IV. Внесение позитивной энергии в мир и развитие во всем мире; V. Обеспечение неуклонного и устойчивого прогресса в высококачественном сотрудничестве в рамках реализации инициативы «Пояс и путь» (ИПП)².

Заключение этого документа содержит тезис о том, что инициатива «Пояс и путь» дала новую жизнь истории культурных обменов, насчитывающей более двух тысячелетий, и вдохновила стремление более 150 стран к реализации новой мечты.

В документе утверждается, что за 10 лет, прошедших с момента запуска ИПП, сотрудничество в рамках инициативы принесло в мир замечательные и глубокие изменения и стало важной вехой в истории человечества. Инициатива «Пояс и путь» — это долгосрочный, транснациональный и системный глобальный проект XXI в. Продолжая путь от отправной точки, ИПП демонстрирует большую креативность и жизнеспособность, и она станет более открытой и инклюзивной, а также создаст новые возможности как для Китая, так и для остального мира³.

Итак, обнародованное МИД КНР 13 сентября 2023 г. в целях детализации прежних глобальных инициатив председателя КНР Си Цзиньпина Предложение КНР и выпущенные Информационным бюро Госсовета КНР две вышеуказанные новые Белые книги, равно как и материалы III Форума международного сотрудничества «Пояс и

¹ Ibidem.

² Full text: The Belt and Road Initiative: A Key Pillar of the Global Community of Shared Future. White Paper, released by the State Council Information Office of the People's Republic of China. (2023). Source: Xinhua. Editor: huaxia China 11:04, 10-Oct-2023. Updated 14:13, 10-Oct-2023. Beijing. October 2023. 23 p. URL: <https://news.cgtn.com/news/2023-10-10/Full-text-China-releases-white-paper-on-Belt-and-Road-cooperation-1nMwG1FHwLU/index.html> (accessed: 13.11.2023).

³ Ibidem.

путь» (17—28 октября 2023 г., Пекин)¹, стали, на наш взгляд, новыми важными вехами в эволюции отношения Китая к системе глобального управления в духе *пока еще* «умеренного» китаецентризма.

В силу их очевидной актуальности и новизны они привлекают к себе пристальное внимание международного экспертного сообщества.

Отклики в зарубежных СМИ на инициативы КНР

Видится целесообразным привести ряд недавних научных (и квазинаучных) оценок, данных в зарубежных СМИ новейшим инициативам КНР в сфере ГУ.

Так, на интернет-семинаре группа известных международных экспертов попыталась раскрыть суть предложения Китая о «реформе и развитии глобального управления» и охарактеризовать шаги правительства КНР по продвижению этих идей на международном уровне.

Среди принявших участие во встрече были Кортни Фунг, научный сотрудник Азиатского общества Австралии, и доцент Университета Маккуори, а также Тайла Блэнд, научный сотрудник Центра анализа Китая Института политики азиатского общества. Модератором дискуссии выступил исполнительный директор Центра Китая Института политики азиатского общества Бейтс Гилл, который отметил впечатляющий размах Предложения КНР в целом и отдельных его частей в частности, сделав при этом акцент на наличии скрытой антиамериканской направленности этого документа. Примерно в том же духе высказались и другие участники дискуссии².

Еще одна попытка кратко, но системно оценить суть Предложения КНР была предпринята 28 сентября 2023 г. Рудольфом Морицем (ученым-исследователем в области права, научным сотрудником Китайского центра Пола Цая Йельской юридической школы, где он специализируется на изучении влияния роста Китая на международ-

¹ *Си Цзиньпин*. Во имя открытости, толерантности, взаимосвязанности и совместного развития в мире. Программное выступление на церемонии открытия 3-го Форума международного сотрудничества «Один пояс, один путь» (18 октября 2023 г., Пекин). Полный текст // Агентство Синьхуа. 18.10.2023. URL: <https://rus.yidaiyilu.gov.cn/news/news/334507.htm> (дата обращения: 10.12.2023).

² A panel of experts unpacks China's major proposal on the "reform and development of global governance" and discusses how its government seeks to advance these ideas internationally // YouTube. September 20, 2023. URL: https://www.youtube.com/watch?v=E_9Q5ZPrHtw (accessed: 09.11.2023).

ный правопорядок). Этому была посвящена его исследовательская статья на сайте *China Observers (CHOICE)*¹.

Суть оценки Предложения КНР, предпринятой Р. Морицем, можно резюмировать в следующих четырех тезисах:

1. Ключевым препятствием на пути стремления Китая изменить мировой порядок остается сохраняющаяся неопределенность его позиции: «Пока Китай остается неспособным четко донести свое глобальное видение, он не сможет реформировать мировой порядок как “ответственная великая держава”, но будет только разрушать его, независимо от его [истинных] намерений».

2. С тех пор как Си Цзиньпин пришел к власти в 2012—2013 гг., Китай стал более открыто заявлять о своих амбициях по реформированию мирового порядка и о своей роли в этом процессе. На наш взгляд, это еще раз свидетельствует о росте самосознания КНР как мирового лидера.

3. Пекин (пока) избегает открыто и принципиально «ставить под сомнение» основы нынешнего мирового порядка, а более стремится нарастить свою способность эффективно маневрировать внутри существующей системы, используя ее возможности (например, путем усиления своей роли в ООН). В то же время Китай поощряет региональные механизмы формата «Китай+х» (например, «Китай+Африка», «Китай+Центральная Азия», «Китай+арабские государства» и др.), а также региональные организации, включая ШОС и БРИКС+, чтобы продвигать свою политическую повестку там, где он не в состоянии делать это в рамках «традиционных» международных механизмов и/или единолично.

4. Китайское руководство отдает приоритет установлению тесных связей с государствами Глобального Юга, поскольку многие из них разделяют взгляды Пекина по вопросу о необходимости реформирования мирового порядка. Китай также указывает на двойные стандарты Запада, в частности критикуя двурушническую глобальную позицию США [Moritz R.].

Другой комплексный анализ Предложения КНР недавно был проведен Сари Архо Хаврен, сотрудницей *RUSI*² в Брюсселе.

¹ *CHOICE (China Observers in Central and Eastern Europe)* — многонациональный консорциум экспертов, осуществляющий анализ влияния КНР в странах Центральной и Восточной Европы. *CHOICE* находится в ведении Ассоциации международных отношений (АМО), известного базирующегося в Праге аналитического центра по внешней политике со статусом неправительственной организации.

² *Royal United Services Institute, RUSI* (Королевский институт объединенных служб) — старейший в мире и ведущий аналитический центр Великобритании в сфере

По оценке Хаврен¹, Китай уже добился значительного прогресса в «посеве семян» международного порядка. Для КПК успех в установлении глобального порядка, отражающего цели и основные интересы партии, имеет решающее значение по трем причинам: 1) это сделает внешнюю среду более безопасной для внутреннего режима, установленного КПК, защитив его от влияний извне или от «транснациональных движений», таких как так называемые цветные революции, могущие бросить вызов существующему политическому равновесию; 2) успех установления нового глобального порядка соответствует многолетней стратегии КПК, нацеленной на обретение Китаем роли глобального лидера в [новом] миропорядке и вытеснение прежней гегемонии США из мировой жизни — вплоть до их «морской изоляции»; 3) установление «безопасного» глобального порядка служит делу реализации «великого возрождения (к 2049 г.) китайской нации» и выводит Китай на позиции выдающейся мировой державы [Havrén S.A.].

Еще одна интересная статья с примечательными комментариями относительно Предложения Китая была опубликована в китайской газете *The Global Times*. Аналитики этого официального издания Ян Шэн и Чжан Юйин подчеркивают, что этот всеобъемлющий и дальновидный документ отражает идеи и позицию Китая почти по всем «горячим» мировым вопросам и что он имеет решающее значение для построения сообщества единой судьбы человечества².

Еще одна интересная оценка нового Предложения КНР по ГУ была опубликована на сайте *Digital Watch*³. В этой публикации подчеркивался факт выдвижения Китаем масштабного предложения, направленного на разработку глобальной системы управления для нескольких новых областей, таких как открытое море, полярные регионы, космическое пространство, киберпространство, цифровые

обороны и безопасности. Его миссия — информировать, влиять и расширять общественные дебаты, чтобы помочь построить более безопасный и стабильный мир.

¹ Публикация представлена на сайте международной неправительственной организации “DASHLINE”, специализирующейся на геополитическом консалтинге с фокусом на Индо-Тихоокеанский регион и за его пределами, с целью охвата сложных и динамичных отношений Европы с Индо-Тихоокеанским регионом.

² Yang Sheng and Zhang Yuying. China issues proposal on reform, devt of global governance. To prevent new ‘new frontiers’ from militarization caused by major power competition // *The Global Times*. Sep 13, 2023. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202309/1298153.shtml> (accessed: 09.11.2023).

³ GIP управляется *DiploFoundation*. Обсерватория GIP “Digital Watch” исследует широкий спектр тем глобальной цифровой политики и курируется специальной командой экспертов со всего мира.

технологии и искусственный интеллект (ИИ). (И это действительно так, поскольку Китай считает, что эти области уже стали новыми рубежами глобального управления¹.)

КНР акцентирует свою приверженность принципам мира, развития, инклюзивности и коллективности в деле ГУ и полагает, что расширение рубежей глобального управления должно отражать мнения и интересы развивающихся стран. Китай также поддерживает ООН и ее резолюции по мирному использованию достижений науки и технологий и стремится к инклюзивному и этичному подходу к управлению ИИ. КНР выступает за мирное, открытое и кооперационное киберпространство, отвергает односторонний протекционизм и поддерживает позицию ООН по глобальному цифровому управлению².

Другая солидная публикация о Предложении КНР была подготовлена Гопалом Сури, сотрудником Международного фонда Вивекананды³. Как отмечает автор, наблюдающаяся активность Китая на мировой арене сопровождается четкой артикуляцией его амбиций стать глобальным игроком. Причем Си Цзиньпин неоднократно подчеркивал мировое значение «китайской мечты» для великого возрождения китайской нации.

По оценке автора, Китай также осознает недостаточность представительства развивающихся стран, Глобального Юга, включая себя самого, в институтах глобального управления и надеется устранить ее посредством реформы системы ГУ [Suri G.].

Как известно, председатель КНР Си Цзиньпин неоднократно и прямо заявлял о чрезвычайной важности реформы ГУ и подчеркивал необходимость консультаций в процессах современного международного управления. Более того, осуществление руководства реформой системы ГУ теперь вошло в десятку ключевых положений в системе

¹ Proposal of the People's Republic of China on the Reform and Development of Global Governance // MFA of the PRC site, September 13, 2023. URL: https://www.fmprc.gov.cn/eng/wjbxw/202309/t20230913_11142010.html (accessed: 23 June, 2024).

² China calls for global governance framework for new technologies, *Geneva Internet Platform Digital Watch website*, September 13, 2023. URL: <https://dig.watch/updates/china-calls-for-global-governance-framework-for-new-technologies> (accessed: 9 November, 2023). https://www.fmprc.gov.cn/eng/wjbxw/202309/t20230913_11142010.html

³ Международный фонд Вивекананды (*Vivekananda International Foundation, VIF*) — аналитическая организация, базирующаяся в Нью-Дели. Этот «мозговой трест», созданный совместными усилиями ведущих индийских экспертов по безопасности, дипломатов и филантропов под эгидой Вивекананды, имеет цель стать центром передового опыта, дающим начало инновационным идеям и мыслям, которые могут привести к тому, что более сильная, безопасная и процветающая Индия будет играть свою предназначенную ей роль в мировых делах.

взглядов Си Цзиньпина на китайскую внешнюю политику¹. Эта мысль и нашла свое документальное воплощение в ряде отдельных китайских инициатив в последние годы, кульминацией которых стало Предложение КНР о реформе и развитии ГУ.

В заключение Г. Сури приводит следующие выводы: 1) «Глобальное сообщество с единым будущим» — это четко заявленная стратегия Китая по «реформированию и совершенствованию системы международного управления», обладающая несомненной китайской спецификой; 2) данная стратегия уже нашла свое отражение в большом количестве заявлений [Пекина] на двусторонних и многосторонних форумах и, вероятно, встретит возрастающий резонанс на Глобальном Юге; 3) очевидное стремление Китая воплотить свою глобальную амбициозную [точнее, *потенциально* гегемонистскую] стратегию в конкретных оперативных-тактических планах и действиях (примером чего, по утверждению Г. Сури, служит-де инициатива «Пояс и путь») должно быть принято во внимание и встретить должное противодействие [на мировой арене] [Suri G.].

Выводы и рекомендации

1. Начиная примерно с лета 2008 г., т. е. со времени проведения Олимпийских игр в Пекине, вызвавших духовный подъем в КНР, а также довольно успешного преодоления экономикой КНР последствий тогдашнего мирового финансового кризиса, и особенно после 2012—2013 гг., суть подхода КНР к комплексу вопросов ГУ все чаще становится предметом рассмотрения политиков и политологов Китая и находит отражение в заявлениях высшего китайского руководства. Тезис Си Цзиньпина (в разных вариациях) о том, что Пекин должен «возглавить реформу» системы ГУ², обращает на себя все возрастающее внимание международных аналитиков. По всей видимости, эта цель сохранит свою актуальность не только в условиях «новой bipolarности» мира, но и позднее. В данном контексте есть основания квалифицировать современный, условно выражаясь, «неоклассиче-

¹ President Xi Jinping's speech at Central Conference on Work Relating to Foreign Affairs, 24 Jun 18. URL: http://www.xinhuanet.com/english/2018-06/24/c_137276269.htm. Accessed on 17 Jan 20. (Цитата Гопала Сури).

² Remarks by H.E. Xi Jinping President of the People's Republic of China at the Opening Ceremony of the Second World Internet Conference. December 16, 2015. URL: https://www.fmprc.gov.cn/eng/wjdt_665385/zyjh_665391/201512/t20151224_678467.html (accessed: 20.03.2022).

ский» подход Пекина к системе ГУ как возрождение идущих с древности традиций классического императорского китаецентризма, ныне экстраполируемых на будущее в виде более чем смелых гипотез о намерении Си стать-де «мировым императором» [Ryuhō Okawa].

2. Ключевой вывод доклада «Подход Китая к глобальному управлению», подготовленного сотрудниками Совета по международным делам (СМД, США) Я. Хуаном и Дж. Курлацником, о том, что подход Китая к глобальному управлению «порождает риск раскола в системе глобального управления» [Huang Yanzhong and Kurlantzick J.], обретает значение концептуальной установки, используемой Западом для противостояния подъему Китая также и по треку реформирования институтов глобального управления.

3. Новая специфика подходов Китая к системе ГУ в «эпоху Си», изложенная в серии новейших документов внешней политики и дипломатии КНР, в том числе и приведенных в данной статье, а также в недавно изданных работах китайских и зарубежных экспертов, требует анализа и учета при разработке стратегии и тактики дипломатии нашей страны как в отношении КНР, так и самой системы ГУ. Китайским же товарищам стоит пожелать значительно детализировать теоретически и конкретизировать практически их научно-дипломатические подходы к реальной оптимизации системы ГУ, в том числе в части моделирования ее институтов. В отечественной науке такие фундаментальные научно-исследовательские разработки уже есть [Меркулов К.А., Меркулова Э.А., Меркулов К.К.].

4. При всех определенных достоинствах ранее опубликованных научно-исследовательских работ зарубежных, в том числе и китайских, ученых им просто пока «не хватило пороха» смоделировать развитие системы международных отношений при «новой разрядке», вероятной после нынешнего глобального кризиса, который, как и всё на Земле, не вечен. Российские же разработки уже предлагают соответствующие сценарии [Меркулов К.А. et al].

5. Автор согласен, что в будущую «эпоху после Си», т. е., видимо, в середине нынешнего века, возможно усиление китаецентризма в подходах Поднебесной к системе ГУ [Соловьев]. Такую вероятность, на наш взгляд, следует принимать в расчет уже сейчас и при долгосрочном планировании внешнеполитической работы продумывать варианты реакции нашего МИД на новые черты китайского дипломатического стиля.

6. Специфика отношений нашей страны с Китаем в области ГУ уже была системно исследована в научных работах, авторство которых принадлежит ряду видных дипломатов и ученых, включая семью

Меркуловых, выдвинувших рекомендации по формированию потенциального партнерства двух стран в деле устойчивого оптимального развития [Меркулов К.А. et al].

Комплекс вопросов, связанных с подходами Китая к системе ГУ, исследован и в ряде проектов научных статей автора на эту тему, а также в его докладе «СССР/Россия, Китай и перспективы оптимизации системы глобального управления», готовящемся под эгидой ИКСа РАН. Для успешного завершения этих НИР и их эффективной апробации, а возможно, и практической реализации, автор предлагает продумать вопрос о создании в структуре РАН и/или других заинтересованных инстанций сети научно-исследовательских лабораторий не только по прогнозированию, но и системному моделированию параметров нового мироустройства.

Библиографический список

Ларин В.Л. Китайская повестка мировой политики XXI века // Российское Китаеведение. 2023. № 1. С. 14—24. DOI: 10.48647/ICCA.2023.97.55.001.

Меркулов К.А., Меркулова Э.А., Меркулов К.К. Био- и геостратегические отношения России и Союзного государства с Китаем в конце XX — начале XXI века н.э. (1991—2022): научная историко-философская и прогнозно-аналитическая модель системного анализа и системно-синергетического анализа — синтез — прогноз. В 5 т. (Готовится к печати).

Соловьев В.С. Три разговора о войне, прогрессе, о конце всемирной истории, со включением краткой повести об Антихристе и с приложениями. М.: «АФОН», 2000. 320 с.

References

Larin, V.L. (2023). Kitajskaya povestka mirovoj politiki XXI veka [The Chinese agenda of world politics of the 21st century], *Rossijskoe kitaevvedenie [The Chinese studies in Russia]*: 1: 14—24. DOI: 10.48647/ICCA.2023.97.55.001. (In Russian).

Merkulov, K.A.; Merkulova, E.A.; Merkulov K.K. (2025). Bio- i geostrategicheskie otnosheniya Rossii i Soyuznogo gosudarstva s Kitaem v konce HKH — nachale HKHI veka n.e. (1991—2022): nauchnaya istoriko-filosofskaya i prognozno-analiticheskaya model' sistemnogo analiza i sistemno-sinergeticheskikh analiza — sinteza — prognoza. V 5 t. [Bio- and geostrategic relations of Russia and the Union State with China at the end of the 20th — beginning of the 21st century AD (1991—2022): scientific historical-philosophical and forecast-analytical model of system analysis and system-synergistic analysis — synthesis — forecast. In 5 volumes] (to be published). (In Russian).

Solovyov, V.S. (2000). Tri razgovora o vojne, progresse, o konce vsemirnoj istorii, so vklucheniem kratkoj povesti ob Antihriste i s prilozheniyami [Three conversations about war, progress, the end of world history, including a short story about the Antichrist and with applications], *Moscow: «AFON» PH*, 320 p. (In Russian).

* * *

Havrén, Sari Arho (2023). Building a safe shared future for the People's Republic of China, *9dashline website*, November 8. URL: <https://www.9dashline.com/article/building-a-safe-shared-future-for-the-peoples-republic-of-china> (accessed: 9 November, 2023).

Huang Yanzhong; Kurlantzick, Joshua (2021). China's Approach to Global Governance, *CFR Report*. URL: <https://www.cfr.org/china-global-governance/> (accessed: May 4, 2021).

Moritz, Rudolf (2023). Ambiguity: The Key Obstacle for China's Ambition to Reshape the Global Order, *CHOICE website. September 28*. URL: <https://chinaobservers.eu/ambiguity-the-key-obstacle-for-chinas-ambition-to-reshape-the-global-order/> (accessed: 11 November, 2023).

Ryuhō Okawa (2021). The Xi Jinping Thought Now, *Tokyo, IRH PRESS*, 214 p. URL: https://books.google.ru/books?id=x1FozgEACAAJ&dq=100th+anniversary+of+the+chinese+communist+party&hl=ru&sa=X&redir_esc=y (accessed: February 9, 2022).

Suri, Gopal (2023). Chinese Initiatives for Global Governance: Re-Defining the Global Order? *Vivekananda International Foundation (VIF)*. October 11. URL: <https://www.vifindia.org/article/2023/october/11/Chinese-Initiatives-for-Global-Governance> (accessed: 9 November, 2023).

ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА КНР

DOI: 10.48647/ICCA.2024.65.50.021

С.Л. Сазонов, Фу Яньцзе

КРИЗИС НА КРАСНОМ МОРЕ: ВЛИЯНИЕ НА КИТАЙ, МИРОВУЮ ТОРГОВЛЮ И СУДОХОДСТВО

Аннотация. В конце 2023 г. и начале 2024 г. возрастающая напряженность в Красном море, вызванная непрекращающимися атаками военизированными подразделениями хуситов на грузовые суда ведущих международных морских перевозчиков, стала оказывать заметное влияние на экономику Китая. Будучи мировой «фабрикой товаров» и ведущим глобальным экспортером, Китай в значительной степени зависит от успешной деятельности своего контейнерного флота, который обеспечивает перевозку около 95 % объема внешне-торгового оборота страны.

Вследствие непрекращающихся атак хуситов самый короткий и быстрый морской маршрут между Европой и Азией через Красное море и Суэцкий канал оказался фактически заблокированным. Китай, как и другие ведущие мировые грузоотправители, теперь вынужден направлять свои контейнеровозы и сухогрузы по длинному маршруту вдоль африканского континента через мыс Доброй Надежды. Это приводит к дополнительным расходам, увеличению протяженности морской транспортировки до 10 тыс. км и задержкам в доставке до десяти дней. С начала 2024 г. альтернативой морским перевозкам по маршруту Китай—Европа стал евразийский железнодорожный транзит, который по стоимости лишь немного превосходит морские перевозки, тем более что эта разница сокращается после вынужденного выбора более протяженного африканского маршрута. Таяние

льда в арктических морях постепенно формирует другую относительно новую альтернативу глобальным судоходным транзитным каналам в лице российского Северного морского пути. При активизации российско-китайского сотрудничества по освоению «Ледового Шелкового пути», возможно ускорение развития российской арктической инфраструктуры, что будет способствовать не только общему росту экономики российского приарктического региона, но и приведет к глобальным изменениям структуры мировой торговли и судоходства.

Ключевые слова: Китай, Красное море, хуситы, судоходство, внешняя торговля, альтернативные маршруты, евразийский транзит, Северный морской путь.

Авторы: *Сазонов Сергей Леонидович*, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра «Россия, Китай, мир» Института Китая и современной Азии РАН (адрес: 117997, Москва, Нахимовский просп., 32). ORCID: 0000-0002-8889-7072.
E-mail: sazonovch50@mail.ru

Фу Яньцзе (КНР), аспирант, Институт Китая и современной Азии РАН (адрес: 117997, Москва, Нахимовский просп., 32).

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

S.L. Sazonov

The crisis in the Red Sea: the impact on China, world trade, shipping and navigation

Abstract. In late 2023 and early 2024, rising tensions in the Red Sea, caused by ongoing attacks by Houthi militias on shipping cargo ships belonging to leading international carriers, began to have a noticeable impact on the Chinese economy. As the world's "commodity factory" and a leading global exporter, China relies heavily on the success of its container fleet, which carries about 95 % of the country's trade volume.

Due to the incessant attacks by the Houthis, the shortest and fastest sea route between Europe and Asia through the Red Sea and the Suez Canal was effectively blocked. China, like other leading global shippers, is now forced to route its container ships and bulk carriers along the route down by the African continent through the Cape of Good Hope. This leads to additional costs, an increase in the length of sea transportation to 10 thousand km and delays in delivery of up to ten days. Since the beginning of 2024, an alternative to sea transportation on the China-Europe route has become the Eurasian rail transit, which is only slightly more expensive than sea transportation, especially since this difference is reduced due to the forced choice of the longer African route. Melting ice in the Arctic seas is gradually forming another relatively new alternative to global shipping transit channels. The alternative is the Russian Northern Sea Route. With

the intensification of Russian-Chinese cooperation on the development of the “Ice Silk Road”, it would be possible to accelerate the development of the Russian Arctic infrastructure, which will contribute not only to the overall economic growth of the Russian Arctic region, but will also lead to global changes in the structure of the world trade and shipping.

Keywords: China, Red Sea, Houthis, shipping and navigation, foreign trade, alternative routes, Eurasian transit, Northern Sea Route.

Authors: Sergey L. SAZONOV, Ph.D (Economics), Leading Research Fellow, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences (address: 32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117997, Russian Federation). ORCID: 0000-0002-8889-7072.

E-mail: sazonovch50@mail.ru;

FU Yanjie (PRC), postgraduate student, Institute of China and Contemporary Asia (address: 32, Nakhimovsky Ave., Moscow, 117997, Russian Federation).

Conflict of interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

18 декабря 2023 г. ополченцы-хуситы¹ атаковали два корабля в Красном море с помощью дронов, там же 24 декабря 2023 г. нефтяные танкеры *Blaamanen* под норвежским флагом и *Saibaba* под индийским флагом подверглись атаке беспилотниками. Кроме того, хуситы захватили грузовое судно *Galaxy Leader*, на борту которого находились более 20 членов экипажа. Всего, согласно неполным международным статистическим данным, с ноября 2023 г. по февраль 2024 г. в Красном море было атаковано не менее 30 судов общей вместимостью 1,9 млн т².

Это вызвало серьезную обеспокоенность в отношении безопасности транзита нефти, зерна и других товаров по этому важному глобальному торговому маршруту, а также привело к росту стоимости страхования и доставки товаров через Красное море³. Нападения хуситов на контейнеровозы *Maersk Gibraltar* и *MSC Palatium III* в Красном море и Баб-эль-Мандабском проливе 14 и 15 декабря 2023 г. повлияли на глобальное судоходство через Суэцкий канал⁴,

¹ Движение «Ансар Алла», чье кредо и девиз — «Аллах велик, смерть Америке, смерть Израилу, проклятие иудеям, победа за исламом».

² Safety advantage of China-Europe freight trains. URL: <https://www.chinadaily.com.cn/a/202402/05/WS65c02e65a3104efcbdae9a59.html> (accessed: 08.02.2024).

³ Hu Weijia. Importance of diversified Eurasian trade routes puts spotlight on BRI. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202312/1304101.shtml> (accessed: 20.12.2023).

⁴ Суэцкий канал, соединяющий Красное и Средиземное моря, является ключевым водным путем в мировой торговле, который коммерческие суда используют для прохо-

поскольку это самый короткий и быстрый морской путь между Европой и Азией¹.

Хуситская группировка пообещала не допускать прохода через Красное море всех торговых судов, направляющихся в Израиль, до тех пор, пока не закончится военный конфликт в секторе Газа². Все это вызвало сильное беспокойство многих транснациональных компаний, в том числе китайских, вступивших в самый загруженный экспортный сезон³.

Последствия кризиса на Красном море, даже краткосрочные, уже значительны, особенно учитывая, что ведущие мировые морские компании-перевозчики, включая французскую транспортную группу *CMA CGM*, швейцарскую *Mediterranean Shipping Company (MSC)*, датскую *Moller-Maersk Group*, тайваньскую *Evergreen Marine* и немецкую *Hapag-Lloyd AG*, а также китайские судоходные гиганты — *COSCO* и *Orient Overseas Container Line*, практически приостановили транзитные перевозки в регионе⁴.

ждения между азиатскими и европейскими портами. Значение канала подчеркивается данными *Clarksons*, исследовательской и консалтинговой компанией по морским перевозкам. По данным компании за 2022 г., по каналу было перевезено 45 % мировых мощностей контейнерных перевозок, пропущено 60 % судов, перевозящих автомобили, и 11 % нефтяных танкеров (Zhao Wei. Red Sea tensions during Israeli-Palestinian conflict and the solution. URL: https://www.bjreview.com/World/202401/t20240122_800354865.html (accessed: 23.01.2024).

¹ Йеменские хуситы поставили под угрозу около 15 % объема мировой торговли. По данным Управления энергетической информации США, в 2023 г. через пролив Баб-эль-Мандеб проходило 12 % общего объема мировой морской торговли нефтью, а также около 10 % СПГ (8,8 млн баррелей и 4,2 млрд куб. м в день соответственно), перевозилось около 40 % товаров в торговле между Азией и Европой. Ежегодно через Баб-эль-Мандебский пролив проходило около 17 тыс. судов, часть из которых направляется в Средиземное море через Суэцкий канал (Red Sea crisis tests resilience of vehicle supplies. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202312/1304281.shtml> (accessed: 28.12.2023).

² Yin Yeping. Red Sea attacks intensify, major global shippers avoid Suez Canal. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202312/1303862.shtml?id=11> (accessed: 18.12.2023).

³ Yang Sheng. If US can clear way for 'cease-fire in Gaza', Red Sea problem would be solved. If US can clear way for humanitarian aid to Gaza, 'joint patrol would not be necessary'. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202312/1303922.shtml?id=11> (accessed: 19.12.2023).

⁴ В конце 2023 г. международное морское судоходство Китая пострадало из-за сбоев в работе основных каналов — Панамского и Суэцкого, которые вызвали рост затрат на транзит. Проблемы с транзитом через Суэцкий канал были вызваны заявлением йеменского движения хуситов о том, что оно будет атаковать все корабли, направляющиеся в Израиль, независимо от национальности, и предостережением всех международных судоходных компаний от сотрудничества с израильскими портами. Кроме того, поскольку расстояние по прямой от Суэцкого канала до сектора Газа составляет менее 200 км и вследствие продолжающегося израильско-палестинского конфликта, многие китайские грузовые суда решили обойти Суэцкий канал, который является важным морским маршрутом, соединяющим Китай с рынком стран ЕС. Панамский канал, еще

При этом стоит иметь в виду, что эти семь гигантов владеют примерно 80 % объема мирового рынка морских перевозок. Некоторые другие судоходные компании объявили о приостановке обслуживания таких портов, как Хайфа, Ашдод и Джидда (*Haifa, Ashdod, Jeddah*). О решении приостановить перевозки нефтепродуктов танкерами по Красному морю объявили и две крупнейшие нефтяные компании — английская *British Petroleum* и норвежская *Equinor*.

Китайские эксперты полагают, что ситуация на Красном море окажет гораздо большее влияние на мировое судоходство, чем авария на Суэцком канале в марте 2021 г., когда севший на мель контейнеровоз *Ever Given* заблокировал канал¹.

Из-за возникших проблем с безопасностью мировые грузоотправители перенаправили из Красного моря грузы на сумму около 120 млрд долл. 20 декабря 2023 г. более 120 контейнеровозов огибали африканский континент около мыса Доброй Надежды по более протяженному маршруту вместо того, чтобы пересекать Красное море и Суэцкий канал. Это привело к дополнительным расходам, увеличению протяженности морской транспортировки с 7 тыс. до 10 тыс. км и задержкам на срок от семи до десяти дней².

В третьей декаде декабря 2023 г. выросли тарифы на морские перевозки³. Так, ставка фрахта 40-футового контейнера при перевозках

один торговый маршрут, по которому многие товары из Китая попадают на рынок США, пострадал от самой сильной за всю историю засухи. По сообщению агентства *Bloomberg*, из-за засухи уровень воды в Панамском канале упал на 1,8 м ниже нормы, и администрация канала была вынуждена ограничить количество проходящих судов. Так, в начале 2024 г. ежедневно по каналу могло проходить лишь 24 судна, тогда как до засухи проходило около 38 судов. Китай является вторым по величине пользователем Панамского канала — в 2022 г. на его долю приходилось 21,4 % общего объема грузовых перевозок по каналу, а в конце 2023 г. десятки китайских контейнеровозов, перевозивших подарки и праздничные товары к Рождеству, при проходе через канал испытывали задержку до четырех недель. Китайские судоходные компании сталкивались с задержками доставки и дополнительными расходами, возникшими в результате нарушения работы двух каналов. Например, грузы, направляющиеся на восточное побережье США через Панамский канал, в конце 2023 г. разгружались в портах Лос-Анджелеса, Лонг-Бич и других местах западного побережья США и переправлялись на восточное побережье автомобильным или железнодорожным транспортом, что приводило к более высоким транспортным расходам (China's international marine shipping affected by disruption from major canals, cost surge among delays. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202312/1303367.shtml> (accessed: 29.12.2023).

¹ China-Europe cargo trains may offer alternative if Red Sea tensions worsen. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202312/1304007.shtml> (accessed: 30.12.2023).

² Carriers actively make preparations for surge in rail transport demand. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202312/1304089.shtml> (accessed: 27.12.2023).

³ На утренней биржевой сессии 18 декабря 2020 г. в Китае стоимость акций морских перевозчиков выросла на 4,72 %, что стало максимумом роста как на Шэньчжэнь-

на Ближний Восток и в Европу¹ увеличилась примерно на 600—800 долл. и варьировалась от 2,4 тыс. до 2,5 тыс. долл.

Если ситуация в Красном море не изменится к лучшему в ближайшее время, то стоимость фрахта в 2024 г. продолжит расти². Например, 25 декабря 2023 г. морской перевозчик компания *MSC* объявила об изменении ставок фрахта. С 1 января 2024 г. (даты отгрузки) и до дальнейшего уведомления компания *MSC* будет взимать дополнительную плату в размере 1 тыс. долл. за 20-футовый контейнер и 1,5 тыс. долл. за 40-футовый контейнер при всех перевозках из Северной Европы на Индийский субконтинент³, а французская судоходная компания *CMA CGM* с 15 января 2024 г. увеличила тариф за обслуживание 40-футового контейнера для всех видов грузовых перевозок из Азии в Средиземноморье, подняв его с 3 тыс. до 6 тыс. долл.⁴

Согласно данным Шанхайской судоходной биржи (*Shanghai Shipping Exchange*), 7 января 2024 г. ставка фрахта для стандартного контейнера при отправке из порта Шанхай в основные европейские порты составляла 2871 долл., что на 210,38 % превысило ставку аналогичного фрахта 8 декабря 2023 г.⁵

Также оправдались опасения по поводу дефицита товаров: согласно анализу, опубликованному на отраслевом портале *Baltic*

ской, так и на Шанхайской фондовых биржах, а акции компаний *Ningbo Ocean Shipping Co. u China Master Logistics Co* достигли верхнего предела и закрылись на уровне дневного лимита в 10 % (Yin Yeping. Red Sea attacks intensify, major global shippers avoid Suez Canal. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202312/1303862.shtml?id=11> (accessed: 21.12.2023).

¹ По данным Шанхайской биржи контейнерного судоходства (*China Containerized Freight Index/CCFI*), в декабре 2023 г. индекс цен на экспортные контейнерные перевозки Китая вырос на 2,3 % в месячном исчислении и составил 874,88. Показания по европейскому сервису возглавили рост с месячным увеличением на 6,8 %, за ним следовал сервис Австралии/Новой Зеландии, который вырос на 5,6 % по сравнению с предыдущим месяцем. CCFI отслеживает спотовые и договорные ставки фрахта из китайских контейнерных портов на 12 маршрутах доставки по всему миру на основе данных 22 международных перевозчиков, а индекс был установлен 1 января 1998 г. на уровне 1000 (China's export container shipping price index up in December 2023. URL: http://www.china.org.cn/business/2024-01/14/content_116939280.htm (accessed: 25.12.2023).

² US-led coalition in the Red Sea only 'band-aid solution'; an immediate cease-fire in urgent need to avoid spillovers. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202312/1303992.shtml> (accessed: 07.01.2024).

³ Red Sea crisis tests resilience of vehicle supplies. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202312/1304281.shtml> (accessed: 09.01.2024).

⁴ Container shortage adds to export costs. URL: http://www.china.org.cn/business/2024-01/23/content_116958675.htm (accessed: 26.01.2024).

⁵ Yin Yeping. As Red Sea tensions linger, companies rising ship rates, turning to China-Europe freight train as alternative. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202401/1304937.shtml> (accessed: 18.01.2024).

Exchange 11 января 2024 г., незадолго до китайского (лунного) Нового года, который пришелся на середину февраля 2024 г., в Азию прибило на 780 тыс. стандартных контейнеров меньше, чем ожидалось¹.

По сообщению судоходной биржи Шанхая, по состоянию на 20 января 2024 г. количество контейнеровозов в Красном море по сравнению с 15 декабря 2023 г. сократилось на 70 %, что уже нанесло сильнейший удар по рентабельности контейнерных перевозок, проходящих через Красное море². В январе 2024 г. ставки фрахта морской перевозки между Шанхаем и восточным побережьем США практически удвоились: стоимость 40-футового контейнера, отправленного из Шанхая на западное побережье США, в конце декабря 2023 г. составляла 2 тыс. долл., а 25 января 2024 г. она возросла до 3,9 тыс. долл.³

По данным Шанхайского международного института судоходства (*Shanghai International Shipping Institute*), на восточном побережье ставка подскочила с 3,6 тыс. долл. до примерно 6 тыс. долл., что привело к перегруженности контейнеров⁴. В результате в январе 2024 г. растущий объем морских грузов стал перенаправляться на грузовой вектор железнодорожного маршрута Китай—Европа⁵. В первую очередь это

¹ Red Sea crisis evokes memories of container shortages, but Chinese suppliers feel limited impact. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202401/1305355.shtml> (accessed: 22.01.2024).

² Impact of Red Sea tension on Persian Gulf shipping gradually diminishing as booking prices decline: Shanghai Shipping Exchange. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202401/1305748.shtml?id=1> (accessed: 21.01.2024).

³ Red Sea crisis mounts pressure on Asia trade. Intensified strikes disrupt shipments, lead to freight rate spikes, experts say. URL: <https://www.chinadaily.com.cn/a/202401/31/WS65b9822ea3104efcbdae8c26.html> (accessed: 14.01.2024).

⁴ Yin Yeping. China-US freight rates rise amid Red Sea crisis. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202401/1305513.shtml> (accessed: 24.01.2024).

⁵ Китайские грузоперевозчики отмечают, что грузовые поезда Китай—Европа в рамках инициативы «Пояс и путь» приобретают все большее влияние в межконтинентальной торговле на фоне напряженности в районе Красного моря, поскольку в поездах существует высокий спрос на грузовые места. 30 января 2024 г. президент компании *Shanghai EPU Supply Chain Management Co.* отмечал, что объем экспорта грузовыми поездами Китай—Европа, которыми управляет его компания, в январе 2024 г. увеличился примерно на 30 % по сравнению с предыдущим месяцем, а объем импорта увеличился примерно на 45 %. Юань Сяоцзюнь, генеральный менеджер Сианьской компании по строительству и эксплуатации порта свободной торговли в пров. Шэньси (*Yuan Xiaojun, general manager of Xi'an Free Trade Port Construction and Operation Co*) — оператора регулярных грузовых поездов Китай—Европа, рассказал, что бронирование грузовых мест в поездах в сторону Европы в январе 2024 г. удвоился по сравнению с предыдущим месяцем. Он отметил, что «ускорение развития евразийской транспортной сети обеспечит снижение зависимости от морского транспорта и повышение стабильности и эффективности международной логистики» (Tao Mingyang, Yin Yeping. China-Europe freight trains under BRI stabilize transport amid Red Sea tensions. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202401/1306453.shtml> (accessed: 24.01.2024).

касалось товаров с высокой добавленной стоимостью и малого объема, таких как компьютеры, смартфоны, автозапчасти и высококачественные электронные компоненты¹.

Поскольку Красное море является ключевым маршрутом для торговли между Китаем, странами ЮВА и ЕС, то все стороны страдают от ухудшения ситуации с безопасностью в регионе. Например, с начала конфликта на Красном море и к апрелю 2024 г. стоимость морской транспортировки контейнеров из портов Республики Корея в европейские порты возросла на 250 %².

До начала кризиса около 60 % объема китайского экспорта в Европу осуществлялось по Красному морю, однако в первом квартале 2024 г., когда 90 % контейнеровозов из Китая были вынуждены перенаправить маршрут через мыс Доброй Надежды, время доставки грузов в страны ЕС увеличилось на 12 дней³. Такое изменение маршрута резко увеличило и стоимость перевозки. Так, в марте 2024 г. стоимость доставки контейнера из Иу (пров. Чжэцзян)⁴ в Европу выросла более чем вдвое по сравнению с декабрем 2023 г.

Кризис на Красном море влияет на мировую торговлю, при этом издержки растут, поскольку ожидается, что с немалыми сложностями столкнется и экспорт продукции автомобильной промышленности. По словам китайских аналитиков, кризис проверяет устойчивость цепочки поставок автомобилей, особенно электромобилей (ЭМ), которые являются ключевой позицией в торговле между Китаем и Европой. Китай экспортирует ЭМ в европейские страны, и электромоби-

¹ China-Europe freight services in high demand. URL: http://www.china.org.cn/business/2024-01/17/content_116946235.htm (accessed: 20.01.2024).

² Infographic: China-Europe Railway Express, a transport stabilizer amid Red Sea Crisis. URL: <http://en.people.cn/n3/2024/0315/c90000-20145482.html> (accessed: 17.03.2024).

³ Xing Yi. Red Sea crisis puts rail link in spotlight. Envoy hails China-Europe train services, highlights role of Belt and Road Initiative. URL: <https://www.chinadaily.com.cn/a/202403/14/WS65f2504aa31082fc043bc914.html> (accessed: 23.03.2024).

⁴ Китайский город Иу, также известный как «мировой супермаркет», за десятилетия превратился в ключевой центр производства и оптовой торговли мелкими товарами, предлагающий почти 2,1 млн видов продукции, причем в городе работают более 6 тыс. торговых компаний из более чем 100 стран (Merchants at «world's supermarket» embrace new changes in new year. URL: <http://en.people.cn/n3/2024/0223/c90000-20136619.html> (accessed: 26.02.2024)). Согласно данным таможенного управления Иу, в 2023 г. общая стоимость внешней торговли города достигла 566,05 млрд юаней (около 79,65 млрд долл.), что на 18,2 % больше, чем в 2022 г., причем стоимость экспорта впервые превысила отметку в 500 млрд юаней (World's supermarket' sees bright prospects in 2024. URL: <https://www.chinadaily.com.cn/a/202403/04/WS65e52342a31082fc043ba594.html> (accessed: 06.03.2024)).

ли доставляются в основном на судах типа РО-РО¹, следующих транзитом по Красному морю.

Согласно данным Европейской ассоциации автопроизводителей (*European Automobile Manufacturers' Association*), в 2022 г. Европейский союз импортировал более 500 тыс. китайских автомобилей, из которых около 63 % были ЭМ. По словам Цуй Дуншу, генерального секретаря Китайской ассоциации легковых автомобилей (*Cui Dongshu, secretary-general of the China Passenger Car Association*), «ожидаются последствия для автомобильной промышленности Китая, в первую очередь из-за более высоких затрат на доставку»².

Поскольку израильско-палестинский конфликт распространился на акваторию Красного моря, нарушая жизненно важные морские пути и глобальные цепочки поставок, пристальное внимание теперь оказывается евразийскому континентальному железнодорожному маршруту, который доказал свою позитивную роль в качестве надежного торгового пути, способствующего устойчивости глобальных цепочек поставок. Так, железнодорожный экспресс Китай—Европа стал «спасательным кругом» для торговли между Китаем и ЕС в этот критический момент.

Растущая популярность грузовых поездов Китай—Европа обусловлена их безопасностью, надежностью и устойчивостью к сбоям, и в отличие от морских маршрутов, которые подвержены пиратским нападениям, неблагоприятным погодным условиям и последствиям геополитической напряженности, континентальный путь грузового транзита по маршруту Китай—Европа предлагает более быструю, более безопасную и стабильную альтернативу, особенно привлекательную для предприятий, которым необходимо перевозить дорогостоящие товары и грузы. Кроме того, в силу кризиса на Красном море перевозка грузовыми поездами Китай—Европа стала весьма рентабельной. Согласно отчету Конференции Организации Объединенных Наций по торговле и развитию, опубликованному в феврале 2024 г., с ноября 2023 г. стоимость доставки контейнера из Шанхая в Европу морским транспортом увеличилась примерно в три раза. Но железнодорожные перевозки из китайского муниципалитета Чунцин в Евро-

¹ Суда типа “РО-РО” (ролкеры) — суда с горизонтальным способом грузообработки. Служат для перевозки грузов, находящихся в контейнерах, поддонах или так называемых трейлерах-автоприцепах, а также автомашин и колесной техники // Морской справочник. URL: <https://maritimeforum.net/data/spravochnik/suda-tipa-ro-ro.html> (дата обращения: 22.06.2024).

² China-Europe Railway Express sees rapid growth amid changing global logistics. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202403/1308637.shtml> (accessed: 25.03.2024).

пу стали примерно на 30 % дешевле морских перевозок, а за десять лет эксплуатационные расходы грузовых поездов Китай—Европа снизились более чем на 30 % по сравнению с их первоначальными эксплуатационными затратами.

Тем не менее евразийский железнодорожный маршрут, соединяющий 120 китайских городов с 219 городами в 25 европейских странах, не конкурирует с морским судоходством, а, скорее, дополняет его, и оба вида транспорта работают вместе, чтобы обеспечить бесперебойность товаропотока, способствуя глобальной экономической стабильности в текущих сложных условиях¹.

В марте 2024 г. газета *Financial Times* со ссылкой на немецкую *DHL* сообщила, что спрос на перевозку грузов по российскому железнодорожному маршруту подскочил примерно на 40 % с тех пор, как контейнеровозы начали выбирать более длинный маршрут через мыс Доброй Надежды с декабря 2023 г. При этом логистическая компания *RailGate Europe* сообщила об увеличении запросов на евразийские железнодорожные перевозки в марте 2024 г. на 20—25 %, а нидерландский железнодорожный перевозчик *Rail Bridge Cargo* отметил рост на 31 % объема грузового железнодорожного транзита через Россию по сравнению с мартом 2023 г.

По словам руководства компании *DHL*, лидера международной экспресс-доставки грузов, «количество заказов увеличилось с начала ситуации на Красном море примерно на 40 %, причем подавляющее количество грузов проходит через Россию»². Так, за первые два месяца 2024 г. количество грузовых поездов Китай—Европа, курсирующих из пров. Гуандун, достигло нового максимума — 166, что на 5 % выше показателя за аналогичный период 2023 г., причем из общего количества поездов число составов, перевозивших экспортные товары, увеличилось на 12,5 %, что также составило новый максимум за указанный период.

Грузовым поездам Китай—Европа из пров. Гуандун в Европу обычно требуется от 12 до 18 дней, чтобы достичь места назначения, в то время как судам, затронутым турбулентностью на Красном море и следующим через мыс Доброй Надежды, требуется более месяца. Таможенное управление пров. Гуандун укрепляет координацию с крупными КПП, такими как китайско-казахстанские Алашанькоу—Дос-

¹ Xinhua Commentary: China-Europe rail route stabilizes global supply chains amid turmoil. URL: <http://en.people.cn/n3/2024/0310/c90000-20143215.html> (accessed: 25.03.2024).

² Powell Jonathan. Demand for rail transport surges amid Red Sea crisis. URL: <https://www.chinadaily.com.cn/a/202403/11/WS65ee5d10a31082fc043bbcd8.html> (accessed: 25.03.2024).

тык и Хоргос—Алтынколь и китайско-российским КПП Маньчжоули—Забайкальск¹.

По сравнению с 2015 г., когда между Китаем и странами Европы проследовало 815 железнодорожных составов, в 2023 г. количество грузовых поездов, прошедших по маршруту Китай—Европа, возросло до 17 тыс. ед. Они перевезли 19 тыс. контейнеров с грузами общей стоимостью 75 млрд долл.²

По данным компании *China State Railway Group*, с 2011 по 2024 г. более 85 тыс. рейсов Китай—Европа доставили более 5,5 млн контейнеров на сумму 260 млрд долл. в 219 городов 25 стран Европы³. Тем не менее, по признанию главы Китайской федерации логистики и закупок Кан Шучуня (*Kang Shuchun, a director of the China Federation of Logistics and Purchasing*), «использование грузовых поездов Китай—Европа является вариантом, но они ходят реже, и при этом себестоимость транспортировки грузов железнодорожным транспортом подразумевает более высокие затраты по сравнению с судами. Фундаментального решения кризиса на Красном море на данный момент не существует, поскольку на долю евразийских железнодорожных перевозок приходится менее 7 % объема морских перевозок⁴ и очень сложно увеличить эту цифру хотя бы на один процентный пункт»⁵.

В условиях текущего кризиса морской транспортировки актуализируется вопрос о коммерческой ценности также и арктического морского маршрута. По признанию китайских специалистов, «Ледовый Шелковый путь» (совпадающей с российским Северным морским путем) протяженностью около 5,6 тыс. км способен сократить почти вдвое время транспортировки грузов между Европой и Восточной Азией (на 8—25 дней) по сравнению с южным морским путем

¹ China-Europe freight trains hit record high in Guangdong. URL: <http://en.people.cn/n3/2024/0320/c90000-20147011.html> (accessed: 25.03.2024).

² Infographic: China-Europe Railway Express, a transport stabilizer amid Red Sea Crisis. URL: <http://en.people.cn/n3/2024/0315/c90000-20145482.html> (accessed: 25.03.2024).

³ China-Europe Railway Express sees rapid growth amid changing global logistics. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202403/1308637.shtml> (accessed: 25.03.2024).

⁴ С 2011 г. по 2023 г. объем внешнеторговых грузов, перевезённых по железнодорожному транзитному маршруту Китай—Европа, в общем объеме внешнеторговых грузов, перевезённых сухоходными компаниями по этому маршруту, вырос с 0,3 до 6 % (Infographic: China-Europe Railway Express, a transport stabilizer amid Red Sea Crisis. URL: <http://en.people.cn/n3/2024/0315/c90000-20145482.html> (accessed: 17.03.2024).

⁵ Yin Yeping. As Red Sea tensions linger, companies rising ship rates, turning to China-Europe freight train as alternative. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202401/1304937.shtml> (accessed: 25.03.2024).

через Красное море и Суэцкий канал, а расход топлива сократить на 20—25 %¹.

«Ледовый Шелковый путь» — это та сфера, где Китай и Россия имеют огромный потенциал сотрудничества, которое и необходимо развивать. Причем за проход по российскому Северному морскому пути сборы не взимаются и там отсутствуют ограничения по тоннажу, осадке и размерам, которые применяются при проходе судов через Панамский и Суэцкий каналы.

Следует отметить, что освоение арктического транзитного маршрута будет способствовать не только общему росту экономики российского приарктического региона, но и приведет к глобальным изменениям структуры мировой торговли и судоходства. Хотя арктический морской маршрут, евразийский железнодорожный грузовой маршрут Китай-Европа и различные схемы и мероприятия, направленные на улучшение транспортного сообщения, требуют значительных объемов инвестиций, преимущества диверсификации торговых путей недооценивать нельзя².

Библиографический список

Сазонов С.Л. КНР: инфраструктура транспорта, инновации, проект «Пояса и пути». М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2022. 408 с.

References

Sazonov, S. (2022). KNR: infrastruktura transporta, innovatsii, proekt «poyasa i puti» [China: transport infrastructure, innovations, «Belt and Road» project]. *Moscow: Institut Dalnego Vostoka RAN [Institute of the Far Eastern Studies, RAS]: 408 p.* (In Russian).

* * *

Zhang Chun (2024). Red Sea Crisis, *Contemporary World*, 1: 13—26.

¹ China-Europe freight train guarantor of global supply chain stability. URL: http://www.china.org.cn/opinion/2024-01/24/content_116961638.htm (accessed: 25.03.2024).

² Hu Weijia...

С.Л. Сазонов, Ли Фэн, Ван Цзинвэй

СОТРУДНИЧЕСТВО КИТАЯ И СТРАН БЛИЖНЕГО И СРЕДНЕГО ВОСТОКА В ОБЛАСТИ ТРАНСПОРТА

Аннотация. После провозглашения Китаем в 2013 г. инициативы «Пояс и путь» страна активно развивает региональную транспортную сеть Ближнего Востока: железнодорожные и автомобильные магистрали, порты и аэропорты остаются важной частью инфраструктурного сотрудничества.

За последнее десятилетие в рамках инициативы были построены транспортные коридоры, создающие новые драйверы роста. Такие флагманские проекты, как железнодорожная сеть *Etihad Rail*, порты короля Абдулазиза и Джизан и др., обеспечили странам Ближнего Востока улучшение качества национальной транспортной инфраструктуры, способствовали повышению благосостояния людей и в целом укрепили потенциал регионального развития.

На рынок стран Ближнего Востока приходит все большее число китайских автопроизводителей, которые расширяют свою деятельность от простого наращивания экспорта автомобилей до локализации их производства в регионе. Это обеспечивает создание большого количества новых рабочих мест и улучшение экологической среды. Наблюдается активизация китайских компаний в регионе. Так, китайская *J&T Express*, начав свою деятельность в Саудовской Аравии, распространила свой бизнес в другие страны Ближнего Востока и Северной Африки.

Ключевые слова: Китай, страны Ближнего и Среднего Востока, транспорт, инвестиции, железные дороги, нефтепровод, автомобильная промышленность, электромобили.

Авторы: Сазонов Сергей Леонидович, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра «Россия, Китай, мир»

Института Китая и современной Азии РАН (адрес: 117997, Москва, Нахимовский просп., 32). ORCID: 0000-0002-8889-7072.

E-mail: sazonovch50@mail.ru;

Ли Фэн (КНР), аспирант, Институт Китая и современной Азии РАН (адрес: 117997, Москва, Нахимовский просп., 32). E-mail: lf515481@gmail.com

Ван Цзинвэй (КНР), аспирант, Институт Китая и современной Азии РАН (адрес: 117997, Москва, Нахимовский просп., 32). E-mail: wjw07@yandex.ru.

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

S.L. Sazonov, Li Fen, Wang Jingwei

Cooperation between China and the countries of the Middle East in the field of transport

Abstract. Since the launch of the Belt and Road Initiative, China has been actively developing the regional transport network of the Middle East countries: railways and highways, ports and airports continue to be an important part of infrastructure cooperation.

Over the past decade, transport corridors that create new growth drivers have been built within the Initiative. Flagship projects such as the Etihad Rail network, the ports of King Abdulaziz and Jizan, etc., have provided Middle Eastern countries with higher quality of national transport infrastructure, contributed to improving people's well-being and generally strengthened the potential for regional development.

An increasing number of Chinese automakers are entering the Middle East market, expanding their activities from simply increasing the export of electric vehicles to localizing their production in the region. This ensures the creation of a large number of new jobs and an improvement of the ecological environment. Chinese companies are increasing their activity in the region. Thus, the Chinese J&T Express, having started its work in Saudi Arabia, has expanded its business to other countries in the Middle East and North Africa.

Keywords: China, Middle East countries, transport, investments, railways, oil pipeline, automotive industry, electric vehicles.

Authors: Sergey L. SAZONOV, Ph.D (Economics), Leading Research Fellow, Institute of China and Contemporary Asia (address: 32, Nakhimovsky Ave., Moscow, 117997, Russian Federation).
ORCID: 0000-0002-8889-7072. E-mail: sazonovch50@mail.ru

LI Fen (PRC), postgraduate student, Institute of China and Contemporary Asia (address: 32, Nakhimovsky Ave., Moscow, 117997, Russian Federation); E-mail: lf515481@gmail.com.

WANG Jingwei (PRC), postgraduate student, Institute of China and Contemporary Asia (address: 32, Nakhimovsky Ave., Moscow, 117997, Russian Federation). E-mail: wjw07@yandex.ru

Conflict of interests. The authors declare the absence of the conflict of interests.

После того как в 2013 г. председатель КНР Си Цзиньпин выдвинул инициативу «Пояс и путь» (ИПП), 20 арабских стран подписали в Китае документы о сотрудничестве в рамках ИПП.

22 октября 2023 г., во время заседания с участием министров экономики и торговли КНР и шести стран — членов Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ) в Гуанчжоу (пров. Гуандун), министр торговли КНР Ван Вэньтао заявил, что «КНР будет совместно работать со странами ССАГПЗ в целях содействия развитию двусторонней торговли и инвестиций в рамках усилий по реализации предложенных председателем КНР Си Цзиньпином восьми шагов, направленных на поддержку высококачественного совместного строительства мегапроекта «Пояс и путь»¹.

На встрече присутствовали генеральный секретарь ССАГПЗ Дж. М. Альбудаиви (*Jasem Mohamed Albudaiwi*) и главы экономических и торговых ведомств всех шести стран — членов ССАГПЗ (Оман, ОАЭ, Бахрейн, Саудовская Аравия, Катар и Кувейт). Участники заседания выразили готовность совершенствовать сопряжение ИПП со стратегиями развития государств — членов ССАГПЗ, а также углублять обмена и сотрудничество в таких областях, как инфраструктура и энергетика.

Китайский министр подчеркнул, что КНР будет стремиться к скорейшему достижению соглашения о свободной торговле со странами ССАГПЗ, углублять сотрудничество в области строительства транспортной инфраструктуры, включая железные и автомобильные дороги, гражданскую авиацию, порты и трубопроводы, а также развивать местную автомобильную промышленность на новых источниках энергии, включая электромобили, инновационные аккумуляторные батареи и «умные» зарядные устройства².

Генеральный директор саудовской корпорации *Invest Corp* Х. Бен-Гасем (*Hazem Ben-Gacem*) отмечал, что за последние пять лет

¹ BRI injects strong impetus into common prosperity for world. URL: <https://www.china-daily.com.cn/a/202310/24/WS65373349a31090682a5ea644.html> (accessed: 25.10.2023).

² China, GCC to deepen cooperation in trade and investment, digital economy. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202310/1300334.shtml> (accessed: 20.10.2023).

ССАГПЗ стал одним из крупнейших бенефициаров китайских прямых зарубежных инвестиций в рамках инициативы «Пояс и путь». По его словам, около 123 млрд долл. было инвестировано правительством КНР и китайскими финансовыми институтами в развитие инфраструктуры стран Ближнего Востока, включая железные и автомобильные дороги, морские порты, аэропорты, а также в логистику и склады¹.

К началу 2024 г. Китай и арабские страны совместно осуществили более 90 крупномасштабных проектов в транспортной сфере, начиная с сооружения китайской компанией *PowerChina* морских объектов для мега-верфи *King Salman International Complex* (в эмирате Рас-эль-Хайма на севере ОАЭ)², которая имеет базу для строительства кораблей и буровых платформ, технического обслуживания, капитального ремонта супертанкеров, и заканчивая открытием прямого судоходства между Китаем и эмиратом Аджман³.

Железнодорожная сеть Etihad Rail (ОАЭ). Железнодорожная сеть *Etihad Rail* (также называемая *Union Railway*) протяженностью 1,2 тыс. км была построена китайской компанией *Power Construction of China Ltd* в рамках проекта *Etihad Rail Freight Facilities*. Магистраль, которая строилась в два этапа, сегодня связывает крупные промышленные, производственные, логистические центры, а также густонаселенные районы и важные порты в ОАЭ, являясь важной составной частью сети железных дорог стран ССАГПЗ⁴.

Первый этап ее строительства завершился в 2017 г.: был создан маршрут для транспортировки серы из месторождений в Шахе и Хабшане к прибрежному городу Эр-Рувайс в эмирате Абу-Даби⁵.

¹ Ma Jingjing and Chi Jingyi. Experts laud BRI's contribution to regional cooperation, development as next 'golden decade' starts. Strengthened connectivity, innovation & digital economy to inject new vitality: expert. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202311/1301548.shtml> (accessed: 14.11.2023).

² По словам руководства *PowerChina*, главного подрядчика строительных работ в ОАЭ, реализация проекта *King Salman International Complex* позволила создать 80 тыс. рабочих мест и, как ожидается, увеличит объем ВВП ОАЭ на 17 млрд долл., а объем импорта — на 12 млрд долл., став новым мощным драйвером экономического и социального развития государства на Аравийском п-ове (Year-ender: 10 noteworthy economic stories in 2022. URL: <https://investinchina.chinadaily.com.cn/s/202212/29/WS63ad09d6498ea274927aca2b/year-ender-10-noteworthy-economic-stories-in-2022.html> (accessed: 29.12.2022).

³ BRI in harmony with Saudi Vision 2030: Saudi scholar. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202212/1281417.shtml?id=11> (accessed: 26.12.2022).

⁴ *Powerchina* establishes branch in Dubai. URL: http://www.chinadaily.com.cn/mpowerchina/2020-11/17/content_37541515.htm (accessed: 13.11.2020).

⁵ Comprehensive UAE-China ties will continue to flourish. URL: <https://www.chinadaily.com.cn/a/202212/02/WS63893d49a31057c47eba2373.html> (accessed: 07.12.2022).

В 2019 г. совместное предприятие, созданное китайской компанией *China State Construction Engineering Corporation Middle East (CSCEC ME)* и южнокорейской компанией *SK Engineering and Construction (SK E&C)*, приступило к строительству второго этапа железнодорожной сети *Etiihad Rail*, который предусматривал прокладку железнодорожной магистрали протяженностью 605 км (стоимость строительства — 408 млн долл.). Магистраль должна была соединить города Рувайс и Гувейфат (*Ruwais u Ghuwaiifat*), расположенные на границе ОАЭ с Саудовской Аравией¹. Второй этап, также включающий строительство мостов, туннелей, переходов для животных, прокладку путей и соединение с железнодорожной сетью, построенной в рамках первого этапа *Etiihad Rail*, был завершен в мае 2022 г., и тогда вся железнодорожная сеть была введена в полноценную эксплуатацию².

В конце ноября 2022 г. завершилось строительство магистрального пути второй очереди национальной железнодорожной сети *Etiihad Rail* в ОАЭ. Связывая пять эмиратов (Абу-Даби, Дубай, Шарджа, Фуджейра и Рас-Аль-Хайма), транспортная артерия, идущая с востока на запад ОАЭ, в начале 2024 г. была введена в эксплуатацию.

Секции В, С и D этой магистрали были построены китайскими компаниями *China Civil Engineering Construction Corporation (CCECC)*, *Shenzhen Metro Group Co Ltd* и местными подрядчиками. Протяженность нового отрезка *Etiihad Rail* составила 424 км, и он соединяет крупные промышленные центры, производственные базы, логистические узлы, густонаселенные районы и ключевые порты ОАЭ³.

Прокладка новых путей стала сложной задачей, поскольку пришлось строить 182 моста, прокладывать девять туннелей, а также осуществить перемещение 1745 объектов. Поскольку от качества шпал и рельсового полотна напрямую зависит скорость, безопасность и комфорт движения, корпорация *CCECC* создала путеукладочную базу между Абу-Даби и Дубаем, которая производила необходимые для проекта шпалы и рельсы на китайском оборудовании. База включала восемь производственных линий с общей производительностью 3,2 тыс. шпал в день, что означало максимальный ежемесячный объем производства в количестве более 90 тыс. высококачественных шпал, срок

¹ Chinese-S. Korean joint venture wins 408-mln-USD contract from UAE's Etihad Rail. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/201903/1141904.shtml> (accessed: 09.04.2019).

² Jan Yumul. China and UAE ties continue to grow. URL: <https://global.chinadaily.com.cn/a/202205/09/WS62787156a310fd2b29e5b63c.html> (accessed: 13.05.2022).

³ Highlights of China-Saudi Arabia cooperation. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202212/1281386.shtml?id=11> (accessed: 21.12.2022).

эксплуатации которых должен достигать 50 лет даже в коррозионной среде соляно-щелочных почв, по которым пролегает маршрут железнодорожного пути.

В проекте также использовались китайские стандарты при проектировании и строительстве туннелей, мостов, прокладке железнодорожного полотна и при усилении подпорных стен. По заявлению руководства компании *CCECC*, строительство и последующая эксплуатация проекта позволит создать более 17 тыс. рабочих мест¹.

С 2010 г. в г. Мекка (Саудовская Аравия) была пущена в эксплуатацию линия легкого рельсового транспорта², построенная Китайской железнодорожной строительной корпорацией (*China Railway Construction Corporation/CRCC*), которая ежегодно предоставляет услуги перевозки миллионам паломников, облегчая их путешествие по Мекке и значительно уменьшая дорожные заторы во время хаджа. Линия легкого рельсового транспорта протяженностью 18,25 км включает девять станций и является первым подобным проектом, осуществленным китайской корпорацией на Ближнем Востоке³. По утверждению генерального менеджера *CRCC* в Саудовской Аравии Ван Лэя, «на завершение железнодорожного проекта ушло всего 16 месяцев, и с тех пор, когда он был введен в эксплуатацию в 2010 г., и до начала 2023 г. общий объем пассажирооборота городского легкого рельсового транспорта в Мекке превысил 20 млн паломников»⁴.

31 января 2023 г. дочернее подразделение корпорации *China Railway Rolling Stock Corp CRRC* компания *Qingdao Sifang Co Ltd*, базирующаяся в пров. Шаньдун, подписала с *Etihad Rail* контракт о поставке в 2025 г. китайского подвижного состава в ОАЭ⁵. Базирующаяся в Пекине корпорация *China Railway Rolling Stock Corp*. является

¹ Shen Xiaoxiao. Chinese enterprise builds transportation artery for UAE. URL: <http://en.people.cn/n3/2022/1201/c90000-10178568.html> (accessed: 04.12.2022).

² Этот вид городского транспорта (Light Rail) представляет собой железнодорожный транспорт общественного пользования в городских условиях, отличающийся от метрополитена и обычных железных дорог меньшими пассажироместимостью, габаритами и скоростью движения.

³ China a friend indeed for Africa. URL: <https://www.chinadaily.com.cn/a/202210/15/WS6349f560a310fd2b29e7c91c.html> (accessed: 14.11.2022).

⁴ Yu Jincui, Xing Xiaojing. As BRI integrates with Saudi Vision 2030, Chinese firms expect a new peak in cooperation following Xi's visit. Chinese firms aim at grasping opportunities by better integrating BRI, Saudi Vision 2030. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202212/1281393.shtml> (accessed: 27.01.2023).

⁵ Zhang Zhiwen, Ren Haoyu. China, Middle Eastern countries strive to expand business cooperation. URL: <http://en.people.cn/n3/2024/0101/c90000-20117050.html> (accessed: 07.01.2024).

крупнейшим в стране производителем подвижного состава, а компания *Ethad Rail* — разработчиком и оператором национальной железнодорожной сети ОАЭ.

Контракт предусматривает поставку трех пассажирских дизель-электрических двухсекционных пассажирских поездов (*DMU*) с максимальной скоростью до 200 км/ч, а также возможность в течение 15 лет покупки дополнительных 20 пассажирских составов и полное их техническое обслуживание. Ожидается, что эти поезда станут самыми быстрыми *DMU* в мире¹.

По данным *CRRC Qingdao Sifang*, поставляемые поезда будут изготовлены в соответствии с передовыми международными стандартами и технологиями и смогут курсировать как в жаркую погоду, так и во время песчаных бурь. С целью повышения комфортности для пассажиров они будут оборудованы кондиционерами, сетью *Wi-Fi*, семейными зонами².

Порт короля Абдулазиза (King Abdulaziz Port) в Саудовской Аравии. В 2022 г. порт короля Абдулазиза в г. Даммам (Dammam) был включен в сервис *Gulf China*, который представляет собой еженедельный сервис, соединяющий Центральный и Южный Китай с регионом Персидского залива, запущенный сингапурской морским перевозчиком *Pacific International Lines*.

Включение порта Даммам в сервис *Gulf China* призвано обеспечить эффективную связь внешнеторговых компаний Саудовской Аравии с регионами Китая, укрепить морские связи, повысить конкурентоспособность порта и объем двусторонней торговли³. Также в 2022 г. компания *Saudi Telecom Company*, крупный поставщик телекоммуникационных услуг в Саудовской Аравии, и китайская *Huawei Technologies* достигли соглашения об установке мобильной связи формата 5G в порту Даммам⁴.

Порт Джизан (Jazan Por) в Саудовской Аравии. Порт Джизан, чью реконструкцию провела китайская компания *China Communication Construction Co Ltd*, расположен на восточном побережье Красного моря. Общая протяженность 12 причалов с глубиной до 13 м со-

¹ Li Chengwen. Sino-Arab cooperation highlights mutual benefits. URL: <https://www.chinadaily.com.cn/a/202302/09/WS63e44c3ca31057c47ebadc96.html> (accessed: 16.02.2023).

² CRRC inks deal for UAE railway trains. URL: <http://www.chinadaily.com.cn/a/202302/01/WS63da4d9da31057c47ebac5e8.html> (accessed: 12.02.2023).

³ BRI powering development across the world. URL: <https://www.chinadaily.com.cn/a/202310/17/WS652dd716a31090682a5e8e1b.html> (accessed: 03.11.2023).

⁴ Zhong Nan. Country ups business ties with Middle East nations. URL: <https://www.chinadaily.com.cn/a/202302/07/WS63e1b1a9a31057c47ebad57b.html> (accessed: 10.02.2023).

ставляет 3,5 км, а ежегодный объем обработки грузов превышает 2,5 млн т¹.

Контейнерный терминал (этап II) порта Халифа (The Phase II container terminal of the UAE's Khalifa Port), Абу-Даби, ОАЭ. В феврале 2017 г. китайская судоходная компания *China COSCO Shipping Co Ltd* и администрация порта Абу-Даби совместно учредили компанию *ABU Dhabi Terminal Company* для строительства и эксплуатации контейнерного терминала в порту Халифа с ежегодной пропускной способностью 2,5 млн контейнеров. Церемония ввода единственного в регионе полуавтоматического контейнерного терминала протяженностью 800 м и площадью 2,8 кв. км состоялась в апреле 2019 г.² Руководство порта Циндао, принадлежащего и управляемого *Shandong Port Group (SPG)*, завершило приобретение 30 % доли акций компании *COSCO* в *ABU Dhabi Terminal Company*. По заявлению руководства *SPG*, «развитие морских связей между Абу-Даби и основными морскими транзитными маршрутами значительно повысили статус эмирата как ведущего торгово-логистического центра на Ближнем Востоке»³.

Согласно данным Главного управления дорожного движения Багдада, максимальная пропускная способность автомобильных дорог столицы *Ирака* составляет около 350 тыс. автомобилей, однако в настоящее время парк столичных автомобилей насчитывает около 3 млн ед., что неизбежно вызывает многочисленные заторы в часы пик.

В марте 2024 г. китайская строительная компания *Transtech* смонтировала сборные балки весом 30 т для опор трехъярусной эстакады на пл. Нисур (*Nisour Square*) в центре Багдада, где пиковый автомобильный трафик достигает 12,3 тыс. транспортных средств в час. Возведение многоуровневой транспортной развязки китайской компанией, которое началось в июле 2023 г. и должно завершиться к январю 2025 г., позволит ликвидировать постоянные заторы в центре иракской столицы. По состоянию на 2023 г., компания *Transtech* построила в Багдаде две транспортные эстакады, проложила пять туннелей и более 180 км трубопроводов и кабелей, улучшив транспортное сообщение в районах, прилегающих к центру Багдада⁴.

¹ Yuan Shenggao. China, Saudi Arabia strengthen economic ties. URL: http://www.chinadaily.com.cn/cndy/2019-04/26/content_37462645.htm (accessed: 22.05.2019).

² Khalifa Port project (phase II). URL: http://regional.chinadaily.com.cn/ensd-port/2022-02/08/c_542535.htm (accessed: 19.09.2022).

³ Li Chengwen...

⁴ Zhang Kaiwei, Liang Jun. Feature: Chinese company performs «heart bypass surgery» to ease traffic jam in Iraqi capital. URL: <http://en.people.cn/n3/2024/0308/c90000-20142495.html> (accessed: 09.03.2024).

В июле 2014 г. руководство Китайской национальной нефтяной корпорации (*China National Petroleum Corp/CNPC*), крупнейшего в КНР производителя нефти и газа, заявило, что корпорация после года работы завершила строительство экспортного нефтепровода в Ираке протяженностью 272 км, который стал первым проектом корпорации *CNPC* в послевоенном восстановлении Ирака¹. Новый трубопровод, который является совместным предприятием китайских корпораций *CNPC* и *China National Offshore Oil Corp (CNOOC)*, значительно увеличит экспортные мощности Ирака, поскольку существующий трубопровод из пров. Миссан (*Missan province*) был построен при помощи СССР еще в 1970-х годах и работал на пределе возможностей, ежегодно перекачивая лишь 200 тыс. барр. нефти².

Новый трубопровод имеет ежегодную пропускную способность 50 млн т нефти и он предоставляет возможность иракским компаниям перекачивать нефть с месторождений Халфайя и Бурзуган (*Halfaya, Burzugan oilfields*) в пров. Миссан в порт Аль-Фао (*Al-Fao port*), расположенный рядом с Персидским заливом³.

Завершение строительства трубопровода способствовало и увеличению производственных мощностей этих двух нефтяных месторождений, находящихся в ведении *CNPC* и *CNOOC*. По данным международного аналитического агентства *Platts*, корпорация *CNPC* управляла компанией *Halfaya*, которая ежедневно добывала 106 тыс. барр. нефти, однако при помощи китайской стороны в 2020 г. производительность нефтяного месторождения достигла 535 тыс. барр. в сутки, что значительно увеличило иракские доходы от экспорта нефти, составляющие почти 95 % годового бюджета⁴.

6 сентября 2023 г. парк из 87 перронных автобусов⁵, изготовленных ведущим китайским производителем автобусов *Yutong* из г. Чжэнчжоу (пров. Хэнань), был поставлен в Саудовскую Аравию, что стало для китайской компании *Yutong* крупнейшим зарубежным заказом на подобные автомобили.

¹ Du Juan. CNPC completes Iraq pipeline despite strife. URL: https://europe.chinadaily.com.cn/business/2014-08/12/content_18292019.htm (accessed: 24.06.2021).

² Oil flows along China-built pipeline in Iraq. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/201408/875607.shtml> (accessed: 18.11.2022).

³ Tian Xuefei, Zhou Huiying. 'New Iron Man' leads overseas oil expansion. URL: https://www.chinadaily.com.cn/cndy/2017-11/23/content_34881996.htm (accessed: 11.09.2022).

⁴ PetroChina's oil field project in Iraq turns wasteland into vibrant town. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202210/1276582.shtml> (accessed: 03.11.2022).

⁵ Перронный автобус представляет собой транспортное средство для доставки пассажиров от терминала аэропорта к авиалайнеру, а также для транспортировки пассажиров по территории аэропорта.

Пустынный климат Саудовской Аравии, характеризующийся палящей жарой и минимальным количеством осадков в течение года, существенно влияет на срок эксплуатации транспортных средств. Благодаря уникальной конструкции кузова и передовой антикоррозионной технологии перронные автобусы *Yutong* могут надежно работать даже после длительного воздействия жарких условий. Кроме того, компания *Yutong* добилась значительного прогресса по всей цепочке создания стоимости: от исследований и разработок, производства и продаж до послепродажного обслуживания. Продукция компании в настоящее время экспортируется в более чем 20 стран, включая Мальдивы, Испанию и Великобританию, и обеспечивает перронные автобусные перевозки в 67 аэропортах мира¹.

В 2023 г. китайские электромобили (ЭМ) заняли большую часть импортного рынка Иордании. Так, в первой половине года около 16 тыс. ЭМ иностранного производства было поставлено в крупную зону свободной торговли в центральной провинции Иордании Зарка (*free-trade zone in Jordan's central governorate of Zarqa*), причем около 80 % из них было произведено в Китае².

Китайские производители интеллектуальных электромобилей и компании, занимающиеся автономным вождением, стали популярны среди инвесторов на Ближнем Востоке, особенно в Саудовской Аравии, поскольку богатый нефтью регион ищет новые способы вложения средств и стимулирования своей экономики.

В рамках проведения 10-й арабо-китайской бизнес-конференции, состоявшейся в столице Саудовской Аравии Эр-Рияде 11 июня 2023 г., Саудовская Аравия подписала соглашение на сумму 5,6 млрд долл. с китайским производителем электромобилей *BYD* о разработке, производстве и продаже ЭМ в Саудовской Аравии³.

К началу 2024 г. по меньшей мере семь китайских стартапов в этой сфере, включая стартап *Nio*, заключили сделки с инвесторами региона, совокупные инвестиции которых приближаются к 100 млрд юаней (13,7 млрд долл.). В конце октября 2023 г. китайский стартап *BeyonCa*, поддерживаемый китайским автопроизводителем *Dongfeng*, подписал меморандум с базирующимся в Саудовской Аравии конгло-

¹ Chinese carmaker exports apron buses to Saudi Arabia. URL: http://www.china.org.cn/business/2023-09/06/content_112754768.htm (accessed: 18.10.2023).

² China, Jordan sign MoU on jointly promoting construction of Belt and Road cooperation. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202312/1302854.shtml> (accessed: 28.12.2023).

³ China-Saudi Arabia cooperation extends beyond oil to new energy, NEV, services and more. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202306/1292638.shtml> (accessed: 07.08.2023).

мератом *Al Faisaliah Group* об изучении возможностей разработки электромобилей, производства аккумуляторных батарей, а также торговли, электрозарядки и страхования. Также *BeyonCa* подписал соглашение о стратегическом сотрудничестве с венчурным инвестором *Qadisha Group*, занимающимся разработкой автомобилей на альтернативных источниках энергии и обладающим большим опытом и ресурсами в автомобилестроении.

М.Э. Фаддул, председатель правления компании *Qauto* — предприятия, входящего в портфель *Qadisha Group*, — заявил, что компания в сотрудничестве с *BeyonCa* хотела бы создать сеть электрозаправочных станций и станций по быстрой замене аккумуляторных батарей в регионе.

Также в конце октября 2023 г. руководство китайского стартапа *Pony.ai*, занимающегося разработкой алгоритмов автономного вождения, заявило, что стартап получил инвестиции в размере 100 млн долл. от особой экономической зоны Саудовской Аравии *NEOM*¹ и «с целью создания умной, автономной мультимодальной транспортной системы с нулевым уровнем выбросов в странах Ближнего Востока и Северной Африки, планирует учредить совместное предприятие для разработки и предоставления услуг беспилотного вождения, производства передовых автомобилей, использующих альтернативные источники энергии, и строительства интеллектуальной дорожной инфраструктуры». Джеймс Пэн (*James Peng*), соучредитель и генеральный директор компании *Pony.ai*, отметил, что «это крупная региональная экспансия для стартапа *Pony.ai* и важная веха в реализации нашего видения “автономной мобильности повсюду”, которая выведет развитие глобальной индустрии AV [автономных транспортных средств] на новый этап»².

Шанхайский электромобильный стартап *Human Horizons* и Министерство инвестиций Саудовской Аравии (*Saudi Arabia's Investment Ministry*) в июне 2023 г. учредили совместное предприятие стоимостью 5,6 млрд долл. для проведения «исследований, разработок, про-

¹ Особая экономическая зона Саудовской Аравии *NEOM* находится на северо-западе страны, здесь живут и работают более 2,8 тыс. сотрудников из 86 стран. По замыслу наследного принца и председателя совета директоров компании *NEOM* Мухаммеда Ибн Салмана, наследного принца и председателя совета директоров компании *NEOM*, первые три буквы происходят от древнегреческой приставки нео («новое»), а «М» — первая в арабском слове *mostaqbal* («будущее») и имени самого Мухаммеда Ибн Салмана.

² *Li Fusheng*. Middle East investors eye Chinese startups. URL: <https://www.chinadaily.com.cn/a/202310/30/WS653f13f8a31090682a5eb6b1.html> (accessed: 06.11.2023).

изводства и продаж автомобилей, использующих альтернативные источники энергии»¹.

В августе 2023 г. руководство стартапа *Nio* заявило, что получит инвестиции в размере 738,5 млн долл. от компании *CYVN Holdings*, поддерживаемой правительством ОАЭ, для финансирования технологических инноваций в области автономного вождения ЭМ.

В октябре того же года Государственный инвестиционный фонд (*Public Investment Fund, PIF*), который является суверенным фондом Саудовской Аравии, и стартап *Nio* заключили соглашение о строительстве завода в стране. Завод, ежегодная мощность которого составит 50 тыс. автомобилей с электрическим и газовым приводом, станет первым китайским автомобильным заводом на Ближнем Востоке, а первые автомобили должны сойти с конвейера в 2026 г.

PIF будет владеть долей в 70 % в новом совместном предприятии, а стартап *Nio* — оставшимися 30 %. Общий же объем инвестиций в проект, по оценкам, превысит 500 млн долл.²

18 декабря 2023 г. китайский стартап *Nio* заключил сделку на сумму 2,2 млрд долл. с компанией *CYVN Holdings*, инвестиционной компанией ОАЭ, базирующейся в Абу-Даби. По выполнении сделки компания *CYVN Holdings* будет владеть 20,1 % от общего количества выпущенных и находящихся в обращении акций стартапа *Nio* после ранее полученного в июле 2023 г. от компании *CYVN Holdings* инвестиционного пакета в размере более 1 млрд долл.³

Китайская компания *J&T Express*, ведущий поставщик логистических услуг в Китае и странах Юго-Восточной Азии, официально начала свою деятельность в Саудовской Аравии в январе 2022 г. и очень быстро стала 20-м интегрированным оператором местной доставки в Королевстве, достигая любого отдаленного района и обеспечивая 100%-ное покрытие в пределах страны.

С целью расширения масштабов электронной торговли в регионе Ближнего Востока и Северной Африки, в феврале 2023 г. компания *J&T Express* совместно с саудовской компанией *eWTP Arabia Capital* открыла в Саудовской Аравии региональную штаб-квартиру на Ближнем Востоке и в Северной Африке, и в конце 2023 г. компания *J&T Express Saudi Arabia* была удостоена награды *KSA Logistics & Transport Awards* «Компания года по доставке последней мили» в Саудовской

¹ Ibidem.

² Ibid.

³ Nio to secure \$2.2b from Abu Dhabi's CYVN. URL: <https://www.chinadaily.com.cn/a/202312/19/WS6580eeb1a31040ac301a860e.html> (accessed: 23.12.2023).

Аравии. В регионе Ближнего Востока и Северной Африки, помимо Саудовской Аравии, курьерские услуги *J&T Express* вышли и на рынки ОАЭ и Египта¹.

4 августа 2023 г. авиакомпания *Saudi Arabian Airlines* открыла прямой маршрут, соединяющий столицу Королевства Саудовская Аравия Эр-Рияд и портовый город Джидда на Красном море со столицей Китая Пекином². Флагманский авиаперевозчик Саудовской Аравии стал выполнять два рейса между Джиддой и Пекином каждый понедельник и пятницу и два рейса между Эр-Риядом и Пекином каждое воскресенье и среду. До открытия пассажирского маршрута в Пекин единственным пунктом назначения авиакомпании *Saudi Arabian Airlines* в Китае был южный город Гуанчжоу³.

20 октября того же года китайская авиакомпания *Xiamen Airlines*⁴ открыла прямой рейс из Пекина в Доху, став первой китайской авиакомпанией, совершившей полет в Катар, причем ежедневный рейс отправляется из международного аэропорта Пекина Дасин.

31 октября китайская авиакомпания *Xiamen Airlines* запустила прямой авиамаршрут, связывающий Сямэнь, прибрежный город в восточнокитайской пров. Фуцзянь, со столицей Катара Дохой. Пассажирское сообщение между этими двумя городами будет осуществ-

¹ J&T express participates in LEAP, deepens cooperation with e-commerce platforms. URL: https://www.bjreview.com/Business/202403/t20240313_800360038.html (accessed: 16.03.2024).

² Yuan Shengga. China and Saudi Arabia moving closer to share economic benefits. URL: <https://www.chinadaily.com.cn/a/202310/17/WS652dd1a5a31090682a5e8e0f.html> (accessed: 17.11.2023).

³ Saudi flag carrier launches direct route to Beijing. URL: http://www.china.org.cn/business/2023-08/05/content_98786158.htm (accessed: 14.09.2023).

⁴ Авиакомпания *Xiamen Airlines* активно принимает участие в инициативе «Пояс и путь»: уже в 2013 г. были запущены два прямых рейса из Фучжоу и Сямэня в Джакарту, а затем последовал первый межконтинентальный маршрут из Сямэня в Амстердам. В конце 2023 г. китайская авиакомпания открыла около 20 международных маршрутов, включая Сямэнь—Манила и Сямэнь—Хошимин, по которым перевезено было 12 млн пассажиров из стран, расположенных вдоль маршрута «Пояс и путь». Другие китайские авиакомпании также открывают новые маршруты в страны — участницы китайского мегапроекта. 28 сентября 2023 г. авиакомпания *China Eastern Airlines* открыла прямой рейс из Шанхая в Стамбул в Турции и Абу-Даби в ОАЭ, причем китайский перевозчик заявил, что может открыть больше международных маршрутов для дальнейшей оптимизации своей межконтинентальной сети. Руководство авиакомпании *China Eastern* заверило, что в 2023 г. компания открыла 38 направлений по маршруту «Пояс и путь», обеспечив 3,23 млн пассажирских поездок. В апреле 2023 г. китайская авиакомпания *Air China* заявила, что с 2013 г. она открыла 60 маршрутов в страны — участницы ИПП, соединив 36 городов в 26 странах (*Xiamen Air unveils direct flight from Beijing to Doha as airlines enhance air services along BRI*. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202310/1300263.shtml> (accessed: 17.11.2023).

латься самолетами Boeing 787 два раза в неделю. Это первый прямой рейс, связывающий пров. Фуцзянь с Дохой¹.

С 22 апреля 2024 г. китайская авиакомпания *China Southern Airlines* открыла новый прямой воздушный маршрут между Гуанчжоу (пров. Гуандун) и Дохой², а 16 марта 2024 г. авиакомпания *Saudi Arabian Airlines* открыла новый грузовой маршрут из международного аэропорта Баоань³ (г. Шэньчжэнь), в Эр-Рияд⁴.

По данным Израильской ассоциации импортеров транспортных средств (*Israel Vehicle Importers Association*), в 2023 г. Китай был вторым по величине экспортером автомобилей в Израиль: объем продаж составил 47 тыс. ед., и по этому показателю КНР уступила только Южной Корее. В 2023 г. на долю китайских брендов пришлось 61 % объема продаж ЭМ в Израиле: было продано 30 тыс. ед., что превысило более чем в два раза показатель за 2022 г., а малолитражный ЭМ *Atto 3*, производимый китайской компанией *BYD Auto*, стал самым продаваемым электромобилем в Израиле⁵.

17 января 2024 г. Министерство финансов Израиля объявило, что страна выбрала восемь моделей ЭМ для правительственного автопарка, четыре из которых — из Китая. Парк израильского правительства насчитывает около 15 тыс. автомобилей, которые используются полицией, пожарной службой, пенитенциарной службой, министерствами, местными властями, государственными компаниями и т. д. В число моделей ЭМ, выбранных в рамках тендера, входят две самые популярные модели электромобилей в Израиле: *Atto 3* — модель электрического кроссовера, производимая китайской компанией *BYD Auto*, — и компактный кроссовер *Geometry C*, производимый компанией *Geely Auto Group*. Другими китайскими моделями в списке являются хэтчбек *Dolphin* от корпорации *BYD* и *MG Marvel R* производства корпорации *SAIC Motor Corporation Limited*.

¹ Direct flight service links China's Xiamen with Doha. URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2023/1027/c31519-20089766.html> (accessed: 11.11.2023).

² Zheng Caixiong. China Southern Airlines to open air route between Guangzhou and Doha. URL: <https://www.chinadaily.com.cn/a/202403/04/WS65e58fd6a31082fc043ba805.html> (accessed: 12.03.2024).

³ В 2024 г. грузовые маршруты аэропорта Баоань обслуживали пять городов в четырех странах Ближнего Востока, а именно Дубай, Шарджа, Эр-Рияд, Стамбул и Тель-Авив, причем еженедельно совершалось 38 грузовых рейсов.

⁴ Saudi airline opens freight route in China's Shenzhen. URL: <http://en.people.cn/n3/2024/0319/c90000-20146385.html> (accessed: 21.03.2024).

⁵ Chinese brands top Israel's imported car sales in Jan. URL: http://www.china.org.cn/business/2024-02/04/content_116984711.htm (accessed: 07.02.2024).

В январе 2023 г. компания *Voyah*, элитное подразделение китайской *Dongfeng Motor Corporation*, вышла на израильский рынок с моделью *Voyah Free EV*, к которой теперь присоединилась семиместная модель бренда *Voyah Dream*.

Итак, можно заключить, что китайский автопром весьма успешен на Ближнем и Среднем Востоке и что тенденция к расширению сотрудничества сторон набирает темп.

Библиографический список

Сазонов С.Л. Транспорт КНР: место и роль в развитии региональной экономики. М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2018. 432 с.

References

Sazonov, S. (2018). Transport KNR: mesto i rol v razvitii regionalnoj ekonomiki [Transport of the PRC: place and role in the development of the regional economy], *Moscow: Institut Dalnego Vostoka RAN [Institute of the Far Eastern Studies, RAS]*: 408 p. (In Russian).

Liu Jianchao (2023). Working Together to Build a Modern Global South. *Contemporary World. Global South and World Order, № 6, Serial № 45*: 2—2. (In English).

Xu Xiujun (2023). Global Economic and Trade Landscape Reshaping and High Quality Belt and Road Cooperation. *Contemporary World. 10th anniversary of the Belt and Road Initiative, № 5, Serial № 44*: 17—22. (In English).

Nataša Stanojević

CHINA'S ECONOMIC INFLUENCE IN SOUTH ASIA: A CASE STUDY OF SRI LANKA¹

Abstract. China's economic influence in South Asia, primarily through initiatives like the Belt and Road Initiative (BRI), has prompted significant analysis of its impact on the region's economies. This research specifically examines China's expanding economic presence in South Asia, driven by the ambitious BRI. It focuses on China's strategic partnerships with regional countries, emphasizing bilateral economic relations, trade dynamics, investments, and associated debt implications. The study uses Sri Lanka as a case study to analyze the intricate dynamics of China's economic involvement in South Asia. Despite concerns about trade imbalances, competition with local industries, and debt sustainability, research indicates that debts owed to Chinese creditors are not solely tied to Chinese investments. Sri Lanka's experience, illustrated by the leasing of the Hambantota port to a Chinese firm, highlights the nuanced nature of these relationships. Contrary to misconceptions, this transaction did not worsen Sri Lanka's debt burden but instead provided crucial financial resources for other economic priorities. Despite challenges like the COVID-19 pandemic and geopolitical tensions, the leasing of the Hambantota port has yielded promising results, presenting opportunities for economic diversification and growth in the Sri Lankan economy. As global conditions stabilize, the enduring effects of China's economic influence in South Asia, including investment

¹ The paper presents findings of a study developed as a part of the research project “Serbia and challenges in international relations in 2024”, financed by the Ministry of Science, Technological Development and Innovation of the Republic of Serbia, and conducted by Institute of International Politics and Economics, Belgrade.

trends and debt dynamics, underscore the evolving landscape of regional economic cooperation and development.

Keywords: China, South Asia, Sri Lanka, FDIs, debt dynamics.

Author: Nataša Stanojević, Ph.D (Economics), Full Professor, Senior Research Associate, Centre for Neighbouring and Mediterranean Countries, Institute of International Politics and Economics (Belgrade, Serbia).
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5584-1040>.
E-mail: natasa.stanojevic@diplomacy.bg.ac.rs

Conflict of interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

Н. Станоевич

Экономическое влияние Китая в Южной Азии (на примере Шри Ланки)

Аннотация. Экономическое влияние Китая в Южной Азии, осуществляемое преимущественно через инициативы вроде «Пояса и пути» (ИПП), вызвало к жизни серьезный анализ его воздействия на экономики стран региона. В настоящей работе конкретно рассмотрено расширение китайского экономического присутствия в Южной Азии в рамках ИПП. Основное внимание уделено стратегическим партнерствам КНР со странами региона, особенно в контексте двусторонних экономических связей, динамики торговли, инвестиций и соответствующих проблем задолженности. На примере Шри Ланки проанализирована сложная динамика участия Китая в экономике Южной Азии. Несмотря на опасения, связанные с дисбалансом в торговле, конкуренцией с местными производителями и долговой нагрузкой, исследования показывают, что задолженность перед китайскими кредиторами не была связана лишь с китайскими инвестициями. Опыт Шри-Ланки, как в случае со сдачей порта Хамбангота в аренду китайской компании, демонстрирует тонкости этих отношений. Вопреки распространенным заблуждениям, данная сделка не увеличила долгового бремени Шри-Ланки, но, напротив, обеспечила ее финансовыми ресурсами, остро необходимыми для решения других приоритетных экономических задач. Несмотря на такие проблемы, как пандемия *COVID-19* и геополитическая напряженность, аренда порта Хамбангота принесла многообещающие результаты, создавая возможности для диверсификации и роста экономики Шри-Ланки. По мере стабилизации мировой обстановки долгосрочные эффекты китайского экономического влияния в Южной Азии, включая динамику инвестиций и задолженности, изменяют пейзаж экономического сотрудничества и развития в регионе.

Ключевые слова: Китай, Южная Азия, Шри-Ланка, прямые иностранные инвестиции, динамика задолженности.

Автор: Наташа Станоевич, доктор философии (экономика) [Ph.D (Ec.)], профессор, старший научный сотрудник Центра изучения соседних и средиземноморских стран, Институт международной политики и экономики (Белград, Сербия). ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5584-1040>. E-mail: natasa.stanojevic@diplomacy.bg.ac.rs

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Introduction

South Asia has emerged as a focal point of global attention due to its robust economic growth and potential to shape the future of the world economy. With an impressive annual growth rate of 6 %, the region is positioned as one of the fastest-growing economic regions globally. Comprising nine countries, including prominent members of the South Asian Association for Regional Cooperation (SAARC) such as India, Bangladesh, and Pakistan, South Asia also includes Myanmar, which maintains significant economic ties with China despite its political isolation.

Of particular interest within South Asia is China's expanding economic influence, driven largely by its ambitious Belt and Road Initiative (BRI). This research focuses on examining China's strategic cooperation with countries in the region, with a specific emphasis on its bilateral economic relations, trade dynamics, investments, and the associated debt implications.

Within this context, Sri Lanka stands out as a compelling case study due to its substantial engagement with Chinese investments, particularly in infrastructure projects. The analysis delves into the development potentials and risks associated with Sri Lanka's heavy reliance on Chinese foreign direct investment (FDI), with a spotlight on the Hambantota port project. Moreover, the assessment encompasses an examination of Sri Lanka's considerable external debt, which has sparked debates regarding the nature of China's engagement in the region. Critics, including the US State Department, have characterized China's approach as “debt trap diplomacy” or even “predatory diplomacy,” highlighting concerns over potential economic vulnerabilities and geopolitical implications.

By scrutinizing the intricacies of China's economic engagement in South Asia, particularly through the lens of the Sri Lankan case study, this research aims to provide valuable insights into the opportunities and challenges posed by China's growing presence in the region.

China's approach to South Asia: strategy and economic dynamic

The position of South Asia in Chinese international strategy

The significance of South Asia in the realization of China's international economic goals and ambitions is continually increasing. China's vision for relations with the region became evident in 2013 when Xi Jinping announced the priority of a proactive form of “periphery diplomacy,” also known as “neighbourhood diplomacy.” According to Xi Jinping [2014, p. 326], “When dealing with neighbouring countries, we need a multidimensional perspective that extends beyond the immediate boundaries of time and space.”

Faisal and Khan [2022], analysing various Chinese international strategies, observe that South Asia held a prominent place in earlier Chinese international strategies. These include the South–South initiatives from the late 20th century, followed by the Go West and March to the West strategies in the 2000s, where South Asia emerged as a natural region for expanding China's influence. With this in mind, we examine China's approach to the region in the context of enhancing relationships under new circumstances, rather than establishing them on entirely new foundations.

China's perception and publicly proclaimed strategy of relations with its neighbours include provisions such as peaceful coexistence, regional security, peace and stability, economic development, anti-hegemonic multilateral political systems, and regionalism [Nisar, 2019]. This concept reflects China's aspiration to transform neighbouring areas into a “community of shared destiny” [Callahan, 2016], marking a departure from Deng Xiaoping's strategy and China's longstanding prioritization of relations with major powers. This shift is one of the effects of China's new development concept of Dual Circulation, aimed at safeguarding its economy from external shocks resulting from instability in relations with the USA and the EU [Stanojević, 2022].

While China undoubtedly seeks to integrate neighbouring countries into a Sino-centric network of economic, political, cultural, and security relations [Mitchell, 2018], it emphasizes inclusivity and win-win cooperation. Managing emerging power asymmetries between China and its neighbours is a key task of China's neighbourhood policy. China's strategy towards its neighbours has evolved from mere engagement to proactive efforts to shape the regional order. These efforts primarily involve institution building, regional integration through the Belt and Road

Initiative, strategic partnerships, and normative commitments [Stanojević and Zakić, 2023].

Several key aspects characterize China's relations with its neighbours, as highlighted by various authors analysing China's official strategy:

1. Economic Integration: China prioritizes deepening economic, trade, and financial ties with its neighbours. While this aspect is not always explicitly emphasized in China's official neighbourhood diplomacy, it forms a crucial component. Free trade agreements (FTAs) play a central role in strengthening these relationships [Oswald and Eckhardt, 2022]. China's economic cooperation extends beyond neighbouring relations, as it maintains free trade agreements with numerous countries, including least developed nations, across various regions.

2. Relations with Regional Powers: China places significant emphasis on fostering special relationships with key regional powers neighbouring its borders, such as Russia, Japan, and India. These bilateral ties serve as vital links between China's neighbourhood diplomacy and its broader foreign policy objectives, particularly in the realm of great power diplomacy.¹

3. Mediation and Negotiation: China actively engages in diplomatic mediation processes within the neighbourhood, striving to position itself as an independent and credible mediator capable of resolving conflicts. This proactive stance is evident in its involvement in international tensions and conflicts, notably in Myanmar, Afghanistan, and North Korea.²

4. Participation in Multilateral Institutions: China actively participates in and promotes various multilateral institutions in its neighbourhood, such as the Belt and Road Initiative, BRICS, and the Shanghai Cooperation Organization (SCO), among others. By leveraging these platforms, China aims to enhance its regional leadership and address common challenges through cooperative approaches [Wu et al., 2022]. While China asserts that these institutions are not alliances, some Western analysts view them as tools for China to exert influence over neighbouring countries and align their actions with Chinese preferences.³

Through various initiatives and strategies, China has endeavoured to strike a balance between fostering relations with smaller countries in the region and managing its competitive dynamic with India, whose political and

¹ Stokes, J. (2020). "China's Periphery Diplomacy: Implications for Peace and Security in Asia", United States Institute of Peace, Special Report No. 467.

² Ministry of Foreign Affairs PRC. 2019. "China's Foreign Policy in a Fast-Changing World: Mission and Responsibility," speech by Le Yucheng, July 8. URL: www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/wjdt_665385/zyjh_665391/t1679454.shtml

³ Stokes, J. (2020).

economic influence in the area is pivotal. Concurrently, China has sought to navigate its relationship with the USA, which maintains its own security arrangements in the region, notably in Afghanistan and Pakistan.

South Asia emerged as an optimal initial focus for China, primarily due to its strategic geographical position as China shares borders with five countries in the region, and it lies along the ancient Silk Road routes. Besides, China has strong military ties with Bangladesh and Sri Lanka. Additionally, South Asian countries possess attributes that make them attractive for foreign investment, including large populations and relatively rapid economic growth and development. Another key factor driving China's interest in the region is the inadequate intra-regional connectivity and insufficient infrastructure, which hinder the region's integration with the global economy, impeding further growth [Stanojević and Zakić, 2023].

Exploring China's Economic Engagements Across South Asia: An Overview

In 2013, when China expressed interest in developing ports, roads, and railways, South Asian countries responded positively and swiftly, becoming early participants in the Belt and Road Initiative. Since that time, China has steadily escalated its political and economic involvement in the region through projects initiated under the Belt and Road Initiative. Notable initiatives in South Asia comprise the China-Pakistan Economic Corridor, the Bangladesh-China-India-Myanmar Economic Corridor, the Trans-Himalayan Economic Corridor, and bilateral collaborations with Bangladesh, Sri Lanka, and the Maldives as part of the 21st Century Maritime Silk Road [Guo et al., 2019]. In the South Asian region, there are numerous successful investment projects in all countries, with the exception of Bhutan. The volume of Chinese investments placed in these countries in the period 2005—2023. is about 160 billion USD, with more than 40 % of the total amount for the region invested in Pakistan (table 1).

The primary focus of investment in South Asian countries has been the energy sector, representing more than half of the total investments in the region (Table 1). Following closely are the transport and metal industry sectors, albeit with significantly lower values. Not all sectors are included in the table, as some pertain to individual investments in one or two countries of the region, such as healthcare in India and finance in India and Bangladesh.

Chinese investments are commonly associated with credit from Chinese banks. China's favourable loans and their accessibility have established it as one of the region's largest creditors. According to the latest available data for 2022, India, Afghanistan, and the Maldives have no outstanding debts to Chinese creditors. Conversely, Pakistan, Myanmar, and Sri Lanka have the

Table 1. China's FDI in South Asia countries 2005–2023 (million USD)

Country/ sector	Total	Energy	Transport	Tech.	Real Est.	Metals	Tourism
India	35692	16634	1911	2261	660	3212	1274
Pakistan	65261	47142	12442	2734	870	240	230
Bangladesh	30972	12292	9211	1132	2364	2135	/
Sri Lanka	14415	1762	5614	250	2314	/	540
Nepal	3982	1462	1272	170	680	/	/
Myanmar	10324	4900	1700	380	830	2392	/
Maldives	1372	/	800	/	/	/	430
Afghanistan	3284	400	210	/	/	2520	/
South Asia	165302	84592	33160	6927	7718	10499	2474

Source: The China Global Investment Tracker, American Enterprise Institute. URL: <https://www.aei.org/china-global-investment-tracker/> (accessed: February 16, 2024).

Table 2. Debts of South Asian countries (billion USD)

Country	Total debt	Debt to China	Share
India	616.86	0.00	0.0
Pakistan	126.94	26.60	21.0
Bangladesh	97.01	6.05	6.2
Sri Lanka	58.71	8.84	15.1
Nepal	9.14	0.26	2.9
Myanmar	12.53	2.46	19.6
Maldives	4.04	0.00	0.0
Afghanistan	3.39	0.00	0.0

Source: World Bank International Debt Statistics, 2023. URL: <https://www.worldbank.org/en/programs/debt-statistics/ids> (accessed: February 16, 2024).

largest share of debts owed to Chinese creditors, at 21 %, 20 %, and 15 %, respectively (Table 2).

In terms of trade, South Asia exhibits a predictably significant deficit with China. Chinese imports from these nations totalled 22 billion USD in 2022, while exports amounted to a staggering 175 billion USD (Figure 1). What's particularly noteworthy is the sustained and rapid growth in Chinese exports to the region, with the exception of 2020 due to the Covid-19 pandemic, while imports from these countries have remained stagnant (Figure 1).

In addition to trade and investment, including loans for infrastructure projects, South Asian countries are closely linked to China's manufacturing and supply chains. China's manufacturing sector plays a vital role in the supply of goods and components to countries in the region. Chinese compa-

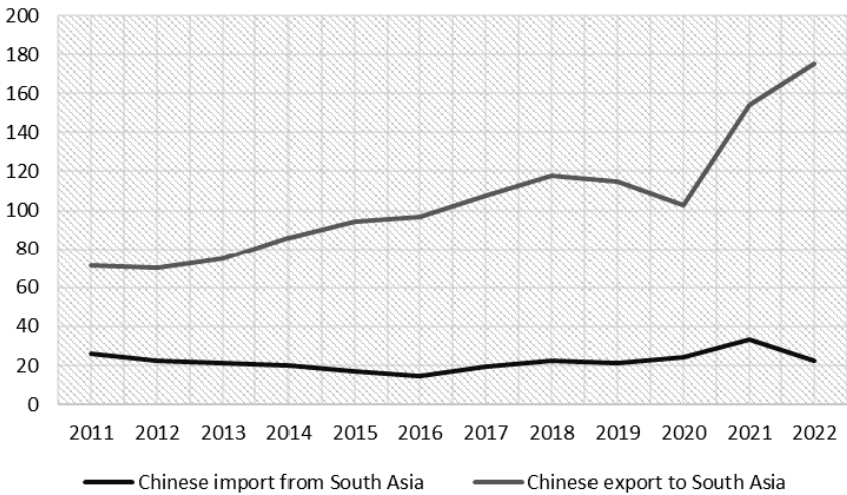

Figure 1. Trade of China and South Asia 2011–2022 (billion USD)/

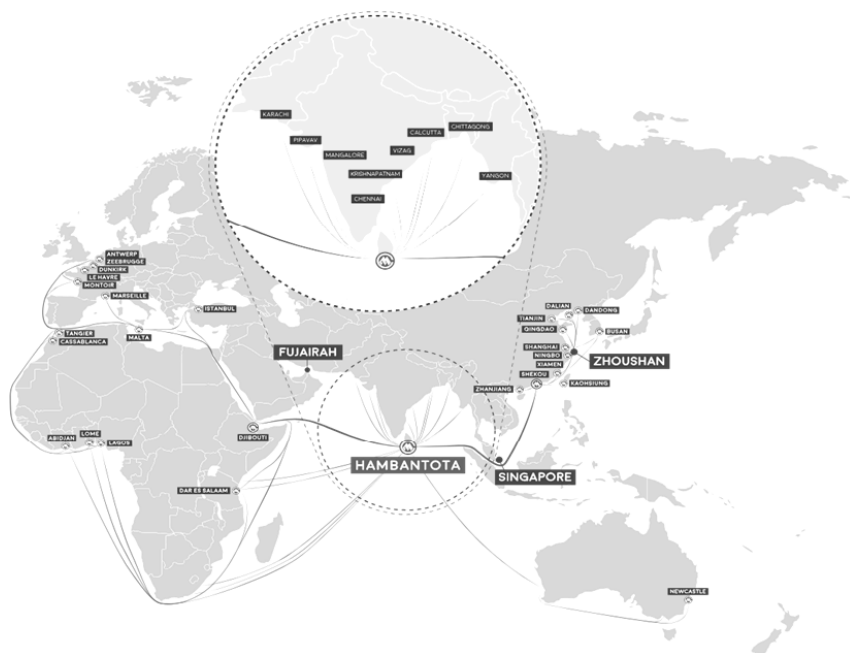
Source: International Trade Center — ITC. 2023. Trade map. www.trademap.org

nies have set up manufacturing facilities in South Asia, taking advantage of the region's lower labour costs and market access.

Chinese Investment in Sri Lanka: Between Development Initiatives and Debt Trap Dynamics

Sri Lanka holds strategic importance for China both globally and regionally, with the two countries enjoying a close and longstanding partnership spanning over a thousand years. China has provided extensive support to Sri Lanka, including infrastructure development, economic aid, diplomatic assistance, and even military aid during the internal conflict against the Tamil Tigers over the past few decades. This partnership has remained steadfast despite fluctuations in the international landscape and changes in Sri Lanka's ruling parties. In recent years, bilateral relations have significantly strengthened, guided by the comprehensive framework of the China-Sri Lanka Partnership for Comprehensive Cooperation, Sincere Mutual Support, and Eternal Friendship [Manoharan, 2022, p. 161].

China's presence in Sri Lanka gained broader attention due to its investment in the development of the Hambantota International Port, one of the largest infrastructure projects under the Belt and Road Initiative. Given Sri

Map 1. Hambantota port.

Source: Hambantota International Port Group. CONNECTIVITY. URL: <http://www.hipg.lk/about-us/connectivity>

Lanka's strategic location at the southern end of the South Asian subcontinent in the Indian Ocean, the development of port infrastructure is a logical choice to bolster the country's economic growth. Positioned at the southern tip of Sri Lanka, the natural harbour of Hambantota holds special strategic significance (see the Map 1). The port serves as a crucial node on maritime routes connecting the Middle East, Europe, and Africa to East Asia, located just 10 nautical miles from key international sea routes linking China with the Middle East and Africa.

The construction and development of the port lasted for ten years, from 2008 to 2018, involving a cumulative investment of 1.3 billion USD, with 96 % financed by the Chinese Exim Bank through a substantial number of loans provided under highly favourable conditions.¹

¹ CHEC, China Harbor. Hambantota Harbor. URL: www.chec.bj.cn/cn/ssbl/gcbs/gk/202208/t20220803_8212.html

Undoubtedly, Chinese investment has played a pivotal role in advancing Sri Lanka's infrastructure, particularly in the construction and expansion of port facilities, thereby boosting their capacity and efficiency. The Hambantota Port Development project has played a significant role in modernizing Sri Lanka's maritime infrastructure. Spanning an area of 1,800 hectares, Hambantota stands as the largest port in South Asia. Its components include various general and specialized terminals, two piers, breakwaters, a 40-hectare artificial island, port warehouses, auxiliary structures, and more. Once fully operational, the port is expected to handle approximately 20 million TEUs per year.¹ By comparison, Sri Lanka's largest port at the time, Colombo, had a capacity of only 4.5 million TEUs, and originally, the port aimed to alleviate congestion at the Port of Colombo.²

Since the management transition to a Chinese company in 2018, the operations at the Hambantota port have expanded significantly. The company has introduced various additional activities, including ventures into the oil and gas sector, cement handling, and maritime services within the port. Moreover, several supporting initiatives have been launched in the port vicinity, including the establishment of a free economic zone for shipbuilding, repair, and storage (valued at an additional 550 million USD), along with storage facilities and other amenities. Future plans encompass the development of facilities for cement, fertilizer, vehicle assembly, and food processing and packaging.³ Enhanced port infrastructure can stimulate exports, facilitate transshipment traffic, and bolster connectivity with global markets. Additionally, the development of port cities and associated infrastructure can spur tourism and commercial activities, catalysing growth in sectors such as hospitality, retail, and logistics. Infrastructure for gas distribution and services related to import-export operations has been developed to support these endeavours.⁴

However, the Hambantota port struggled to generate sufficient revenue in its initial years. According to submissions to a parliamentary committee, the port incurred accumulated losses of approximately 300 million USD by the end of 2016.⁵

¹ Hambantota International Port Group. URL: <http://www.hipg.lk/about-us/hipg>

² Ibid.

³ Hambantota International Port Group. URL: <http://www.hipg.lk/about-us/hipg>

⁴ Ibid.

⁵ Moramudali, U. 2020. "The Hambantota Port Deal: Myths and Realities", *The Diplomat*, January 01, 2020, URL: <https://thediplomat.com/2020/01/the-hambantota-port-deal-myths-and-realities/>

In 2017, China and Sri Lanka reached an agreement for a debt swap, resulting in a 99-year lease to China for the port's operation. Consequently, the Chinese private company China Merchants Port Holdings emerged as the majority shareholder of the Hambantota International Port Group, responsible for managing and operating the port. Since the project's completion in 2018, the port's activities have operated under a public-private partnership between the Government of Sri Lanka and China Merchants Port Holdings.¹

This project garnered significant negative attention from the international community and experts, particularly within the context of concerns over excessive borrowing from Chinese banks. Often cited as a prime example of China's "debt trap diplomacy," the project has faced criticism, with Western media outlets, prompted by the US State Department, labelling it as "predatory".² However, the genesis of this negative campaign can be traced to the ongoing rivalry between the USA and China [Stanojević, 2020], with a certain apprehension from the USA regarding China's military and naval capabilities, beyond purely commercial concerns.

Based on comprehensive data from official Sri Lankan sources, the notion of a debt trap orchestrated by China to seize control of the port in Hambantota appears largely unfounded. Instances of poor assessment regarding the repayment capabilities of governments in small states are not uncommon. However, in Sri Lanka's case, inadequate financial evaluations were not exclusive to the Hambantota port project. When accusations of falling into a debt trap emerged in 2017, assessments of Sri Lanka's creditworthiness by reputable agencies—Standard & Poor's, Moody's, and Fitch Ratings—indicated no imminent risk of over-indebtedness in 2017 [Hurley, Morris, Portelance, 2018]. This is corroborated by Central Bank data, which reported foreign debt as a percentage of GDP at 59 % in 2017 and this debt had accumulated over several decades preceding the influx of Chinese loans.³ Successive Sri Lankan governments continued to borrow from international markets, even in the face of persistent fiscal and current account deficits. This pattern created a vicious cycle wherein debt repayments became increasingly burdensome as they came due.

¹ Hambantota International Port Group...

² US Department of State, Secretary Michael R. Pompeo, Remarks to the Press, 28 October 2020. URL: <https://2017-2021.state.gov/secretary-michael-r-pompeo-and-sri-lankan-foreign-minister-dinesh-gunawardena-at-a-press-availability//index.html>

³ Central Bank of Sri Lanka. 2019. Annual Report 2019. URL: <https://www.cbsl.gov.lk/en/publications/economic-and-financial-reports/annual-reports/annual-report-2019>

According to the World Bank data the share of external debt in GNI (Gross national income) was the same for a year before 2017 between 51 and 55 %.¹ Sri Lanka's debt to China was relatively modest, even for an underdeveloped economy, and considerably smaller and newer—thus less pressing for repayment—compared to debts owed to other creditors and unrelated to Chinese loans. In 2017, the debt to Chinese creditors stood at 10 % of Sri Lanka's total debt, equivalent to 5 billion USD out of 51 billion. USD² Of the 5 billion USD owed to various Chinese entities, the debt associated with Sinohydro and China Communications Construction for the construction of the Hambantota port amounted to just 1.12 billion USD, representing a mere 5 % of Sri Lanka's total annual external debt payments.

Figure 2 illustrates these proportions and provides context for Sri Lanka's debt related to the construction of the Hambantota port.

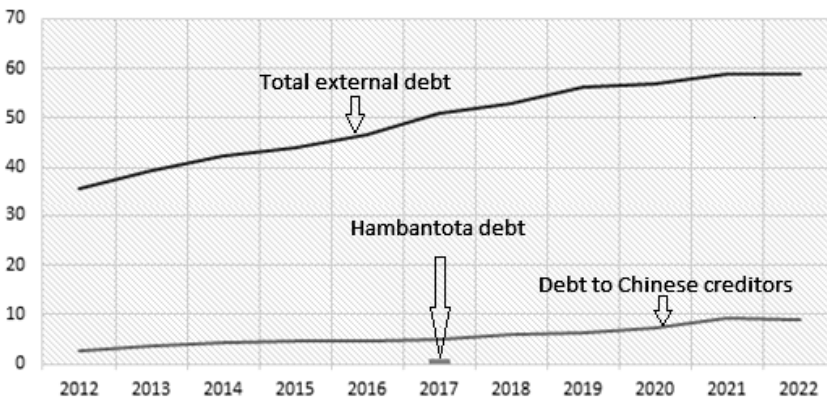

Figure 2. External debt of Sri Lanka (billion USD).

Source: authors' compilation, World Bank International Debt Statistics, 2023. and HIPG

It is therefore improbable that the Sri Lankan government would have made concessions contrary to its interests solely due to the 5 % annual loan repayments. Furthermore, it seems even less plausible that the government would have been unable to assess its ability to repay the 1.12 billion USD debt. Notably, each of these loans carried a grace period and a repayment period of 15 years or more, implying that some repayments had not commenced by 2018 when the port was transferred to Chinese partners.

¹ World Bank International Debt Statistics, 2023. URL: <https://www.worldbank.org/en/programs/debt-statistics/ids>

² Ibid.

The Hambantota port deal should not be misconstrued as a debt-equity swap because it did not involve any debt cancellation. The Sri Lankan government remains obligated to repay loans acquired from the Exim Bank of China for the construction of the port. Actually, the 1.12 billion USD received from the deal was not used to settle the port construction debt, but it was directed towards bolstering the country's foreign reserves and addressing some short-term foreign debt obligations. The funds obtained from the Hambantota port deal were predominantly allocated to address balance of payment (BOP) challenges, particularly stemming from the escalating costs of debt servicing. This underscores that the transaction did not alleviate Sri Lanka's debt burden but rather provided temporary relief for pressing financial obligations.

According to analysis by experts at the Central Bank of Sri Lanka, the surge in debt during this period was attributed to currency devaluation and excessive infrastructure investments. Public sector investments, particularly in infrastructure such as roads, telecommunications, electricity, ports, airports, and water supply, surged to approximately 6.5 % to 7 % of GDP during the period under review, compared to less than 3 % in preceding periods for similar purposes.¹ This phenomenon is unrelated to the purported Chinese debt trap but rather stems from the aftermath of the 26-year conflict with a terrorist insurgency that ended in 2009, leaving the country's infrastructure severely damaged and necessitating extensive reconstruction funded through loans.

From 2021 to 2023, Sri Lanka's economy experienced significant volatility and hardship. In 2021, the GDP contracted by 3.6 %, reflecting the adverse impacts of the COVID-19 pandemic on critical sectors like tourism and exports. By 2022, the economic situation worsened with GDP shrinking by 8.4 %, exacerbated by severe shortages of essential goods and political instability. The country's foreign debt reached alarming levels, exceeding 50 billion USD, leading to a historic default on its international debt obligations in May 2022.² Efforts to stabilize the economy in 2023 saw some progress, but GDP growth remained modest, hovering around 1–2 %, as the government struggled to implement necessary reforms and secure additional international assistance to manage its debt crisis.

¹ Nanayakkara, D. 2022. "Debt Management and Debt Sustainability — The Sri Lankan Experience", UNCTAD project. South-South Integration and the SDGs: Enhancing Structural Transformation in Key Partner Countries of the Belt and Road Initiative. UNCTAD/BRI PROJECT/PB 05

² World Bank International Debt Statistics, 2023. URL: <https://www.worldbank.org/en/programs/debt-statistics/ids>

Although Sri Lanka earns revenue through its stake in the Hambantota International Port Group, the deep economic crisis has hampered the port's income potential. The untapped potential of the port lies in its capacity to drive Sri Lanka's economic growth by attracting foreign investment, generating employment opportunities, and fostering trade.

Conclusion

The increasing involvement of China in the economies of small South Asian countries has undoubtedly brought about both opportunities and challenges. While China's initiatives have enhanced connectivity and facilitated economic integration within the region and beyond, concerns regarding trade imbalances, competition with local industries, and debt sustainability persist.

Contrary to some perceptions, research indicates that debts to Chinese creditors are not inherently linked to Chinese investments. Notably, several South Asian countries receiving Chinese FDIs have varying levels of debt owed to China, suggesting a nuanced relationship between investment inflows and debt accumulation. In the case of Sri Lanka, the transfer of a portion of the Hambantota port to a Chinese company was misconstrued as a debt cancellation, when in fact, it was a leasing arrangement. Despite initial scepticism, this transaction did not exacerbate Sri Lanka's debt burden but instead provided much-needed financial resources for other critical economic purposes.

However, the negative portrayal of Chinese investments by certain countries and international actors has had repercussions. The influence of this negative campaign has led some neighbouring countries to reconsider their engagement with China under the Belt and Road Initiative, exacerbating Sri Lanka's challenges in accessing alternative sources of credit. Consequently, Sri Lanka found itself in a cycle of increasing reliance on Chinese creditors, fuelled in part by the perceived risk aversion of other lenders.

Despite these challenges, the leasing of the Hambantota port to CM Port has demonstrated positive outcomes. The expansion of port operations presents significant opportunities for economic diversification, job creation, and overall growth in the Sri Lankan economy. However, external factors such as the COVID-19 pandemic and geopolitical tensions have hindered the realization of these opportunities, highlighting the vulnerability of Sri Lanka's economy to external shocks.

Nevertheless, the long-term prospects for Sri Lanka's growth and development, facilitated by Chinese investment in the Hambantota port project, remain promising. As global conditions stabilize and economic activities re-

sume, the port's potential to drive economic growth and serve as a catalyst for development will likely be realized, underscoring the enduring significance of Chinese investments in shaping Sri Lanka's future trajectory.

References

- Callahan, W. (2016). China's 'Asia Dream': The Belt and Road Initiative and the New Regional Order, *Asian Journal of Comparative Politics*, 1 (3): 226–243. DOI:10.1177/2057891116647806
- Faisal, M. and Khan, K. (2022). China and South Asia: Challenges, Trends and Trajectory. In: Elena I. Safronova (ed). *China in World and Regional Politics. History and Modernity*, 27: 145–259. DOI:10.48647/IFES.2022.37.85.022.
- Guo, F.; Huang, C. and Woo, X. (2019). Strategic analysis on the construction of new energy corridor China—Pakistan—Iran—Turkey, *Energy reports*. V: 828–241.
- Hurley, J.; Morris, S. and Portelance, G. (2018). Examining the Debt Implications of the Belt and Road Initiative from a Policy Perspective, *Policy Paper*, No. 121, Center for Global Development, Washington DC.
- Xi Jinping (2014). *The Governance of China*, Beijing: Foreign Languages Press.
- Manoharan, N. (2022). Pearl in the string: Sri Lanka-China relations in twenty-first century. In: Adhuri Subramanyam Raju (ed.). *South Asia and China: Engagement in the Twenty-First Century*. Routledge India.
- Mitchell, D. (2018). Expanding the 'Strategic Periphery': A History of China's Interaction with the Developing World. In: Eisenman Joshua and Eric Heginbotham (eds) *China Steps Out*. New York: Routledge. 23–23.
- Nisar, R.D. N. (2019). Chinese Perception of Indo-US Nexus: Implications for China in South Asian Region, *RUDN Journal of Political Science*, XXI (2): 311–322. DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-2-311-322
- Oswald, O.R.S; Eckhardt, J. (2022). New champions of preferential trade? Two-level games in China's and India's shifting commercial strategies. *Review of International Political Economy*: XXX (2): 654–277. DOI: 10.1080/09692290.2022.2060278.
- Stanojević, N. (2020). Effects of China's New Silk Road on the participating economies, *Eliva press*.
- Stanojević, N. (2022). The Dual Circulation strategy: China's response to declining international economic connectivity. In: Zuokui, Liu and Branislav Đorđević (eds). *The Connectivity Cooperation Between China and Europe*, Routledge, Taylor & Francis Ltd. 106–229. DOI: 10.4324/b22839-9.
- Stanojević, N.; Zakić, K. (2023). Economic rise of China: Strategies and dynamics of international economic relations. *Belgrade: IMPP*. (In Serbian).
- Vu, V.H.; Soong, J.J. and Nguyen, K.N. (2022). The Political Economy of China's Rising Role in the Asia-Pacific Economic Cooperation (APEC): Strategies and Instruments of the Chinese Way. *The Chinese Economy*, LV(4):255–267.

М.В. Александрова

РОЛЬ РОССИИ ВО ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛЕ ПРОВИНЦИИ ЦЗИЛИНЬ В КОВИДНЫЙ И ПОСТКОВИДНЫЙ ПЕРИОДЫ

Аннотация. Особенности экономико-географического положения во многом являются определяющим фактором для внешней торговли отдельных административных единиц государства. Ярким тому примером служит северо-восточная провинция КНР — Цзилинь. Отсутствие выхода к морю и граница всего с двумя странами стали «камнем преткновения» в деле наращивания внешнеторгового оборота провинции.

Проведение Россией специальной военной операции на Украине и введение санкций против РФ непосредственно отразились на росте темпов экспорта Цзилиня, ротации его торговых партнеров и увеличении доли товаров с высокой добавленной стоимостью в его экспорте.

В статье проанализированы основные изменения, произошедшие за последние пять лет во внешней торговле Цзилиня как на уровне статистики суммарных экспортно-импортных операций, географии торговли, так и наполнения экспорта.

Россия стала вторым по значению торговым партнером Цзилиня после Германии. Ассортимент экспортно-импортных потоков между Цзилинем и Россией включает широкую номенклатуру товаров, но, как и прежде, наша страна поставляет в основном сырьевую линейку продукции, а Цзилинь наращивает экспорт продукции машиностроения.

Ключевые слова: Китай, Цзилинь, Россия, экономико-географическое положение, торгово-экономические отношения, валовой региональный продукт, автомобилестроение, Хуньчунь, воднобиологическая продукция.

Автор: Александрова Мария Викторовна, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра «Россия, Китай, мир», Институт Китая и современной Азии РАН (адрес: 117997, Москва, Нахимовский пр-т, 32). ORCID: 0000-0001-7257-5573. E-mail: alexandrova@iccaras.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации в Институте Китая и современной Азии РАН.

M. V. Alexandrova

Role of Russia in foreign trade of Jilin during the COVID and post-COVID periods

Abstract. The economic-geographical position (EGP) (or economic-geographical location) is largely a determining factor in the development of foreign trade relations of individual administrative units of a State. A striking example of this is the Northeastern province of China — Jilin. The lack of access to the sea and common border with only two countries have become a “stumbling block” in increasing the province’s foreign trade turnover.

The implementation of the Special military operation and the introduction of sanctions against the Russian Federation directly influenced the growth of Jilin’s export rates, the rotation of the province’s trading partners and the increase in the share of high value-added goods in the province’s exports.

The article analyzes the main changes that have occurred over the past 5 years in Jilin’s foreign trade, both at the level of statistics of total export-import operations, geography of trade, and features of export content as well.

Russia has become trading partner No. 2 of the province after Germany. The export-import flows between Jilin and Russia include a wide range of goods, but, as before, our country supplies mainly raw materials, and Jilin is increasing the export of mechanical engineering products.

Keywords: China, Russia, Jilin, economic-geographical position (EGP) (economic-geographical location), trade and economic relations, gross regional product, automotive industry, Hunchun, aquatic biological products.

Author: Maria V. ALEXANDROVA, Ph.D (Economics), Leading Research Fellow, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences (address: 32, Nakhimovsky Ave., Moscow, 117997, Russian Federation). ORCID: 0000-0001-7257-5573. E-mail: alexandrova@iccaras.ru

Conflict of interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

Support. The article was prepared at the Institute of China and Contemporary Asia of the RAS within the framework of the State assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation.

Китайское руководство, начиная с Дэн Сяопина, с той или иной степенью активности продвигает идею повышения всесторонней внешней открытости Северо-Востока Китая (СВК, Дунбэй). Однако зачастую это крайне непростая задача. Экономико-географическое положение Цзилиня — одной из провинций Дунбэя, крайне неблагоприятно для ведения внешнеторговой деятельности, поскольку оно характеризуется отсутствием выхода к морю, соседством всего с двумя странами (РФ и КНДР), необходимостью решать вопрос доступа к морским побережьям за счет портов соседних государств (провал Туманганской инициативы¹, сложность сооружения международного транспортного коридора — МТК — «Приморье-2»).

Однако несмотря на наличие вышеуказанных проблем, товарооборот провинции пусть медленно, но рос даже в короновирусные годы. Структура экспортных поставок «облагородилась» за счёт увеличения доли продукции машинотехнической группы; география внешней торговли изменила вектор, прежде всего, благодаря углублению и расширению сотрудничества с Россией. За последние два года наша страна превратилась в крупнейшего импортера цзилиньской продукции.

Внешнеторговый оборот Цзилиня достиг исторического максимума в 2014 г., составив 26,37 млрд долл. Далее — с 2015 по 2020 г. — все шло по нисходящему тренду; минимум товарооборота был достигнут в 2016 г. — 18,44 млрд долл., но и в дальнейшем показатели варьировали в диапазоне 18,5 — 20,6 млрд долл. При этом следует отметить, что для провинции характерно устойчивое отрицательное сальдо торгового баланса, которое быстро увеличивалось вплоть до конца 2021 г., поскольку импорт Цзилиня рос достаточно быстро, а экспорт из-за особенности его структуры² несколько отставал. Новая страни-

¹ Каждая из стран — участниц Туманганской инициативы по-разному видела её цели и потенциальные результаты. Подробнее см: [Бейдина Т.Е., Литовченко А.П.].

² Эти особенности таковы: преобладание продукции агропромышленного комплекса и лёгкой промышленности невысокого качества, а также длительная неспособность продукции машинотехнической группы занять достойное место на мировом рынке в основном из-за претензий к качеству.

ца во внешней торговле Цзилиня открылась после начала СВО: экспорт провинции стал стремительно расти, что привело к быстрому сокращению отрицательных значений сальдо (табл. 1).

*Таблица 1. Сальдо торгового баланса пров. Цзилинь (2019–2023), млрд долл.**

Год	2019	2020	2021	2022	2023
Сальдо торгового баланса	-9,483	-10,126	-12,349	-8,237	-6,033

* Рассчитано на основе Цзилинь тунцзи няньцзянь 2020–2023 [Статистический ежегодник Цзилиня 2020–2023].

Несмотря на вышеуказанные оптимистические тенденции, неуклонно растет разрыв между показателем внешнеторгового оборота (ВТО) Цзилиня и усредненного показателя внешней торговли по КНР. Место Цзилиня в рейтинге провинций КНР по ВТО ежегодно сдвигается на все более низкие позиции. Так, если в 2009 г. провинция занимала 19-е место, то в 2023 г. переместилась уже на 26-е место (из 31) (табл. 2). Анализ вышеприведенных показателей свидетельствует, что внешняя торговля пров. Цзилинь ныне находится на спаде.

*Таблица 2. Место пров. Цзилинь во внешней торговле КНР, млрд долл.**

Год	Товарооборот Цзилиня	Товарооборот КНР	Средний показатель по стране	Место Цзилиня	Отклонение от среднего показателя по стране
2009	11,74	2207	71,21	19	-59,46
2010	16,84	2974	95,93	19	-79,08
2011	22,04	3641	117,47	20	-95,43
2012	24,57	3867	124,74	20	-100,17
2013	25,85	4158	134,16	20	-108,30
2014	26,37	4301	138,75	23	-112,38
2015	18,93	3953	127,51	23	-108,58
2016	18,44	3685	118,88	22	-100,44
2017	18,52	4107	132,48	23	-113,95
2018	20,67	4622	149,11	24	-128,43

Окончание табл. 2

Год	Товарооборот Цзилиня	Товарооборот КНР	Средний показатель по стране	Место Цзилиня	Отклонение от среднего показателя по стране
2019	18,89	4577	147,67	24	-128,77
2020	18,52	4655	149,87	25	-131,35
2021	23,23	5995	193,38	25	-170,15
2022	23,38	6270	202,25	25	-178,87
2023	23,50	5976	196,12	26	-172,62

* Рассчитано на основе данных сайта Госстата КНР. URL: <https://www.stats.gov.cn> (дата обращения: 05.05.2024).

За последние 14 лет валовый региональный продукт (ВРП) провинции продемонстрировал стремительный рост, увеличившись более чем в два раза — с 79,56 млрд до 193,3 млрд долл. за период 2009—2023 гг. В 2023 г. Цзилинь по показателю ВРП поднялся на 7-е место по сравнению с 22-м местом в 2009 г. При этом в период 2010—2014 гг. доля внешней торговли в ВРП провинции достигала пиковых значений, после чего произошел резкий спад. В целом с 2009 г. данный показатель снизился на 2,6 %: по состоянию на 2023 г. доля внешней торговли в ВРП Цзилиня составляет 12,16 % (табл. 3).

Таблица 3. Доля внешней торговли в ВРП пров. Цзилинь, млрд долл.*

Год	Товарооборот	ВРП	Индекс открытости экономики (%)
2009	11,747	79,56	14,76
2010	16,846	94,69	17,79
2011	22,047	119,75	18,41
2012	24,572	137,47	17,87
2013	25,853	152,23	16,98
2014	26,378	162,24	16,26
2015	18,938	160,84	11,77
2016	18,442	156,97	11,75
2017	18,53	161,76	11,45

Окончание табл. 3

Год	Товарооборот	ВРП	Индекс открытости экономики (%)
2018	20,67	170,06	12,16
2019	18,89	169,99	11,12
2020	18,52	183,84	10,07
2021	23,23	197,46	11,76
2022	23,38	182,98	12,78
2023	23,5	193,30	12,16

* Рассчитано по данным сайта Госстата КНР. URL: <https://www.stats.gov.cn/> (дата обращения: 05.05.2024).

Таким образом, в контексте внешнеторговой деятельности, пров. Цзилинь медленно открывается для внешнего мира, а роль внешней торговли в экономическом росте провинции планомерно снижается.

На сегодняшний день можно выделить следующие проблемы, существующие во внешней торговле провинции:

1. *Небольшие масштабы внешней торговли и постоянно увеличивающийся разрыв с усредненным показателем по стране.*

Несмотря на увеличение суммарного ВТО Цзилиня в последнее десятилетие, разрыв с усредненным показателем по стране постоянно растет (табл. 2). Экспортная продукция провинции не обладает международной конкурентоспособностью, даже при относительно высоких объемах производства. На внешнем рынке Цзилинь по-прежнему долгое время рассматривается как экспортер ресурсо- и трудоемкой продукции с высокой себестоимостью и низкой доходностью.

2. *Нехватка крупных предприятий, занимающихся внешнеторговой деятельностью.*

Как известно, Северо-Восток Китая является старой промышленной базой, где государственным предприятиям трудно проводить реформы, поскольку нелегко преодолеть унаследованную от прошлого «неповоротливость» и отставание.

Большинство государственных предприятий убыточны и мало жизнеспособны; они отличаются небольшими масштабами и нерациональностью отраслевого планирования. Более того, отсутствие крупных жизнеспособных предприятий приводит к утечке кадров, препятствует инновациям и модернизации их системы управления.

Таким предприятиям крайне сложно выходить на внешний рынок, поэтому большинство внешнеторговых предприятий в провинции — частные с невысокими показателями внешнеторгового оборота.

Важно отметить, что в пров. Цзилинь не хватает высокотехнологичных предприятий, что не только ограничивает возможность инноваций, но и сдерживает накопление экспортного потенциала¹.

3. *Невыгодное экономико-географическое положение и удаленность от основных точек маршрута «Один пояс, один путь».*

Для сообщения с регионами КНР пров. Цзилинь использует транспортный коридор Ляоси, который берет свое начало в г. Цзиньчжоу пров. Ляонин и проходит до г. Циньхуан в пров. Хэбэй². Для морских перевозок используется порт в г. Далянь. Из-за отдаленности основных транспортных коридоров логистические издержки у Цзилиня высоки, что сдерживает внешнеэкономическое развитие провинции.

И даже несмотря на вышеперечисленные проблемы и узкие места во внешней торговле, у Цзилиня широкая география торговли, и притом крайне неожиданная (табл. 4).

Абсолютным лидером по совокупному товарообороту являются страны ЕС. Пик торгового сотрудничества провинции с регионом пришелся на 2011—2014 гг. С 2019 по 2023 г. доля ЕС в ВТО Цзилиня снизилась с 52,54 до 41,31 %. При этом, как и в предыдущие десятилетия, основным торговым партнером Цзилиня была Германия. Сальдо торгового баланса Цзилиня с ЕС стабильно отрицательное: так, в 2019 г. оно составляло (-) 7,649 млрд долл., а в 2023 г. снизилось до (-) 6,698 млрд долл., при этом порядка 50 % ВТО с ЕС приходится на ФРГ. Помимо Германии, провинция активно импортирует продукцию из Словакии, Португалии, Чехии. И большая часть этого импорта связана напрямую или косвенно с автомобилестроением.

¹ Высокотехнологичное предприятие относится к предприятию-резиденту, зарегистрированному в Китае (за исключением Гонконга, Макао и Тайваня), которое проводит исследования и разработки и приносит технологические достижения для формирования основных независимых прав интеллектуальной собственности предприятия и осуществления предпринимательской деятельности (Gaoxin jishu que rending changjian de 22 ge wenti. 2022 nian 11 yue 28 ri: [22 вопроса по определению высокотехнологичных предприятий]) // *Chengdu Hi-tech Industrial Development Zone (CDHT)*. 28.11.2022. URL: https://www.cdht.gov.cn/cdht/c139592/2022-11/28/content_bd4f763a6fb44b09abaab927f317f7a3.shtml (дата обращения: 23.02.2024).

² Zhongguo de sanda zhoulang [Три самых крупных транспортных коридора Китая] // *Isenlin.cn*. URL: http://www.isenlin.cn/sf_53F4B4FD7AE34197BBBD9C76DB7C1F3E_209_A952252C215.htm (дата обращения: 23.03.2024).

Таблица 4. Экспортно-импортные операции пров. Цзилинь с крупнейшими странами — торговыми партнерами, 2023 г.

№	Страна	Доля страны в суммарном ВТО Цзилиня (%)	Доля страны в суммарном экспорте Цзилиня (%)	Доля страны в суммарном импорте Цзилиня (%)	Сальдо торгового баланса (млн долл.)
1	ФРГ	17,97	3,85	26,39	-3 597 805
2	Россия	17,70	32,49	8,90	+1 563 049
3	Мексика	5,89	2,44	7,94	-968 823
4	Словакия	4,26	0,14	6,65	-980 568
5	РК	3,57	5,90	2,17	+199 958
6	Япония	3,42	4,41	2,83	-29 359
7	Португалия	3,40	0,14	5,34	-784 037
8	США	3,32	4,30	2,74	-26 121
9	Венгрия	2,59	0,28	3,97	-566 982
10	Чехия	2,56	0,49	3,79	-521 786
	Итого	64,68 %	54,44	70,72	-5 712 474

* Рассчитано на основе Цзилинь тунци няньцзянь 2020—2023 [Статистический ежегодник Цзилиня 2020—2023].

Долгие годы важным торговым партнером Цзилиня в Северо-Восточной Азии (СВА) была Япония. В отдельные годы суммарный объем ВТО с Японией составлял порядка 2/3 торговли Цзилиня со странами СВА в целом. Так, в 2018 г. товарооборот Цзилиня с Японией достиг 1,8 млрд долл. при отрицательном сальдо для провинции в более 1 млрд долл., но далее наблюдается падение импорта из Японии на фоне обострения политических противоречий между двумя странами [Chen Xiuping, Sun Mingyi, 2022] (график 1).

Далее, на фоне политических и ковидных сюжетов Япония, которая долгое время была вторым по товарообороту партнером Цзилиня, в 2023 г. плавно «скатывается» на 6-е место. А 2-е место занимает Россия, о сотрудничестве с которой речь пойдет ниже.

Крайне неожиданно выглядит торговый партнер Цзилиня № 3 — Мексика, но это лишь на первый взгляд. Если рассмотреть структуру суммарного импорта КНР из Мексики, то, к примеру, в 2022 г. поряд-

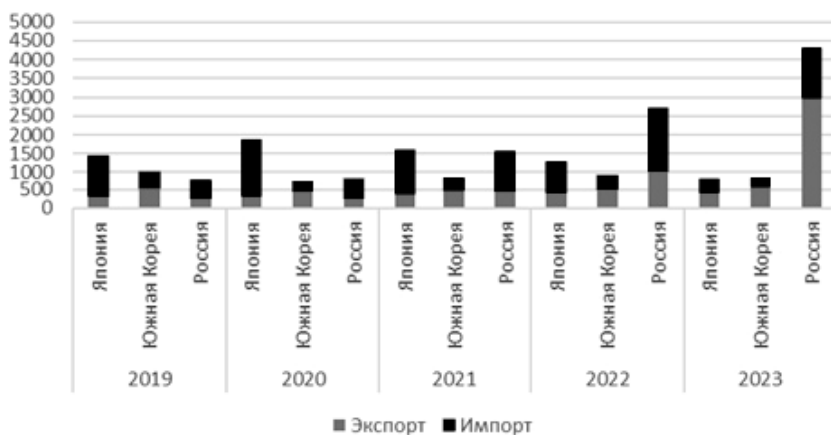

График 1. ВТО Цзилинь со странами СВА, млн долл.

Составлен на основании данных *Statistic bureau of Jilin*. URL: <http://tjj.jl.gov.cn/tjsj/tjnj/> (дата обращения: 05.05.2024).

ка 30 % приходится на интегральные схемы, 12 % — узлы и детали для автомобилей, т. е. продукцию, которая непосредственно относится к машиностроению¹. И это не случайно, поскольку за последние десятилетия Мексика превратилась в одну из крупнейших автомобильно-строительных стран мира. В ней более 50 автомобильных заводов: *Ford*, *GM* и *Stellantis* из США, *Audi*, *BMW*, *Mercedes* и *Volkswagen* из Европы и др. Производство автозапчастей является не менее важной отраслью, и здесь Мексика в настоящее время является 4-м по величине производителем автозапчастей в мире с годовым оборотом в 94 млрд долл. В стране более 600 предприятий-производителей запчастей².

Следует отметить особенности современной товарной структуры экспорта Цзилинь (табл. 5).

Долгие годы Цзилинь на мировом рынке выступал как экспортер аграрной продукции, поставки которой осуществлялись в более чем 100 стран. При этом 50 % экспорта приходилось на Японию и Республику Корея, а порядка 30 % — на страны ЕС. Структура сельскохозяйственного экспорта претерпела значительные изменения: ранее он

¹ Moxige maoyi zhinan (2023 nian) [Торговый справочник Мексики (2023 г.)] // *Trade development bureau of the Ministry of commerce of the PRC*. URL: <https://www.tdb.org.cn/u/cms/www/202309/28153940d1eu.pdf> (дата обращения: 05.05.2024).

² Мексика как одна из ключевых стран мирового автопрома // *Gotomexico.today*. URL: <https://gotomexico.today/news/country/973.html> (дата обращения: 07.05.2024).

Таблица 5. Основные экспортные позиции пров. Цзилинь, млн долл.*

Товарная позиция	2019	2020	2021	2022	2023
Продукция автомобилестроения, в том числе автомобили и автозапчасти	432,08	465,4	828,28	1499,84	3192,43
Продукция сельского хозяйства, в том числе фрукты, сухофрукты и орехи; морепродукты; зерновые; пиломатериалы ¹	676,71	674,5	747,59	792,73	609,15
Продукция легкой промышленности, в том числе текстиль и изделия из него; одежда и швейная фурнитура	313,98	312,77	327,76	404,56	361,63
Фармацевтические препараты	204,61	223,38	228,88	137,09	142,81

* Источник: *Statistic bureau of Jilin*. URL: <http://tjj.jl.gov.cn/tjsj/tjnj/> (дата обращения: 05.05.2024).

был представлен кукурузой и соевыми бобами [Zhang Lei Shao Nuo, 2021]. Если в 2009—2012 гг. Цзилинь входил в пятерку провинций КНР по экспорту зерна, то в последующие годы, в связи с проведением реформы сельского хозяйства и ростом внутренних цен на кукурузу, экспорт показал тенденцию к количественному снижению [Zhang Lei, Pang Jing, Yang Cai, 2021]. В дальнейшем провинция переключилась на экспорт масличных семян, фруктов, овощей, мяса, лекарственного сырья и водно-биологической продукции. В 2019—2020 гг. объем экспорта сельхозпродукции превышал в 1,4 раза объем экспорта продукции автомобилестроения.

До 2020 г. включительно экспорт продукции автомобилестроения не имел ключевого значения во внешнеэкономической деятельности пров. Цзилинь. На сельское хозяйство приходилась заметно бóльшая доля в экспорте провинции в 2019—2020 гг. Однако в 2021 г. ситуация изменилась: экспорт продукции автомобилестроения увеличился на 77 % по сравнению с 2020 г. Далее темпы его роста продолжали стремительно расти: в 2022 г. экспорт продукции автомобилестроения увеличился на 81 %, а в 2023 г. — уже на 112 %. В 2023 г. экспорт автозапчастей и автомобилей составил более 3 млрд долл., или 36 % суммарного экспорта Цзилиня.

Автомобилестроение в Цзилине является ведущей отраслью уже давно, начиная с первой пятилетки. Провинция лидировала в КНР по

¹ Согласно китайской статистике, лес, кругляк и пиломатериалы относятся к сельхозпродукции.

выпуску автомобилей вплоть до 2021 г., когда по валовому выпуску она заняла 2-е место в стране после Шанхая. В 2019 г. на Цзилинь приходилось более 11 % всекитайского выпуска автомобилей, в основной своей массе данная техника была оснащена двигателями внутреннего сгорания (ДВС).

2020 г. стал рубежным для китайского и в том числе цзилиньского автопрома. Тогда был взят курс на активное развитие автомобилей на нетрадиционных источниках энергии, в результате чего только за один 2020 г. падение выпуска автомобилей на ДВС в Цзилине составило (-) 8,12 %. В результате подобных тенденций провинция сместилась в 2023 г. на 8-е общекайтайское место с долей рынка чуть более 5 %.

Несмотря на некоторые негативные тенденции внутри самого Китая, позиции автомобилестроения провинции укрепились на внешнем рынке, а стоимостные объемы экспорта с 2019 по 2023 г. выросли более чем в семь раз. Начиная с 2022 г., во многом в связи с началом проведения СВО, экспорт автомобилей из Цзилиня начал резко расти [Qiu Ju, Zhu Ruixue, Du Zhaoning, 2023]. К примеру, в 2022 г. провинция экспортировала 38 440 единиц автомобилей, а в 2023 г. — уже 99 293 единицы. В 2023 г. экспорт легковых автомобилей увеличился на 205,7 %, а экспорт запчастей и комплектующих — на 18,3 %¹.

При этом в 2023 г. из 99 293 машин, экспортированных провинцией, 21 700 единиц приходилось на подержанные машины общей стоимостью 206 млн долл., что в 24 раза больше, чем в 2022 г.

В последние годы Цзилинь стал активно развивать такое направление экспорта, как поставки подержанных автомобилей. По экспорту подержанных автомобилей, в количественном выражении провинция заняла 5-е место в стране, а в денежном выражении — 7-е место. В 2023 г. экспорт легковых автомобилей на ДВС составил 81,3 % от общего экспорта подержанных автомобилей, а экспорт подержанных легковых автомобилей на альтернативных источниках энергии — 15,1 %².

¹ Rongru «yi lu yi dai» Jilin shuiwu zuo hao «dian xian mian» [Интегрируясь в «Один пояс, один путь», налоговая служба провинции Цзилинь хорошо справляется с «Точками, линиями и областями»] // *Xinhua wang*. URL: http://jl.news.cn/2023-11/29/c_1129998827.htm (дата обращения: 07.02.2024).

² 2023 nian Jilin sheng ershou che chukou zong'e 30,5 yi yuan zengzhang 23 bei. 2024 nian 2 yue 1 ri [Экспорт подержанных автомобилей из провинции Цзилинь составил 3,05 млрд юаней в 2023 году, увеличившись примерно в 24 раза. 01.02.2024] // *Zhongguo wang. Shidai Jilin*. URL: http://jilin.china.com.cn/2024-02/01/content_42689625.html (дата обращения: 25.03.2024).

Хотя для Цзилиня наша страна стала одним из важных рынков сбыта продукции машиностроения, но двустороннее торгово-экономическое сотрудничество значительно шире по номенклатуре и отличается немалым разнообразием, включая как сырьевые товары, так и готовую продукцию с высокой добавленной стоимостью. Разберем особенности современного торгового взаимодействия наших сторон.

Цзилинь — северо-восточная провинция КНР с некогда минимальными показателями торговли с нашей страной. Провинция граничит с Приморским краем Российской Федерации. В последние годы Цзилинь активно участвует в китайско-российском приграничном торговом сотрудничестве, став важным окном для КНР, открывающимся на север.

Хуньчунь — единственный город пров. Цзилинь, примыкающий к Дальнему Востоку России, на территории которого расположено два погранперехода (автомобильный и железнодорожный). Впервые заметный рост товарооборота Цзилиня с Россией был отмечен в 2018 г., когда его годовой прирост составил 61,9 %. 2019 г. не принес новых достижений. Далее наступил 2020-й, и, несмотря на все ограничения, вводимые со стороны КНР в приграничье, показатели взаимной торговли Цзилиня с РФ не снизились, а экспорт и импорт остались на уровне 2019 г. Это стало единственным примером стабильности в нашем трансграничье в ковидный период.

В 2021 г. товарооборот Цзилиня с Россией увеличился в два раза, что было связано с резким увеличением импорта провинцией из Приморья элитной водно-биологической продукции — прежде всего, жи-
вых (!) крабов — через погранпереход Хуньчунь.

2022 г. внес новые коррективы в экспортно-импортные операции Цзилиня с Россией. На фоне обострения отношений с Западом российские импортеры нарастили закупки автозапчастей, а затем и готовые автомобили.

Цзилинь, как уже упоминалось, является одним из крупнейших центров автомобилестроения КНР. Если в период с 2019 по 2022 г. у российской стороны было положительное сальдо торгового баланса с Цзилинем, то из-за резкого роста импорта машинотехнической продукции в 2023 г. оно впервые стало отрицательным и составило (-)1,56 млрд долл. Заметно увеличилась доля России во внешнеторговом обороте Цзилиня: так, если в 2019 г. на нашу стране приходилось 4,44 % внешнеторгового оборота провинции, то в 2023 г. этот показатель вырос до 17,72 %. При этом на Россию пришлось 32,51 % экспорта провинции и 8,91 % импорта. С 2022 г. наша страна является вторым по значению торговым партнером Цзилиня после ФРГ.

В суммарном российско-китайском товарообороте торговля с Цзилинем малозаметна, хотя и наметился незначительный рост: так, если в 2019 г. она составляла 0,76 %, то к 2023 г. выросла на 1 п. п.

В Цзилине традиционно значительным спросом пользуется российское минеральное топливо (уголь, а в последние годы и сжиженный природный газ — СПГ), а также железная руда, рыба и морепродукты, древесина, орехи и прочие экологически чистые продукты питания. В частности, на закупки из нашей страны приходится примерно 87 % приобретаемого провинцией иностранного угля, и РФ также является единственным поставщиком в регион рыбной продукции¹.

С 2022 г. Россия начала активно переориентировать поставки энергоресурсов с европейского рынка на азиатский, что отразилось и на межрегиональных отношениях с Китаем. С января 2022 г. начались поставки СПГ из Приморского края в пров. Цзилинь. Импорт природного газа в провинцию за год составил 528 т на общую сумму в 2,86 млн юаней. В 2023 г. произошел рост как в количественном выражении — на 178,5 %, так и в денежном — на 112,3 %; импорт СПГ составил уже 1470 т, или 6,06 млн юаней².

Экспорт российской железной руды в пров. Цзилинь за 2022 г. вырос на 61 % и достиг 520 тыс. т, а импорт угля сократился на 15,2 %, составив 5,89 млн т. В денежном выражении эти изменения произошли на 43,1 и 35,6 % соответственно. Сокращение объемов импорта Китаем можно объяснить сильным удорожанием угля на мировом рынке в 2022 г.³

Россия долгие годы была главным поставщиком древесины в провинцию, где происходит переработка сырья и реэкспорт готовой продукции в третьи страны. На фоне введения в январе 2022 г. российскими властями фактического запрета на экспорт леса-кругляка его закупки Китаем, и в том числе провинцией Цзилинь, стали резко снижаться, о чем наглядно свидетельствует статистика:

- экспорт необработанной древесины из России в пров. Цзилинь за 2022 г. составил 140 291 т, что на 31,3 % меньше, чем в 2021 г.;

¹ Генконсул рассказал о торговле российских регионов с провинцией Цзилинь // *РИА Новости*. 28.08.2023. URL: <https://ria.ru/20230828/torgovlya-1892596210.html> (дата обращения: 01.03.2024).

² Товарооборот провинции Цзилинь с РФ за 2023 год вырос на 71,5 % // *Caïm Biang.ru*. 20.01.2024. URL: <https://biang.ru/ru/economics/tovarooborot-provinczii-czzilin-s-rf-za-2023-god-vyiros-na-71,5.html> (дата обращения: 24.01.2024).

³ World Bank Blogs. «Energy Market Developments: Coal and Natural Gas Prices Reach Record Highs». 19.07.2022. URL: <https://blogs.worldbank.org/en/opendata/energy-market-developments-coal-and-natural-gas-prices-reach-record-highs> (accessed: 02.03.2024).

- импорт Китая пиломатериалов за 2022 г. составил 62,53 млн кубометров, что на 35,8 % меньше, чем годом ранее;
- импорт целлюлозы пров. Цзилинь за 2022 г. составил 66 502 т, что на 44,9 % меньше, чем годом ранее¹.

Особой статьёй импорта из России является водно-биологическая продукция; с 2009 г. в пров. Цзилинь осуществляется ее глубокая переработка. Так, в 2015 г. мощности по переработке морепродуктов в Хуньчуне достигали 170 тыс. т, а стоимость отрасли составила 5,8 млрд юаней (892 млн долл.), что в 290 раз превысило показатель 2010 г. Продукцию отрасли в основном экспортировали в страны Юго-Восточной Азии, США, Испанию, Италию, ОАЭ и на Украину².

В 2016 г. два сухих порта Хуньчуня были утверждены в качестве пунктов импорта морепродуктов. Благодаря открытию постоянного грузового маршрута, связавшего город с Камчаткой и портом Зарубино в Приморье, была снижена стоимость перевозки добытых в российской акватории уловов.

До открытия этого маршрута краб из РФ поступал в КНР через РК или Японию, что было весьма затратно и негативно сказывалось на качестве продукции. С 2016 г. камчатский краб, добытый в российских водах, стал напрямую транспортироваться в Хуньчунь буквально на следующий день после вылова³. В 2022 г. Цзилинь импортировал 162 тыс.т водно-биологической продукции из России, что на 30 % больше, чем в 2021 году⁴.

В 2021 г. объем производства морепродуктов в Хуньчуне достиг 1 млрд юаней, увеличившись на 50,6 % в годовом исчислении⁵. Тор-

¹ Импорт железной руды из РФ в провинцию Цзилинь за 2022 год вырос на 61 %, угля — сократился на 15,2 % // Сайт Biang.ru. 30.01.2023. URL: <https://biang.ru/economics/import-zheleznoj-rudy-iz-rf-v-provincziyu-czilin-za-2022-god-vyiros-na-61-uglya-%E2%80%93-sokratilsya-na-15,2.html> (дата обращения: 18.02.2024).

² В китайском городе Хуньчунь, который граничит с РФ и КНДР, бурно развивается отрасль переработки морепродуктов // *Синьхуа*. 10.01.2016. URL: https://russian.news.cn/2016-01/10/c_134995371.htm (дата обращения: 17.02.2024).

³ «Синьхуа» рассказало о «крабовой дороге» в Хуньчунь // *Fishnews*. 28.09.2021. URL: <https://fishnews.ru/news/42789> (дата обращения: 07.02.2024).

⁴ Цзилинь дуй э мао гуймо чуансинь гао цянцзин цзэнши чисюй баочи. 2023 нянь 2 юэ 1 жи. [Торговля Цзилиня с Россией достигла рекордного уровня, сохраняется высокий темп роста] // *Ministry of commerce of the PRC*. 01.02.2023. URL: <http://tradeinservices.mofcom.gov.cn/article/news/gnxw/202303/147307.html> (дата обращения: 15.02.2024).

⁵ Чжуляо гао чжилян фачжань чжи цзи — Хуньчунь ши гунье цзинци цзуншу. 2022 нянь 7 юэ 12 жи. [Создание фундамента высококачественного развития — обзор развития промышленной экономики в городе Хуньчунь] // *Tumenjiang xinwen wang*. 12.07.2022. URL: <http://www.tmjnews.net/paper.asp?Aid=14485&Fid=1827> (дата обращения: 07.02.2024).

говля морепродуктами играет особо важную роль в экономике Хуньчуня: только за 2022 г. в городе было открыто 29 предприятий по торговле и переработке морепродуктов из РФ¹.

«Морскому» сотрудничеству между пров. Цзилинь и Россией способствует упрощение китайского таможенного законодательства в отношении российской пищевой продукции. Так, в первом полугодии 2023 г. Чанчуньской таможней было предпринято 18 мер по упрощению ввоза ряда торговых наименований из России, стимулирующих импортно-экспортные операции через пункт пропуска Хуньчунь. Также было разрешено ввозить грузы с российской стороны сначала на таможенные площадки, а потом их тестировать, что позволяет ускорить проверку и избежать скопления грузов на въезде². Это особенно важно, учитывая то, что свежая продукция ограничена в сроках и условиях хранения.

Из пров. Цзилинь на российский рынок поступает широкая номенклатура товаров: электротехническое и механическое оборудование, транспортные средства и их комплектующие, мебель, товары широкого потребления³. Исходя из тенденций последних лет, необходимо рассмотреть наиболее актуальную статью экспорта Цзилиня в РФ, а именно автозапчасти и автомобили. Продукция, выпускаемая автопромом Цзилиня, в последние годы стала актуальна для российского рынка по следующим причинам:

- российский рынок обладает высокой привлекательностью для импорта автозапчастей из Цзилиня. Рынок автозапчастей в России зависит от внешних поставок примерно на 65 %⁴. Долгое время ключевыми экспортерами автозапчастей в Россию являлись компании из Южной Кореи, Японии и Германии. Однако с 2022 г. западные брен-

¹ Цзилинь дуй э маои гуймо чуансинь гао цянцзин цзэнши чисью баочи. 2023 нянь 2 юэ 1 жи. [Торговля Цзилиня с Россией достигла рекордного уровня, сохраняется высокий темп роста] // *Ministry of commerce of the PRC*. 01.02.2023. URL: <http://tradeinservices.mofcom.gov.cn/article/news/gnxw/202303/147307.html> (дата обращения: 15.02.2024).

² Импорт морепродуктов из России через бондовую зону Хуньчуня в первом полугодии 2023 г. составил 22000 тонн // *Caùm Biang.ru*. 17.07.2023. URL: <https://biang.ru/ru/economics/import-moreproduktov-iz-rossii-cherez-bondovuyu-zonu-xunchunya-v-pervom-polugodii-sostavil-22.000-tonn.html> (дата обращения: 23.01.2024).

³ Генконсул рассказал о торговле российских регионов с провинцией Цзилинь // *РИА Новости*. 28.08.2023. URL: <https://ria.ru/20230828/torgovlya-1892596210.html> (дата обращения: 01.03.2024).

⁴ Рынок автозапчастей в России: рейтинг крупнейших продавцов и производителей автозапчастей // *Деловой профиль*. 26.01.2021. URL: <https://delprof.ru/press-center/open-analytics/rynok-avtozapchastey-v-rossii-analiz-struktury-i-ključevykh-pokazateley-otrasl-i/> (дата обращения: 25.01.2024).

ды покидают российский рынок и освободившуюся нишу охотно занимают китайские компании, в том числе из Цзилиня. Провинция в 2022 г. экспортировала в Россию более 8000 автомобилей на 2,63 млрд юаней, что на 306 % больше, чем в 2021 г.¹;

- российский рынок показывает высокий спрос на запчасти и комплектующие, предназначенные для проведения послепродажного ремонта и техобслуживания. Спрос на техобслуживание за первые девять месяцев 2023 г. вырос на 25 % по сравнению с аналогичным периодом 2022 г.² В связи с ограниченным выбором автомобилей на российском рынке в условиях западных санкций, автовладельцы стремятся продлить срок эксплуатации уже имеющихся автомобилей. Более того, автозапчасти из КНР, из пров. Цзилинь в частности, способны выступить в качестве альтернативы западным автозапчастям, которые значительно выросли в цене. Так, в 2023 г. доля китайских комплектующих в особо дефицитных категориях автозапчастей составила 60 %³;

- Россия обладает уникальным географическим положением и выступает в роли центра притяжения для продукции зарубежных производителей и их последующего экспорта в страны СНГ. Таким образом, экспорт автозапчастей в РФ позволяет пров. Цзилинь выходить на рынки других государств через «окно» в виде российских дальневосточных регионов;

- в последние годы конкурентоспособность индустрии производства автозапчастей в пров. Цзилинь продолжает повышаться за счет их относительно невысокой цены и приемлемого качества. Для России это надежный вариант с точки зрения постоянства поставок и закрытия дефицита на рынке автозапчастей.

В заключение следует отметить следующие тенденции и особенности внешнеэкономической деятельности пров. Цзилинь и ее сотрудничества с Россией.

¹ Цзилинь дуй э маои гуймо чуансинь гао цянцзин цзэнши чисюй баочи. 2023 нянь 2 юэ 1 жи. [Торговля Цзилиня с Россией достигла рекордного уровня, сохраняется высокий темп роста] // *Ministry of commerce of the PRC*. 01.02.2023. URL: <http://tradeinservices.mofcom.gov.cn/article/news/gnxw/202303/147307.html> (дата обращения: 15.02.2024).

² СТОп машина: спрос на услуги автосервисов увеличился на четверть // *Известия.ru*. 14.11.2023. URL: <https://iz.ru/1595608/roman-soldatov/stop-mashina-spros-na-uslugi-avtoservisov-uvlichilsia-na-chetvert> (дата обращения: 26.01.2024).

³ В 2023 г. обслуживание автомобилей в России подорожало на 23 % // *Российская газета*. 27.10.2023. URL: <https://rg.ru/2023/10/06/v-2023-godu-obluzhivanie-avtomobilej-v-rossii-podorozhalo-na-23.html> (дата обращения: 27.01.2024).

Для провинции характерен нисходящий тренд во внешней торговле: разрыв между показателями товарооборота Цзилиня и средним показателем по всему Китаю ежегодно увеличивается, а место пров. Цзилинь в рейтинге провинций КНР по показателю внешней торговли снижается.

При этом экспорт провинции становится более высокотехнологичным. Так, в 2019 г. его ключевой статьёй была сельскохозяйственная продукция, а в 2023 г. лидирующие позиции заняла продукция автомобилестроения.

Импорт провинции из России представлен в основном необработанным сырьём, морепродуктами, древесиной, улем и т. д., в то время как экспорт включает электротехническое и механическое оборудование, в особенности — продукцию автомобилестроения.

Экономическое и торговое сотрудничество России и пров. Цзилинь может расширяться за счет улучшения логистической инфраструктуры (например, строительства высокоскоростной дороги Хуньчунь—Владивосток) и создания межрегионального пространства с упрощенным таможенным оформлением.

Библиографический список

Бейдина Т.Е., Литовченко А.П. «Расширенная Туманганская инициатива»: тенденции и перспективы // Вестник Забайкальского государственного университета. 2021. № 9. С. 45—24. DOI: 10.21209/2227-9245-2021-27-9-45-54.

References

Beydina, T.; Litovchenko A. (2021). “Rasshirennaya Tumanganskaya iniciativa”: tendencii i perspektivy [«The Greater Tumen Initiative»: trends and prospects], *Vestnik Zabajkal'skogo Gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of the TransBaikal State University]*: 9:45—24. DOI: 10.21209/2227-9245-2021-27-9-45-54. (In Russian).

Chen Xiuping, Sun Mingyi (2022). Xin fazhan geju xia Dongbei san sheng canyu Dongbeiya quyue jingji hezuo yanjiu [Research on the Three Provinces of Northeast China Participating in Northeast Asia Regional Economic Cooperation under the New Development Pattern], *Dongbeiya jingji yanjiu [Northeast Asia Economic Research]*:2: 67—29. (In Chinese).

Qiu Ju, Zhu Ruixue, Du Zhaoning (2023). RCEP beijing xia Jilin sheng duiwai maoyi fazhan duice yanjiu [Research on Jilin Province's Foreign Trade Development Countermeasures under the Background of RCEP], *Shangye jingji [Business Economy]*:10: 91—23. (In Chinese).

Zhang Lei, Pang Jing, Yang Cai (2021). Jilin sheng duiwai maoyi gao zhiliang fazhan lijing yanjiu [Research on the high-quality development path of Jilin Province's foreign trade], *Jingji shijiao [Economic Perspective]*: 2: 62—22. (In Chinese).

Zhang Lei, Shao Nuo (2021). Zhong Meng E jingji zoulang Beijing xia Jilin sheng nongchanpin chukou zhanlüe fenxi [Analysis on Jilin Province's agricultural products export strategy in the context of the China-Mongolia-Russia Economic Corridor], *Beifang jingji [Northern Economy]*: 11: 49—22. (In Chinese).

ИСТОРИЯ РОССИЙСКО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ

DOI: 10.48647/ICCA.2024.88.60.025

Г.И. Саркисова

«ЖУРНАЛЬНЫЕ СЕКРЕТНЫЕ ЗАПИСКИ» ПРИСТАВА В.К. ИГУМНОВА О СОБЫТИЯХ В ЖИЗНИ ЦИНСКОЙ ИМПЕРИИ КОНЦА XVIII в.

Аннотация. Статья посвящена источниковедческому анализу «Журнальных секретных записок», написанных в 1794—1795 гг. коллежским секретарем В.К. Игумновым, сопровождавшим 8-ю Российскую духовную миссию в Пекин в качестве пристава. «Журнальные записки» отразили процесс постепенного накопления и уточнения интересного фактического материала из разных областей жизни Цинской империи в конце XVIII в. Их особая ценность связана с последовательной записью событий сразу же по получении о них сведений, источниками которых были совершенно разные люди, встретившиеся В.К. Игумнову по пути следования российской духовной миссии в Пекин и в самой китайской столице. Среди информантов были как сопровождавшие российскую миссию китайские и монгольские приставы, так и католические миссионеры, жившие в Пекине. Известия, полученные от них, подтверждали и дополняли друг друга. Совпадение сведений из разных источников свидетельствовало о высокой степени их подлинности, что является главным критерием значимости этих данных.

Таким образом, Коллегия иностранных дел на основании материалов «Журнальных секретных записок», представленных россий-

ским приставом В.К. Игумновым, получила достоверную информацию о жизни Цинской империи конца XVIII в.: ее внутренних проблемах (эпидемия, подавление восстания народа мяо), внешних контактах (война с Непалом, прием английского и голландского посольств) и о кадровых изменениях в управлении пограничной зоной.

Ключевые слова: «Журнальные секретные записки», пристав Игумнов, Цинская империя, иезуиты, английское посольство, голландское посольство.

Автор: Саркисова Галина Ивановна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра изучения новейшей истории Китая и его отношений с Россией Института Китая и современной Азии РАН (адрес: 117997, Москва, Нахимовский пр-т, 32). E-mail: sarkisova1954@mail.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

G.I. Sarkisova

“Journal secret notes” of the bailiff V.K. Igumnov about events in the life of the Qing Empire at the end of the XVIIIth century

Abstract. The article is devoted to the source analysis of the “Journal Secret Notes” written in 1794—1795 by the collegiate secretary V.K. Igumnov, who accompanied the 8th Russian Orthodox Mission to Beijing as a bailiff. The “Journal notes” reflected the process of gradual accumulation and clarification of interesting factual material from various areas of life of the Qing Empire at the end of the XVIIIth century. Their special value is associated with the consistent recording of events immediately after receiving information about them from completely different people, whom V.K. Igumnov met along the route of the Russian Orthodox Mission to Beijing and in the Chinese capital itself. Among the informants were both Chinese and Mongolian bailiffs accompanying the Russian mission, as well as Catholic missionaries living in Beijing. The news received from them confirmed and complemented each other. The coincidence of information from different sources indicated a high degree of authenticity, which was the main criterion for the significance of the information.

Thus, the Collegium of Foreign Affairs, based on the materials of the “Journal Secret Notes” presented by the Russian bailiff V.K. Igumnov, received reliable information about the life of the Qing Empire at the end of the XVIIIth century: its internal problems (epidemic, suppression of the uprising of the Miao people), external contacts (war with Nepal, reception of the English and Dutch embassies) and personnel changes in the management of the border zone.

Keywords: secret journal notes, bailiff Igumnov, Qing Empire, Jesuits, English embassy, Dutch embassy.

Author: Galina I. SARKISOVA, Ph.D. (History), Leading Research Fellow, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences (address: 32, Nakhimovsky Ave., Moscow, 117997, Russian Federation). E-mail: sarkisova1954@mail.ru

Conflict of interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

Российская духовная миссия в Пекине¹ в XVIII в. была одним из главных источников сведений о Китае. Начальники миссий и ученики, направлявшиеся в Пекин Коллегией иностранных дел с миссиями для изучения китайского и маньчжурского языков, в соответствии с ее наставлением должны были отчитываться об увиденных и услышанных «в сем удаленном государстве происходящих обстоятельствах» (подробнее см.: [Саркисова Г.И., 2023, с. 71]), которые формировали действия цинского правительства.

8-я духовная миссия (1794—1807) под началом архимандрита Софрония (Грибовского) находилась в Пекине на рубеже веков: почти половина срока ее пребывания в столице Цинской империи пришлась на конец XVIII в., а вторая половина открыла XIX в.

«Журнальные секретные записки», написанные в 1794—1795 гг. коллежским секретарем В.К. Игумновым², в качестве пристава сопровождавшего 8-ю духовную миссию в Пекин, безусловно, были очень интересны. Они сообщали о событиях уходящего века в жизни Цинской империи. Важная особенность записок заключается в последовательной (иногда даже день за днем: 21, 22 декабря) фиксации событий сразу же по получении о них сведений, источниками которых были совершенно разные люди, встретившиеся В.К. Игумнову по пути следования российской миссии в Пекин и в самой китайской столице. Полученная таким образом одна и та же информация не только сопоставлялась и проверялась, но постепенно и дополнялась новыми фактами от новых информантов. В результате возрастала как степень достоверности сведений, так и их значимость для Коллегии иностранных дел. Данные, содержащиеся в записках, были ценны,

¹ Началом истории Российской духовной миссии в Китае (Пекинской духовной миссии) является апрель 1715 г. или, по другим сведениям, — конец 1715 — начало 1716 г. 5-я статья Кяхтинского договора (1727 г.) закрепила юридический статус миссии.

² Игумнов Василий Константинович (1729?—1803) — один из наиболее ярких представителей династии Игумновых, члены которой несли службу на русско-китайской границе на протяжении всего XVIII в.

поскольку являлись одним из немногочисленных источников об отдаленном от России соседнем государстве. К тому же они были собраны опытным человеком: для пристава В.К. Игумнова эта поездка в качестве сопровождавшего была уже третьей — до этого он ездил с 6-й (1771—1781) и 7-й (1781—1794) миссиями. Таким образом, интерес к «Журнальным секретным запискам» (из фонда «Сношения России с Китаем» в Архиве внешней политики Российской империи) вызван как их фактическим материалом, так и процессом его постепенного накопления и уточнения.

Путь российской миссии от Урги (Куреня) до столицы Цинской империи продолжался с сентября по декабрь 1794 г. В начале путешествия автору записок от монгольского и китайского проводников (приставов) удалось узнать о перенесённой в 1793 г. местным населением эпидемии: «Померло около 2000 человек, более китайцов, а мунгал мало. Были разставлены караулы, чтоб народ не смешивался» [АВПРИ. Ф. Сношение России с Китаем, оп. 62/3, 1794, д. 2, л. 2]. От другого монгольского пристава В. Игумнов получил уточнение о месте вспышки страшной болезни: «У семи озер, где китайцы с мунгалами великой торг производят. От Калгана-города¹ к востоку до тех семи озер разстояния ехать на вьючных верблюдах не более 4-х дней» [АВПРИ, л. 5].

Помимо сведений об эпидемии, российский пристав узнал от китайских и монгольских проводников о происшедшей в 1792 г. войне Цинской империи с народом, названным ими «гачи балбу». Факты из истории этой «баталии», приведенные рассказчиками, свидетельствовали о том, что речь шла о войне с Непалом. О его населении пристав Игумнов получил следующие разъяснения: «Живут в неприступных горах, так что за великими камнями и стремнинами внутрь их земли не только на лошадях доехать, но и пешком едва можно. И они-де с тех гор и утесов стреляют, камень спускают и бегают по камню как дикия козы» [АВПРИ, л. 4—4 об.]. В 1788 г. непальцы вторглись в Тибет и обложили его жителей ежегодной данью. А в 1792 г. из-за прекращения выплаты дани тибетцами они разгромили «великой монастырь, зовомой Даши Бунбу²», где пребывал Панчен-лама³ [АВПРИ,

¹ Калган — город в Северном Китае, через который туда прибывали русские посольства и купцы из Кяхты.

² Речь идет об одном из крупнейших монастырей Тибета — монастыре Ташилунпо, основанном в 1447 г. вблизи г. Шигацзе.

³ Панчен-лама — это титул второго (после Далай-ламы) иерарха ламаистской церкви в Тибете. См.: Советская историческая энциклопедия. М., 1967. Т. 10. С. 799.

л. 6]. Сведения об этой войне, полученные приставом В. Игумновым из разных источников, по его словам, «в подтверждение прежним сказателям», совпали и вместе с тем внесли некоторые дополнительные подробности в историю развития конфликта. Китайский император¹ послал на защиту тибетцев, как отмечено в записках, многочисленное войско: «Кроме-де солон, манжур одних было тысяч 10». Исход военных действий состоял в том, что «более храбрых солонов побито, то есть две трети, а манжур не столько».

В связи с данным обстоятельством заслуживают внимания приведенные Игумновым слова старшины Хуранды Церена о принципах организации китайского войска: «По тому обыкновенно бывает обычай всегда солонов² как довольно храбрых людей ставят наперед, а манжуры бывают позади. Естли солоны пробьют, то манжуры уже за ними следуют и всегда более на свою руку победу относят» [АВПРИ. Л. 5 об.—6 об.]. Борьба двух сторон закончилась подписанием договора в 1792 г., в соответствии с которым Непал стал вассалом Китая [Всемирная история, т. 4, с. 486].

Предметом обсуждения в беседе с китайским приставом стал вопрос и об английском посольстве, пребывавшем в Китае в 1793—1794 гг.³ Источники свидетельствуют о том, что В.К. Игумнов не только знал о готовившемся в Англии посольстве в Китай, но и по императорскому повелению на встрече с ургинскими амбаниями⁴ от имени иркутского губернатора Л.Т. Нагеля сообщил им об этом, а также ответил на их вопросы об Англии и английской торговле, в которой англичане, по его словам, «ищут большего прибытка и стараются, есть ли удастся, под видом торга покарять земли и народ так, как ... в рассуждении Индии» (подробнее см.: [Саркисова Г.И., 2017, с. 378—279]).

При отъезде В.К. Игумнова амбани выразили ему благодарность за сделанное «во осторожность их уведомление» [АВПРИ, оп. 62/3, 1789, д. 1, л. 261]. От своего же собеседника, китайского пристава, В.К. Игумнов получил первые довольно подробные сведения, касавшиеся количественного состава, целей посольства и его результатов. По словам китайского пристава, членов посольства было «всего око-

¹ Имеется в виду император Хун Ли (1711—1799).

² Солоны — этнографическая группа эвенков.

³ Имеется в виду посольство во главе с лордом Джорджем Макартни (Макартнэем) (1737—1806).

⁴ По всей видимости, в конце 1792 — начале 1793 г. Амбань (маньчж.) — вельможа, генерал, министр, чиновник.

ло 100 человек или более». Переводчиком при них был пекинский иезуит, имя которого не было ему известно. Английское посольство было принято китайским императором «ласково» в его летней резиденции в г. Жехэ на северо-востоке от Пекина. Императору были подарены «разныя европейския вещи: две походячия каретки, часы стенные и карманные, другия некоторыя редкости. Напротиву же того от государя в подарок тому послу соответствовано было разными ж шелковыми материями, чаем, фарфоровой посудой и другими мелочами» [АВПРИ, оп. 62/3, 1794, д. 2, л. 2 об.—3.].

Предложения, выдвинутые англичанами, состояли в следующем: «Чтоб в Пекине было дозволено им построить дом, производить коммерцию, оставить навсегда одного агента, учеников и при нем несколько служителей». Относительно результатов английского посольства китайский пристав уверил Игумнова в том, что «за подлинно слышал» об отказе императора англичанам во всех предложенных ими инициативах. Кроме того, он отметил, что на протяжении всего времени пребывания в Пекине и Жехэ (около месяца) за членами посольства был «весьма великой присмотр»: их «никуда по улицам ходить не выпускали». Вместе с тем рассказчик сообщил и о таком интересном факте, связанном с посольством Макартни, как о нахождении в его составе ребенка: «Один мальчик небольшой выйдет из своего постоялаго дому, несколько оглядя вокруг строения или на кровлю взлезть, и на бумаге рисует. Однако сказывают, естли правда, тот мальчик, в свое место возвратясь, умер» [АВПРИ, л. 3—3 об.]. Речь шла, по всей видимости, об 11-летнем Томасе Стаунтоне (1781—1859), сыне английского ботаника и врача Джорджа Стаунтона (1737—1801), входившего в состав миссии Дж. Макартни. Томас Стаунтон стал впоследствии востоковедом-синологом и переводчиком.

Таким образом, разговоры сопровождавшего российскую духовную миссию в Пекин В.К. Игумнова с монгольскими и китайскими приставами по дороге из Урги в столицу Цинской империи ввели его в круг наиболее важных событий в жизни государства за последние несколько лет и стали ценным источником сведений о граничащем с Россией Китае.

Во время пребывания в столице Цинской империи, куда 8-я Российская духовная миссия добралась 27 ноября 1794 г. [Адоратский, гл. XII], круг общения В.К. Игумнова расширился и стал более разнообразным: теперь он соприкасался не только с китайскими и монгольскими приставами, но и с иезуитами. Это обстоятельство позволило Игумнову как проверить уже полученные им сведения, так и внести в них существенные дополнения. 22 декабря, «по прежнему знакомст-

ву», российский пристав навестил португальского иезуита Бернарда¹, имевшего чин третьей степени² и носившего на шапке знак синего камня³, а также бывшего членом Математической коллегии.

К тому же, по утверждению Игумнова, иезуит получил повышение в чине за участие в качестве переводчика с латинского и китайского языков на аудиенциях цинского императора с английским послом в августе 1793 г. Российский пристав, принятый иезуитом «дружески с ласкою как старый друг», имел с ним беседу, во время которой Бернард по своей инициативе объявил, «что-де помянутого году был здесь в Пекине англинской посланник Марко Девт, которой-де бывал и в Петербурге, англинскому королю родственник. В числе при нем всего около ста человек, квартиру он имел сам с некоторыми людьми за городом Пекином, завоном по-китайски в Хайтине, а другая часть свиты его квартировала в Пекине» [АВПРИ, л. 8—8 об.]. Просьбы английского посла к китайскому императору, в изложении иезуита Бернарда, совпали с тем, что уже слышал Игумнов, но с небольшими дополнениями: «Близ полуострова Макао дозволить им для торговли поселиться на небольшом острову.., чрез Кантон по почте дозволено бы было иметь со оставшим их агентом свободную переписку». Относительно же содержания английской миссии и отношения к ней императора Игумнов не узнал от иезуита ничего нового [АВПРИ, л. 9—9 об.].

Затем российский пристав нанес ответный визит иезуитам «северного костела»⁴ Пойроту Алоезию⁵ и Николаю Ро, приезжавшим к нему в российский посольский дом 28 декабря. Одним из вопросов, затронутых иезуитом Пойротом в разговорах, был и вопрос об английском посольстве. По словам В.К. Игумнова, дополнением к

¹ По всей видимости, В.К. Игумнов имел в виду Хосе Бернардо де Алмейда (1728—1805), с 1796 по 1805 г. возглавлявшего императорскую Палату астрономии в Пекине (см.: [Дубровская Д.В., с. 190]; [Agustin Udias]).

² Очевидно, это чин гуна, имевший три степени и входивший в число пяти титулов, которые жаловались чиновникам любой национальности, отличившимся в гражданской или военной службе. URL: // <https://rus-brokgauz-efron.slovaronline.com/63328> (дата обращения: 11.05.2024).

³ В Цинской империи шарики на головном уборе являлись знаком отличия чиновников ([Сидихменов В.Я., с. 40]).

⁴ По словам Н. Адоратского, «в северной коллегии жили французы».

⁵ Видимо, его Н. Адоратский в своем труде (см. библиографический список) называет престарелым о. Пуеротом и дает о нем такие сведения: «Ученый и трудолюбивый муж, переводил Библию на китайский и маньчжурский язык. Он считался секретарем собрания всех монастырей и занимал в Трибунале должность переводчика с латинского на маньчжурский язык в чине губернского секретаря».

тому, что он уже слышал от португальского иезуита, было следующее заключение француза: «Может быть, государь на некоторую прозьбу их и склонился бы, только главной их посол по здешнему обычаю не сделал на оба колена приклонения, а только на одно приклонился и тем свое дело испортил. Государя без удовольствия оставил» [АВПРИ, л. 10 об.—11].

Еще по пути в Пекин от китайского пристава В.К. Игумнов узнал о слухах относительно возможного приезда в столицу в текущем году каких-то других европейских посланников [АВПРИ, л. 4]. На встрече с иезуитом Бернардом эти сведения были конкретизированы. По словам португальца, иезуиты получили известие о скором прибытии в Пекин голландского посланника, «а с каким предложением, еще подлинного неизвестно, однако по дружбе с капитаном он, Бернард, не утаит» [АВПРИ, л. 9 об.]. Еще более интересную и подробную информацию об этом событии сообщили В.К. Игумнову французы, «что-де чрез два дни будут сюда в Пекин голландския посланники». Российский пристав так описал их разговор в своих секретных записках: «На то я спросил: “В великом ли числе и для чего?” Отвечали: “Человек 12 для поздравления Новаго года Его богдыханову величеству”. Я говорил: “Весьма глубокую политику ведут: ис такой дальней стороны едут поздравлять”. Иезуиты рассмеялись: “Правда, правда! Политика и, не менее что значит уповательно, о коммерции. Однако заподлинно еще не слышно, по приезде откроется”» [АВПРИ, л. 10 об.].

Далее сведения о голландском посольстве В.К. Игумнов вновь получил от навестившего его 8 января 1795 г. китайского пристава, который сопровождал миссию до Пекина. Он сообщил о 12 прибывших в Пекин голландцах, у которых «главный» начальник, по словам пристава, «государя поздравлял, подносил подарки: двое настольные часы, одни чотки средней величины» и прочие некоторые мелочи [АВПРИ, л. 12].

Однако, помимо этих данных, безусловно достоверные факты о голландском посольстве предоставил мещанин Федор Щегорин. Он состоял писарем в сопровождавшей российской духовную миссию команде В.К. Игумнова, по «словесному» приказанию которого проник на территорию голландской миссии с помощью знакомого главного придворного евнуха. О выполнении этого поручения Ф. Щегорин доложил в секретной записке, сообщив следующее: «Был я введен под видом китайца помянутым голландцам сперва в дом по улице близ дворцовых западных ворот..., где увидел я трех из оных разговаривающих с иезуитом, в Пекине пребывающим, на неизвестном мне языке. Они одеты по-европейски и на всех камчатских боб-

ров шапки из того же и верхушки. При входе моем, хотя им и сказано было, что я россиянин, однако ж они, поглядев только на меня пристально, ни слова мне не сказали». Через четверть часа Ф. Щегорин перешел в другой дом на той же улице, где, по его словам, он увидел голландских «начальников», «коих было двое», и еще пятерых голландцев. Кроме того, там присутствовали китайские чиновники разных степеней в количестве около 50 человек, «как в покое с посланниками, так и перед оным в другом». «Оттоле был я еще провожен, — далее сообщил Щегорин, — в покой чрез двор для просмотра двух столовых часов, кои поднесены были в числе других вещей государю, а возвращены для починки» [АВПРИ, л. 14 об.]. Выйдя оттуда, он увидел подготовленные к отъезду (который произошел в тот же день) экипажи: «для тягостей 38 больших китайских кладяных телег» [АВПРИ, л. 15].

Секретные записки отразили и высказывания разных сторон относительно значения в тот период для Цинской империи торговли с голландцами и англичанами. Беседуя с В.К. Игумновым, китайский офицер Чан Лой сообщил о якобы распоряжении богдыхана «с нынешняго времени с приезжающих на кораблях в Кантон» англичан и голландцев не брать пошлин, как и с россиян [АВПРИ, л. 13].

В.К. Игумнов обратил внимание китайского офицера на то, что «англичане и голандцы более свой предмет имеют к золоту и серебру, чай берут небольшую препорцию, а шелковых и бумажных товаров совсем им ненадобно». Беспшлинная торговля, по его мнению, безусловно, была выгодна для англичан и голландцев. Однако они не могли привозить «для удовольствия Китайскаго государства» те товары, которые шли через Кяхту из России. Китайские же подданные от промена (особенно бумажных товаров) имели немного доходов, и вследствие этого англичане и голландцы вряд ли могли, по мнению В.К. Игумнова, усилить свои торги в Кантоне и «снабдить Китайское государство» всеми товарами. Китайский офицер согласился с доводами российского пристава и сделал следующее заключение: «Это правда, обоим государствам большая польза в кяхтинском торгу, нежели в кантонском. Золото и серебро для государства более нужно, а для народа большая прибыль в променах продуктов, где что родится» [АВПРИ, л. 13 об.].

В.К. Игумнову возможность проверить сообщение об отмене пошлин для голландцев и англичан представилась во время беседы с навестившим его португальцем Бернардом, который уведомил об отъезде голландских посланников из Пекина (4 февраля) и отметил особенности их дипломатического церемониала на приеме у китайского

императора. В отличие от англичан, по заключению португальского иезуита, голландцы «честь делали Его богдыханскому величеству..., припадая на колени, кланялись, подносили свои подарки и от богдыхана довольно жалованы разными вещами» [АВПРИ, л. 15 об.]. В связи с этим Игумнов поинтересовался о том, «не было ли в пользу их нации какой от них прозбы?». В ответе на этот вопрос Бернард исходил из имевшихся сведений о намерении голландцев «нечто просить» и отказе им в этом китайским главным министром. А на прямой вопрос русского пристава о том, платят ли пошлину торгующие в Кантоне европейцы, Бернард ответил, что все платят [АВПРИ, л. 15 об.—16].

Подробности, связанные с пребыванием голландцев в Пекине, российский пристав узнал из другого источника — от французского иезуита Николая Ро, который навестил их в посольском доме. Иезуит отметил тот факт, что голландцев никуда не выпускали, «хотя не так строго смотрели, как на бывших же здесь в прошлом году англичан», а их просьба о кантонском торге не была удовлетворена. Во время приема у императора по случаю Нового года, по словам французского иезуита, «голландской посланник даже ниже посажен был данника Танцинской империи корейскаго главнаго чиновника». Основываясь на своих наблюдениях, иезуит Николай заключил, что «весьма голландцам оное было прискорбно» [АВПРИ., л. 18—18 об.].

Ряд событий из жизни Цинской империи, вызывавших интерес у русского пристава, также нашел отражение в рапорте (от 12 ноября 1795 г.) и записке ученика 7-й Российской духовной миссии (1781—1795) А. Владыкина¹. К ним относятся упоминания о войне, которая велась, по его сведениям, в помощь Панчен-ламе «в земле Балбутской (близ Тибета на западо-южной стороне)»² [АВПРИ, оп. 62/3, 1792, д. 1, л. 245], о прибытии в Пекин английского посла лорда Дж. Макартни [АВПРИ, л. 249] и голландского посланника [АВПРИ, л. 249]. Осведомленность А. Владыкина в вопросах, связанных с этими историческими явлениями, объясняется как разнообразием его контактов за 14-летний период пребывания в столице Цинской империи, так и тем, что он был переводчиком с латинского и китайского языков в беседах В.К. Игумнова с иезуитами [АВПРИ, оп. 62/3. 1794, д. 2, л. 8, 10 об.]. Представленные А. Владыкиным и

¹ Владыкин Антон Григорьевич (1757—1812) — калмык по национальности, единственный из учеников 7-й Российской духовной миссии вернувшийся на родину. По возвращении в Россию получил чин коллежского асессора и был назначен переводчиком в Коллегию иностранных дел.

² Имеется в виду война 1792 г. Цинской империи с народом, названным в секретных записках Игумнова «гачи балбу».

В.К. Игумновым в Коллегию иностранных дел материалы подтверждали содержавшиеся в них сведения.

Таким образом, собранные приставом В.К. Игумновым, по словам Н. Адоратского, «разные рассказы» католических миссионеров¹ [Адоратский, гл. XII] на самом деле создавали впечатление об отношении, довольно высокомерном и отстраненном, цинских властей как к английскому и голландскому посланникам, так и к государствам, которые они представляли. А для российского правительства эта информация имела несомненную ценность при дальнейшей разработке стратегии политических и экономических связей с Цинской империей, поскольку российско-китайская торговля, сосредоточенная в тот период в Кяхте, была выгодна для казны и находилась под пристальным вниманием императрицы Екатерины II и ее окружения.

Полученные сведения подтвердили тот факт, что сложившаяся к 1759 г. кантонская система торговли Китая с европейцами оставалась неизменной до конца XVIII в. Несмотря на предложение английского посланника Дж. Макартни китайской стороне об увеличении мест торговли, она по-прежнему была сосредоточена в одном порту — Гуанчжоу (Кантоне) на крайнем юге Китая [Всемирная история, с. 464, 482]. А европейские посольства, независимо от того, совершали ли их послы по китайскому дипломатическому этикету обряд *коуту*² перед китайским императором или нет, воспринимались как посольства даннических государств.

Журнальные записки отразили и один из значимых эпизодов в истории Российской империи второй половины XVIII в. — бегство части волжских калмыков (в первую очередь торгоутов) в начале 1771 г. из России в завоеванную Цинской империей Джунгарию. Это событие В.К. Игумнов не смог оставить без внимания во время беседы с случайно встреченными им в лавке у китайского купца тремя торгоутами, приехавшими в Пекин для получения жалованья. Русский пристав поинтересовался тем, не захватили ли они с собой при бегстве русских людей. Один из торгоутов, которому на момент бегства было всего 17 лет, ответил следующее: «Был капитан Дудин и толмач

¹ Следует отметить, что эти «рассказы» были вознаграждены. Как написал В.К. Игумнов, «по согласию с Его высокопреподобием отцом архимандритом Софронием в разсуждении порученных ему и мне секретных обстоятельств полуденнаго костела иезуиту Бернаруду..., по обычаю здешнему, будто для поздравления Новаго года, от имени архимандрита и подарочной данной мне суммы подарено два соболя второй доброты по кампании Омской губерне, оба 10ъ руб., в шнуrowой книге записаны под № 25» [АВПРИ, л. 12 об.].

² Обряд тройного коленопреклонения и девятикратного челобитья.

Савка, коих они, отойдя от Волги-реки дней 10 без всякаго истязания не только отпустили, но еще и припасу им на дорогу дали» [АВПРИ, оп. 62/3. 1794, д. 2, л. 16]. На замечание Игумнова о невозвращении этих людей в Россию торгоут предположил: «Может быть, в обратном пути от киргис или других народов побиты, или сами померли». Относительно своей жизни в Цинской империи торгоут сообщил, «что кочуют они ныне в Зенгорской земле около реки Или, против прежняго очень поправились и от богдыхана получают жалованье» [АВПРИ, л. 16 об.].

Другой торгоут, приехавший в Пекин также за жалованьем и встретившийся В.К. Игумнову у знакомого китайского купца, местами расселения своих соотечественников назвал вершины р. Иртыш и р. Или, отметив, что они «при хане своем, помянутом Обушиеве¹ сыне, довольно скотом разбогатели» [АВПРИ, л. 17]. А на вопрос русского пристава о капитане Дудине и его сыне торгоут ответил, что сын Дудина, Иван Петрович, служит при сыне хана Убаши, «а отец его капитан Дудин, когда везен ими был, бежал с дороги, и куда делся, неизвестно» [АВПРИ, л. 16 об.—17]. Свой интерес к судьбе капитана Дудина В.К. Игумнов объяснил знакомством с ним и отсутствием о нем в России каких-либо сведений. Китайская сторона официально отказала России в возвращении захваченных торгоутами россиян [АВПРИ, оп. 62/2. 1763—1773, д. 12, л. 207 об.], поэтому любая информация о них была ценной. Тем более что предпринятая в 1778 г. попытка поиска капитана Дудина оказалась безуспешной².

Дополнительные к ранее полученным сведения о внутренних проблемах Цинской империи В.К. Игумнов узнал от знакомого главного ламы Шанзабы и все того же китайского пристава, сопровождавшего российскую миссию. Одна из проблем была связана с возобновившейся войной с народом мяо (мио-одзы, миозы)³. Еще ученики 6-й Российской духовной миссии в Пекине (1771—1781) описали в своем «Журнале секретных действий, намерений, случаев и перемен, быв-

¹ Имеется в виду хан Убаши (1744—1774) — наместник Калмыцкого ханства.

² Канцлер Н. Панин в письме к хану Среднего жуза Абляу сообщал: «по последним известиям слышно быть стало, что сей несчастной человек еще в живых и находится в киргизкайсацком народе. Естли он, Дудин, употребемым с стороны Вашей старанием отыскан будет и освободится от жестокой своей участи, сие воспримется при высочайшей е.и.в. дворе к особливому удовольствию, и труд Ваш в том не только похвален будет, но зато и особливое Вам награждение учинено быть может с воздаянием и убытков, буде какия при том случились бы» // Казахско-русские отношения в XVIII—XIX веках (1771—1867). Сборник документов и материалов. Алма-Ата: Наука, 1964. Док. № 46.

³ Имеется в виду восстание 1795—1797 гг. за независимость мяо.

ших в Тайцинском государстве...» трудности, которые испытывала цинская армия в борьбе с этим народом (подробнее см.: [Саркисова Г.И., 2023, с. 73]) по причине его проживания в неприступных горных местах Юго-Западного Китая. Относительно их последних столкновений в провинциях Хунань и Гуйчжоу В.К. Игумнов узнал, что конфликты завершились победой китайской армии: «Города, прежде взятые миозами, обратно взяты, и они успокоены» [АВПРИ, оп. 62/3. 1794, д. 2, л. 19]. Подтверждение этих слов Игумнов получил и от китайского пристава, упомянувшего к тому же и о войне с Непалом («байбунской войне»), во время которой он был в Тангуте¹ с китайским фельдмаршалом. Его сведения об этой войне совпали с ранее услышанными В.К. Игумновым по дороге в Пекин [АВПРИ, л. 19 об.—20].

Представление о востребованности определенных российских товаров на кяхтинском торге русский пристав за короткое пребывание в Калгане получил от трех знакомых купцов. «Из разговоров жалуются, — сообщил он, — что в торгу им прибыли мало, рухлядь² одешевела, а бумажные товары против прежнего у них весьма возвысились». Спросом у китайцев пользовались юфть³ и мерлушка⁴, «а горностаей совсем из употребления у них вышел» и, после открытия кяхтинского торгога⁵, у многих российских купцов остался на руках [АВПРИ, л. 20—20 об.].

По дороге домой⁶, едучи из Калгана, от одного из монгольских провожатых В.К. Игумнов услышал уже ранее сообщенную ему ламой Шанзабом информацию о том, что к китайскому императору в летнюю резиденцию г. Жехэ едет и прежде навещавший его сын киргизского хана с подарками [АВПРИ, л. 19, 21]. Таким образом, полученные из разных источников сведения вновь совпали, что дало основание Игумнову записать в своем журнале: «То же, что и вышеупомянутой Шанзаба сказывал, на правду походит» [АВПРИ, л. 21].

¹ Созданное народом тибето-бирманской группы в X в. Тангутское государство Си Ся на севере Китая в 1227 г. было разгромлено монгольскими завоевателями. Часть тангутов вошла в состав тибетцев Цинхая, другая — была ассимилирована монголами и китайцами.

² Мягкая рухлядь — пушнина, меха.

³ Юфть — сорт кожи, полученный в результате особой обработки шкур крупного рогатого скота, лошадей и свиней.

⁴ Мерлушка — мех из шкурки ягненка возраста до двух недель грубошерстной породы овец.

⁵ Приостановленная цинскими властями в 1785 г. кяхтинская торговля возобновилась через семь лет в 1792 г.

⁶ 21 мая 1795 г. В.К. Игумнов с членами старой миссии выехал из Пекина.

Далее по пути домой («едучи по Гобейской степи..., также и в Курене») «от разных приставов и провожатых мунгальских, а особливо прежних... знакомцев», выполняя предписание секретного наставления, пристав В.К. Игумнов разведал о настроении и состоянии монгольского населения. По его наблюдениям, «старья мунгалы»¹ были довольны своим состоянием, поскольку не платили податей, а только содержали по дорогам станции. Считавшиеся «новыми» монголами, «халхийцы»², входившие также и в пограничные караулы, были скотоводами и, по примечанию Игумнова, проезжавшего их места, «особливо между Кяхтой и Куренем», жили «богачее наших братских скотом». При этом в отдельных местах Гобейской степи было довольно «великих в скотах богачей, также и весьма скудных» [АВПРИ, л. 21 об.—22 об.].

Важная информация о состоянии дел в ургинской пограничной администрации заключалась в полученных В.К. Игумновым сведениях о скором замещении джасака³ его сыном, мать которого просила ургинских амбаней, «чтоб еще по молодости его лет, пока навыкнет, во отцовскую при Кяхте должность не определять». Но амбани выразили несогласие с ее мнением, заявив, что поскольку его отец с давних лет беспорочно служит на границе и «имеет из русских некоторых чиновников приятелей, и потому никаких важных дел по границе не происходило, то-де и сын его может также поступать и неотменно-де вскоре на то место будет определен» [АВПРИ, л. 23 об.—24].

Помимо предстоявшего назначения молодого джасака, произошла по границе «перемена нижних чиновников и рядовых», о чем В.К. Игумнов сначала услышал, а потом и увидел на дорожных станциях по пути из Урги в Кяхту. Изменения коснулись состава служащих как дорожных станций, так и некоторых караулов. Это было сделано, по сведениям российского пристава, «четырьмя халхайскими владельцами», «чтобы один пред другим в службе людей не нес излишняго» [АВПРИ, л. 24—24 об.].

Всем этим известиям В.К. Игумнов получил подтверждение в беседах с препровождавшим российскую свиту из Урги приставом туса-

¹ Старые мунгалы — завоеванные к 1636 г. маньчжурами жители Южной Монголии.

² Халха-монголы (халхийцы) — население Северной Монголии, историческое название которой Халха. В 1691 г. она была подчинена Цинской империей.

³ Джасак (дзасак, засак) (*монг.*) — : правитель феодального удела (хошуна) в Монголии. Джасак вместе с дзаргучеем (начальником пограничных служб и караулов) принимал участие в решении пограничных дел в соответствии с Международным актом о порядке русско-китайской торговли через Кяхту и пограничном режиме (8 февраля 1792 г.). — Русско-китайские договорно-правовые акты. 1689—1916. М., 2004. С. 57.

лакчи¹ Иренчином, о котором он сообщил следующее: «По делам секретным нашей стороне довольно известен и мне издавна приятель» [АВПРИ, л. 24 об.].

Таким образом, за довольно недолгое время пути пристава Игумнова с 8-й Российской духовной миссией в Пекин, пребыванием там и возвращением в Россию ему удалось не только собрать значимые сведения из разных областей жизни Цинской империи в конце XVIII в., но и в значительной степени проверить их, сопоставляя информацию из разных источников. «Журнальные записки» отразили процесс постепенного накопления и уточнения интересного фактического материала, на основании которого Коллегия иностранных дел получила достоверные данные о внутренних проблемах Китайского государства (эпидемия, подавление восстания народа мяо), о его внешних контактах (война с Непалом, прием английского и голландского посольств) и о кадровых изменениях в управлении пограничной зоной.

Библиографический список

Адоратский Н. История Пекинской духовной миссии во второй период ее деятельности (1745—1808). Вып. 2. Казань, 1887.

Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. «Сношения России с Китаем». Оп. 62/3. 1789, д. 1, л. 261; 1792, д. 1, л. 245, 249; 1794, д. 2, л. 1—25; оп. 62/2. 1763—1773, д. 12, л. 207 об.

Всемирная история. Т. 4. Мир в XVIII веке. М.: Наука, 2013. 801 с.

Дубровская Д.В. Миссия иезуитов в Китае. М.: Крафт+ : ИВ РАН, 2001. 251 с.

Казахско-русские отношения в XVIII—XIX веках (1771—1867). Сборник документов и материалов. Алма-Ата: Наука, 1964. 575 с.

Русско-китайские договорно-правовые акты (1689—1916). М.: Памятники исторической мысли, 2004. 694 с.

Саркисова Г.И. Из истории отечественного китаеведения: журнальные записки учеников 6-й Российской духовной миссии в Пекине (1771—1781) как источник сведений о Китае // Исторические события в жизни Китая и современность. Материалы научной конференции Центра новейшей истории Китая и его отношений с Россией ИКСА РАН. М., 2023. С. 69—24. DOI: 10.48647/ИССА.2023.32.13.007.

Саркисова Г.И. Роль пристава российских духовных миссий В.К. Игумнова в истории русско-китайских отношений второй половины XVIII в. (по архив-

¹ Тусалакчи (тусулакчи) (*монг.*) — помощник джасака по делам гражданского управления.

ным материалам) // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. М.: ИДВ РАН, 2017. Вып. XXII. С. 369—284.

Сидихменов В.Я. Маньчжурские правители Китая. Минск, Миринда, 2004. 445 с.

Советская историческая энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1967. Т. 10. 1038 с.

References

Adoratskiy, N. (1887). Istoriya Pekinskoj dukhovnoy missii vo vtoroy period yeye deyatel'nosti (1745—1808) [The history of the Beijing Spiritual Mission in the second period of its activity]. Vol. 2, *Kazan*, (In Russian).

Agustin Udias (1994). Jesuit Astronomers in Beijing, 1601—2805, *The Quarterly Journal of the Royal Astronomical Society*, 35: 463—278.

Arhiv vneshney politiki Rossiyscoy imperii (AVPRI) [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire (AFPRI)]. *Fond “Snosheniya Rossii s Kitaem” [Fund “Russian Relations with China”]*, Op. (Inventory) 62/3. 1789, D. (File) 1, L. (p.) 261; 1792, D. (File) 1, L. (p.) 245, 249; 1794, D. (File) 2, L. (p.) 1—25; Op. (Inventory) 62/2. 1763—1773, D. (File) 12, L. (p.) 207 об.

Dubrovskaya, D.V. (2001). Missiya iyezuitov v Kitaye [Jesuit mission in China], *Moscow: KRAFT⁺, IV RAS*, 251 p. (In Russian).

Kazakhsko-russkiye otnosheniya v XVIII—XIX vekakh (1771—1867). Sbornik dokumentov i materialov [Kazakh-Russian relations in the XVIIIth—XIXth centuries (1771—1867). Collection of documents and materials], *Alma-Ata: Nauka*, 1964, 575 p.

Russko-kitayskiye dogovorno-pravovye akty. 1689—1916. M.: Pamyatniki istoricheskoy mysli, 2004, [Russian-Chinese contractual and legal acts. 1689—1916], *Moscow: Monuments of Historical Thought*, 2004, 694 p. (In Russian).

Sarkisova, G.I. (2017). Rol' pristava rossiyskikh dukhovnykh missiy V.K. Igumnova v istorii rossiysko-kitayskikh otnosheniy vtoroy poloviny XVIII v. (po arkhivnym materialam) [The role of the bailiff of Russian Orthodox Missions V.K. Igumnov in the history of Russian-Chinese relations in the second half of the XVIIIth century. (based on archival materials)], *Kitay v mirovoy i regional'noy politike. Istoriya i sovremennost'*. [China in world and regional politics. History and modernity], *Moscow: IDV RAN (IFES RAS)*, Iss. XXII: 369—284 (In Russian).

Sarkisova, G.I. (2023). Iz istorii otechestvennogo kitayevedeniya: zhurnalnye zapiski uchenikov 6-y Rossiyskoj Dukhovnoy missii v Pekine (1771—1781) kak istochnik svedeniy o Kitaye [From the history of Russian Sinology: journal notes of students of the 6th Russian Orthodox Mission in Beijing (1771—1781) as a source of information on China], *Istoricheskiye sobytiya v zhizni Kitaya i sovremennost'*. *Materialy nauchnoy konferentsii Tsentra sovremennoy istorii Kitaya i yego svyazey s Rossiye*. [Historical events in the life of China and modernity. Proceedings of the scientific conference of the Center for

Contemporary History of China and its Relations with Russia], Moscow: IKSA RAN (ICCA RAS): 69—24 (In Russian). DOI: 10.48647/ICCA.2023.32.13.007 (In Russian).

Sidikhmenov, V.YA. (2004). Man'chzhurskiye praviteli Kitaya [Manchu rulers of China], Minsk: *Mirinda*, 445 p. (In Russian).

Sovetskaya istoricheskaya entsiklopediya [Soviet historical encyclopedia], Moscow: *Soviet encyclopedia*, 1967: Vol. 10, 1038 p. (In Russian).

Vsemirnaya istoriya. T. 4. Mir v XVIII veke [The World History. V. 4. World in the XVIIIth century], Moscow: *Nauka*, 2013. 801 p. (In Russian).

Научное издание

**Китай в мировой и региональной политике
История и современность**

Выпуск XXIX

Ежегодное периодическое издание

ISSN 2618-6888 (print)

ISSN 2949-0774 (online)

Редактор *Н.И. Иванова*

Выпускающий редактор *Е.В. Белилина*

Компьютерная верстка *С.Ю. Тарасова*

Обложка *Т.В. Иванишиной*

Подписано в печать 05.09.2024. Формат 60×90/16.

Печать офсетная. Гарнитура «Таймс». Усл. печ. л. 24,4. Уч.-изд. л. 24,7.

Бумага офсетная. Тираж 500 экз. (1-й завод — 200 экз.)

Электронная библиотека ИКСа РАН

www.iccaras.ru

Почтовый адрес ИКСа РАН

Москва, 117997, Нахимовский пр-т, 32